

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Станислав Аристов

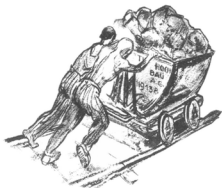
ПОВЕДУНУВАНА ЖИЗНА

НАЦИСТСКИХ КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЕЙ

SU

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

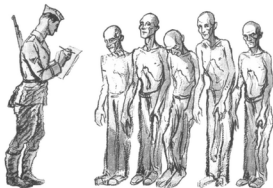

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Станислав Аристов

МОСКВА

ЖИЗНЬ

НАЦИСТСКИХ
КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ
ЛАГЕРЕЙ

УДК 94(4)“1939/1945”

ББК 63.3(0)532,7

А 81

Серийное оформление

Сергея ЛЮБАЕВА

*Автор выражает признательность
профессору Елене Михайловне Малышевой
(Адыгейский государственный университет),
профессору Дитеру Полю (университет Клагенфурт),
доктору Мартину Дину (Национальный музей
памяти жертв Холокоста в Вашингтоне)
за помощь при работе над книгой.*

*Фотографии, использованные в книге,
публикуются с разрешения
Национального музея памяти жертв
Холокоста в Вашингтоне
и Мемориального музея Бухенвальда.*

знак информационной
продукции **16+**

ISBN 978-5-235-03936-0

© Аристов С. В., 2017

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2017

Писать о нацистских концентрационных лагерях очень тяжело. Ужас и цинизм преступлений потрясает. Невомоверные человеческие страдания ложатся грузом на всех, кто обращается к этой теме. Может быть, поэтому люди стараются избегать малейшего приближения к ней. Им становится страшно. Чтобы сбежать от страха, многие хотят забыть то, что было, спрятать прошлое в глубинах своей памяти. В этом по большому счету нет вины людей. Такова их природная особенность.

Но, увы, не только страх стоит на пути у человека, который всё же решается узнать больше об одной из самых масштабных катастроф в истории человечества. Очень часто ему мешает равнодушие. Многие не хотят обращаться к страданиям других людей, которые кажутся им чужими. Повседневные проблемы обывателя представляются ему самыми сложными и абсолютно неразрешимыми, он уделяет внимание в первую очередь им, не оставляя ни времени, ни душевных сил на страдания других, особенно тех, кого уже нет.

Наконец, вполне возможно, что люди стараются не обращаться к теме нацистских концентрационных лагерей еще и потому, что преступления, совершённые в них, столь велики, что просто не уместаются в человеческом сознании. Как это вообще возможно — уничтожить несколько миллионов человек? За что? И не понимая, а вернее, не представляя себе то, что на самом деле произошло, люди сомневаются, а потом и вовсе могут начать отрицать

всё то, что имело место в концентрационных лагерях Третьего рейха. Результатом становится уже не забвение или равнодушие, а ревизионизм. Используемый в политических, идеологических и прочих сиюминутных целях, он является опаснейшим оружием, разлагая историческую память и готовя почву для повторения случившегося.

Но должны ли люди сдаваться собственным слабостям и страхам? Или они должны всё же сделать усилие и помнить не только свои, но и чужие страдания, знать о преступлениях и подвигах, а не верить слухам и домыслам, наконец, не бояться взглянуть правде в глаза и признаться себе, что человек способен как на величайшие преступления, так и на величайшее самопожертвование?

Кто же может подтолкнуть к решению этих вопросов? Конечно же, в первую очередь это свидетели событий — бывшие узники, пережившие концентрационные лагеря и сохранившие для нас память о них. Их мемуары и интервью являются вечным напоминанием человечеству о колоссальной трагедии, которая с ним произошла.

К сожалению, их свидетельства не дадут нам представления обо всей нацистской концлагерной системе, механизме ее функционирования и этапах существования. Для понимания логики возникновения и функционирования зла нужен анализ показаний самих нацистских преступников, тогда как их некритическое восприятие лишь поддержит существование нацистских идей. Именно поэтому к столь болезненному вопросу должны обратиться историки. Именно они — ученые, обладающие специальным инструментарием, могут воссоздать как можно более полную картину произошедшего.

Однако что касается отношения ученых к этому вопросу, то нас тоже ждет некоторое разочарование. В первую очередь это касается отечественной исторической науки. Советские и российские исследователи оставались в стороне от скрупулезного рассмотрения проблемы нацистских концентрационных лагерей. Лишь некоторые вопросы получали освещение¹. И если отсутствие работ в советскую эпоху можно объяснить боязнью аналогий с ГУЛАГом, то в наше время подобная ситуация вызывает удивление и огорчение.

Подобные эмоции неувидительны, если учесть, что речь идет о стране, которая внесла решающий вклад в победу над нацизмом; о стране, чьи войска освободили Аушвиц и Майданек — самые ужасные концентрационные лагеря Третьего рейха; о стране, где хранится огромное количество документов по проблеме нацистских концентрационных лагерей и многие из них уже стали доступны для ученых, в ходе «архивной революции» начала 1990-х годов.

В отличие от исследователей в России, да и на всём постсоветском пространстве, западноевропейские ученые, в первую очередь немецкие, проделали в этом смысле колоссальную работу, хотя и перед ними стоит еще множество вопросов². Казалось бы, эти достижения европейской исторической науки должны стать известны российскому читателю, быть переведены на русский язык, однако и этого пока не происходит.

В предлагаемой вниманию читателей книге автор впервые в отечественной и зарубежной историографии обращается к рассмотрению повседневности нацистских концентрационных лагерей во всём их многообразии — и на территории Третьего рейха, и на оккупированной территории Советского Союза. Для понимания феномена концентрационного лагеря наряду с миром узников представлен мир лагерной администрации и охраны, а также те учреждения и персоны, которые руководили всей системой.

При этом, говоря о «повседневной жизни» в концентрационном лагере, надо иметь в виду, что это словосочетание приобретало новое содержание, отличное от общепринятого, превратившись для эсэсовцев в вакансалию абсолютной власти, а для узников — в элементарное выживание на грани смерти.

Именно концентрационные лагеря, функционируя на протяжении всего периода существования Третьего рейха и выполняя две основные функции — массовой эксплуатации и уничтожения, — являлись одним из основных инструментов нацистской политики террора. В предлагаемой вниманию читателей книге речь идет о двадцати четырех лагерях, считающихся в историографии концентрационными, подчинявшихся Инспекции концентрационных лагерей, а позднее Главному административно-хо-

зайственному управлению СС*: Дахау, Арбайтсдорф, Флоссенбург, Маутхаузен, Бухенвальд, Вевельсбург (Нидерхаген), Нойенгамме, Дора-Миттельбау, Заксенхаузен, Равенсбрюк, Штуттгоф, Аушвиц-Биркенау, Люблин-Майданек, Вюгт (Герцогенбуш), Гросс-Розен, Хинцерт, Вайвара, Рига-Кайзервальд, Плашов, Вестерборк, Каунас, Берген-Бельзен, Гузен, Нацвейлер-Штуттгоф. Автор дополняет этот список лагерями на оккупированной территории Советского Союза: Сырецкий в Киеве, Яновский во Львове, в совхозе «Красный» в Симферополе, Малый Тростенец вблизи Минска, Саласпилс поблизости от Риги. Формально они не были подчинены вышеназванным нацистским структурам, но выполняли те же функции; так же как в концлагерях рейха, в них вместе содержались узники, преследовавшиеся по разным мотивам (гражданское население, военнопленные, евреи, цыгане и др.)¹¹. Лагеря, в которых были узники лишь одной группы, или подчинявшиеся другим ведомствам Третьего рейха — трудовые, лагеря военнопленных, полицейские и т. д., — в данной книге затрагиваться не будут. Не будут рассмотрены и «центры уничтожения» — Треблинка, Бельжец, Собибор и Хелмно, в которых проходило массовое истребление, в первую очередь евреев. Эти центры не относятся к концентрационным лагерям, и применительно к ним нельзя вести разговор о какой-либо повседневной жизни, так как люди в них уничтожались сразу же после прибытия.

Структура книги позволяет описать повседневность концентрационных лагерей, учитывая логику развития всей концлагерной системы, институты и их руководителей, принимавших судьбоносные решения, от которых зависели жизнь и смерть каждого заключенного, возможности и ограничения каждого коменданта и ря-

---

* СС (нем. SS — Schutzstaffeln — охранные отряды) — самостоятельная военизированная организация в рамках Национал-социалистической немецкой рабочей партии — НСДАП (нем. Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei — NSDAP).

¹¹ Нельзя исключить, что среди огромного количества лагерей, образованных фашистами на оккупированной территории СССР, были и другие концентрационные лагеря; однако имеющиеся на данный момент источники не позволяют проанализировать механизм их функционирования.

дового эсэсовца, а также понять, как выживали заключенные.

В первой главе дается общий обзор развития концлагерной системы Третьего рейха. Очевидно, что особенностью нацистской лагерной системы всегда (кроме, пожалуй, периода ее реформирования и унификации в 1934—1936 годах) были постоянные расширение и радикализация террора. Но именно война стала тем рубежом, который кардинально изменил концлагерную систему, сделав ее еще более радикальной и экспансионистской. Увеличивалось количество заключенных, их контингент становился более разнообразным, росло число самих лагерей и их филиалов, совершенствовались методы террора и уничтожения. До последних месяцев своего существования лагерная система Третьего рейха, как раковая опухоль, стремилась к постоянному расширению своих метастазов.

Во второй главе представлены те организации и руководители, которые задавали общее направление, стратегию развития лагерной системы. Читатели познакомятся с чиновниками и созданными ими бюрократическими машинами, «колесики» и «винтики» которых с энтузиазмом и весьма кропотливо выполняли чудовищные приказы начальства.

В третьей главе мы остановимся на лагерном мире СС — комендантов, рядового состава, а также их пособников-коллаборационистов. Постараемся понять, чем руководствовались эти люди, осуществляя масштабные программы убийств и эксплуатации, что это были за личности и как в конце концов была устроена их повседневная жизнь рядом с местами гибели сотен тысяч людей.

В четвертой—седьмой главах мы попытаемся приблизиться к миру заключенных на всех основных этапах их существования в лагере — от попадания в него до освобождения или гибели. Здесь в большей степени, чем в предыдущих главах, использованы свидетельства бывших узников. Только они сами могли описать всё то, что с ними происходило. Нам никогда не удастся узнать мысли погибших, которые, как писал один из бывших заключенных, были, возможно, единственными настоящими свидетелями всего того ужаса, который воплощали собой нацистские концентрационные лагеря. Но

те, чьи свидетельства читатель встретит на страницах нашей книги, старались говорить и от имени погибших: «Лагерю пришел конец, но нет конца их мукам, и смерти тоже нет конца. Глядя на исхудалые тела мертвецов с торчащими ребрами и впалой грудью, на груды трупов во дворе крематория высотой в добрых четыре метра, я думал: вот они, мои братья. И еще я думал: надо было узнать их муки, как узнали их мы, оставшиеся в живых, чтобы теперь по-братски поклониться им... Может быть, когда-нибудь потом, через месяц или через пятнадцать лет, я смогу объяснить всё это любому и каждому. Но тогда, стоя под апрельским солнцем среди шелестящих на ветру буковых деревьев, я думал: этим страшным мертвецам — моим братьям — не нужны объяснения. Им нужен лишь один взгляд и чистый, братский поклон. И еще им нужно, чтобы мы жили, чтобы мы жили изо всех наших сил»³.

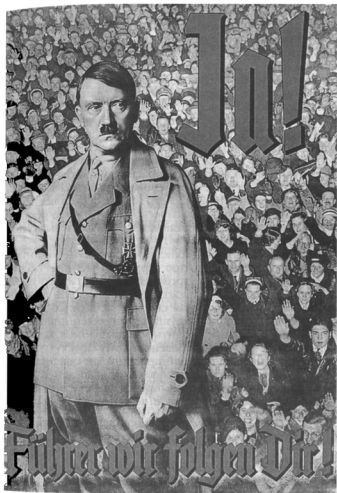
СИСТЕМА НАЦИСТСКИХ КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЕЙ: ОТ ЗАРОЖДЕНИЯ ДО КРАХА

Концентрационные лагеря до Второй мировой войны (1933—1938)

Тридцатого января 1933 года произошло событие, ставшее одним из ключевых моментов не только немецкой, но и мировой истории. Адольф Гитлер, глава Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП), принес присягу рейхсканцлера, возглавив правительство «национальной концентрации». Уже к вечеру этого дня улицы Берлина были охвачены факельными шествиями батальонов штурмовиков, отрядов СС и «Стального шлема», праздновавших назначение своего лидера. Вслед за столицей волна массового энтузиазма с пением национального гимна, партийного гимна «Хорст Вессель» и криками «Хайль Гитлер!» захлестнула другие города Германии. Описывая в дневнике события тех дней, Йозеф Геббельс, вскоре назначенный имперским министром пропаганды, не скрывал эйфории: «Свершилось. Мы сидим на Вильгельмштрассе. Гитлер — рейхсканцлер. Как в сказке!.. У всех на глазах слезы. Мыжимаем Гитлеру руку. Он это заслужил»⁴.

Однако получить власть отнюдь не означало ее удерживать. В созданном правительстве нацисты заняли лишь три поста; оставшиеся принадлежали консерваторам, которые предполагали упрочить свое влияние в политическом пространстве Германии, используя Гитлера и его сторонников в борьбе с общим врагом — Коммунистической и Социал-демократической партиями.

Но устранение левых было не таким уж легким делом, тем более что после назначения на пост рейхсканц-

Да! Фюрер, мы следуем за тобой!» *Нацистский плакат. 1934 г.*

лера Гитлер старался демонстрировать, что остается в рамках правового поля и не собирается нарушать закон. Первыми преступить его должны были оппоненты. А поскольку они этого не делали, следовало убедить политическую элиту и общество, что в борьбе за власть они готовы на самые радикальные шаги.

В ночь на 28 февраля 1933 года в здании Рейхстага начался пожар. На месте происшествия был задержан бывший коммунист Маринус ван дер Люббе. Глава политической полиции Пруссии Рудольф Дильс, прибывший к месту пожара одним из первых, вспоминал: «Гитлер схватился за каменный парапет балкона обеими руками и молча смотрел на красное море огня. Перед ним катились первые волны пламени. Когда я вошел, ко мне подскочил Геринг. В его голосе звучал весь зловещий накал того драматического часа: "Это начало коммунистического восстания! Теперь они выступают! Нельзя терять ни минуты!"»⁵.

Нацисты воспользовались моментом и обвинили Коммунистическую партию Германии (КПГ) в подготовке революции. Уже утром 28 февраля Гитлер представил правительству декрет, ограничивавший личные свободы граждан, включая свободу печати, собраний, союзов, позволявший нарушать конфиденциальность личной переписки, проводить обыски в домах, конфисковывать имущество. «Превентивному аресту» теперь мог быть подвергнут любой признанный опасным для общества и государства. Заключение граждан в места лишения свободы не основывалось на решении суда и не ограничивалось определенным сроком. Правительство поддержало предложения канцлера. В тот же день президент Гинденбург подписал этот декрет, ставший законом «О защите народа и государства». В Германии вводилось чрезвычайное положение, просуществовавшее до конца правления национал-социалистов. Гитлер и его окружение получили новые рычаги для борьбы за абсолютную власть в Германии, которые не преминули привести в действие.

Новый закон сразу же был применен к коммунистам. По всей стране «защитному аресту» были подвергнуты более десяти тысяч активистов КПГ, в том числе и глава партии Эрнст Тельман. Наряду с коммунистами преследования обрушились на социал-демократов,

пацифистов, представителей профсоюзов. Жертвами первой волны арестов стали лауреат Нобелевской премии мира Карл фон Осецкий, руководитель прусских социалистов Эрнст Хайман, писатель Эрих Мюзам.

Стремительный рост числа арестованных привел к необходимости создания новых мест заключения. По инициативе Германа Геринга, на тот момент министра внутренних дел Пруссии, в стране появились первые лагеря. Их число очень быстро росло и вскоре достигло семидесяти*. Общее количество оказавшихся в них узников в течение 1933 года составило более восьмидесяти тысяч человек⁶.

Первые лагеря создавались в спешке в зданиях предприятий, в дворянских поместьях и замках, в бывших казармах и конюшнях — в общем, в местах, мало приспособленных для того, чтобы содержать там заключенных. Большинство таких лагерей просуществовало лишь несколько недель или месяцев, выполнив свою временную функцию устрашения населения и разгрома левых сил.

В правовом хаосе разные группы пытались добиться своих целей. Среди бенефициаров были и местные чиновники. Бёмкер, начальник лагеря Аренсбёк, за счет штрафов с узников и залогов, вносимых их родственниками, обеспечил поступление на специальный банковский счет местного правительства 15 тысяч рейхсмарок⁷.

В первые месяцы становления лагерной системы запугивание еще доминировало над убийствами. Садизм был в большей мере личной инициативой охраны, чем организованным сверху и регламентированным действием. Оказавшийся в гамбургском лагере Кола-Фу (*нем.* Kola-Fu — Konzentrationslager Fuhlsbüttel) социал-демократ Фриц Золмитц был зверски замучен эсэсовцами. В записках, сделанных на папиросной бумаге и спрятанных в часах, которые случайно сохранились после его гибели, он рассказывал, что на протяжении нескольких дней его избивали до потери сознания, принуждая повеситься. Его последняя запись — вопрос,

---

* При этом некоторые тюрьмы (не менее трех десятков) также использовались для заключения представителей оппозиции, несмотря на заявление Геринга об обратном.

полный отчаяния: «Господи, что мне делать?» Спасение не пришло. Золмитц, как и еще несколько коммунистов, оказавшихся в руках СС, был убит⁸.

Страх должен был сковывать не только тех, кто уже арестован без суда и следствия, но и тех, кого могла постигнуть подобная участь. В отношении одного из ранних лагерей в местной прессе отмечалось: «...превентивный арест в Брайтенау на многих людей внутри и вне лагеря действовал устрашающе»⁹.

К концу лета 1933 года нацисты сочли, что возможности сопротивления левых партий и их сторонников уничтожены. Как заявил Адольф Гитлер, обращаясь к германскому руководству, «нацистская революция закончена». Нужны ли в таком случае десятки лагерей, подчинявшихся разным инстанциям? И если всё же нужны, то как они должны быть организованы? Свои ответы на эти вопросы предложили два человека, боровшиеся за лидерство в полицейской системе Германии, — Герман Геринг в Пруссии и Генрих Гиммлер в Баварии.

«Превентивный арест» политических оппонентов нацистов получил наибольшее распространение в Пруссии. Именно там была арестована практически половина задержанных в Германии к лету 1933 года. Подобная ситуация объяснялась очень просто — министром внутренних дел Пруссии был не кто иной, как Герман Геринг, ближайший соратник Гитлера.

Именно в Пруссии вплоть до 1939 года функционировал лагерь Лихтенбург, ставший одним из центров подготовки будущих руководителей концентрационных лагерей: в нем прошли подготовку 14 комендантов и несколько старших надзирательниц¹⁰. Именно в Пруссии возник первый женский лагерь Моринген. Наконец, именно в Пруссии располагался Эмсланд — самый большой комплекс лагерей, созданный летом 1933 года.

Предложенная Герингом прусская модель реорганизации концентрационных лагерей предполагала создание нескольких крупных учреждений под общим управлением специальной инстанции, располагавшейся в Берлине. Вместо множества организаций, применявших «превентивный арест», должна была остаться только одна служба, отвечавшая за задержание и освобождение узников — гестапо (*нем.* Gestapo — Geheime

Staatspolizei) — тайная государственная полиция, созданная Герингом в Пруссии весной 1933 года для борьбы с политическими противниками. Непосредственное управление лагерями предполагалось передать гражданским чиновникам, подчинявшимся прусскому Министерству внутренних дел. Геринг полагал, что эти «лагерные директора» будут также управлять деятельностью местных формирований СС, охранявших концлагеря.

Но подобная модель развития лагерной системы оказалась нежизнеспособной. Рядовые эсэсовцы не желали подчиняться гражданским чиновникам, а руководители прусского Министерства внутренних дел конфликтовали с лидерами СС и СА*. В итоге сам Геринг начал сомневаться в необходимости сохранять лагеря и поддержал массовое освобождение заключенных.

Генрих Гиммлер, в отличие от него, таких сомнений не испытывал, считая концентрационные лагеря средством борьбы не только с политическими оппонентами, но и с остальными врагами рейха. Уже в марте 1933 года, после назначения полицай-президентом Мюнхена, Гиммлер приступил к реорганизации лагерной системы в Баварии. Центром осуществления этого плана стал лагерь Дахау, открытый 22 марта 1933 года на территории бывшего военного завода в Мюнхене. В статье нацистского пропагандистского рупора — газеты «Фёлькишер Беобахтер» отмечалось: «В среду [22 марта] близ Дахау начнется создание первого концентрационного лагеря, рассчитанного на 5000 человек. Здесь будут размещаться все коммунистические деятели, а также, в случае необходимости, деятели социал-демократической партии и Рейхсбаннера[†], угрожающие безопасности государства... Практика показала, что недопустимо от-

---

* СА (нем. Sturmabteilung — штурмовой отряд) — военизированные формирования НСДАП.

† Р е й х с б а н н е р (нем. Reichsbanner Schwarz-Rot-Gold — Имперское черно-красно-золотое знамя), Союз германских участников войны и республиканцев (нем. Bund deutscher Kriegsteilnehmer und Republikaner) — существовавшая в 1924—1933 годах военизированная организация ветеранов Первой мировой войны, поддерживавшая Социал-демократическую партию Германии и фактически являвшаяся ее боевым отрядом.

пускать этих людей на свободу, так как они продолжают заниматься подстрекательством и беспокоить людей. Полиция и Министерство внутренних дел убеждены, что они действуют в целях спокойствия населения и в интересах всей нации»¹¹.

Содержание заключенных в Дахау жестко регламентировалось, дополняясь системой различных наказаний. Подобное отношение к узникам стало причиной гибели в 1933 году двадцати двух человек. Этот факт сделал Дахау самым кровавым лагерем первых лет функционирования лагерной системы. Прокуратура Мюнхена пыталась провести разбирательство случаев гибели заключенных, однако Гиммлеру удалось замести следы и прекратить расследование. Для этого он даже уволил 26 июня 1933 года первого коменданта лагеря Хилмара Векерле, заменив его Теодором Эйке. Именно Эйке впервые воплотил в Дахау идеи, ставшие в дальнейшем основополагающими для всей нацистской концлагерной системы: регламентированную систему наказаний, разветвленный аппарат лагерного управления с разделением функций между отделами, охрану узников специальным подразделением СС «Мертвая голова», созданным и подчинявшимся лично ему.

Но начать реализовывать свои представления о развитии лагерной системы за пределами Баварии Гиммлеру удалось лишь после того, как летом 1936 года он был назначен главой всей немецкой полиции, а сами концлагеря были переданы на гособеспечение¹². «Правой рукой» Гиммлера в реформировании и управлении лагерной системой стал фанатично преданный ему комендант Дахау, уже упомянутый Теодор Эйке. В июле 1934 года тот был назначен Гиммлером на новую должность — инспектора концентрационных лагерей.

В сентябре 1936 года неподалеку от Берлина Эйке официально открыл первый концлагерь «нового типа» Заксенхаузен. Как отмечал Гиммлер, «вместо простых лагерей первого революционного времени... это был совершенно новый, расширяемый в любое время, современный концентрационный лагерь»¹³. В дальнейшем именно в Заксенхаузене разместились казармы охранных батальонов СС, а со 2 августа 1938 года располагалась главная руководящая инстанция — Инспекция концентрационных лагерей. В июле 1937-го за Заксен-

хаузенном последовал Бухенвальд. К концу этого года все ранние лагеря, существовавшие в Германии до реформы Эйке, кроме Дахау и Лихтенбурга, были закрыты*.

Новые лагеря были построены по специальным планам. Они не занимали случайных, временных помещений. В них не было ничего лишнего — только бараки для заключенных, помещения для охраны, вышки, стены с колючей проволокой. Концлагеря теперь были полностью изолированы от посторонних взглядов — как простых граждан, так и представителей государственных органов. Узники получали стандартную полосатую униформу и подвергались регламентированным, систематическим издевательствам со стороны специальных подразделений «Мертвая голова». Концентрационные лагеря окончательно стали постоянным инструментом нацистской политики террора.

После окончания этапа реорганизации лагерная система перешла к расширению. Следствием увеличения числа заключенных стало создание новых концентрационных лагерей: мужских — Флоссенбурга (май 1938 года) и Маутхаузена (август того же года), женского — Равенсбрюка (май 1939-го). Этот этап развития лагерной системы был ознаменован появлением новых категорий заключенных. Массовым арестам подверглись «профессиональные преступники» (люди, имевшие судимость), а также «асоциальные элементы» (бродяги, нищие, временно не работавшие и др.). Они преследовались и до 1937 года, оказываясь в лагерях вместе с «политическими», но это еще не была спланированная политика масштабных акций 1937—1938 годов. Если в ноябре 1936 года среди узников их был 4761 человек, то к началу 1938 года — уже 24 тысячи¹⁴. В итоге кардинальным образом изменился состав лагерных узников — «политические» стали составлять меньшинство.

Подобное изменение лагерного контингента имело свою логику, и логика эта задавалась целями нацистской политики. Если главной причиной арестов ле-

---

* В 1937—1938 годах Дахау также подвергся перестройке, чтобы соответствовать «новому типу» лагерей. Лихтенбург в июле 1937 года был закрыт, а с декабря функционировал как женский концлагерь, пока окончательно не был ликвидирован в мае 1939-го.

вых оппозиционеров была их политическая позиция, то «криминальные» и «асоциальные» группы граждан арестовывались под влиянием других факторов. Целями их «профилактического», как его называли нацисты, задержания были упрочение социальной дисциплины и воплощение идей расовой гигиены — «народное сообщество» должно было быть очищено от «вырождающихся» элементов, ослабляющих его. Но не менее важной причиной эскалации террора в отношении этих групп стала нехватка дешевой рабочей силы, которая была нужна Германии для восстановления экономики после депрессии, а также для реализации программы перестройки столицы и других городов Третьего рейха под руководством Альберта Шпеера*. Экономическая эксплуатация узников впервые стала одной из функций концентрационных лагерей, наряду с устранением политических оппонентов и изоляцией в целях «перевоспитания». Нацистская же пропаганда сообщала лишь о наведении порядка в Германии, что казалось рядовому бюргеру абсолютно правильным делом.

В апреле 1938 года была создана Немецкая компания земляных и каменоломных работ (DEST, нем. DEST — Deutsche Erd- und Steinwerke GmbH), первоначальной целью которой было обеспечение планов Гитлера и Шпеера по перестройке Берлина и других немецких городов. Именно для снабжения предприятия рабочей силой вблизи каменных карьеров были созданы Маутхаузен и Флоссенбург, Нойенгамме — филиал Заксенхаузена, а рядом с Бухенвальдом и Заксенхаузенем появились кирпичные заводы.

Однако было бы неверно считать, что конец 1930-х годов был ознаменован попаданием в концлагеря лишь «криминальных» и «асоциальных» категорий. Политические оппоненты по-прежнему оставались объектом преследования нацистов. Их количество в концлагерях возросло после расширения границ рейха в 1938—

---

* *Альберт Шпеер* (1905—1981) — генеральный инспектор по строительству и реконструкции столицы рейха (1937—1940). В 1942 году назначен на должности рейхсминистра вооружения и боеприпасов; с 1943-го — рейхсминистр вооружения и военного производства; генеральный уполномоченный по вооружению в рамках четырехлетнего плана (1942—1945).

1939 годах за счет аннексии Австрии и Чехословакии. Концлагеря впервые стали интернациональными. В 1937 году начались масштабные аресты членов религиозной организации «Свидетели Иеговы», не отказавшихся от своих пацифистских убеждений.

В 1938 году в концлагеря впервые было депортировано значительное количество венских евреев — около двух тысяч человек. Позднее за ними последовали более тысячи их единоверцев, имевших судимость. Большинство оказалось в Бухенвальде. В октябре 1938 года они составляли 30 процентов общего числа узников лагеря¹⁵. 9 ноября 1938 года на всей территории Германии и части Австрии нацистами был организован масштабный еврейский погром, получивший название «Хрустальная ночь». В направленной местным отделением гестапо секретной директиве по организации этой акции значилось:

«1) В кратчайший срок по всей Германии будут иметь место акции против евреев, в частности против синагог. Вы не должны мешать. Однако необходимо поддерживать порядок во взаимодействии с полицией порядка, чтобы можно было прекратить грабежи и другие беспорядки.

2) Поскольку в синагогах находится архивный материал, необходимо гарантировать его сохранность...

3) Подготовить арест около 20—30 тыс. евреев в рейхе. Отобрать, прежде всего, зажиточных евреев. Вскоре, в течение этой ночи, будут даны еще распоряжения.

4) В текущей акции вы обязаны находить евреев, имеющих оружие, и применять к ним самые суровые меры. К общей акции могут быть привлечены... группы СС...»¹⁶

Гитлер лично инициировал отправку двадцати шести тысяч евреев в концентрационные лагеря, в результате чего заключенные-евреи всего лишь за несколько дней стали самой многочисленной категорией узников. Никем не контролируемые издевательства, которые обрушили на них нацисты, привели к тому, что к концу 1938 года сотни евреев погибли в концентрационных лагерях. За четыре месяца после погрома в одном лишь Дахау умерло и было уничтожено узников больше, чем за предыдущие пять лет существования лагеря¹⁷.

Тем не менее эти события еще не стали переломными в отношении целей нацистской антиеврейской по-

литики. Нацисты еще не стремились к геноциду евреев, а лишь терроризировали их, вынуждая эмигрировать. Уже в начале 1939 года большинство евреев были освобождены из концлагерей и оставшиеся опять составляли небольшую часть заключенных. Перед руководством Третьего рейха возникла иная цель — масштабная война, и лагерная система, прошедшая фазу перестройки и первой экспансии, должна была помочь установлению «нового порядка» на завоеванном «жизненном пространстве», о котором мечтали фюрер и его соратники.

Концентрационные лагеря во время войны (1939—1945)

С началом Второй мировой войны нацистская система концентрационных лагерей вышла на новый этап развития — этап интернационализации состава узников, их жесткой эксплуатации и массового уничтожения.

Главным вдохновителем функционирования лагерной системы по-прежнему оставался Генрих Гиммлер, распространявший нацистский террор в Германии и на территории оккупированной Европы посредством новой организации — Главного управления имперской безопасности — РСХА (нем. RSHA — Reichssicherheitshauptamt), созданного 27 сентября 1939 года и подчиненного его ближайшему соратнику Рейнгарду Гейдриху. В ноябре 1939 года Инспекцию концентрационных лагерей возглавил Рихард Глюкс — бывший начальник штаба Теодора Эйке.

Война привела к росту количества заключенных. В конце 1940 года их число достигло пятидесяти трех тысяч человек. Претерпел изменения и национальный состав узников: самой большой их группой стали поляки. Среди категорий заключенных вновь начали преобладать «политические». Так, начиная с 1941 года в концентрационных лагерях оказывались люди из Западной Европы, арестованные в рамках операции «Ночь и туман», целью которой была борьба с Сопротивлением.

Переполнение существовавших концлагерей привело к новому расширению системы. В Польше в 1939 году неподалеку от Данцига начал функционировать ла-

герь Штуттгоф*, в 1940-м был организован Аушвиц I, в 1941-м — Майданек и вторая часть Аушвица, Биркенау**. В самостоятельные концентрационные лагеря превратились бывшие филиалы — Нойенгамме поблизости от Гамбурга (1940), Хинцерт неподалеку от границы с Люксембургом (1940), Гросс-Розен в Нижней Силезии (1941), Нацвейлер-Штуттгоф в Эльзасе (1941) и Нидерхаген в Вестфалии (1941). Однако Гиммлер и Инспекция концлагерей тщательно контролировали строительство новых учреждений. Любые попытки создать лагеря без ведома инспекции и, по сути, для нужд местных чиновников жестко пресекались.

Новое расширение системы концентрационных лагерей обуславливалось растущими потребностями экономики Германии, а также сохранением планов Гитлера по перестройке немецких городов. Гросс-Розен и Нацвейлер, дополнившие Нойенгамме, Маутхаузен и Флоссенбург, должны были обеспечивать экономику строительными материалами. Аушвицу, по мнению нацистского руководства, сложившемуся к концу 1940 года, следовало не только играть роль центра концентрации рабочих рук для немецкой экономики, но и реализовывать политику освоения «жизненного пространства» на Востоке. Территория вокруг лагеря должна была стать «сельскохозяйственной лабораторией для Востока».

С началом войны помимо эсэсовского концерна ДЕСТ возникли новые объединения — ДАВ (*нем.* DAW — Deutsche Ausrüstungswerke GmbH) и ДВА (*нем.* DVA — Deutsche Versuchsanstalt für Ernährung und Verpflegung GmbH), рабочей силой для которых стали узники конц-

---

* Первоначально лагерь предназначался для содержания гражданских лиц. Только осенью 1941 года он был подчинен гестапо Данцига, а в январе 1942-го окончательно обозначен как концентрационный лагерь, подчиненный Инспекции концентрационных лагерей.

** В отечественной историографии этот концлагерь традиционно обозначался как Освенцим или Освенцим-Бжезинка по располагавшимся поблизости польским населенным пунктам. В дальнейшем в книге будет использоваться нацистское название Аушвиц либо Аушвиц-Биркенау. Термин «Освенцим» сохраняется в цитатах, а также применительно к польскому городку.

лагерей. Правда, на этом этапе продуктивность труда заключенных еще мало интересовала СС. Экономические цели подчинялись террору и «перевоспитанию» врагов.

Расширявшаяся лагерная система включала в себя всё больше непохожих друг на друга лагерей. Например, Нидерхаген (Вевельсбург) был создан для реконструкции и обслуживания замка Вевельсбург — культового места СС. Хинцерт, первоначально выполнявший функцию размещения «провинившихся» рабочих, строивших Западный вал, — систему оборонительных сооружений на западе рейха, в дальнейшем стал транзитным лагерем. Оба этих учреждения, формально названных концентрационными и подчинявшихся Инспекции концентрационных лагерей, отличались от остальных и количеством заключенных — их было на порядок меньше, и масштабами их эксплуатации и террора — эти лагеря так никогда и не стали «фабриками смерти» с газовыми камерами и массовыми расстрелами нетрудоспособных.

Напротив, после вторжения германских войск в СССР на оккупированных советских территориях появились лагеря, формально не относившиеся к концентрационным, но фактически являвшиеся ими: в ноябре 1941 года — Яновский лагерь во Львове*, Саласпилс поблизости от Риги; в 1942-м — Малый Тростенец вблизи Минска (апрель), Сырецкий лагерь в Киеве (май), лагерь в бывшем совхозе «Красный» близ Симферополя (июнь).

После нападения Германии на Советский Союз начался новый этап радикализации концлагерной системы. В соответствии с планами Гиммлера сотни тысяч местных граждан должны были освободить жизненное пространство для «арийцев» — погибнуть или стать заключенными концентрационных лагерей. Одной из новых категорий узников, в массовом порядке оказавшейся в концлагерях, помимо гражданского населения стали советские военнопленные. Для их размещения, эксплуатации и дальнейшего уничтожения, в дополне-

---

* В январе 1944 года он стал филиалом концлагеря Люблин-Майданек, войдя, таким образом, в подчинение Инспекции концентрационных лагерей.

ние к лагерям на советской оккупированной территории, были построены Майданек и Биркенау, которые по планам нацистов должны были вместить минимум 150 тысяч человек¹⁸. Но из ста тысяч советских солдат, оказавшихся в плену, на бесплатную рабочую силу которых рассчитывали СС, из-за катастрофических условий содержания в лагерях военнопленных до концлагерей дожили лишь около двадцати семи тысяч. Оставшиеся в живых столкнулись в концлагерях с таким же бесчеловечным отношением.

С сентября 1941 года в отношении советских военнопленных в Заксенхаузене, Аушвице, Бухенвальде и Флоссенбурге начала осуществляться секретная программа массового уничтожения под кодовым названием «14f14». Формально она была направлена на выявление и уничтожение «политических комиссаров». Фактически же выстрелом в затылок было убито как минимум 34 тысячи военнопленных, но так как многих из них даже не регистрировали по прибытии в концлагерь, вполне возможно, что их число достигло сорока пяти тысяч¹⁹. Именно на советских военнопленных уже в августе 1941 года в Аушвице был впервые опробован «Циклон Б»*, применявшийся в дальнейшем в целях массового уничтожения заключенных в газовых камерах.

Секретной программе уничтожения «политических комиссаров» в концентрационных лагерях предшествовала акция «14f13» — программа эвтаназии, целью которой было убийство нетрудоспособных — больных и престарелых — узников. Они транспортировались в специальные центры вне концлагерей, где и уничтожались. За один год, с весны 1941-го по весну 1942-го, таким образом было убито минимум десять тысяч человек, хотя вполне возможно, что эта цифра может быть увеличена вдвое²⁰.

Обе программы уничтожения были переломными для дальнейшего развития концлагерей, которые теперь стали действовать как центры массового истребления узников. Впервые применялась селекция, основывавшаяся на принципе «выживает тот, кто в состоянии ра-

---

* «Циклон Б» (нем. «Zyklon B») — пестицид в виде гранул, при комнатной температуре выделяющий синильную кислоту.

ботать на нацистов». Впервые под специальными обозначениями скрывались массовые убийства, и опять же впервые они осуществлялись с помощью отравляющих веществ. Все эти элементы в дальнейшем сохранились в лагерной системе и стали важнейшими механизмами нового этапа эскалации насилия.

С началом войны процесс ухудшения условий существования узников многократно ускорился, что также привело к росту смертности. В Дахау в 1938 году она составляла 4 процента в год, тогда как в 1942-м уже 36 процентов; в Бухенвальде — 10 процентов в 1938 году и 19 процентов в 1941-м. Аналогичная ситуация сложилась и в остальных концлагерях²¹.

После провала «блицкрига» на Восточном фронте и перехода к затяжной войне увеличился масштаб эксплуатации рабского труда заключенных концлагерей. Теперь эта рабочая сила использовалась как государственными, так и частными предприятиями. Уже в начале 1941 года «ИГ Фарбениндустри» и «Штайр—Даймлер—Пух» инициировали создание собственных предприятий поблизости от Аушвица и Маутхаузена. Если в 1941 году нацистское руководство еще планировало использовать узников в строительных проектах, на сей раз по переустройству завоеванного пространства на Востоке, то начиная с 1942 года от этих планов отказались, направив заключенных на обеспечение потребностей фронта.

Поскольку подавляющее большинство советских военнопленных, которых предполагалось использовать как рабскую силу, было уничтожено, нацисты переориентировались на другие категории. В январе 1942 года параллельно с развитием планов по уничтожению евреев Гиммлер сообщил Глюксу о необходимости за четыре недели направить в концлагеря до 150 тысяч евреев с целью их дальнейшей эксплуатации.

На военных предприятиях к 1943 году работало $\frac{2}{3}$ всех заключенных. СС начали поставлять узников на различные заводы и фабрики, создавая вблизи них филиалы концлагерей, в которых должны были разместиться узники. Лагерная империя СС вновь расширялась. Количество заключенных увеличилось как никогда прежде. В одном только Бухенвальде в 1943 году узников оказалось в три раза больше, чем годом ранее²².

С целью повышения эффективности их эксплуатации 1 февраля 1942 года Гиммлер в качестве отдела «D» включил в Главное административно-хозяйственное управление СС — ВФХА (*нем.* WVHA — Wirtschafts- und Verwaltungshauptamt) под руководством Освальда Поля Инспекцию концентрационных лагерей. В пятнадцати лагерях, считавшихся к тому моменту концентрационными, находилось около восьмидесяти тысяч узников. Летом 1942 года в СС были созданы специальные должности чиновников, отвечавших за организацию экономически эффективной деятельности. Они командировались Освальдом Полем не только по территории рейха, но и в оккупированные регионы — Ригу, Минск, Могилев, Краков, Белград, Осло. Позже именно эти чиновники приняли активное участие в создании концлагерей в Люблине, Плашове, Риге, Каунасе и Вайваре.

С той же целью повышения экономической эффективности концлагерей летом 1942 года Поль заменил треть комендантов на, как ему казалось, более эффективных управленцев. В администрации концентрационных лагерей появился специальный отдел, отвечающий за организацию труда. Узникам было разрешено получать посылки от родственников, была введена «премиальная система». Но, несмотря на все нововведения, улучшение условий заключения коснулось лишь части привилегированных узников и некоторых лагерей.

В начале 1942 года Поль переориентировал эсэсовские предприятия ДАВ и ДЕСТ на военное производство. Как и его начальник Гиммлер, Поль хотел добиться размещения военных предприятий поблизости от концентрационных лагерей, что сделало бы фирмы зависимыми от людских ресурсов лагерей, а значит, позволило бы усилить положение ВФХА в экономике и политике рейха. Однако сопротивление Альберта Шпеера — с февраля 1942 года министра вооружения и боеприпасов — не позволило этот план реализовать. Было принято решение о сдаче узников предприятиям «внаем». Это привело к противоположному процессу — развитию сети филиалов концлагерей при предприятиях. Если в конце 1942 года существовало 82 таких филиала, то к началу 1945-го их общее число достигло 1200²³. В результате большинство заключенных, оказавшись в центральном лагере, после регистрации отправлялись в филиалы.

Количество узников в концентрационных лагерях во время войны постоянно росло. В сентябре 1942 года их насчитывалось 203 тысячи человек, в августе 1943-го — уже 224 тысячи, а в августе 1944 года — 524 286 человек. Большую часть составили советские и польские граждане, угнанные в Третий рейх на работу²⁴.

Параллельно с массовой эксплуатацией труда заключенных в 1942 году началось масштабное уничтожение евреев и цыган. Летом—осенью 1941 года геноцид реализовывался специальными айнзатцгруппами* при помощи расстрелов на оккупированных территориях Советского Союза. С конца 1941-го — начала 1942 года к расстрелам добавились убийства в «газвагонах» (переоборудованных для уничтожения автомашин, в которых угарный газ поступал внутрь герметично закрытых фургонов), а также в центрах уничтожения, расположенных в оккупированной Польше, — Хелмно, Бельжеце, Собиборе и Трешлинке. С целью скорейшего «решения еврейского вопроса» к этим центрам в 1942 году нацисты добавили концентрационные лагеря Аушвиц и Люблин-Майданек.

С лета 1943-го по зиму 1944 года концлагерная система вновь расширилась. Инспекции концлагерей были подчинены Рига-Кайзервальд (Латвия), Клоога (Эстония), Каунас (Литва), Варшава, Краков-Плшов (Польша), Герцогенбуш (Голландия). Эти лагеря создавались для эксплуатации еврейского населения, «уничтожения трудом» или, как в последнем случае, для депортации евреев на восток — в первую очередь в Генерал-губернаторство**.

Летом 1944 года политика уничтожения достигла пика. Аушвиц-Биркенау стал символом этого периода, когда в ходе операции по ликвидации венгерских евреев за три месяца в газовых камерах было уничтожено минимум 438 тысяч человек²⁵. Те из венгерских евреев, кто не был отправлен в Аушвиц, а также евреи из лаге-

* Einsatzgruppe — оперативная группа (нем.).

** Генерал-губернаторство — административно-территориальная единица, созданная нацистами на части территории оккупированной Польши, включавшая Краковский, Варшавский, Люблинский и Радомский округа. В августе 1941 года в его состав в качестве пятого округа была включена Западная Украина — Галиция.

рей Прибалтики депортировались на принудительные работы в рейх. Нацистская концепция «свободного от евреев» государства провалилась. Но эти депортации привели к переполнению лагерей, а вследствие него — к катастрофическим условиям размещения людей и их массовой гибели.

В последние месяцы 1944-го — начале 1945 года концлагерная система Третьего рейха вступила в фазу коллапса, предопределенного поражениями Германии на полях сражений. Но, несмотря на это, система демонстрировала стремление существовать до конца, намереваясь в своей агонии поглотить как можно больше жертв. Число только зарегистрированных заключенных во всей лагерной системе с августа 1944-го по январь 1945 года выросло с 524 286 до 714 211 человек²⁶. Подавляющее большинство из них оказалось в лагерях в результате массовых облав, проводившихся нацистами по всей оккупированной Европе с целью депортации в рейх рабочей силы.

В результате переполнения лагерей, антисанитарных условий, практически отсутствия питания и лечения, распространения заболеваний, тяжелейшего труда и постоянного насилия смертность в последние месяцы существования лагерной системы вновь резко возросла. В Бухенвальде с января по апрель 1945 года умерло 14 тысяч человек — и это только зарегистрированная часть погибших. Из 40—45 тысяч — общего числа погибших в Гросс-Розене — 30—35 тысяч человек умерло за последний год существования лагеря. В Маутхаузене, в январе—апреле 1945 года смертность достигла беспрецедентных 12,5 процента в месяц²⁷.

Для умирающих в концлагерях выделялись «зоны смерти». Осенью 1944 года в Равенсбрюке для этих целей сначала использовались лагерная больница и специальная палатка, где разместились до трех тысяч женщин, а затем находившийся поблизости молодежный лагерь «Укермарк». В Бухенвальде в подобную зону превратилась часть лагеря, получившая название «маленький лагерь». Концлагерь Берген-Бельзен стал крупнейшей «зоной смерти». С марта 1944 года в него направлялись больные и умирающие узники из всех концентрационных лагерей. В циничной терминологии нацистов он стал именоваться «лагерь для отдыха», а заключенные

называли его адом. Только в марте 1945 года там умерло около восемнадцати тысяч узников.

«При приближении линии фронта фашисты эвакуировали заключенных из других концлагерей и направляли их в Берген-Бельзен для уничтожения. Здесь не расстреливали — просто не давали есть и пить. Заключенные умирали от голода и жажды сами по себе. Крематорий не успевал сжигать мертвых, а заключенных, которые еле-еле двигались, заставляли копать ямы и укладывать в них трупы. Трупы валялись по всему лагерю. Заключенные к рукам и ногам трупов привязывали веревки, ремни (у кого что было) и вчетвером, с трудом передвигая ноги, тащили трупы в ямы.

Во всех концлагерях, где мне приходилось бывать, каким[и] бы плохим[и] он[и] ни был[и], заключенные целенаправленно распределялись по баракам, комнатам, каждому выдавалась, пусть самая мизерная, но порция хлеба, брюквы, шпината. В лагере смерти «Берген-Бельзен» этого не было. Никто не знал, в каком бараке ему положено получать похлебку или кусочек хлеба, чтобы не умереть с голода. Никто из заключенных в лагере не работал, бродили толпами и в одиночку, зная только одно — всех ждет голодная смерть»²⁸.

В результате наступления Красной армии и войск союзников лагерная империя впервые за долгие годы начала сокращаться. Отступая, нацисты перевозили и перегоняли в Германию пешком, в так называемых «маршах смерти», тысячи заключенных. Они должны были продолжать работать на немецких предприятиях. Так, с 17 по 21 января 1945 года 58 тысяч способных передвигаться узников Аушвица были направлены нацистами своим ходом, практически без еды и воды, в концлагеря на запад. Лишь 280 человек из трех тысяч, составлявших одну из колонн, достигли конечного пункта через два месяца²⁹. 8—9 февраля 1945 года началась эвакуация Гросс-Розена. В концлагеря Бухенвальд, Дора-Миттельбау и Флоссенбург были перевезены около сорока четырех тысяч человек, пять тысяч узников отправлены в Маутхаузен, четыре тысячи — в Берген-Бельзен³⁰. Те заключенные, которые перенесли дорогу и были доставлены в концлагеря на территории Германии, оказались в тяжелейших условиях, что привело к очередному росту смертности. Во время

эвакуаций зимы—весны 1945 года погибло от 200 до 350 тысяч узников³¹.

Агония концентрационных лагерей в конце 1944-го — начале 1945 года характеризовалась массовым уничтожением тех, кто был не способен эвакуироваться, и тех, чьи показания в случае освобождения могли представлять особую опасность для нацистов. В Равенсбрюке появилась газовая камера, где было уничтожено 5—6 тысяч узниц, в Штуттгофе аналогичным способом с осени 1944-го по апрель 1945 года были убиты минимум тысяча человек. Были инициированы расстрелы узников: членов «самоуправления» заключенных, бывших участников движения Сопротивления и прочих опасных для нацистов категорий.

Мы никогда не узнаем точное число погибших в концентрационных лагерях Третьего рейха. По примерным подсчетам ученых, с 1933 по 1945 год только лагеря, подчинявшиеся Инспекции концентрационных лагерей, унесли жизни минимум двух миллионов мужчин, женщин, детей. Из них свыше миллиона — евреи из разных стран³².

ОРГАНИЗАЦИИ И РУКОВОДИТЕЛИ «ИМПЕРИИ СМЕРТИ»

Теодор Эйке, Рихард Глюкс и Инспекция концентрационных лагерей

Первый глава Инспекции концентрационных лагерей и создатель лагерной системы Теодор Эйке родился 17 октября 1892 года в небольшой деревеньке в Эльзасе. Его отец был начальником железнодорожной станции, ревностным протестантом и ярым немецким патриотом. Мать же, напротив, являла собой пример католички, обожавшей Францию.

Теодор был одиннадцатым, самым младшим ребенком в семье. Возможно, тяготясь этим положением и стремясь доказать свою «взрослость» или просто стремясь сбежать от семейных конфликтов, Эйке после обучения в деревенской школе, в 17 лет, покинул родной дом и поступил на военную службу. Как и большинство молодых людей в его возрасте, Теодор был увлечен армией, стремясь служить в ее рядах на благо фатерланда. Начавшаяся вскоре Первая мировая война давала ему шанс сделать военную карьеру. За боевые заслуги он был награжден Железным крестом 2-й степени, но героем, каким его будет пытаться представить нацистская пропаганда, не стал, занимая должность кассира при различных воинских частях.

К гражданской жизни Эйке вернулся в 1919 году, женившись еще до демобилизации. Как и для многих его сверстников, возвращение в новое послевоенное немецкое общество оказалось весьма нелегким, тем более что Эйке не хотел знать ничего, кроме казармы, четких приказов начальства и их беспрекословного исполнения. Недостаточный уровень образования еще больше

осложнял его положение. Не менее пяти раз он пытался устроиться работать в сферу, которая по духу была близка армии, — в полицию, но получал отказ либо сразу, либо после испытательного срока. Позднее он будет списывать свои профессиональные неудачи тех лет на «красный террор» и происки врагов, которые преследовали его за национал-социалистические взгляды. Но подобные объяснения были очередным мифом в создаваемой позднее им самим биографии «героя Эйке». Он вступил в НСДАП лишь в 1928 году, и о его идеологической борьбе с левыми в начале 1920-х годов речь не идет. А вот что действительно добавляло ему проблем при трудоустройстве, так это скандальный характер.

В 1926 году благодаря помощи брата Теодор Эйке наконец-то устроился на постоянную работу в химическом концерне «ИГ Фарбениндустри» — сначала в одном из офисов, а спустя некоторое время в службе безопасности. По свидетельству самого Эйке, которое опять же не находит подтверждений в документах, он даже являлся секретным сотрудником, борющимся с промышленным шпионажем.

Но положение рядового служащего, пусть и со стабильной зарплатой, было для Эйке малопривлекательно. Его манило военное братство. В 1930 году он покинул СА и стал членом СС, получив личный номер 2921 и целый взвод в свое подчинение. Всё свободное время он бесплатно посвящал новой организации — и был замечен. Уже в 1931 году он стал штандартенфюрером*, а в следующем году оберфюрером. О подобной карьере на гражданской службе Теодор Эйке мог только мечтать.

Видимо, сотрудничество с СС стало причиной, по которой в 1932 году Эйке был арестован по обвинению в терроризме — у него дома обнаружили несколько десятков самодельных бомб. Суд приговорил его к двум годам тюрьмы. Казалось бы, успешная карьера должна была на этом закончиться. Но в дело вмешался человек, который еще не раз изменит судьбу Эйке, — Генрих Гиммлер. Он попросил министра юстиции Баварии, симпатизировавшего нацистам, отпустить Эйке на ле-

---

* Соответствие эсэсовских чинов армейским и полицейским см. в Приложении.

чение. Выпущенный Эйке бежал в фашистскую Италию. Именно в Италии он впервые стал комендантом лагеря — Гиммлер назначил его руководителем лагеря бывших членов СА и СС, скрывавшихся от преследований. В дальнейшем этот опыт Эйке пригодился.

Находясь за границей, он продолжил, пусть и заочно, борьбу со своим главным оппонентом — гауляйтером* Йозефом Бюркелем, который, пользуясь его отсутствием, лишил его занимаемых постов. Эйке в письмах Гиммлеру не сдерживался в отношении гауляйтера, награждал его отрицательными эпитетами и даже требовал пристрелить. Но изменить ситуацию он не мог.

Вскоре, однако, ситуация стала меняться сама. После прихода нацистов к власти Теодор Эйке вернулся в Германию весной 1933 года. Первое, что он попытался осуществить, — отомстить бывшему начальнику Йозефу Бюркелю. Эйке дал волю своему бешенству, не найдя ничего лучше, как организовать попытку путча против Бюркеля. Однако он не понял сути изменений, произошедших с приходом к власти Гитлера. Гауляйтер Бюркель являлся теперь функционером правящей партии, которой вовсе не нужны были скандалы. В наказание за опрометчивые действия Эйке был направлен в психиатрическую клинику на принудительное лечение. Подобная мера была санкционирована лично Гиммлером, желавшим проучить своего протеже.

Эйке засыпал Гиммлера письмами и, наконец, был отпущен из психбольницы на условии, что больше не будет создавать проблем. Гиммлер писал об этом лечащему врачу Эйке: «Я охотно соглашусь на то, что Эйке будет освобожден из клиники на Троицу, но всё же я прошу Вас уговорить Эйке, чтобы на время, которое он снова будет в Людвигсхафене, он вел себя абсолютно тихо и не приносил беспокойство и разлад, который он причинил в Людвигсхафене в последний раз, что в конце концов и послужило причиной его ареста. Я планирую использовать Эйке, возможно, даже на государст-

---

* Гауляйтер (Gauleiter, от нем. Gau — партийный округ, Leiter — руководитель) — глава территориальной организации НСДАП, осуществлявший политическое руководство, назначавшийся фюрером и отвечавший перед ним. После прихода к власти нацистов одновременно являлся имперским наместником со всеми административными полномочиями.

венной службе, только если он сам не сделает подобную ситуацию слишком тяжелой или невозможной»³³.

Гиммлер сдержал слово. Ценя Эйке как убежденного и яростного нациста, он назначил его комендантом баварского концентрационного лагеря Дахау. Эйке же, понимая, что это, возможно, последний шанс сделать карьеру, старался больше не создавать проблем Гиммлеру.

«Когда я впервые прибыл в Дахау, там не было ни оружия, ни мужчин, которые знали бы, как им пользоваться. Я обнаружил только пренебрежение и грязь. Сотрудники лагеря были вынуждены носить свою личную одежду, потому что даже не имели униформы», — вспоминал Эйке свои первые впечатления от Дахау³⁴. Перед Эйке стояла сложная задача создания нового типа лагеря, и он, не откладывая дело в долгий ящик, приступил к ее решению. Террор по отношению к узникам и строжайшая дисциплина среди эсэсовцев стали первыми новшествами, введенными им в лагере. Беспрекословно подчиняясь своим начальникам, он требовал безоговорочного повиновения себе. Один из его подчиненных в первые дни в Дахау, Макс фон Дал-Арми, описал деятельность Эйке: «Он работает день и ночь во время реорганизации лагеря. Он спит в своем лагерном кабинете (его квартира еще не была построена, и его семья присоединилась к нему позже). Он первый на работе утром, и свет в его кабинете горит до поздней ночи. Новые инструкции лагеря составлены, и он издает директивы и приказы по всем вопросам. Солдаты обожают его, и он знает, как с ними обращаться. Тогда даже было придумано имя “папа Эйке”. Он — превосходный оратор... Он жесток в отношении рядовых членов, но еще более строг в отношении офицеров. Он ненавидит своих врагов за колючей проволокой... Он говорит об их полном уничтожении. Он прививает эту ненависть СС через официальные речи и личные беседы. Эйке — фанатичный чиновник СС и убежденный национал-социалист, для которого нет никакого компромисса... “Эсэсовцы должны ненавидеть... сердце в их груди должно окаменеть”»³⁵. Сам Эйке писал: «...мои эсэсовцы мне более дороги, чем жена и семья». Кто-то из молодых нацистов, оказавшихся на службе в Дахау, боготворил его, кто-то боялся, но все признавали его авторитет.

Преданность Эйке была проверена Гиммлером

30 июня 1934 года. В истории национал-социализма эти события получили название «Ночь длинных ножей», за которым скрывалась операция по уничтожению оппонента Гитлера — руководителя СА Эрнста Рёма и его штурмовиков. Эйке со своими эсэсовцами принял непосредственное участие в этой операции. Более того, именно ему было поручено ликвидировать самого Рёма. Вместе со своим адъютантом Эйке ворвался в камеру тюрьмы Штадельхайм, куда был помещен арестованный Рём. Эйке объявил, что фюрер, предоставил ему последнюю возможность искупить свою вину — совершить самоубийство. Рём не пошел на этот шаг, и тогда адъютант Эйке расстрелял его в упор. Последними словами Рёма были: «Мой фюрер... мой фюрер...» — на что Эйке, нагнувшись к умирающему, сказал: «Вы должны были думать об этом раньше, а теперь уже слишком поздно».

За подобные заслуги перед режимом уже через несколько дней после «Ночи длинных ножей», в начале июля 1934 года, Эйке был официально назначен инспектором концентрационных лагерей и получил звание группенфюрера, что соответствовало генерал-лейтенанту вермахта. Одним из условий своего назначения Эйке выдвинул подчинение ему специальных формирований СС, охранявших концентрационные лагеря. Оно было выполнено.

Организация, которую возглавил Теодор Эйке, имела полное название Инспекция концентрационных лагерей и охранных подразделений СС (*нем.* Inspektion der Konzentrationslager und Wachverbaende). В нацистских документах чаще употреблялась лишь аббревиатура ИКЛ (*нем.* IKL). Именно эта инстанция стала первой структурой в бюрократическом аппарате нацистов, координировавшей концлагерную систему Третьего рейха.

Инспекция сначала разместилась в Берлине. В нескольких кабинетах на первом этаже особняка на Принц-Альбрехтштрассе, дом 8, вместе с управлением гестапо Пруссии, которому поначалу подчинялось. Но уже к декабрю 1934 года в ведении гестапо остались лишь дела заключенных, а все экономические, организационные и управленческие вопросы лагерной системы передавались инспекции.

В момент возникновения инспекция была неболь-

шим подразделением. Она состояла всего из двух отделов: центрального (позднее получившего название политического) и отдела управления. К середине 1935 года ее штат составлял всего 13 сотрудников. Но это не смущало Эйке; наоборот, он всячески подчеркивал свое умение работать и добиваться результата даже при весьма скромных ресурсах. В одном из писем Гимmlеру он отмечал: «Менее чем за одиннадцать месяцев я реорганизовал, перестроил и установил понятную систему взаимоотношений в пяти концентрационных лагерях, из которых четыре были в руках СА. В настоящее время строится новый, большой и современный концлагерь в Заксенхаузене. В это же время я из ничего создал четыре батальона СС «Мертвая голова». Я осиливаю работу с тремя руководителями и несколькими надежными сотрудниками...»³⁶

Рвение Эйке было вознаграждено, как только представилась возможность. Весной 1936 года, когда концентрационные лагеря и охранные батальоны перешли на государственное финансирование, увеличились и кадровые возможности главы ИКЛ. Эйке смог взять на службу еще 29 человек, дополнив структуру своего ведомства санитарным отделом (преобразованным впоследствии в отдел главного врача концлагерей) и отделом персонала. В 1938 году инспекция была переведена в недавно построенный концентрационный лагерь для обучения СС Заксенхаузен неподалеку от Берлина.

Эйке наслаждался своим карьерным успехом и новым социальным статусом. Он жил в Берлине, в шикарной пятикомнатной квартире, когда-то принадлежавшей еврейской семье, имел роскошный дом за городом, получал всевозможные награды, даже заказал себе фамильный герб.

Однако мечты об армейской жизни не оставляли его. Со временем он всё больше отдалялся от управления концентрационными лагерями, сосредоточившись на своем по-настоящему любимом детище — соединениях СС «Мертвая голова». Когда началась Вторая мировая война, несколько полков были отправлены в Польшу, где приняли участие в карательных акциях. Эйке не мог оставаться в стороне и попросил о своем освобождении от поста инспектора концентрационных лагерей и отправке на фронт. Его просьба была удовлетворена.

Концентрационные лагеря должны были приносить, гитлеровскому режиму всё больше экономической выгоды, а Эйке не был способен перестроить систему под новые задачи. Концлагеря были для него средством защиты нацистского движения от врагов, и не более того. На первых порах подобное представление совпадало со взглядами Гиммлера. Но уже с 1938 года планы рейхсфюрера СС Гиммлера начали меняться. Для их реализации требовались новые люди. Эйке был отправлен на войну.

Он с упорством и фанатизмом гнал подчиненных в бой. Количество жертв Эйке не волновало. Он слепо верил фюреру и исполнял приказы, требуя того же от своих солдат. Даже когда летом 1941 года Эйке получил серьезное ранение и был срочно отправлен на лечение в Берлин, он воспользовался первой представившейся возможностью, чтобы вернуться на фронт. Там он принял участие в сражении под Демянском (Новгородская область), спасая попавшие в окружение немецкие войска. За заслуги в этих боях Эйке был награжден Рыцарским крестом с дубовыми листьями.

Кто знает, сколько бы еще этот нацистский фанатик продолжал сражаться, если бы 26 февраля 1943 года он вновь, только что выйдя из госпиталя после ранения, не поддался своему характеру. Эйке сообщили, что пропала связь с районом, где мог оказаться в окружении его зять. Он, незадолго до этого потерявший сына, приказал подготовить небольшой самолет, чтобы попытаться спасти родственника. Отговорить его не удалось никому. Этот полет стал последним для генерала СС Теодора Эйке. Советские войска сбили самолет и уничтожили бывшего главу нацистской концлагерной системы.

После ухода Эйке временным руководителем инспекции был назначен Август Хайсмайер, который вскоре был заменен многолетним заместителем Эйке Рихардом Глюксом. 15 ноября 1939 года Глюкс был назначен главой Инспекции концентрационных лагерей.

Рихард Глюкс по сравнению с Теодором Эйке всегда был несколько в тени. Но именно при новом главе инспекции концлагерная система достигла небывалых размеров и перешла к политике масштабного террора в отношении заключенных. Именно под руководством

Глюкса начали функционировать Аушвиц-Биркенау и Майданек — символы нацистской политики геноцида.

Рихард Глюкс родился 22 апреля 1889 года. Окончив школу и отслужив один год добровольцем, он устроился на работу торговым агентом, жил и работал в Англии, а затем в Южной Америке. Там его и застала Первая мировая война. Воодушевленный патриотическим порывом, он бросил все дела и по поддельным документам вернулся в Германию. Он принял участие в знаменитых сражениях под Верденом и на Сомме. Был награжден Железными крестами 1-й и 2-й степени. На войне он получил ранение в ногу, сделавшее его хромым на всю жизнь. После окончания войны Глюкс, как и многие фронтовики, присоединился к националистическим добровольческим формированиям — «Лихтшлаг», «Стальной шлем». В марте 1930 года он вступил в НСДАП, а через два года в СС, став к 1935-му штандартенфюрером.

Важнейшей датой в карьере Рихарда Глюкса стало 1 апреля 1936 года, когда он устроился на работу в Инспекцию концентрационных лагерей. Сдержанный Глюкс как бы дополнял своего истеричного начальника Эйке. И после отставки Эйке именно он был сделан главой инспекции.

Структура ИКУ после назначения Глюкса не изменилась, лишь ее чиновничий аппарат вырос до пятидесяти двух человек. Эти пять десятков человек к ноябрю 1939 года управляли судьбами тридцати тысяч заключенных. Но эсэсовцев не волновало качество содержания, питания узников и оказываемой им медицинской помощи. Перед инспекцией была поставлена задача подготовки лагерной системы к новому расширению с началом войны. Кроме того, в 1941-м — начале 1942 года инспекция координировала проведение первых массовых акций уничтожения в концентрационных лагерях — убийств в центрах эвтаназии нетрудоспособных узников и расстрелов советских «комиссаров» (об этих акциях будет рассказано в пятой главе нашей книги).

Но провал «блицкрига» на Восточном фронте и превращение войны в затяжную создали серьезные проблемы для немецкой экономики. Не готовая к длительной войне, она стала испытывать серьезные проблемы, одной из которых была нехватка рабочих рук. Чтобы

решить этот вопрос, германское руководство рейха перешло к политике эксплуатации населения покоренных стран, когда сотни тысяч рабов отправлялись на принудительные работы в рейх, а также к масштабному использованию труда заключенных концентрационных лагерей.

Для повышения эффективности эксплуатации заключенных, а также для сохранения своего влияния на экономику Третьего рейха Гиммлер инициировал реорганизацию Инспекции концентрационных лагерей, сделав ее в начале 1942 года составной частью Главного административно-хозяйственного управления, которое возглавил Освальд Поль.

В приказе от 3 марта 1942 года Гиммлер обосновал эти изменения: «Сегодня наряду с обороноспособностью важнейшее значение имеет рабочая сила. Если мы с полной ответственностью осознаём, что означает для Германии воевать, то должны использовать каждую возможность, чтобы последние рабочие часы любого человека были полезны для победы... Поэтому я приказываю, чтобы бригаденфюрер СС Глюкс со своим штабом подчинился Главному административно-хозяйственному управлению...»³⁷

С этого момента инспекция стала в ВФХА отделом «D», который так и остался до конца войны сравнительно небольшим — в начале сентября 1944 года в нем работало не более 105 сотрудников, среди которых лишь 19 были чиновники, остальные составляли вспомогательный персонал: секретари, телефонисты, водители.

В отделе «D» было четыре подразделения. Каждые две недели их руководители встречались в офисе Рихарда Глюкса на первом этаже инспекции в Заксенхаузене и определяли основные цели концлагерной системы и средства их достижения.

Подразделение «D I» (Центральное управление) вело официальной перепиской с концентрационными лагерями, формировало общую статистику о количестве заключенных, их переводах из лагеря в лагерь, освобождении и смертях, а также отвечало за «обращение с заключенными», то есть утверждало штрафы и телесные наказания. Его сотрудники были осведомлены о приказах о массовом уничтожении евреев и регулярно докладывали Глюксу о результатах их исполнения, которые

он доводил до сведения Освальда Поля. Один из сотрудников этого отдела после войны отмечал: «...название "Циклон Б" было нам хорошо известно, и мы знали, что это было средство для уничтожения евреев»³⁸.

Подразделение «D II» отвечало за организацию использования труда заключенных, собирало различные статистические и расчетные данные, сопутствовавшие процессу эксплуатации узников. Им должен был утверждаться каждый запрос предприятия или частного лица на использование узников. Работа сотен филиалов, возникших при центральных концлагерях, координировалась из одного кабинета в Ораниенбурге.

Вопросами санитарного обслуживания и лагерной гигиены должно было заниматься подразделение «D III». Его чиновники руководили деятельностью нескольких сотен врачей СС, проверяли отчеты о болезнях, эпидемиях и смертях узников, а также организовывали программы уничтожения и медицинских экспериментов.

Подразделение «D IV» ведало хозяйственными вопросами: размещением, организацией питания и предоставлением униформы для заключенных и СС. Его служащие были прекрасно осведомлены о катастрофическом положении узников, ухудшавшемся год от года, но оставались в стороне от решения этих проблем, сосредоточившись на получении прибыли от эксплуатации рабского труда.

Спокойный и исполнительный бюрократ, Глюкс создавал обезличенную машину, в которой каждый чиновник должен выполнять свою функцию. Только при таком «разделении труда» можно было достичь больших результатов в короткие сроки. Методы управления Глюкса описал в воспоминаниях комендант Аушвица и глава одного из отделов инспекции Рудольф Хёсс*: «Глюкс часто говорил мне, что моя величайшая ошибка заключается в том, что я всё делаю сам, вместо того чтобы заставить работать подчиненных. Следует также принять во внимание ошибки, которые они допустили

---

* Немецкая транскрипция фамилии коменданта Аушвица — Нёß. В советской литературе традиционно применялся вариант написания Гёсс. Мы будем использовать транскрипцию Хёсс, чтобы избежать путаницы с другим нацистским функционером, заместителем фюрера Рудольфом Гессом (нем. Heß).

по собственной нерадивости. С этим тоже приходится считаться. Не может всё происходить так, как мы того желаем. Мои протесты против того, что в Освенциме я имею наихудших командиров и унтерфюреров (унтер-офицеров СС. — С. А.), которые принуждают меня делать самому всё самое важное не только из-за их неспособности, но еще больше из-за их нерадивости и злонамеренности, он не принимал во внимание. По его представлениям, комендант, сидя в своей дежурке, должен был управлять лагерем одной лишь силой приказов и посредством телефона. Мол, хватило бы и того, чтобы комендант вообще случайно прошел бы через лагерь! О, святая простота! Такое представление могло сложиться лишь потому, что Глюкс никогда не работал в лагере. Поэтому и не мог он понять моих нужд. Такое непонимание со стороны начальства приводило меня почти в отчаяние»³⁹.

Руководство рейха оценило вклад Глюкса в борьбу с «врагами», наградив его 25 января 1945 года Германским крестом в серебре.

В начале мая 1945 года, в последние дни существования Третьего рейха, Генрих Гиммлер пытался бежать с верными чиновниками, отправившись на север Германии, во Фленсбург. Среди сопровождавших рейхсфюрера был и Рихард Глюкс. Тот же Хёсс описал в воспоминаниях события тех дней: «3 мая 1945 г. я встретил Гиммлера в последний раз. В соответствии с приказом остаток Инспекции КЛ прибыл вслед за РФСС (то есть рейхсфюрером СС. — С. А.) во Фленсбург. Там ему доложили о себе Глюкс, Маурер* и я. Он пришел как раз после совещания с остатками правительства. Он выглядит свежо и бодро, у него наилучшее настроение! Он приветствует нас и тут же приказывает: Глюкс и Хёсс идут как армейские унтер-офицеры под другими именами, под видом отбившихся от своих частей. Они переходят через границу в Данию и там ложатся на дно. Маурер с

---

* *Герхард Маурер* (1907—1953) — штандартенфюрер СС, в 1942 году назначен начальником подразделения «D II» ВФХА. С 1943 года являлся заместителем начальника управления «D» ВФХА, ведавшего всеми вопросами, касавшимися концлагерей. После окончания войны арестован и в марте 1947 года передан польским властям. Повешен по приговору военного трибунала в Кракове.

остатками Инспекции КЛ также скрывается в вермахте. Всё остальное сделает штандартенфюрер Хинтц, начальник полиции Фленсбурга. Он пожимает нам руки, и мы свободны! В то время при нем были еще профессор Гебхардт и Шелленберг из РСХА. Как сказал Гебхардт Глюксу, Гиммлер собирался скрыться в Швеции»⁴⁰.

Сбежать Глюксу не удалось. Через несколько дней после немецкой капитуляции он покончил жизнь самоубийством в госпитале германских военно-морских сил, приняв капсулу с цианистым калием.

Освальд Поль и Главное административно-хозяйственное управление СС

Благодаря организационным талантам, опыту ведения финансовых дел и ярой приверженности идеям нацизма внимание Генриха Гиммлера привлек Освальд Поль, казначей одной из добровольческих бригад. Человек эмоциональный, Освальд Поль тем не менее был менее экспрессивен, чем Эйке. Их сближало недовольство своим положением и стремление изменить его, используя покровительство Гиммлера. Поль был честолюбив, поэтому, как только Гиммлер предложил ему работу, немедленно согласился.

В феврале 1934 года его уже назначили главой административного отдела личного штаба рейхсфюрера СС. Подъем Поля по карьерной лестнице был стремительным. Всего за несколько лет ему удалось объединить под своим руководством значительную часть административных и финансовых подразделений СС. В 1939 году он стал начальником Главного административного и экономического управления, а также Финансового и строительного управления. Его успех основывался на жестокости как к оппонентам, так и к подчиненным, а также на абсолютной преданности Гиммлеру⁴¹.

Естественно, такой влиятельный и деятельный человек не мог не конфликтовать с фанатичным и истеричным Эйке. Оба они имели особые полномочия, полученные от Гиммлера, оба были его протеже, даже носили к 1937 году один эсэсовский чин — группенфюрер. В силу всего этого, оставаясь в целом сдержанными

в отношении друг друга, Поль и Эйке боролись за влияние над формировавшейся концлагерной системой.

Еще более серьезное усиление позиций Поля произошло в 1938 году после решения Гиммлера расширить экономическое влияние СС и, как следствие, эксплуатацию труда заключенных. Эйке был просто не в состоянии решить подобные задачи, тем более что его всё более интересовало формирование боевых подразделений из охранных отрядов СС. И с 1938 года Поль стал контролировать финансовые и административные дела концлагерей и подразделений СС «Мертвая голова». Пусть он еще не властвовал безраздельно над концентрационными лагерями, тем не менее к этой цели был сделан серьезный шаг.

Самая значительная инициатива СС в области экономики в 1938 году состояла в создании предприятия ДЕСТ. Причиной его появления была одна из идей фюрера Гитлера — масштабное переустройство немецких городов. Руководил стройкой молодой архитектор Альберт Шпеер, помогать же ему, обеспечивая стройматериалами, взялись руководители СС. Гиммлер, безусловно, получал от этого свои дивиденды — влияние СС в экономической сфере рейха должно было возрасти. Осуществление этого проекта он доверил своему верному протеже Освальду Полю. К лету 1938 года Поль уже координировал несколько проектов ДЕСТ: заключенные строили два новых кирпичных завода — рядом с Бухенвальдом и Заксенхаузенем, а также два новых концлагеря около гранитных карьеров — Флоссенбург и Маутхаузен⁴².

Освальд Поль был целеустремлен, проницателен и трудолюбив, разбирался в экономике, а главное — был абсолютно предан рейхсфюреру СС. Подобные качества делали его серьезным помощником Гиммлера в борьбе за власть в рейхе. Поэтому когда Гиммлер решил создать для всей экономики СС единую управляющую организацию, в сферу которой вошли бы и концентрационные лагеря, возглавить ее он предложил Полю.

Главное административно-хозяйственное управление СС по сравнению с Инспекцией концентрационных лагерей было огромной организацией. Его штат составлял 1700 чиновников, работавших в пяти отделах и управлявших сотнями тысяч рабочих по всей Ев-

ропе. Все отделы ВФХА были так или иначе связаны с концентрационными лагерями. Отдел «А» занимался вопросами лагерного персонала, бюджетом и различными платежными поручениями. Среди обязанностей отдела «В» была поставка еды и одежды в концлагеря. Отдел «С» был вовлечен в строительные проекты, включая газовые камеры и крематории. Что касается отдела «W», возглавляемого самим Полем, то он курировал предприятия СС, которые продолжали использовать в большой степени рабский труд узников. Но, конечно же, главным, специализировавшимся только на концлагерях, был отдел «D» — бывшая Инспекция концентрационных лагерей⁴³.

Освальд Поль стал отнюдь не номинальным главой концентрационных лагерей. Его участие в организации труда заключенных затрагивало все стороны лагерной жизни. В обязанности Поля входили определение новых мест для концентрационных лагерей и их потенциальных экономических возможностей. Поль утверждал размеры лагеря, его специализацию и число узников, которые будут в нем использоваться. Он получал информацию, сколько заключенных умерло, сколько было нетрудоспособных и сколько узников перемещено из одного лагеря в другой. В дополнение к огромной массе лагерных отчетов, с которыми Поль знакомился лично, он еженедельно заслушивал доклады главы отдела «D». В Третьем рейхе не было никого, кто бы знал столько же подробностей о системе концентрационных лагерей, сколько Освальд Поль.

При этом он не был лишь кабинетным чиновником. По требованию Гимmlера он еженедельно посещал концентрационные лагеря и их филиалы. Как и Эйке, Поль всегда был в движении. Лагерные чиновники на местах боялись его появлений, о которых не всегда были предупреждены заранее. Он вселял страх в подчиненных, тем более что обладал великолепной памятью, дополнявшейся непревзойденным рвением в исполнении приказов рейхсфюрера. Даже Рудольф Хёсс, который в исполнительности и неутомимости мог дать фору любому чиновнику СС, подчеркивал, что сопровождать Поля в поездках было крайне тяжело и абсолютно выматывало физически⁴⁴.

Восхождение Освальда Поля в иерархии управле-

ния концлагерей окончательно отодвинуло Рихарда Глюкса на второй план. Как глава отдела «D» он всё ещё был влиятельной фигурой — контролировал не только ежедневное управление и принимал участие в стратегических решениях; но сравниться с Полем он не мог. Глюкс даже начал терять влияние на некоторых подчиненных.

Весной 1942 года один из протеже Поля, Герхард Маурер, был назначен главой подразделения «D II», занимавшегося вопросами эксплуатации узников. Герхард Маурер был типичным представителем управленцев СС, которых поддерживал Освальд Польш. Амбициозный молодой человек объединил в себе знание основ современного управления с яростной верой в национал-социализм. Маурер сопровождал Рихарда Глюкса на еженедельных встречах с Полем, которые посвящались распределению трудовых ресурсов, и имел прямой доступ к Полю через голову непосредственного начальника. Бескомпромиссный, невозмутимый и неутомимый Маурер быстро заслужил уважение других эсэсовцев в Ораниенбурге и лагерных управленцев. Как и Освальд Польш, практически половину рабочего времени он проводил в разъездах по концлагерям. Ему удалось наладить контакты со многими местными чиновниками, отвечавшими за поставку иностранной рабочей силы. Маурер также держал связь с другими организациями, включая министерство Шпеера и частные фирмы, укрепляя свой статус как главного чиновника СС по вопросам принудительного труда заключенных. Осенью 1943 года он был официально назначен заместителем Глюкса. Многие ключевые решения теперь принимались в кабинете Маурера в обход его начальника⁴⁵.

С целью повышения экономической эффективности концентрационных лагерей летом 1942 года Освальд Польш сменил треть всех комендантов⁴⁶. Но инициированная им встряска концлагерной системы затронула не только управленческую верхушку. В начале мая 1942 года ВФХА разослало по концентрационным лагерям приказ сообщить об эсэсовцах, долго служащих в одном месте. Они были перемещены в другие лагеря, что привело к разрушению низовых управленческих структур. После войны Польш утверждал, что эти изменения, нацеленные на удаление из системы людей «школы Эйке», должны

были привнести в лагерную жизнь дух гуманности. Однако очевидно, что смещение или оттеснение старых управленческих кадров с руководящих постов было осуществлено отнюдь не из человеколюбия, а для большей экономической эффективности⁴⁷.

Новые чиновники в большинстве своем не оправдали ожиданий Поля, оказавшись такими же коррумпированными и дезорганизованными, как и их предшественники. Например, Вильгельм Гидеон, назначенный комендантом Нойенгамме, из-за алкоголизма не продержался на посту и года. Немногим дольше командовали концлагерями Карл Хмелевски, Герман Флоршtedт, Адам Грюневальд — они были уволены и даже арестованы за проявления несанкционированного насилия и коррупцию. В результате Поль вынужден был вернуться к использованию «ветеранов» лагерной системы.

После назначения главой ВФХА Поль пытался переориентировать лагерную систему на производство вооружения. Его шеф Генрих Гиммлер был одержим этой идеей и всячески продвигал ее, расписывая Гитлеру будущие достижения. Но для реализации этой идеи СС нужны были производственные мощности и инвестиции, которые можно было получить, лишь сотрудничая с частным бизнесом. Полю удалось договориться о первых четырех подобных проектах. В Бухенвальде совместно с компанией «Вильгельм Густлофф» должно было начаться производство винтовок, в Нойенгамме при поддержке компании «Карл Вальтер» — пистолетов, в Аушвице совместно с концерном «Крупп» — зенитных орудий и в Равенсбрюке вместе с «Сименс—Хальске» — радиопередатчиков. Некоторые заводы ДЕСТ были перепрофилированы с изготовления кирпича и строительного камня на производство вооружения. Во Флоссенбурге в 1943 году совместно с «Мессершмиттом» начался выпуск деталей для самолетов-истребителей⁴⁸.

Но сколько бы Гиммлер и Поль ни расхваливали возможности военных предприятий при концентрационных лагерях, они так и не стали массовыми производителями вооружения. Стремление навязывать деловым партнерам свои условия и получать основную часть прибыли ни к чему не привело — ни один из запланированных проектов не был реализован в полном объеме, а некоторые даже не начали осуществляться.

Был и еще один фактор, изменивший ситуацию. Альберт Шпеер, к 1942 году по воле Гитлера превратившийся из инспектора по строительству и реконструкции Берлина в рейхсминистра вооружения и боеприпасов и одного из влиятельнейших оппонентов Гиммлера и Поля, убедил фюрера, что масштабное производство оружия при концентрационных лагерях невозможно в силу неразвитой инфраструктуры. Он предложил свой вариант, поддержанный Гитлером: необходимо, наоборот, размещать узников около предприятий. С этого момента начался рост сети филиалов концентрационных лагерей.

Планам Поля и Гиммлера не суждено было сбыться, но, тем не менее, их влияние на процесс эксплуатации заключенных оказалось огромным. Как правило, компании отправляли запросы на использование узников через различные нацистские инстанции в ВФХА, а некоторые связывались непосредственно с управлением. Герхард Маурер и его сотрудники в отделе «D II» встречали представителей заинтересованных фирм, рассматривали их заявления и затем давали рекомендации Полю, который принимал окончательное решение. Как только глава ВФХА одобрял контракт и все приготовления завершались, приступали к транспортировке заключенных. При направлении в филиалы в сопровождении охраны они обеспечивались лагерной робой и минимальным продовольственным пайком. Компании, в свою очередь, брали на себя наблюдение за узниками во время работы и оплату строительства и обслуживания филиала, который должен был соответствовать стандартам СС.

Даже собственным компаниям, таким как ДЕСТ, СС предоставляли заключенных за плату — 30 пфеннигов в день за человека. Для частных фирм с 1942 года эта плата составляла от четырех до шести рейхсмарок и зависела от квалификации и пола рабочего — женский труд оценивался дешевле. Сами узники не получали ни пфеннига⁴⁹. Так как заключенные были собственностью государства, большая часть доходов от их труда — приблизительно 200 миллионов рейхсмарок в 1943 году и около 400—500 миллионов в следующем — пополнила казну рейха⁵⁰.

Нацистская оккупационная политика в отношении

восточных территорий была нацелена на абсолютное истощение природных и человеческих ресурсов. В реализации этой политики ВФХА играло одну из ключевых ролей. Ведомство Поля было своеобразным казначейством, куда направлялись доходы от всей украденной собственности. В одном из предписаний своим подчиненным Поль заявлял: «...как главный принцип нужно иметь в виду, что вся еврейская собственность должна стать собственностью рейха»⁵¹. Средства, полученные в результате изъятия имущества и ценностей у уничтоженных в ходе акции «Рейнгардт» евреев, направлялись на специальный счет казначейства, получивший название «Добыча отдела». Еще один счет в Рейхсбанке, где также хранились украденные деньги, был открыт на вымышленное имя Макса Хайлигера. Оба счета курировал лично Поль. Общий объем доходов нацистов только от операции «Рейнгардт» составил 180 миллионов рейхсмарок⁵². О части этой «добычи» в письме Полю сообщал Одило Глобочник — один из главных функционеров, проводивших акцию:

«...Отправленные ценности

Ценности, добытые во время «операции Рейнгардт», были отправлены в Берлин в Главное административно-хозяйственное управление СС для передачи их в Рейхсбанк или в имперское Министерство хозяйства, а именно:

- а) рейхсмарок на сумму... 53 013 133,51 рейхсмарки;
- б) иностранной валюты в банкнотах из всех основных стран земного шара (при этом особую ценность представляют 500 тыс. долл.) на сумму 1 452 904,65 рейхсмарки;
- в) иностранной валюты в золотой монете на сумму 843 802,75 германской марки;
- г) благородных металлов (около 1800 кг золота и около 10 000 кг серебра в слитках) на сумму 5 353 943 рейхсмарки;
- д) прочие ценности, как то: украшения, часы, очки и т. п. (при этом следует особенно обратить внимание на 16 тыс. исправных часов и около 51 тыс. часов, нуждающихся в ремонте, которые были переданы в распоряжение войск) на сумму 26 089 800 рейхсмарок;
- е) около тысячи вагонов пряжи на сумму 13 294 400 рейхсмарок.

Всего на сумму 100 047 983,91 рейхсмарки. <...>

При этом следует подчеркнуть, что поступившие ценности оценены на основе официально установленного курса, однако в качестве средств обращения эти ценности стоят гораздо больше, например, при продаже драгоценных камней или благородных металлов за границу, так как стремление иметь ценности твердой стоимости там больше, чем у нас. Кроме того, продажа за границу дает нам иностранную валюту. Если здесь эти цены были приняты за основу, то это было сделано по той причине, чтобы можно было дать представление об отправленных ценностях. Вообще же эта оценка не имеет решающего значения. Ценность выручки заключается главным образом в том, что благодаря ей может быть приобретено большое количество крайне необходимого сырья и что на основе захваченных ценностей можно достичь поступления иностранной валюты, благодаря чему государственными учреждениями опять-таки может быть закуплено сырье»⁵³.

Занимая один из ведущих постов в эсэсовской иерархии, Освальд Поль ни в чем себе не отказывал и жил на широкую ногу. В Берлине он поселился в огромной вилле, «аризованной», то есть конфискованной у еврейки, отправленной в концлагерь Равенсбрюк, где она и погибла. В его доме слугами были узники Заксенхаузена. Помимо этого Поль владел поместьями в Баварии и на севере Германии, обслуживавшимися десятками узников различных концлагерей. Стараясь подчеркнуть свою принадлежность к новой германской элите, он даже придумал себе герб. Заключенный Дахау Карел Касяк описал его как типичного нацистского выскочку, который вел себя, как «бог или император»⁵⁴. По всей вероятности, Поль был замешан в коррупционных схемах, пронизавших всю концлагерную систему (об этом речь пойдет в третьей главе нашей книги).

После краха Третьего рейха некогда могущественный Освальд Поль сбежал из баварского поместья жены и отправился пешком в Северную Германию. Там он скрывался у дочерей, пока, наконец, британские солдаты не арестовали его в мае 1946 года. В качестве главного обвиняемого по делу ВФХА Освальд Поль предстал перед американским военным трибуналом в Нюрнберге и был приговорен к смертной казни. Правда, вины

своей он не признал, настаивая, что ничего не знал о происходившем:

«Председатель суда Томс: А что относительно программы преднамеренного уничтожения? Это было начато задолго до краха немецкой обороны. Разве Вы также ничего не знаете об этом?

Ответчик Поль: Г-н президент, я не знаю, какую программу уничтожения Вы имеете в виду...

Судья: Я говорю о намеренном истреблении старых, больных и евреев — были ли они здоровыми или нет — с помощью расстрелов, повешений, отравления газом в Аушвице. Разве Вы ничего не знали об истреблении в Аушвице?

Поль: Конечно, я знал это. Целая программа уничтожения, которая была направлена против евреев, была деятельностью, которая направлялась РСХА, для чего Эйхман* и организовал транспорты (так нацисты называли поезда, доставлявшие узников в концлагеря. — С.А.) евреев, которые прибыли в Аушвиц и истреблялись Хёссом. Та программа не имела никакого отношения к концентрационным лагерям как таковым, и существующие концентрационные лагеря фактически неправильно использовались в этом отношении. Документы и отчеты этой программы, насколько мне известно, даже не проходили через Инспекцию концентрационных лагерей. Это всё было выполнено в очень маленьком кругу.

Судья: Но в очень большом масштабе?

Поль: Ну, у меня появились первые подлинные цифры только после войны. В то время у меня не было и мысли, что это число достигало миллионов...»⁵⁵

В тюрьме он принял католичество и написал брошюру «Кредо. Мой путь к Богу», в которой пытался представить себя как раскаявшегося грешника и размышлять о смысле любви: «Действительно, любовь — сущность и главная цель христианства. Всё остальное только средство. Проповеди, причастия, посты и молитвы — все

---

* Адольф Эйхман (1906—1962) — оберштурмбаннфюрер СС, руководитель отдела гестапо, отвечавший за депортацию и уничтожение евреев. Участвовал в работе Ванзейской конференции 20 января 1942 года, на которой были обсуждены меры по «окончательному решению еврейского вопроса» — уничтожению одиннадцати миллионов евреев. Непосредственное руководство этой операцией было возложено на Эйхмана.

они предназначаются, чтобы обучить нас любви, разжечь в нас ее, вскормить, усилить, очистить любовь, настоящую любовь к Богу и ближним»⁵⁶. Освальд Поль был повешен в ландсбергской тюрьме в 1951 году.

Рейнгардт Гейдрих и Главное управление имперской безопасности

В истории нацистской лагерной системы был еще один человек, который серьезно повлиял на ее развитие, и хотя ему не удалось подчинить себе управление концентрационными лагерями, он не только добился права иметь в них свои контролирующие органы, но и создал на оккупированных территориях свою лагерную систему, ничем не отличавшуюся от существовавшей в рейхе. Звали его Рейнгардт Гейдрих.

В отличие от многих нацистских лидеров Гейдрих был воплощением «арийских» стереотипов: высокий, стройный, светловолосый. Прекрасной игрой на скрипке он доводил до слез своих слушателей, любил спорт и даже пилотировал самолет (уже занимая высшие руководящие посты, он неоднократно совершал полеты). Как и другие руководители концлагерной системы, он был трудоголик, предугадывал желания начальства и с завидным упорством реализовывал их.

Гейдрих родился 7 марта 1904 года в Галле, неподалеку от Лейпцига. Его отец Бруно Гейдрих был оперным певцом, композитором и директором консерватории. Но Рейнгардт выбрал не карьеру музыканта, на что рассчитывал его отец, а военно-морское училище. Причиной тому были восхищение вооруженными силами и увлеченность националистическими идеями. Уже с пятнадцати лет Гейдрих был участником различных полувоенных формирований, так называемых фрайкоров*, которые были распространены в Германии после Первой мировой войны.

По окончании училища в 1926 году Гейдрих был направлен на службу в разведку флота. Но его флотская карьера закончилась через несколько лет весьма неординарно. Он расстался с дочерью одного из высокопос-

---

* Freikorps — добровольческий корпус (нем.).

тавленных военно-морских чиновников, влюбившись в Лину фон Остен, на которой позже и женился. Привлеченный к разбирательству на военном суде чести отцом оставленной девушки, Гейдрих в апреле 1931 года должен был покинуть флот в связи с тем, что «опозорил мундир».

Оставшись безработным, но по-прежнему будучи ярым приверженцем правых идей, Гейдрих был представлен другом семьи главе СС Генриху Гиммлеру. Тот как раз в это время планировал создание при нацистской партии разведывательной службы и был впечатлен предложениями Гейдриха, представленными ему в августе 1931 года. Гиммлер предложил Гейдриху возглавить службу безопасности — СД (*нем.* SD — Sicherheitsdienst). Когда 1 апреля 1933 года Гиммлер был назначен главой баварской политической полиции, именно Гейдриха он сделал своим заместителем.

Помогая Гиммлеру расширять влияние в Германии, Гейдрих сопровождал его в большинстве поездок по стране и набирал новых соратников. Одним из них осенью 1933 года стал будущий генеральный имперский уполномоченный в Дании Вернер Бест, интеллектуал, под влиянием идей которого долгое время будет находиться Гейдрих. Бест окружил себя молодыми сотрудниками (в середине 1930-х годов средний возраст его подчиненных составлял около тридцати лет), гораздо более образованными, чем в других нацистских структурах, при этом уделял серьезное внимание их идеологической и физической подготовке⁵⁷.

Как для Эйке, важным событием в карьере Гейдриха стала операция «Ночь длинных ножей». Собранный им компромат на партийных функционеров содержал материалы, подтверждавшие подготовку штурмовиками путча; значит, требовалось незамедлительное проведение спецоперации по их нейтрализации и уничтожению. Уже 30 июня 1934 года, в самый разгар операции, Гейдрих получил звание группенфюрера СС. В дальнейшем его карьера развивалась только по восходящей. Спустя несколько дней после назначения Генриха Гиммлера рейхсфюрером СС и руководителем немецкой полиции (17 июня 1936 года) Гейдрих стал главой СД и полиции безопасности*.

---

*Полиция безопасности — зипо (*нем.* Sipo — Sicher-

Восхождение Гейдриха к вершинам власти означало, что однажды он попытается подчинить своему контролю и важнейший элемент империи СС — концентрационные лагеря. Так и произошло — Гейдрих вступил в борьбу за них. Его сотрудники собирали многочисленные донесения, поступавшие в дальнейшем руководству СС, о жестоком обращении с узниками, тяжелых условиях их содержания. Учитывая, что органы государственной власти, всё еще не подконтрольные нацистам, также инициировали проверки в концлагерях, в первую очередь в Дахау, Гейдрих как бы предлагал Гиммлеру альтернативу — наведение порядка в концлагерях в случае их подчинения ему. Но глава СС не собирался чрезмерно усиливать позиции Гейдриха, тем более что его карьера и так развивалась достаточно быстро. Несмотря на то что в феврале 1936 года появилась инструкция, согласно которой управление концлагерями относилось к ведению гестапо, фактически она никогда не была выполнена⁵⁸. В концентрационных лагерях появились только отделы гестапо, которые не подчинялись лагерным комендантам; политическая и криминальная полиция отвечали за арест узников и их освобождение. Гиммлер создавал систему управления, при помощи сдержек и противовесов придавая ей многофункциональность и стабильность. После того как Гейдрих потерпел поражение в борьбе за полный контроль над концлагерями, он больше не посещал их. Один его известный визит в Дахау состоялся только в 1938 году⁵⁹. Ситуация не изменилась даже тогда, когда на оккупированных восточных территориях ему подчинялись сотни лагерей, находившихся в ведении СД.

После начала Второй мировой войны, 27 сентября 1939 года, Гиммлер создал новую структуру СС — Главное управление имперской безопасности (РСХА), возглавить которую было поручено именно Рейнгарту Гейдриху. Получив это назначение, Гейдрих сосредоточил в своих руках огромную власть. Один из его подчиненных описывал могущество своего шефа: «...всесильный руководитель полиции Третьего рейха... Без него

---

heitspolizei); объединила криминальную (уголовную) полицию — крипо (нем. Kripo — Kriminalpolizei) и тайную государственную полицию — гестапо (нем. Gestapo — Geheime Staatspolizei).

Гиммлер был бы всего лишь бессмысленной куклой... Он человек, который управляет всем — негласно, но с неизменной ловкостью. Он настоящая власть позади трона, дергающая за ниточки для достижения собственных темных целей. Гейдрих молод и умен... Короче говоря, он жестокий, деспотичный и беспощадный владелец нацистской полиции; прохиндей, стремление которого к цели не знает отклонения... Хотя на самом деле он вспыльчивый и порывистый, он остается трезвым, холодно рассчитывая последствия, и он знает, что власть, которой он жаждал, уже его. Жестокость и внезапный гнев так же являются сильными чертами его натуры, как и его неутомимая деятельность»⁶⁰.

РСХА стало центром борьбы с многочисленными внутренними и внешними «врагами» рейха: евреями, марксистами (коммунистами, социал-демократами и членами профсоюзов), религиозными организациями (протестантами, католиками, православными, «свидетелями Иеговы»), масонами. Гестапо задерживало политических противников, используя «превентивный арест», применявшийся еще со времен ранних лагерей. Крипо расследовало неполитические преступления; его чиновники арестовывали людей с криминальным прошлым и «асоциальным поведением», гомосексуалистов, цыган. В отличие от гестапо крипо использовало термин «защитный арест» — очередной нацистский оксюморон.

Хотя РСХА не являлось самой многочисленной организацией, во время войны оно стало главным организатором террора. В силу того, что РСХА представляло собой не унифицированную организацию, а некое объединение различных служб, собранных под руководством Гейдриха, противоборство и соревнование различных отделов и их руководителей приводили к эскалации террора.

Сотрудниками РСХА в Берлине были около трех тысяч человек⁶¹. Приблизительно четыре сотни мужчин и одна женщина являлись руководителями различных уровней. Изучение их биографий показало, что они составляли однородную группу. 77 процентов из них родились после 1900 года, большинство были выходцами из среднего класса, все имели высшее образование, а третья часть — даже ученую степень. Это было поколение детей Первой мировой войны, не имевшее

возможности проявить себя на фронте, но мечтавшее о полях сражений и службе на благо Германии. В юности, в эпоху экономических кризисов, они пережили крах буржуазных ценностей. Усердный труд, бережливость, размеренная жизнь не были их идеалами. Старый мир находился в агонии, и нужно было строить новое общество, с новыми ценностями и новыми лидерами.

При этом подавляющее большинство руководящего аппарата РСХА не были маргиналами. Они по праву принадлежали к буржуазной элите, были по профессии богословами, адвокатами, историками, филологами и журналистами, но не представляли себя учеными или теоретиками, чьи идеи оставались только на бумаге, — они хотели, чтобы их мировоззрение реализовывалось на практике. И, конечно же, все они являлись яркими антисемитами, что было весьма характерно для немецкого среднего класса межвоенного времени.

Молодые чиновники РСХА оказались очень мобильными, они были способны выполнять приказы в любых условиях. Но при этом их нельзя назвать кабинетными бюрократами. Они сочетали работу в центральном офисе в Берлине с практической деятельностью на местах, не только отдавая приказы, но лично участвуя в карательных акциях.

Начавшаяся мировая война облегчила осуществление их задач. В оккупированных областях исчезли все правовые рамки довоенного общества, и чиновники РСХА могли действовать так, как было необходимо для решения поставленных руководством задач. Возглавляя или входя в состав айнзатцгрупп, направленных в Польшу, а потом на оккупированные территории Советского Союза, они приходили к твердому убеждению, каким должно быть «окончательное решение еврейского вопроса» и как его необходимо организовать. Эти молодые бюрократы были копиями своего руководителя. Всех их объединяли черты, доведенные до крайности: исполнительность, работоспособность, непримиримость к врагам, а главное — антисемитизм.

Антисемитизм был краеугольным камнем мировоззрения Гейдриха — как, собственно, и любого другого идейного сторонника нацизма. Гейдрих полагал, что уничтожения очевидных противников рейха недостаточно, чтобы гарантировать безопасность немец-

кой расы. «Видимые» враги присоединились к врагам «скрытым», которые стремились разрушить связь между нацистами и немцами. Этими тайными врагами Гейдрих считал евреев, а также носителей разрушающего «еврейского духа» — демократов, коммунистов, христиан. Только полное уничтожение евреев могло устранить опасность для Германии.

Именно антисемитизм Гейдриха позволил ему стать главным организатором геноцида евреев. Однако еще до масштабных убийств евреев глава СД и полиции безопасности являлся одним из ведущих руководителей политики антисемитизма. В июле 1936 года Гейдриху было поручено заняться расследованиями дел, связанных с валютными операциями, осуществляемыми населением Германии. Это позволило ему отдавать приказы о конфискации имущества евреев, якобы подозревавшихся в финансовых махинациях или подготовке преступлений⁶². В 1938 году он стал руководителем операции, получившей название «Хрустальная ночь», — серии погромов, целью которых было давление на еврейскую общину Германии. Все эти акции должны были заставить евреев как можно скорее эмигрировать.

Когда нацистская Германия начала аннексию сопредельных государств, Гейдрих создал специальные подразделения — айнзатцгруппы, которые должны были захватывать на оккупированных территориях документацию государственных учреждений, а также выявлять и устранять врагов Третьего рейха. Впервые специальные группы проявили себя после аншлюса Австрии и в дальнейшем функционировали во всех оккупированных вермахтом странах. Когда в 1939 году Германия вторглась в Польшу, шесть айнзатцгрупп впервые перешли к масштабному уничтожению оппонентов нацистов. После нападения на Советский Союз их преступная деятельность достигла небывалых масштабов. Общее количество жертв, погибших от рук айнзатцгрупп, точно не установлено — большая часть документов была уничтожена нацистами; но как минимум ими было убито 600—700 тысяч евреев и 100—300 тысяч граждан других национальностей⁶³.

Однако Гейдриха не волновали страдания врагов — его гораздо больше беспокоила задача, поставленная Гиммлером, ставшим в августе 1941 года свидетелем

массового расстрела: как сделать процесс уничтожения «гуманнее» для самих палачей. К концу октября 1941 года решение было найдено. Для убийства сорока советских военнопленных с помощью угарного газа были впервые использованы переоборудованные машины-«душегубки». Более трех десятков подобных машин было направлено на восток и применялось под Могилевом, Минском и в других районах⁶⁴.

Летом 1941 года Гейдриху было поручено разработать план «окончательного решения еврейского вопроса» в Европе. В то время как в оккупированных районах Советского Союза в течение последующих шести месяцев шло массовое уничтожение евреев, первые железнодорожные составы с немецкими, австрийскими и чешскими евреями начали направляться к местам их будущей гибели.

Одним из главных помощников Гейдриха в организации Холокоста стал Адольф Эйхман — начальник подразделения «IV В 4» РСХА. В ходе суда в Иерусалиме он вспоминал: «Начало войны с Советским Союзом было, я думаю, в июне 1941-го. Наверное, спустя два месяца... или, может быть, через три месяца меня вызвал Гейдрих. Я явился. И он сказал мне: "Фюрер, ну, с этой эмиграцией..." Но сначала совсем коротко: "Фюрер приказал физически уничтожить евреев". Эту фразу он мне сказал. И вопреки своему обыкновению надолго замолчал, словно хотел проверить действие своих слов. Я это и сегодня помню. В первый момент я даже не пытался представить себе масштаб этой акции, потому что слова он тщательно подбирал. Но потом я понял, о чем идет речь, и ничего на это не сказал, потому что ничего сказать уже не мог»⁶⁵.

Черной датой в истории стало 20 января 1942 года. Именно в этот день на вилле в предместье Берлина Ванзее Гейдрих собрал чиновников различных министерств рейха на специальную конференцию, в ходе которой впервые представил санкционированные лично Гитлером и Герингом — генеральным уполномоченным по четырехлетнему плану — предложения по координации «окончательного решения еврейского вопроса» — физического уничтожения евреев в масштабах всей Европы. Он сообщил участникам конференции, что Гитлер возложил решение этой задачи на СС. Именно Гейдрих был одним из высших чиновников рейха,

который разработал этот план. Среди прочего в протоколе Ванзейской конференции значилось:

«...Рейхсфюрер СС и начальник германской полиции запретил эмиграцию, принимая во внимание опасность эмиграции во время войны и возможности, имеющиеся на Востоке.

III. С тех пор место эмиграции в качестве следующей возможности решения вопроса после соответствующего предварительного одобрения фюрером займет эвакуация евреев на восток (в первую очередь предполагалась депортация на территорию Генерал-губернаторства. — С. А.).

Однако эти действия следует рассматривать лишь как временные меры, но тем не менее здесь обобщается практический опыт, который имеет важное значение для предстоящего окончательного разрешения еврейского вопроса.

В ходе этого окончательного разрешения еврейского вопроса в Европе принимаются во внимание около 11 миллионов евреев... В ходе окончательного разрешения вопроса евреи на востоке под надлежащим надзором должны быть соответствующим образом использованы в качестве рабочей силы.

Большими рабочими колоннами, отдельно мужчины и женщины, трудоспособные евреи будут переведены в эти области, где их будут использовать на строительстве дорог, причем, несомненно, большая часть их вымрет в результате естественного отбора.

Стой частью евреев, которая, во всяком случае, конечно, выживет, поскольку речь идет, несомненно, о самой жизнеспособной части, нужно будет обращаться соответствующим образом, так как, состоя из наиболее здоровых от природы людей, она, после того как будет отпущена на свободу, может явиться зародышем нового еврейского возрождения. (Следует учесть исторический опыт.)

В ходе практического осуществления окончательного разрешения еврейского вопроса Европа будет прочесана с запада на восток. Территорией империи, включая протекторат Богемия и Моравия, следует заняться прежде всего уже только по соображениям, обусловленным жилищной проблемой и социально-политической необходимостью.

Эвакуируемых евреев прежде всего постепенно бу-

дут доставлять в так называемые транзитные гетто, чтобы оттуда перевозить дальше на восток. <...>

Совещание было закрыто после того, как начальник полиции безопасности и СД обратился с просьбой к участникам совещания оказать ему соответствующую поддержку при проведении работы по разрешению еврейского вопроса⁶⁶.

Весной 1942 года Гейдрих многократно встречался с Гиммлером, обсуждая нюансы геноцида. С мая уничтожение евреев возросло до невиданных масштабов.

Параллельно с «главной задачей», возложенной на Гейдриха, ему было поручено наведение нацистского порядка в протекторате Богемия и Моравия, где после вторжения фашистских войск на территорию Советского Союза активизировалось движение Сопротивления. В сентябре 1941 года Гитлер уволил рейхспротектора Константина фон Нойрата и назначил исполняющим обязанности Гейдриха.

Сразу после назначения Гейдрих со свойственным ему рвением приступил к решению поставленных перед ним задач. В октябре и ноябре 1941 года специальные суды приговорили к смерти несколько сотен наиболее активных участников подполья. Зимой 1941/42 года в Маутхаузен было отправлено пять поездов с 1299 чехами, 1487 человек были депортированы в Аушвиц⁶⁷.

В ноябре 1941 года Гейдрих инициировал создание Терезиенштадта — гетто в 60 километрах от Праги, где должны были содержаться евреи из протектората. За все годы нацистской оккупации из протектората были депортированы 82 309 евреев, из них 77 тысяч убиты. Подавляющее большинство этих людей прошли именно через Терезиенштадт. Помимо евреев были арестованы 6500 цыган, из которых три тысячи погибли в цыганском лагере Аушвица⁶⁸. Уже к весне 1942 года немецкие власти могли хвастаться «умиротворением» протектората. Некоторые считали, что Гейдрих нацелился возглавить оккупированную Францию и Бельгию.

Став главой протектората, Гейдрих поселился в шикарном поместье в 20 километрах от столицы. Тридцатикомнатный особняк, окруженный гектарами угодий, был конфискован у местного еврея-предпринимателя. В доме было проведено центральное отопление, а узники Терезиенштадта, обслуживавшие его, даже построили во

дворе бассейна. Но Гейдрих бывал дома редко. Два-три раза в неделю он уезжал в командировки в Берлин или Прагу. Его не манил семейный уют, а звал нацистский долг.

Гейдрих был настолько уверен, что его программа «умиротворения» успешна, что игнорировал меры собственной безопасности и регулярно путешествовал в окрестностях Праги на машине с открытым верхом и без охраны. 27 мая 1942 года он ехал по знакомому маршруту в аэропорт, чтобы лететь на встречу с Гитлером. Два чеха, Йозеф Габчик и Ян Кубиш, подготовленные спецслужбами в Англии, совершили покушение на протектора. Несмотря на то что осколочные ранения Гейдриха были не смертельны, они привели к инфекции, справиться с которой не смог даже личный врач Гимmlера Карл Гебхардт. 4 июня 1942 года Гейдрих скончался от заражения крови.

Еще 28 мая Геббельс записал в дневнике: «Тревожные новости приходят из Праги. Бомбовая атака, организованная против Гейдриха в пригороде Праги, сильно ранила его. Даже если ему не угрожает в данный момент смертельная опасность, его состояние, тем не менее, беспокоит. Мы во что бы то ни стало должны поймать убийц. Тогда должен быть проведен трибунал в отношении их и их сообщников. Подоплека нападения еще не ясна. Но разоблачает [организаторов] тот факт, как быстро Лондон сообщил о нападении. Мы должны прекрасно понимать, что такое нападение может создать прецедент, если мы не ответим на него самым жестоким из средств»⁶⁹.

Местью за смерть Гейдриха стало уничтожение деревни Лидице, жители которой подозревались нацистами в связях с участниками покушения. 9 июня 1942 года 172 мужчины в возрасте от четырнадцати до восьмидесяти четырех лет были расстреляны, 184 женщины отправлены в концентрационный лагерь Равенсбрюк. Из 105 детей Лидице 82 были убиты в «центре уничтожения» Хелмно, шестеро погибли в нацистских приютах и лишь 17 выжили. Деревня была полностью сожжена.

Двадцать второго июля 1942 года началась самая кровавая фаза «окончательного решения еврейского вопроса». В память о Гейдрихе эта акция получила название «Рейнгардт». Ко времени ее окончания осенью 1943 года было уничтожено 1,7—2 миллиона евреев и 50 тысяч цыган⁷⁰.

МИР СС И ИХ СООБЩНИКОВ

Структура управления концентрационным лагерем

В 1934 году Эйке впервые создал в Дахау новую структуру управления концентрационным лагерем, которая после реформирования системы распространилась на все концлагеря и в целом сохранялась до конца Второй мировой войны. «Штаб комендатуры» в концентрационных лагерях на территории Третьего рейха включал коменданта, адъютанта, политический отдел, отдел «превентивного ареста», отдел лагерного управления, лагерного врача.

Главной фигурой эсэсовской иерархии концентрационного лагеря являлся комендант. Он назначался личным распоряжением Гиммлера по представлению главы Инспекции концентрационных лагерей. В служебном предписании для лагерного персонала отмечалось: «...комендант должен осведомляться обо всех происходивших в лагере процессах и упорядочивать работу сотрудников»⁷¹. В соответствии с предписанием во все лагерные отделы ежедневно поступали его письменные распоряжения, касавшиеся вопросов их функционирования и поддержания казарменного порядка. Наиболее важные приказы, в первую очередь о массовых убийствах, за исполнение которых комендант нес персональную ответственность перед руководством инспекции, он озвучивал устно, назначая непосредственных исполнителей операции.

Комендант обладал огромной властью. Он имел право инициировать наказание эсэсовцев, переводить их в другой концентрационный лагерь, повышать или

понижать в должности. Подобные возможности позволяли ему поддерживать дисциплину в рядах подчиненных. Лишь комендант мог санкционировать различные виды наказаний узников вплоть до смертной казни — сделав формальный запрос в Инспекцию концентрационных лагерей и получив ее разрешение. В реальности отказов комендантам со стороны инспекции не было. Более того, подобные запросы вполне могли осуществляться, когда казнь или экзекуция узника уже состоялись.

С весны 1942 года Освальд Поль подчинил комендантам предприятия СС, располагавшиеся при лагерях. Коменданты становились ответственными за их экономическую эффективность:

«1. Руководство концентрационным лагерем и всеми находящимися в районе его действия предприятиями охранного отряда осуществляет комендант лагеря. Поэтому он один несет ответственность за производительность хозяйственных предприятий.

2. Комендант лагеря при осуществлении руководства над хозяйственными предприятиями прибегает к помощи директора завода. Директор завода должен докладывать коменданту лагеря о наличии опасений или недостатков производственного и хозяйственного порядка при выполнении распоряжений коменданта лагеря. <...>

4. Комендант лагеря только один отвечает за использование рабочей силы. Это использование должно быть исчерпывающим в полном смысле этого слова, чтобы достигнуть максимума производительности. Предоставление работы производится только централизованно, через начальника отдела Д-управления. Сами коменданты не имеют права по собственному усмотрению принимать работу третьей стороны или вести переговоры по этому вопросу. <...>

8. Выполнение этого приказа ставит перед каждым комендантом лагеря более высокие требования, чем до сих пор. Ввиду того, что едва ли имеется лагерь, похожий один на другой, не следует обращать внимание на уравнилельные предписания. В этом отношении вся инициатива возлагается на коменданта лагеря. Он должен обладать специальными познаниями в военном и хозяйственном вопросах, равно как и умением мудро

руководить группами людей, которые он должен объединить для получения высокого производственного потенциала»⁷².

Для оперативного обсуждения внутрилагерных вопросов комендант имел «штаб», в который входили высшие офицеры СС. Но реально его «правой рукой» был адъютант, которому фактически был подчинен первый отдел лагерной администрации и который управлял собственным отделом — адъютантурой. Вся официальная почта, включая секретную, проходила через адъютанта. Все личные дела персонала СС подготавливались им и представлялись коменданту. Именно адъютант и его подчиненные координировали отправку в РСХА и ИКЛ запросов о наказаниях узников, а после согласования готовили приказы о приведении их в исполнение. Адъютанту же передавались протоколы исполнения телесных наказаний. Он также должен был заказывать составы, отвозившие заключенных к местам уничтожения, курировал деятельность руководителя крематория. Таким образом, адъютант не только был осведомлен об уничтожении узников, но и участвовал в подготовке этого процесса. По сути адъютант являлся заместителем коменданта⁷³.

Руководитель политического (второго) отдела являлся сотрудником Главного управления имперской безопасности и занимал в концлагере особое положение. Формально он находился в подчинении коменданта, но фактически отвечал только перед начальством в РСХА и местными подразделениями гестапо и полиции. Сотрудники политического отдела были единственными представителями аппарата управления лагерем, которым разрешалось находиться на службе в гражданской одежде. Узники встречались с ними при попадании в концлагерь, так как те отвечали за регистрацию вновь прибывших, а также за их освобождение или перевод из лагеря.

В политическом отделе создавалась и хранилась база личных дел заключенных, составлялись списки поступивших. Отдел регулярно информировал ИКЛ об общем числе узников. Кроме того, сотрудники второго отдела занимались вербовкой заключенных и допросами подозреваемых в саботаже или иных формах нелегальной деятельности. Ойген Когон, бывший узник

Бухенвальда и автор классического труда по истории системы нацистских концентрационных лагерей, писал: «...допросы политического отдела представляли особенно изощренную форму издевательств над психикой, тем более что всё, имеющее отношение к террору гестапо, было покрыто глубокой тайной. Заключенные часто исчезали без следа, будучи вызванными в политический отдел. Этот вызов, объявленный по громкой связи, вполне мог довести узника до сердечного приступа»⁷⁴.

Политический отдел отвечал за ведение документации о статистике смертности в концлагере. К ведению данного отдела относились «специальные» лагерные помещения — крематорий и бункер. Таким образом, его сотрудники были вовлечены в процесс уничтожения заключенных. Особое значение политическому отделу придавала функция слежки за представителями лагерной администрации и охраной. Любые преступления эсэсовцев — связи с узниками, коррупционные аферы и прочее — расследовались чиновниками лагерного гестапо. Поэтому отношения между представителями политического отдела и остальными эсэсовцами были весьма напряженные⁷⁵.

Самым большим в комендатуре был третий отдел — «превентивного ареста». Этот отдел возглавлял шутцхафтлагерфюрер — официальный заместитель коменданта. Для большинства узников, которые никогда не видели коменданта, именно он ассоциировался с начальником концентрационного лагеря. Шутцхафтлагерфюрер отвечал за исполнение лагерного распорядка: проверял места размещения и работы заключенных, присутствовал при апелляциях* — лагерных переключках и при наказаниях провинившихся.

Третий отдел параллельно с политическим занимался регистрацией узников. В его компетенции были составление списков рабочих бригад и ежедневных списков заключенных, рапорты внутрилагерным и внешним инстанциям, заполнение и передача в политический отдел карточек с информацией о смертях узников⁷⁶.

В женских концентрационных лагерях и женских

---

* От нем. Appell — проверка, сбор.

отделениях смешанных лагерей имела должность старшей надзирательницы — «оберауфзеерки» (нем. *Oberaufseherin*), возглавлявшей женский персонал лагеря. Вместе со старшими офицерами она входила в состав штаба коменданта и являлась заместителем шутц-хафтлагерфюрера⁷⁷. В ее компетенции были получение от рядовых надзирательниц сведений о количестве узниц, необходимом продовольственном снабжении и передача их в различные отделы лагеря. Она ежедневно проводила утренние собрания надзирательниц, на которых давала им распоряжения. Старшая надзирательница руководила подбором кадров из узниц на вспомогательные лагерные посты — блоковых, штубовых* и пр. Ею же осуществлялся общий контроль за порядком в женских бараках и на производстве⁷⁸. Сфера ее полномочий пересекалась с обязанностями шутц-хафтлагерфюрера, что приводило к конфликтам между ними.

Сотрудники четвертого управленческого отдела административного аппарата концентрационного лагеря должны были осуществлять размещение и обеспечение эсэсовцев и заключенных всем необходимым. Ему подчинялись предприятия, связанные с концлагерем, а также те лагерные подразделения, которые отвечали за повседневное функционирование: кухня, прачечная, склады с одеждой и помещения для ее дезинфекции. Техническое оснащение и обслуживание всей инфраструктуры лагеря также входило в зону ответственности этого отдела. Его чиновники были организаторами катастрофических условий содержания узников. Именно в ведении управленческого отдела находилось хранение конфискованной собственности узников, становившейся в итоге добычей СС⁷⁹.

Пятый, медицинский (санитарный) отдел, как и политический, был на особом положении. Фактически комендант не имел права вмешиваться в его работу. Возглавлявший отдел лагерный врач находился в непосредственном подчинении главного врача концлагеря при ИКЛ, а в дальнейшем — главного врача

---

* Блоковый — узник, назначенный старшим среди заключенных в бараке. Штубовый (от нем. *Stube* — комната) — помощник блокового, отвечавший за поддержание порядка в одном из спальных помещений барака.

отдела «D III» ВФХА. Ему, в свою очередь, подчинялись увеличивавшийся по мере укрупнения концлагеря штат врачей, лагерная аптека, стоматологический кабинет и даже (с 1944 года) лагерные бордели. В соответствии со служебным предписанием лагерный врач отвечал не только за медицинское обслуживание сотрудников СС, членов семей офицеров, но и заключенных, контролировал санитарные условия в лагере и качество пищи. Но на деле лагерные врачи не предоставляли никакой помощи больным узникам, ограничиваясь проверкой их работоспособности и отделением обессилевших, не способных трудиться, которые затем отправлялись на уничтожение. Фальсификация в личных документах узников причин смерти, непосредственное участие в акциях убийств и проведение псевдомедицинских опытов делали медицинский отдел концлагеря одним из самых ужасных подразделений⁸⁰.

Помимо перечисленных в некоторых концлагерях возникали и другие подразделения. В 1941 году в крупных концентрационных лагерях функционировал отдел, отвечавший за идеологическую работу с эсэсовцами (в остальных лагерях его функции были поделены между другими лагерными отделами). Его сотрудники инструктировали поступающих на службу эсэсовцев, делали для лагерного персонала политические доклады, проводили мероприятия нацистского объединения «Сила через радость» (*нем.* Kraft durch Freude — KDF), занимавшегося в Третьем рейхе организацией досуга населения в соответствии с идеологическими установками.

В некоторых концлагерях существовали судебные отделы, сотрудники которых занимались выявлением коррупции среди лагерного персонала, расследованием убийств, в которых подозревались эсэсовцы, в том числе убийств узников при побегах и даже их самоубийств. Подчинялись такие подразделения комендантам и являлись противовесом фактически независимым политическим отделам. Они позволяли несколько ограничивать жестокость эсэсовцев, не санкционированную сверху. Однако в большинстве концлагерей функции судебного отдела закреплялись за адъютантурой.

Филиалы центральных концлагерей не были са-

мостоятельны. Их руководителями были лагерфюреры, функции которых совпадали с функциями шутц-хафтлагерфюреров в главных лагерях. Очень часто они принадлежали к младшему офицерскому составу СС. В филиалах не было и речи о самостоятельном отделе гестапо или медицинском. Штат администрации был небольшим, преобладал же охранный персонал.

Что касается управления концлагерями на оккупированной территории Советского Союза, то, если они подчинялись ВФХА, его структура формально должна была соответствовать той, которая существовала в лагерях на территории рейха. Однако в реальности отделов администрации было меньше, и небольшой штат сотрудников брал на себя несколько функций. Аналогичным образом обстояла ситуация и в концлагерях РСХА — их администрация тоже была немногочисленна. Весомую роль в управлении и охране концентрационных лагерей на территории СССР играли местные коллаборационисты.

Быт офицеров

О том, как жили офицеры СС при концентрационных лагерях, известно не очень много — большую часть информации им удалось скрыть или уничтожить. Да и интерес к повседневной жизни этих преступников у общественности и историков появился не так давно. Тем не менее есть возможность познакомить читателей с некоторыми фактами из эсэсовской повседневности.

Служебные дома для офицеров и их семей часто находились в непосредственной близости от концентрационного лагеря. Дом коменданта Нацвейлера с бассейном располагался всего в 500 метрах от дороги, ведущей в газовую камеру. Вилла коменданта находилась в непосредственной близости от лагерного забора из колючей проволоки.

В Дахау дома офицеров располагались на «улице СС», и в них в общей сложности проживало 150 семей. Местные жители выдворялись из своих домов, которые перестраивались для нужд эсэсовцев. В 1938 году, чтобы привлечь частный капитал к строительству квартир для своих сотрудников, СС создали «Жилищную ассоциа-

цию Дахау». Согласно первому годовому отчету было построено 26 квартир и ресторан, еще 29 квартир были практически готовы. Среди эсэсовцев-новоселов был и будущий руководитель лагерной системы Освальд Польш.

В Бухенвальде главная улица называлась в честь главы Инспекции концентрационных лагерей Эйке. Она начиналась еще в лагере, а заканчивалась в офицерском поселке, состоявшем из десяти вилл. Каждая из них имела всё необходимое для жизни — от центрального отопления до телефона. В 1941 году офицерское поселение в Аушвице насчитывало 47 домов, из которых 32 были рассчитаны на одну семью. Офицеры СС также могли проживать в городке Освенцим в домах, отобранных у местных жителей.

Оплата служебных квартир осуществлялась по специальным тарифам. Оберштурмфюрер Гросс-Розена Вальтер Эрнстбергер в декабре 1944 года должен был заплатить за период с марта по декабрь за пользование трехкомнатной квартирой с ванной, кладовой и кухней всего лишь 100,45 рейхсмарки (при этом его ежемесячное жалованье составляло около 300 рейхсмарок). Оплатить можно было наличными, непосредственно в концлагере или перевести деньги на специальный банковский счет концлагеря⁸¹.

Иногда офицеров не устраивало их размещение. Комендант лагеря Флоссенбург писал руководству: «Местные жилищные условия очень плохие. Цены на продукты питания здесь такие же высокие, как в Веймаре, Дахау или даже в таких больших городах, как Берлин, Мюнхен и др. ... Однако в культурном плане Флоссенбург не предлагает ничего». Вильгельм Фассбендер — руководитель политического отдела — отмечал, что во Флоссенбурге плохие жилищные условия и «лишь в силу необходимости приходится спать в этих сырых помещениях»⁸².

Дома комендантов могли находиться чуть поодаль или вообще отдельно от офицерского поселка. Одна из самых шикарных вилл была у коменданта Бухенвальда Карла Коха. Она, помимо прочего, имела ипподром и зоопарк, которые были выстроены узниками специально для развлечений жены Коха, Эльзы, и их детей. Комендант Флоссенбурга Кегель под влиянием своей супруги не стал жить в особняке рядом с лагерем, а на-

чал постройку собственного дома с горячим водоснабжением, телефоном, личным гаражом — несмотря на то, что комендантом он стал в 1943 году, в самый разгар войны.

Семьи офицерского состава СС могли не только размещаться в специально построенных для них домах, но и снимать жилье в городах и населенных пунктах поблизости от концлагерей. Вместе с немецкими бюргерами, приезжавшими работать на нацистских предприятиях и расселявшихся в местных городах и городках, они увеличивали их население, а также влияли на развитие инфраструктуры. В захудалом местечке Флоссенбург увеличение числа жителей привело к тому, что в дополнение к местному медицинскому учреждению, не справлявшемуся с обслуживанием возросшего числа пациентов, горожанам было разрешено посещать более современную клинику СС. Для обучения 250 детей офицеров Дахау город даже построил школу. Для детей офицеров Аушвица в близлежащем польском городишке Освенцим также появились детский сад и школа. А Освальд Поль после посещения Аушвица 16 августа 1943 года инициировал создание там детского дома и роддома для немок.

Поначалу к появлению Дахау местные предприятия отнеслись с большим оптимизмом, рассчитывая зарабатывать на его обслуживании и обеспечении. За счет прибывавших эсэсовцев вырос рынок арендного жилья, а местные пекарни еженедельно поставляли в Дахау до семи тысяч буханок хлеба. Однако вскоре ситуация изменилась. К 1939 году уже пекарня лагеря поставляла необходимые 25 тысяч буханок; работавшие бесплатно узники — жестянщики, кузнецы, плотники — обеспечивали концлагерь продукцией, и лагерное руководство не стремилось к сотрудничеству с местными предпринимателями. Знаменательным исключением была колбасная фабрика Ганса Вюльферта, одного из основателей местного отделения НСДАП. С 1937 года до освобождения концлагеря в апреле 1945-го фабрика продала столовой СС продукцию почти на полмиллиона рейхсмарок. Миллионы были заработаны Вюльфертом и на поставках мясной продукции вермахту и СС⁸⁵.

СС становились частью местной культурной жизни. В течение 1930-х годов посещение Дахау было обяза-

тельным для мюнхенских стажеров-юристов, которым внушали, что условия там были «трудны, но справедливы» и сопоставимы с заключением по решению суда⁸⁴. В июне 1938 года нацистский праздник солнцестояния отмечался в районе, где располагался концлагерь Флоссенбург, особо массово и с помпой, так как в нем принимали участие эсэсовцы из лагеря. Именно члены лагерного персонала были инициаторами создания военных памятников в городе. Комендант лагеря всегда был готов посылать узников на различные городские работы. Местные жительницы могли просить коменданта о предоставлении им узниц в качестве домработниц, в то время как сами они занимались сельским хозяйством, а их мужья находились на фронте.

Гостиница «Ахтендиек» поблизости от Нойенгамме была одним из тех мест, где офицеры СС проводили свободное время за кружкой пива или просмотром фильмов. Местная жительница вспоминала: «Во всех ресторанах, конечно, можно было встретить эсэсовцев, так как у них было много свободного времени, а им было очень скучно, и если они не ехали в Бергедорф (один из районов Гамбурга. — С. А.), то они должны были что-то делать. И тогда они пытались находить знакомства здесь, среди крестьян, хотя крестьяне очень консервативны и, наверное, не очень охотно хотели видеть, что они знакомились здесь с их дочерьми. Они шли сюда в гостиницу, чтобы танцевать с девочками, но так уж много близких контактов, я думаю, не было. Хотя несколько девочек сочетались браком с эсэсовцами»⁸⁵.

Для создания позитивного мифа о концлагере в 1936 году в Дахау были приглашены корреспонденты местных газет. После посещения лагеря они писали: «И какие сказки рассказывались за границей об охранниках в концентрационных лагерях! Так много разговоров о варварстве и жестокости. Эта ложь была бы тут же опровергнута, если бы читатель каждой эмигрантской статьи имел возможность видеть лица этих молодых людей. Нет, это не зверская толпа наемников, но дисциплинированная команда, набранная на работу из лучших представителей молодежи Германии»⁸⁶. Вскоре такая обработка населения дала свои плоды. Люди стали верить, что в лагерях находятся преступники, заслужившие наказание. Даже стали пугать своих детей —

угрожать отправить в Дахау, если они будут плохо себя вести. Но любопытство брало верх — мюнхенская пресса регулярно сообщала о попытках населения прогуляться поблизости от концлагеря или даже проникнуть внутрь. Это приводило к арестам местных жителей и постоянным предупреждениям со стороны нацистов — не приближаться к концлагерю без разрешения. В то же время для жителей окрестностей Нойенгамме имелась возможность посещать концлагерь. В 1943 году по воскресеньям по специальным входным билетам они могли попасть на его территорию на концерт лагерного оркестра.

Чтобы офицеры Аушвица могли отдохнуть от «скучной работы», для них был организован разнообразный досуг. Адьютант коменданта лагеря Роберт Мулка вспоминал, что «обслуживание войск осуществлялось очень хорошо, с театром, кино, яркими вечерами»⁸⁷. Помимо этого при концлагере имелись импровизированный футбольный стадион, библиотека, фотолаборатория, бассейн, оркестр из заключенных и даже бордель.

Семьи офицеров СС играли особую роль в повседневной жизни нацистских преступников. Врач Аушвица Эдуард Вирт писал своей жене в декабре 1944 года: «Да, сладкая моя, так как ты и дети были со мной в Освенциме, ничто там не напоминало мне о войне!»⁸⁸ Присутствие семей рядом с офицерами облегчало психологическую нагрузку, которую они испытывали во время массового уничтожения узников. Это был очередной вызов человеческой морали и разуму — семьи, осознанно или нет, помогали преступникам совершать злодеяния. Знали ли они о происходившем в находившихся рядом концлагерях? Безусловно. Ирена Менгеле, жена врача, проводившего псевдомедицинские эксперименты на детях в Аушвице, заболев дифтерией в конце 1944 года, была помещена в лазарет СС, находившийся напротив крематория, и стала свидетельницей массовых преступлений. Но в дневнике, который она вела, об этом не было ни слова. Ее интересовало другое: купание в речке Соле, собирание еживики — в общем, наслаждение жизнью. Первые три недели, которые она провела в Аушвице, жена «доктора Смерть» охарактеризовала как «идиллические». Преисполненная гордости, она даже описала «научное заседание» в Аушвице с

За корку хлеба: узник Аушвица сочиняет письма от имени эсэсовцев и украшает их изображениями цветов. Рисунок Д. Олера. 1946 г.

участием мужа, который делал доклад на основе своих «исследований» в концлагере.

Хедвиг Хенсель, супруга коменданта Аушвица Хёсса, дважды в месяц устраивала приемы для офицеров СС, местных предпринимателей, представителей нацистской партии и их семей. Среди гостей был и рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. Рейхсфюрер любил играть с детьми Хёсса, которые называли его «дядя Хайни». Сцены этих встреч были запечатлены на фотографиях, которыми были увешаны стены виллы Хёсса. Комендант Аушвица отмечал в мемуарах: «...всё больше я уходил в себя. Я стал одинок и неприступен, заметно очерствел. Моя семья, особенно жена, очень страдала из-за этого — я бывал невыносим. Я не видел ничего, кроме своей работы. Это вытеснило из меня всё человеческое. Моя жена пробовала вырвать меня из этой темницы. Она пробовала «открыть» меня, приглашая знакомых издалека, устраивала с той же целью дружеские встречи, хотя ее такая общественная жизнь интересовала так же мало, как меня»⁸⁹.

Узники вынуждены были обслуживать семью коменданта и исполнять не только его желания, но и прихоти его жены и детей. Например, перед каждым застольем супруга коменданта вызывала одного из узников, Станислава Дубиля, и указывала, какие продукты необходимо доставить. При этом она никогда не давала ни денег, ни продуктовых карточек. Продукты должны были быть получены с лагерного склада, в котором находились и продукты евреев, прибывших в концлагерь и отправленных в газовую камеру. Лагерная ферма Райско также обеспечивала их овощами, а жену коменданта — цветами для ее сада.

Лучшие портные из Польши, Франции, Бельгии, оказавшиеся в Аушвице, обслуживали Хёсса и его семью. Одна из узниц, работавшая портнихой в его доме, вспоминала: «Однажды дети [Хёсса] подошли ко мне и попросили, чтобы я сшила им такие же повязки на руку, какие носят узники. Я не знала, какие могут быть последствия. Клаус (старший сын Хёсса. — С. А.) получил нарукавную повязку капо*, а остальные дети — цветные

---

*Капо (от *фр.* *caporal* — капрал или *ит.* *capo* — голова) — название привилегированных заключенных в концлагерях

треугольники узников. Дети были очень довольны и побежали в сад, однако там они встретились с отцом, который сорвал эти знаки и отвел детей домой. Я, правда, не была наказана, мне только было запрещено делать подобное в будущем»⁹⁰. По свидетельствам узников, сын Йоханна Шварцхубера, на тот момент лагерфюрера Аушвица, отправлялся на поиски отца на его «работу» — в концлагерь, а на шее у него висела дощечка с надписью, кто он, чтобы мальчик случайно не оказался в газовой камере.

Бывший узник Ежи Равич, работавший на одной из фабрик в Аушвице, отмечал, что лагерное руководство использовало вещи евреев, привезенных с транспор-тами или проживавших неподалеку от концлагеря, для своих нужд: «Чего там только не было! Кожаные кресла, люстры, чемоданы, дамские сумочки, обувь, мебель, различные предметы из кожи и металла, игрушки для детей и ковры»⁹¹. Специальная пошивочная мастерская занималась обслуживанием только эсэсовцев и надзирательниц. Когда Рудольфа Хёсса перевели из Аушвица на повышение в Берлин, для перевозки вещей понадобилось четыре железнодорожных вагона.

Неудивительно, что об Аушвице Хедвиг вспоминала как о месте, в котором она «хотела бы жить и умереть». Даже когда в 1946 году жена Хёсса была арестована английскими солдатами, при ней было обнаружено множество ценных вещей, принадлежавших бывшим узникам. Надо сказать, что жена Хёсса была не одинока в воспоминаниях о жизни рядом с концентрационным лагерем как о «прекрасном времени». Рут Кадлер, гражданская жена коменданта Плашова Амона Гёта, также с теплотой вспоминала свое прошлое в одном из послевоенных интервью: «Ах, Плашов»... Она сделала паузу и затем внезапно сказала: «Вам скажут, что у меня была лошадь и что я была шлюхой. Это правда, я спала со многими офицерами, но только пока не нашла Гёта, и он купил мне лошадь. Ах, Гёт — это человек мечты... Это было прекрасное

Третьего рейха. В широком смысле термин использовался для обозначения лагерного «актива» — заключенных, занимавших различные посты в «самоуправлении»; кроме того, так называли узников, руководивших рабочими бригадами.

время. Мы наслаждались тем, что были вместе. Мой Гёт был королем, а я была королевой»⁹².

Им действительно было что вспомнить. Тот же Хёсс писал в мемуарах: «Да, моей семье жилось в Освенциме хорошо. Каждое желание, возникавшее у моей жены, у моих детей, исполнялось. Дети могли жить свободно и безмятежно. У жены был настоящий цветочный рай. Заключение делали всё, чтобы сделать приятное моей жене и детям, чтобы оказать им любезность. Ни один из бывших заключенных не сможет сказать, что в нашем доме с ним плохо обошлись. Скорее моя жена могла что-нибудь подарить тому заключенному, который у нас работал. Дети постоянно выпрашивали у меня сигареты для заключенных. Особенно дети были привязаны к садовникам. Вся семья отличалась любовью к сельскому хозяйству и особенно ко всяким животным. Каждое воскресенье я вместе с семьей объезжал поля, обходил стойла для животных, не исключая и псарни. Две наши лошади и жеребёнок пользовались особой любовью. В саду у детей всегда водились какие-нибудь зверьки, которых им вечно приносили заключенные. То черепахи, то куницы, то кошки, то ящерицы — всегда в саду было что-нибудь новое, интересное. Летом дети плескались в бассейне в саду или в Соле. Самой большой радостью для них было плескаться вместе со своим папочкой. Но у меня было слишком мало времени, чтобы разделять детские радости. Сегодня я горько сожалею о том, что у меня не оставалось много времени для своей семьи. Ведь я всегда считал, что должен постоянно находиться на службе. Это преувеличенное чувство долга делало мою жизнь еще более тяжелой, хотя она была тяжела сама по себе»⁹³.

Правда, любовь к жене и детям не мешала Хёссу иметь любовницу, причем заключенную. Элеонора Ходис, австрийская «политическая» узница, оказалась в Аушвице весной 1942 года. Будучи прислугой в доме Хёссов, Ходис стала объектом сексуальных домогательств коменданта. Жена Хёсса, пытаясь препятствовать этим отношениям, уволила Элеонору. Но Хёсс был настойчив в реализации своих желаний — поместил Ходис в «специальные условия»: сначала в тюрьму главного административного здания, предназначенную для эсэсовцев, а потом в особо охраняемый блок № 11 и несколько раз насиловал ее. В итоге Элеонора заберемене-

ла, но палач сотен тысяч узников не смог, а возможно, и не захотел ее убить, правда, заставил подписать бумагу, что ее будущий ребенок от узника. Ходис сделала аборт. Но ей удалось выжить и стать свидетельницей на следствии, которое велось главным борцом с коррупцией в рядах СС Конрадом Моргеном⁹⁴. Лишь приближение окончания войны и связи Хёсса на самом верху нацистского государства спасли его от скамьи подсудимых. Слишком много сделал этот человек для системы, и ему позволялись подобные «слабости».

Не складывалась семейная жизнь и у начальника строительного отдела Аушвица Карла Бишофа. Бывшая служанка вспоминала, что его жена «была намного младше Бишофа, высокая, стройная, темноволосая... Она нигде не работала, только занималась домашним хозяйством и ходила по магазинам. Очень любила гулять. У нее были подруги, с которыми она договаривалась об прогулках... Они также играли в карты, пили водку и ели разные вкусные деликатесы... Когда Бишоф возвращалась поздно вечером после очередной пьянки и звонила в дверной звонок, я не спускалась. Я ждала, когда Бишоф ей откроет, так как я уже знала, что он избьет ее, а я не хотела больше этого видеть»⁹⁵.

Герхард Палич — хладнокровный убийца, о котором даже Хёсс отзывался с придыханием, — напротив, в кругу семьи был «лучшим человеком», как свидетельствовала его польская служанка. Этот «хороший человек», по-видимому, как практически все эсэсовцы, организовал воровство вещей узников с лагерного склада, за что и поплатился. Возможно, из-за использования этих вещей, зараженных тифом, заболела и умерла его жена. Та же служанка вспоминала: «...он пришел рано после работы домой. Я еще лежала с детьми наверху, в спальне, когда услышала внизу громкий плач... Я поняла, что с госпожой Палич произошло что-то плохое. Когда Палич поднялся наверх, он взял детей, обнял их и сказал, что у них больше нет матери. Я также очень страдала от этого, так как хорошо к ней относилась»⁹⁶. После смерти жены этот убийца окончательно опустился — начал пить, регулярно приводил в свой дом женщин — лагерных надзирательниц, а потом и узниц. Подобное поведение стало предметом разбирательства особой комиссии СС и привело к его отставке.

Большинство жен офицеров СС предпочитали закрывать глаза на деятельность своих мужей, получая лишь выгоду, но были и те, кто принимал активное участие в преступлениях. Так, хотя жена коменданта Яновского лагеря Густава Вильхауза заявляла, что ничего не знала о деятельности мужа, имеются свидетельства бывших узников, в которых отмечалось, что она вместе с мужем стреляла по заключенным с балкона своего дома: «Вильгаус (то есть Вильхауз. — С. А.) расстреливал людей для удовольствия жены и дочери. Он даже передавал автомат жене, и она стреляла в заключенных. Дочь аплодировала и кричала: “Папа, еще!”»⁹⁷.

Символом соучастия жен комендантов концентрационных лагерей в преступлениях своих мужей была жена коменданта Бухенвальда Карла Коха Эльза. Они познакомились в 1934 году, когда она стала его личным секретарем. Летом 1936 года, получив специальное разрешение на свадьбу, что означало соответствие необходимым расовым критериям, пара узаконила отношения. Церемония полностью соответствовала новому обряду СС — она проходила ночью при свете факелов, в дубовой роще. Мужчины, участвовавшие в событии, были одеты в парадную униформу отряда «Мертвая голова», охранявшего концентрационные лагеря. Вскоре после свадьбы Карла назначили комендантом Бухенвальда, и супруга последовала за ним.

Живя в шикарном особняке, построенном ее мужем, воспитывая троих детей, Эльза тем не менее не желала довольствоваться статусом жены коменданта. Ей хотелось власти и, по всей вероятности, реализации своих самых извращенных фантазий. Как свидетельствовали бывшие узники после войны, она жестоко избивала их собственноручно за любую «провинность» или, провоцируя своим вульгарным поведением — появлением перед ними в откровенных нарядах, — приказывала охранникам наказывать двадцатью пятью палочными ударами даже за взгляд в ее сторону. Эльза любила развлекаться, при езде верхом направляя коня на изможденных узников.

Но ни с чем не сравнимой была ее страсть, о которой свидетельствовали бывшие заключенные, — коллекционирование предметов, сделанных из кожи людей, имевших татуировки. К подобным вещам, по словам

узников, относились перчатки, книжные переплеты и абажур, якобы находившиеся на вилле Коха. То, что абажур из человеческой кожи существовал, подтверждалось показаниями доктора Густава Вегерера и Йозефа Акермана — бывших узников, работавших в патолого-анатомическом отделе Бухенвальда. Вегерер после войны свидетельствовал, что Карл Кох и врач СС Мюллер в 1941 году пришли к ним в отдел, где подготавливалась кожа для создания абажура, и отбирали «подходящие» татуировки, так как использовавшиеся ранее якобы «не понравились» Эльзе. Летом 1941 года готовая лампа, подставка которой была выточена из человеческой кости, была доставлена Акерманом на виллу Коха во время празднования дня его рождения и произвела на гостей сильное впечатление. Тем не менее, чтобы высшее руководство СС не узнало об этом факте, лампа практически сразу же исчезла⁹⁸. Отсутствие бесспорных доказательств, подтверждавших подобную извращенную склонность Эльзы Кох, стало основанием для решений двух судов, американского и немецкого, об отклонении этого обвинения в ее адрес. Нацисты умели замечать следы... А Эльза Кох была приговорена к пожизненному заключению и провела в баварской тюрьме более двадцати лет. 1 сентября 1967 года, уже в преклонном возрасте, она повесилась в камере. Ее тело похоронили на тюремном кладбище, в могиле без опознавательных знаков.

Лагерные коменданты

Среди всех чиновников аппарата управления концентрационным лагерем коменданты, безусловно, играли главную роль. Биографии комендантов концлагерей, подчинявшихся ИКЛ и позднее ВФХА, достаточно хорошо изучены по сравнению с биографиями комендантов концлагерей на территории оккупированного СССР, и их социально-психологический портрет можно составить гораздо более детально⁹⁹. Однако, судя по имеющимся данным, можно полагать, что у тех и других было много общих черт, особенно когда речь идет о психологии преступлений.

Общее число комендантов концлагерей ИКЛ/

ВФХА составляло 46 человек. Их возрастной состав постоянно изменялся: если в начале существования системы это часто были мужчины, достигшие пятидесяти пяти лет, то в дальнейшем появлялось всё больше молодых, и к 1942 году было немало тех, кто лишь недавно перешагнул порог тридцатилетия. Абсолютное большинство являлись выходцами из низших слоев среднего класса и рабочей среды. Их максимальный образовательный уровень был не выше среднего специального образования, да и оно было редкостью. Подавляющее число комендантов концлагерей участвовали в Первой мировой войне, а затем состояли в различных националистических организациях. Их яростный национализм проявился в приверженности идеям нацистской партии, в которую большинство из них вступило в самом начале 1930-х годов, еще до прихода Гитлера к власти. Верность патриархальным традициям, поддерживаемым в среде нацистов, стала основой для формирования представлений комендантов о семье — большинство были многодетными. В итоге «идеальный тип» коменданта нацистского концентрационного лагеря представлял собой убежденного нациста средних лет, с невысоким уровнем образования, ориентированного на беспрекословное, без раздумий и обсуждений, исполнение приказов высшего руководства.

Что же касается психологии комендантов, то здесь также обнаруживаются некоторые закономерности. Среди них можно выделить несколько основных типов поведения. Первый — идейные бюрократы, не только стремившиеся к неукоснительному исполнению приказов начальства, но и предвосхищавшие его решения своими действиями. Второй тип — меркантильные чиновники, осуществлявшие волю фюрера и при этом не забывавшие о личном интересе. Они не стремились предлагать собственные идеи, зато пользовались моментом, чтобы получить максимум выгоды от своего положения. Наконец, третьи — садисты, извращенцы, получавшие в первую очередь удовольствие от насилия и стремившиеся применять его, даже когда оно не было ничем мотивировано и никем из руководства не направлялось. Эти три типа часто трудно выделить в ком-то из комендантов «в чистом виде»; в большинст-

ве случаев они могли смешиваться и доминировать в разные периоды жизни. Тем не менее были личности, которые могут характеризоваться как яркие представители того или иного типа.

Идейный бюрократ Рудольф Хёсс

Хёсс родился 25 ноября 1900 года в семье ревностных католиков. Под влиянием отца-фанатика, давшего обет определить сына на путь священства, как только он достигнет совершеннолетия, юные годы Рудольфа были полностью посвящены Церкви. Вполне возможно, что именно влияние деспотичного отца стало ключевым для формирования в будущем коменданте Аушвица такого качества, как беспрекословное подчинение старшим, вышестоящим начальникам, наиболее авторитетным лицам. Желая воспитать верного пастыря, отец укрепил в Рудольфе религиозное чувство. После смерти отца Рудольф Хёсс сменил объект поклонения — вместо поступления в семинарию стал в 1921 году членом НСДАП.

Смерть отца в 1914 году совпала с началом Первой мировой войны, и юный Рудольф, освободившийся от постоянного контроля, искал возможность попасть на фронт. Ухаживая вместе с работниками Красного Креста за ранеными, он познакомился с одним из военных, который помог ему в 1916 году оказаться на войне. Хёсс отправился в Турцию на Иракский фронт. Свою тягу к участию в боевых действиях он как убежденный нацист объяснял зовом «солдатской крови» предков, хотя, безусловно, романтика войны для шестнадцатилетнего юноши играла немаленькую роль. К концу войны Хёсс был унтер-офицером с несколькими наградами — Железными крестами 1-й и 2-й степени. Война стала для него и таких, как он, своеобразной инициацией. Позднее он писал: «Дрожащий от страха, сбежавший от матери школьник, каким я был в своем первом бою, превратился в усталого сурового солдата»¹⁰⁰.

Однако после Первой мировой войны мир, к которому привык и в котором хотел жить Хёсс, перестал существовать. Как и всему фронтовому поколению, ему пришлось приспосабливаться к жизни в новой Герма-

нии — проигравшей войну и переживавшей тяжелые времена.

Безработица, охватившая страну, а также личная неустроенность заставили Хёсса искать поддержки в понятной ему и привычной для него среде — Добровольческом корпусе Восточной Пруссии по охране границы и Добровольческом корпусе Росбаха. Добровольческие отряды, создававшие видимость фронтового братства, были далеки от гражданских, демократических ценностей и принципов. Но именно в этих подразделениях Хёсс снова обрел «родину, уверенность в себе, товарищей», стал членом «братства», без которого не мыслил своей жизни.

С конца 1919 года участники добровольческих отрядов начали организовывать «сельскохозяйственные» или «рабочие» общины. Членом одной из них стал и Хёсс. Целями подобных организаций были поддержка бывших солдат и сохранение контактов между ними на случай выступления против ненавистной Веймарской республики. Рудольф Хёсс стал курьером, связывавшим членов этих нелегальных организаций с одним из их идейных лидеров Эрихом Людендорфом — известнейшим генералом немецкой армии времен Первой мировой. Именно Людендорф, предположительно в 1921—1922 годах, познакомил Хёсса с Гиммлером.

Тридцать первого мая 1924 года произошло событие, ставшее одной из значительных вех в судьбе Хёсса. Неподалеку от имения Нойхоф близ Пархима с особой жестокостью был убит школьный учитель Вальтер Кадов. Нападавшие сначала избили его палками, затем перерезали горло и добились двумя выстрелами из пистолета. Как выяснилось в ходе следствия, он погиб от рук своих товарищей по организации, среди которых был и Хёсс. Впоследствии, уже в ожидании казни в польской тюрьме, Хёсс указал в воспоминаниях, что Кадов якобы был виновен в выдаче французам Лео Шлагетера — немецкого партизана, участвовавшего в диверсиях против французов во время оккупации Рура в 1923 году и приговоренного французским военно-полевым судом к смерти. Хотя фактов, подтверждающих это заявление Хёсса, так и не было обнаружено. 15 марта 1924 года он был приговорен к десяти годам лишения свободы.

Хёсс оказался изолированным не только от общества, полноценным членом которого так и не стал, но, главное, от того «военного братства», с которым он ощущал неразрывную связь. Тюремное одиночество стало для него серьезным испытанием. По прошествии двух лет заключения Хёсс находился на грани помешательства, пережив «тюремный психоз».

Но опыт бранденбургской тюрьмы впоследствии пригодился. Хёсс внимательно наблюдал за миром заключенных. Став вершителем судеб узников в Аушвице, он использовал свои наблюдения, которые тогда, в 1924—1928 годах, казались ему бесполезными.

Летом 1928 года Рудольф Хёсс был амнистирован. Он приехал в Берлин. Столица «раздавила» его шумом и новой, непривычной жизнью. Именно поэтому, а также следуя своей мечте создать личное крестьянское хозяйство, Хёсс отправился в деревню, где пробыл до 1934 года. В это время он вступил в антиурбанистический, антиславянский, антисемитский союз «Артаманы» («Artamanen» — защитники страны). Там он познакомился со своей будущей женой, а также вновь встретил Генриха Гиммлера, который с 1930 года руководил отделением «Артаманов» в Баварии. В 1934 году Хёсс был приглашен Гиммлером в соединения СС «Мертвая голова» и в декабре вместе с семьей переехал в Дахау. Здесь под руководством Эйке он знакомился с принципами организации лагерной жизни заключенных, рассматривая новое знание сквозь призму собственного тюремного опыта.

В мемуарах, написанных в тюрьме в ожидании казни (попытки самооправдания — вещь весьма распространенная в среде нацистских преступников, но, выйдя из-под пера этого человека, они выглядели особо цинично), Хёсс описывал свое первое присутствие при телесном наказании узника в Дахау как вынужденное мероприятие, «процедуру, от которой он трясся от отвращения». Он даже заявил: «...мне стало ясно, что я непригоден к службе, потому что внутренне не согласен с теми порядками в КЛ, которые насаждал Айке (Эйке. — С. А.). Внутренне я был слишком тесно связан с заключенными, потому что слишком долго и сам жил их жизнью, разделял их нужды»¹⁰¹. На самом же деле в течение последующих нескольких лет Хёсс быстро поднялся по

служебной лестнице от блокфюрера* до шутцхафтлагерфюрера Заксенхаузена. Подобный карьерный рост был возможен только при условии, что Хёсс безукоризненно, с точки зрения руководства, выполнял возложенные на него обязанности, доходя порой до фанатизма. Вероятно, именно это качество, а также личное знакомство с Гиммлером во многом повлияли на его назначение в 1940 году на должность коменданта нового концентрационного лагеря, который стал символом преступлений нацистов, — Аушвица.

Став комендантом Аушвица, Хёсс получил задание в кратчайшие сроки создать транзитный лагерь. Как всегда, он развил бурную деятельность по воплощению в жизнь данного ему распоряжения: «С самого начала мне стало ясно, что из Освенцима что-то полезное может получиться лишь благодаря неустанной упорной работе всех — от коменданта до последнего заключенного. Но для того, чтобы иметь возможность впрямь в работу всех, мне пришлось покончить с устоявшимися традициями концлагерей. Требуя от подчиненных высшего напряжения, я должен был показывать в этом пример. Когда будили рядового эсэсовца, я вставал тоже. Прежде чем начиналась его служба, я проходил рядом, а уходил позже. Редкая ночь в Освенциме обходилась без того, чтобы мне не позвонили с сообщением о чрезвычайном происшествии»¹⁰².

В мемуарах «гуманист» Хёсс откровенно лгал, что желал создать лагерь, кардинально отличавшийся от старых концлагерей, в которых он работал: в его лагере заключенные должны были хорошо питаться, продуктивно трудиться и требовать от лагерного руководства нормального отношения к себе. Мешали осуществлению этого желания лишь подчиненные — старая команда с устоявшимися взглядами на узников. Хёсс не солгал в одном — он действительно создал новый лагерь, от-

---

* Блокфюрер — старший по блоку, объединявшему несколько барачков; низшая административная должность в концлагере, обычно занимаемая унтер-офицером СС. Докладывал о численности узников, о состоянии дел в подчиненном ему блоке; контролировал работу вспомогательного персонала из числа заключенных; давал отзывы о заключенных; руководил проверками, обысками, назначениями на работу по лагерю.

личавшийся от предыдущих. Только отличие это состояло в невиданных дотоле масштабах убийств.

По свидетельству Хёсса, летом 1941 года он получил от рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера новое задание — начать подготовку к уничтожению евреев. Хёсс с гордостью воспринял тот факт, что именно ему доверили выполнение столь «важной» и «сложной» работы¹⁰³.

Для решения поставленной задачи Хёсс и его подчиненные применили «нестандартный подход»: средством массового уничтожения узников, которое по инициативе Хёсса начали использовать постоянно, стал газ «Циклон Б», впервые примененный в отношении советских военнопленных в августе 1941 года.

Совершение подобных преступлений Хёсс расценивал как свой долг, долг солдата, исполняющего приказ: «Меня постоянно спрашивали, как я и мои люди могут быть свидетелями такого, как мы всё это способны выносить. На это я всегда отвечал, что все человеческие порывы должны подавляться и уступать место железной решимости, с которой следует выполнять приказы фюрера»¹⁰⁴.

В конце 1943 года за «заслуги» Хёсс получил повышение. Он принял предложение Освальда Поля возглавить в Главном административно-хозяйственном управлении отдел «D I». Теперь его работа была связана с инспектированием концентрационных лагерей и организацией эксплуатации труда заключенных. Но, как писал сам Хёсс, он «сросся» с Аушвицем. 8 мая 1944 года ему было приказано вернуться туда и возглавить одну из масштабнейших и ужаснейших нацистских операций — уничтожение венгерских евреев. Никто кроме Хёсса не мог так быстро и без малейших сбоев организовать подобную бойню. За 56 дней — с мая по июль 1944 года — в Аушвице было уничтожено 430 тысяч венгерских евреев¹⁰⁵. Сама акция в честь ее вдохновителя и главного организатора получила название «акция Хёсса». Выполнив приказ, Хёсс возвратился к исполнению своих обязанностей в ВФХА.

После окончания войны Хёсс скрывался от правосудия под именем Франц Ланг. В 1946 году неподалеку от Фленсбурга он был арестован английской военной полицией и передан польским властям. Он даже принял участие в качестве свидетеля в Нюрнбергском трибуна-

ле и на процессе Американского военного трибунала в Нюрнберге по делу Главного административно-хозяйственного управления СС и «ИГ Фарбениндустри». Но и его самого ждал трибунал. Тогда же Хёсс написал воспоминания, озаглавив их «Моя душа. Становление, жизнь и переживания». За несколько дней до казни он написал письмо прокурору, в котором просил прощения у Бога и людей, в первую очередь у польского народа, за совершённые преступления. 2 апреля 1947 года Верховный народный трибунал Польской республики приговорил Хёсса к смертной казни через повешение. Приговор был приведен в исполнение рядом с территорией концентрационного лагеря Аушвиц.

Хёсс был ярким представителем типа комендантов, который можно условно назвать «идейный бюрократ», но, конечно, не единственным. Убежденными нацистами, безоговорочно верившими в идеи национал-социализма и при этом лично не убивавшими узников, а организовавшими, координировавшими этот процесс, были и другие коменданты. Вернер Хоппе, комендант Штуттгофа в Польше, без тени сомнений организовал массовое убийство евреев в 1944 году и псевдомедицинские опыты над людьми. «Идейный бюрократ» Макс Паули, назначенный комендантом Нойенгамме, получил от руководства иное задание — увеличить производительность труда узников — и, по свидетельствам некоторых выживших заключенных, даже немного улучшил условия заключения. За жестокое обращение с узниками без разрешения вышестоящих инстанций и лично Паули 20 эсэсовцев были наказаны, а один приговорен к смертной казни. Ганс Хюттиг, комендант Нацвейлера и Герцогенбуша, отметил: «Что касается морального аспекта работы, я хотел бы ответить таким образом: я не видел оснований, почему враги людей, а это те, кем они действительно были, не должны быть в концентрационных лагерях... Я прочитал регламент лагеря, и я не видел оснований выступить против него. Правда, люди часто действовали в нарушение приказов. Вы могли видеть отвратительные вещи. Были те, кто избивал заключенных с ужасной жестокостью. Были настоящие садисты, как, например, Карл Кох. Я не был таким»¹⁰⁶. Все эти люди были абсолютно убеждены в своей правоте, правоте своих руководителей и истинности тех идей, которые они исповедовали.

Карл Отто Кох, первый комендант Бухенвальда, происходил из семьи чиновника. Окончив начальную школу, он в возрасте пятнадцати лет начал работать посыльным, а также стал учеником в бухгалтерском отделе одного из немецких предприятий. Это профессиональное обучение Кох не завершил, так как началась Первая мировая война и он решил отправиться на фронт добровольцем. Правда, из-за несогласия матери осуществить мечту ему удалось не сразу. Только в марте 1916 года он наконец-то стал солдатом. Повоевать ему пришлось совсем недолго — помешали три ранения, долгое восстановление после них в лазаретах и, наконец, английский плен, в котором он пробыл до конца войны.

Когда Карл Кох вернулся домой, ему уже исполнилось 22 года. Окружавшая его жизнь была отнюдь не радужной. Он несколько раз сменил место жительства и работу. В 1928 году Кох был осужден за растрату денег фирмы, в которой работал. Дело ограничилось условным сроком и обязательством компенсировать украденное. Кроме того, Кох пережил кризис в личной жизни. В 1931 году он развелся с женой.

В том же году Кох вступил в НСДАП, после чего оставил работу и посвятил себя новой деятельности. Его навыки бухгалтера, в том числе, вероятно, и в проведении финансовых махинаций, оказались нужны партии. Он стал казначеем одного из партийных отделений. Правда, партийная деятельность в эти годы приносила большинству нацистов весьма небольшой доход. По всей видимости, бедность являлась причиной, по которой Кох не платил членские взносы в кассу партии, за что и был исключен из ее рядов дармштадтским отделением в 1932 году. Хотя, возможно, имели место очередные финансовые аферы. В любом случае только через три года, после всех выплат, он был восстановлен в НСДАП.

Несмотря на такое развитие ситуации, Кох быстро продвигался по карьерной лестнице СС. Он был одним из организаторов отрядов вспомогательной полиции в Касселе, которые вскоре стали частью подразделений СС «Мертвая голова», охранявших концентрационные лагеря. Так Карл Кох стал близок к системе, которой бу-

дет служить всю оставшуюся жизнь. Заксенбург, Эстервеген, Лихтенбург, Дахау, тюрьма Коламбия, Заксенхаузен, Бухенвальд, Люблин-Майданек были вехами на его карьерном пути.

Еще в 1934 году, когда Кох только начал свое карьерное восхождение в лагерной системе, один из его руководителей, Карл Эберштайн, охарактеризовал его как «энергичного, жесткого, спокойного, но решительного человека. Человека организованного, на которого всегда можно положиться... Очень умного»¹⁰⁷. Он обладал выдающимися работоспособностью и организаторским талантом. Осенью 1934 года Кох стал адъютантом Эйке, главного человека в концлагерной системе, в Дахау — главном лагере системы. Для своих руководителей Кох был преданным нацистскому движению человеком. В целом так и было. Но только Кох никогда не забывал и о себе, и своих интересах. Особенно он радел о них с тех пор, как в 1937 году стал всемогущим комендантом Бухенвальда.

Кох был молчаливый человек, мизантроп, которого чаще можно было увидеть с собакой, чем в окружении людей. Тиранические черты его характера лишь усиливались по мере продвижения вверх по карьерной лестнице и проявлялись в отношении не только узников, но и подчиненных ему эсэсовцев. Смертность заключенных в Бухенвальде при нем росла каждый год. Тех эсэсовцев, которых он выделял среди остальных, что бывало редко, он поощрял конвертами с деньгами, остальные же получали от него лишь побои и ругательство «коммунистические свиньи». Он контролировал все стороны лагерной жизни СС — от досуга до униформы.

Но Карл Кох вошел в историю нацистской лагерной системы не столько как садист или убежденный нацист, координирующий масштабные акции уничтожения. Он стал символом коррупции и воровства, которые были распространены во всей системе концентрационных лагерей Третьего рейха. Оказавшись в Бухенвальде, в изоляции от внешнего мира, Кох приступил к реализации своих коррупционных схем. Он открыл свой первый счет в банке и начал строить шикарную виллу стоимостью полмиллиона рейхсмарок. А шантаж евреев, оказавшихся в концлагере после ноябрьских погромов 1938 года, стал для него золотой жилой.

Для реализации своих планов Кох окружил себя помощниками, которые действовали как настоящая преступная группировка: его адъютант Герман Хакман, будущий комендант Майданека Герман Флорштедт, Мартин Зоммер, доктор Вальдемар Ховен и Иоганн Бланк — все они должны были ликвидировать свидетелей преступлений. Сеть Коха распространялась и на другие концентрационные лагеря. В финансовых аферах с Кохом были связаны комендант Нацвейлера и Герцогенбуша Ганс Хюттиг, комендант Гросс-Розена Артур Редль. Племянник Коха стал координатором черного рынка, организатором нелегальных продаж табака и спирта в Голландию.

Негласным девизом Коха была фраза, размещенная над воротами Бухенвальда: «Каждому свое», дополненная словами: «...а мне наибольшая доля».

Первое расследование в отношении Карла Коха было инициировано генералом СС принцем Йозиасом Вальдек-Пирмонтом, руководителем СС и полиции в Веймаре, где находился Бухенвальд. Вальдек-Пирмонт не любил Коха и, кроме того, стремился контролировать концлагерь. Поводом к расследованию стала внезапная смерть лагерного врача Вальтера Крамера, который, видимо, лечил Коха от венерического заболевания и был убит по приказу коменданта как нежелательный свидетель. Узнав о смерти доктора Крамера, Вальдек-Пирмонт начал расследование, в ходе которого были впервые вскрыты коррупционные схемы Коха. Глава полиции и СС приказал арестовать коменданта Бухенвальда. Но этот арест привел Гиммлера в ярость, поскольку не был с ним согласован. Рейхсфюрер приказал освободить Коха и впредь без его разрешения не арестовывать кого-либо из высших чинов СС. После произошедших событий Освальд Поль писал Коху: «Мой дорогой друг; если есть обвинитель, который пытается наказать Вашу невинную душу, я приложу все усилия, чтобы встать на его пути»¹⁰⁸. По всей видимости, именно Поль был одним из главных бенефициаров коррупционных схем Карла Коха.

В результате скандала Кох был переведен осенью 1941 года комендантом в Майданек. Возможно, Гиммлер тем самым хотел предотвратить очередной конфликт. Но при этом, отправляя Коха на восток создавать новый

концентрационный лагерь, рейхсфюрер, конечно же, рассчитывал и на его организационные способности. И первое время Кох оправдывал ожидания руководства СС. Он руководил убийством как минимум трех тысяч евреев из Германии и Словакии.

Но в ночь на 14 апреля 1942 года 86 советских военнопленных совершили побег из концлагеря. Гиммлер временно отстранил Коха от должности, обвинив его в преступной халатности, и инициировал расследование. Комендант Майданека пытался парировать обвинения: «У нас мало охранников, большинство из них литовцы, плохо знающие немецкий язык, и единицы эсэсовцев. Местное отделение СС укомплектовано солдатами запаса, не имеющими опыта работы в концентрационном лагере... Так как идет война, нет никакой возможности их заменить. Сегодня у нас два охранника на лагерных воротах — один из них глухой на одно ухо, второй не умеет ни читать, ни писать. У нас нет системы сигнализации. В чрезвычайной ситуации мы должны стрелять в воздух, чтобы вызвать помощь, но звук выстрелов часто заглушается ветром...»¹⁰⁹ Следователи поддержали версию Коха и рекомендовали закрыть расследование. Но Кох был отстранен от управления Майданеком и отправлен в Берлин.

В то же время принц Вальдек действовал в строжайшей тайне, так как понимал, что руководство лагерной системы — Глюкс и Поль — было замешано в коррупционных схемах, а потому в любой момент могло помешать ходу следствия. Вальдек допросил эсэсовцев Бухенвальда, а также заключенных и передал результаты лично Гиммлеру. Последний позволил ему продолжать расследование, но ограничил кругом вопросов, связанных с личным обогащением Коха и его жены.

Через некоторое время следствие возглавил Конрад Морген — судья СС, получивший от Гиммлера широкие полномочия. Первым делом Морген отправился в Бухенвальд. Ему стало известно о двух заключенных, которые помогали эсэсовцам нелегально продавать поступавшее в концентрационный лагерь мясо на рынке в Веймаре. Морген потребовал у лагерного начальства предоставить ему доступ к этим узникам. Но лагерный врач Вальдемар Ховен, один из любовников Эльзы Кох и сообщник ее мужа, заявил, что оба узника больны и

говорить с ними нельзя. Через некоторое время Моргену было сообщено, что они умерли. Следователь запросил их медицинские карты. Подробные записи в них вызвали у следователя подозрение — слишком уж правильно всё было оформлено, что вряд ли могло иметь место в отношении узников концлагеря. Некоторое время спустя Морген узнал, что эти двое были убиты инъекциями сыпного тифа. И тогда он распорядился арестовать доктора Ховена. Как выяснилось в дальнейшем, именно Ховен принимал участие в убийстве евреев, оказавшихся в концлагере в 1938 году. Узники после вымогательства у них крупных денежных сумм отправлялись во внутреннюю лагерную тюрьму, где уничтожались.

В результате обысков в домах сообщников Коха было обнаружено большое количество золота из расплавленных зубных коронок заключенных, убитых в лагере, а также драгоценности и большие суммы наличности. Морген был потрясен масштабами коррупции и доложил о результатах Гиммлеру. Однако ему приказали завершить расследование и предъявить обвинения только в отношении Карла Коха — слишком высоко уходили коррупционные связи. Главный покровитель Коха Освальд Поль, не давший хода первому делу, вновь начал ставить препоны следствию. Глава ВФХА запретил без его личного разрешения проводить расследования в концлагерях. Коменданты лагерей стали уничтожать улики. В Аушвице, например, «случайно» сгорел барак с материалами уголовной полиции. Даже когда Морген работал в Бухенвальде, соратники Коха, замечая следы, убили несколько узников, а другие были настолько запутаны, что отказались свидетельствовать против лагерного руководства.

И всё же арест Коха состоялся. Морген вспоминал: «...погода была ветреной. Когда мы подошли к дому Коха, мы не увидели его автомобиля. Мы подумали, что он мог приготовить нам засаду. Мы достали пистолеты. Я пнул дверь ногой. Сначала ничего не произошло. Но внезапно дверь открылась, и за ней стоял Кох, абсолютно спокойный, в свитере. Он спросил, по какому мы вопросу, как будто не знал, почему мы приехали. Я сказал ему, что он арестован. Он был холоден как лед и не отвечал. Он попросил минуту, чтобы поговорить с женой. Мы

отказали. Мы приказали ему взять пальто и повели его в тюрьму»¹¹⁰. На следующий день была арестована его жена, которая, согласно Моргену, реагировала на задержание истеричными криками и угрозами. Подверглись арестам также некоторые лагерные эсэсовцы.

Судебный процесс в отношении бывшего коменданта Бухенвальда начался через два месяца. Кох был признан виновным в краже минимум 200 тысяч рейхсмарок и убийстве троих заключенных, которые могли свидетельствовать о его преступных действиях, и приговорен к смертной казни. Его жену оправдали.

Кох поставил личные интересы выше интересов нацистского сообщества и потому был сочтен предателем, которого можно было признать виновным даже в убийстве узников, что являлось nonsensом для нацистской системы правосудия. Наконец, его участь должна была стать примером, демонстрировавшим стремление СС бороться с коррупцией в своих рядах и несанкционированным превышением служебных полномочий. Следственные действия проводились в отношении нескольких комендантов; одни — к примеру, комендант Флоссенбурга Карл Кюнстлер — были уволены, а другим, как коменданту Люблина-Майданека Герману Флорштедту, даже вынесены смертные приговоры. Но дело Коха осталось самым громким, а «борьба с коррупцией» в концлагерях оказалась лишь очередным пропагандистским трюком.

После оглашения приговора Карла Коха оставили в тюрьме в Веймаре. 4 апреля 1945 года за ним пришли, чтобы отвезти на расстрел. Он начал сопротивляться, кричать, что его хотят убить. Его силой доставили в Бухенвальд, где когда-то он сам был всемогущим правителем. Помещенный в карцер, в последнюю ночь он постоянно кричал. Он боялся смерти. На следующий день Карл Кох был расстрелян своими бывшими соратниками, а его труп сожжен в крематории Бухенвальда.

Если Кох получал от своего положения в лагерной системе значительную финансовую выгоду, в нужные моменты мимикрируя под убежденного нациста, служащего идеалам рейха, то среди меркантильных комендантов были и те, кто тоже использовал лагерную службу в своих интересах, но чья выгода была куда меньше. Ганс Хельвиг, которому шел уже шестой десяток, был

назначен комендантом сначала Лихтенбурга, а затем Заксенхаузена лишь потому, что ему, одному из первых участников нацистского движения, на жизнь не хватало пенсии. Его многократные обращения к Гиммлеру временно возымели действие, и он стал комендантом. Другой пример — Эдуард Вайтер, последний комендант Дахау, рассматривавший свое назначение лишь как очередную управленческую должность. По свидетельствам очевидцев, он старался воздерживаться даже от посещения лагерной территории, проводя большую часть времени в офисе комендатуры. Вайтер погиб при невыясненных обстоятельствах за несколько дней до освобождения Дахау. По одной из версий, он был застрелен кем-то из коллег — убежденных нацистов, возможно, видевших в нем предателя.

Садист Амон Гёт

Наверное, самую большую категорию среди комендантов концлагерей представляли садисты. К примеру, Артур Рёдль собственноручно убил не одного узника. 1 января 1939 года, еще будучи заместителем Коха, он заставил заключенных Бухенвальда построиться на плацу и, выбрав пятерых узников, избивал их при всех кнутом под музыку лагерного оркестра. «Экзекуция» продолжалась до утра.

Одним из любимых издевательств Эгона Зилла, коменданта Нацвейлера и Флоссенбурга, было привязывание обнаженных узников к деревьям и натравливание на них собак. Однажды «маленький Зилл», как его прозвали за невысокий рост, приказал выстроить раздетыми донага советских военнопленных и в течение длительного времени избивал их, выбирая, кого из них он убьет. Наконец жертва была выбрана, и Зилл застрелил узника. Как пишет один из исследователей, Том Сегев, «Зилл, возможно, был садистом, который получал сексуальное удовлетворение от издевательств над заключенными, которые он осуществлял зачастую после того, как приказывал узникам раздеться»¹¹¹. Карл Фритч — соратник Хёсса, впервые испытывший «Циклон Б» для убийства узников, также издевался над обнаженными заключенными и, вполне возможно, получал от этого

извращенное удовольствие. Густав Виллхауз, комендант Яновского концлагеря во Львове, расстреливал узников, находившихся на территории лагеря, из окна своей канцелярии. Особенно часто жертвами становились заключенные, стоявшие у лагерной столовой в очереди на получение пайка. Тела убитых, число которых иногда достигало двухсот человек, не убирали по несколько дней, и они скапливались в помойной яме рядом с кухней¹¹². В 1942 году к 54-летию Гитлера Виллхаузом были собственноручно расстреляны 54 узника¹¹³. Комендантом Сырецкого концентрационного лагеря в Киеве был штурмбаннфюрер СС Пауль Радомский. Член НСДАП с 1928 года, он даже в нацистских кругах имел репутацию алкоголика и садиста, за которым закрепилось прозвище «Бешеный пес»¹¹⁴. Один из бывших узников охарактеризовал его как человека, имевшего «вид всегда пьяного кокаиниста»¹¹⁵. Радомский также лично участвовал в убийствах и избиениях заключенных¹¹⁶. Но, пожалуй, одним из самых ярких примеров садистского типажа среди лагерного начальства был Амон Леопольд Гёт — комендант концлагеря в Плашове.

Он был назначен на эту должность в тогда еще трудовой лагерь Плашов 11 февраля 1943 года. После ликвидации Краковского гетто в лагерь были направлены оставшиеся в живых евреи — около восьми тысяч человек. В сентябре 1943 года именно Гёт отвечал за ликвидацию Тарновского гетто — уничтожение и депортацию в Аушвиц нескольких тысяч человек. Во время ликвидации гетто в Тарнове, по свидетельствам выживших, Гёт лично расстрелял несколько десятков евреев. Именно ему той же осенью было поручено уничтожить лагерь в Шебни, где на тот момент находилось до 5500 узников — евреев и поляков. По всей видимости, за «успешное» решение поставленных перед ним задач Гёт в апреле 1944 года и получил повышение до гауптштурмфюрера СС, миновав звание оберштурмфюрера.

По воспоминаниям бывших заключенных, Гёт практически ежедневно лично расстреливал узников из окна своей виллы. Его собаки Рольф и Ральф по приказу хозяина загрызли не одного узника. Если кто-либо из заключенных бежал из концлагеря, Гёт приказывал в наказание расстрелять несколько их товарищей.

Одной из свидетельниц, выступавших на судебном

процессе Гёта, который проходил в Кракове в 1946 году, была дочь руководителя строительного отдела лагеря Плашов. Протокол судебного заседания зафиксировал ее показания:

«Судья: Вы были свидетельницей того, как Гёт избивал вашего отца?

Свидетельница: Я не видела этого, но я видела результаты, когда он получил 100 ударов кнутом.

Судья: Кто сказал вам об избииении?

Свидетельница: Мой отец. В любом случае я видела, в каком состоянии он находился.

Судья: Вы никогда не были очевидцем того, как Гёт избивал вашего отца?

Свидетельница: После избияения мой отец встал и сообщил Гёту, что он не в состоянии пойти на работу. Он был облит водой, и Гёт сказал ему: "Грюнберг, не пытайтесь притвориться, что вы больны, Вы должны быть на работе". Только один его глаз видел. Отец весь был избит — спина, ноги, руки. Гёт избил его лично, пороли его также Гросс и Хужар. Уже в 9.00 утра отцу поступил приказ явиться на стройплощадку лагеря, чтобы контролировать работы. Мой отец хотел явиться на работу, так как он хотел защитить нас. Я умоляла отца, что мы должны принять яд.

Судья: Что за яд?

Свидетельница: У меня был цианид, я получила его за пределами лагеря; но мой отец отказался.

Судья: Почему?

Свидетельница: Я не знаю, что поддержало его в живых. Он хотел встать и пойти на работу, но не мог пошевелиться. На следующий день ему удалось подняться и пойти на работу. Он работал с 6 утра и до 11 ночи, он держался с невероятной стойкостью. Через два дня Гёт приехал в местную контору и застрелил диспетчера специальных рабочих групп, посланного, чтобы помочь. Мой отец снова был избит им, и он поставил ультиматум, что барак охраны должен быть закончен в течение трех дней. Это было невозможно. Моя мать и я были задержаны в камере лагеря, чтобы быть повешенными. Мы были там целую неделю, уверенные, что будем повешены».

Свидетель Хенрик Блох рассказывал, как Гёт натравливал на узников своих собак:

«Свидетель: ...Остальная часть группы была отправлена назад в тюремную камеру, пока я не оказался там, обвиняемый [Гёт] сказал господину Олмеру: "Беги", — и когда тот побегал, собаки последовали за ним, и одна из собак вцепилась ему в спину.

Судья: По приказу обвиняемого?

Свидетель: Да. Собаки начали рвать его. Разрывая плоть господина Олмера, который кричал от боли. Через несколько шагов он упал, тогда обвиняемый приблизился к нему и выстрелил в голову»¹¹⁷.

Одним из важных свидетельств были показания бывшей узницы Хелены Хирш, работавшей служанкой на вилле Гёта: «В первую очередь он был садистом. Но очень красивым. Я никогда не подумала бы, что человек, который так выглядит, мог быть сатаной. Убийца! Кровавый... Когда он уходил из дома, сначала из небольшого красного дома, затем виллы, если он выходил — он имел треугольную шляпу — и если он пошел в этой шляпе, все мы на кухне дрожали — "сегодня будет жертва"... и действительно, это было так. Если он вышел в этой шляпе, то должен был убить двух или трех человек»¹¹⁸.

Управляя концентрационным лагерем, Гёт, как и многие коменданты, использовал свое положение в собственных целях. В Плашове всё лучшее, в том числе и драгоценности узников, передавалось коменданту, а остальное — эсэсовским организациям. Как и у других комендантов, особым источником доходов Гёта было золото из коронок зубов убитых жертв. Злоупотребления Гёта становились всё более очевидными, и 13 сентября 1944 года он был арестован по обвинению в финансовых злоупотреблениях, незаконном присвоении собственности рейха, а также в несанкционированном насилии по отношению к заключенным. Но поражения вермахта и приближение линии фронта не позволили нацистскому суду состояться. В мае 1945 года Гёт был арестован американскими войсками, а уже в 1946-м предстал перед Верховным национальным трибуналом Польши в Кракове. За убийства множества людей, в том числе совершенные собственноручно, он был приговорен к смертной казни и повешен неподалеку от лагеря, которым управлял. По легенде, его последними словами был нацистский лозунг «Хайль Гитлер!». После исполнения приговора труп Гёта кремировали, а пепел рассеяли над Вислой.

Надзирательницы

Должность надзирательниц («ауфзеерок») впервые появилась в 1938 году для охраны узниц Лихтенбурга и просуществовала в женских концлагерях вплоть до падения системы. Особенность женских концлагерей состояла в том, что «внутренняя» (на территории лагеря) охрана заключенных должна была осуществляться надзирательницами, в то время как «внешняя» (по лагерному периметру) по-прежнему поручалась мужчинам, служащим в СС. Во всяком случае, это положение сохранялось в Равенсбрюке, тогда как в Берген-Бельзене, поскольку надзирательниц не хватало, эсэсовцы-мужчины использовались и в самом концлагере.

Надзирательницы не являлись членами СС, и отношение к ним мужчин-эсэсовцев в большинстве случаев колебалось от скептического до резко отрицательного. Надзирательницы характеризовались как некомпетентные лентяйки, порочащие военную форму. Женский персонал носил ее с весны 1940 года. При вступлении в должность каждая надзирательница получала два комплекта униформы серого цвета — зимнюю и летнюю, две пары сапог, пару полуботинок, чулки, форменные рубашки, пилотку, а также спортивную одежду. Они также экипировались дубинкой или кнутом и пистолетом. Их могли сопровождать специально обученные собаки, содержавшиеся в лагерной псарне.

Любые украшения, индивидуальные аксессуары при ношении униформы были строго запрещены — только награды, имперский орел и алюминиевые знаки различия на рукавах, указывавшие на положение надзирательницы в лагерной иерархии. Ни эмблему «Мертвой головы», ни руны в петлицах женщинам, в отличие от мужчин, носить не разрешалось.

Приказ коменданта Равенсбрюка от 24 июля 1942 года гласил: в связи с тем что после выходных надзирательницы прибывали к самому началу работы, уставшие, и на следующий день либо засыпали на службе, либо вообще сказывались больными, субботний выходной отменялся. О предоставлении воскресного выходного нужно было ходатайствовать перед старшей надзирательницей. Кроме того, с этого момента надзирательницам запрещалось выезжать в униформе

в Берлин. Они должны были переодеваться в штатскую одежду либо в специальный костюм выходного дня — юбку, полуботинки, белую рубашку и шляпу. Особенно подчеркивалось, что нельзя брать на работу дамские сумочки и собирать в служебное время цветы и ягоды. Запрещалось также общаться не только с узниками, но и с эсэсовцами¹¹⁹.

Кто же из женщин устраивался надзирательницами, и каковы были их мотивы? Возрастной ценз для приема на эту работу составлял от двадцати одного года до сорока пяти лет, но фактически он никогда не соблюдался — надзирательницами становились и девушки моложе восемнадцати лет, и женщины старше пятидесяти. Другие требования — отсутствие судимости и хорошая физическая подготовка.

До конца 1942 года абсолютное большинство надзирательниц составляли женщины, добровольно устраивавшиеся на работу в концлагерь в расчете на легкий физический труд с хорошим стабильным жалованьем и приличным жильем. Для их найма использовались рекламные объявления в газетах, подобные этому: «Требуется женщины 20—40 лет для работы на военном объекте. Вознаграждение будет назначено в соответствии с соглашением о зарплате для сотрудников государственной службы. Также предоставляются: бесплатное жилье, еда и одежда (униформа)»¹²⁰. Вакансии надзирательниц выставлялись также на биржах труда, где работу в концлагерях расхваливали как «легкую физическую деятельность». В основном женщины, соглашавшиеся на нее, были безработные, одинокие и зачастую не имели образования.

Положение надзирательниц, по своей воле устроившихся в концлагерь, действительно было притягательным для обывателей. Они считались имперскими служащими и получали неплохую зарплату. Например, незамужняя 25-летняя надзирательница ежемесячно после всех вычетов и уплаты налогов получала на руки 105,10 рейхсмарки. Для сравнения: «чистая» зарплата фабричной работницы в 1944 году составляла 76 рейхсмарок¹²¹. Надзирательницы находились на полном продовольственном обеспечении, имели служебные квартиры. В случае с Равенсбрюком многие из них жили с комфортом в специальном поселке при концлагере.

Бывшая узница Иза Вермерен описывала свои первые впечатления от этого поселка надзирательниц: «Мощная дорога переходила в асфальтируемую улицу, и справа и слева появились маленькие, очень красивые дома с ухоженными садами. Далее внизу сверкало мирное озеро, на другом берегу которого располагались хижины Фюрстенберга: под возвышенной крышей церкви теснились красные черепичные крыши, как будто цыплята рядом с курицей...»¹²²

На фотографиях из пропагандистского альбома СС, составленного, вероятно, в 1941 году, видно, что строительство этого поселка для надзирательниц уже почти закончено. Каждый из восьми двухэтажных домов вмещал десять однокомнатных квартир и четыре комнаты на чердаке. В одном доме проживало 12 надзирательниц. Комнаты площадью 25—30 квадратных метров имели встроенный шкаф и умывальник. На каждом этаже располагались туалет, ванная комната и кухня для совместного пользования, в подвале находилась прачечная. Многие женщины считали такие жилищные условия несравнимо более комфортными, чем те, которые они имели до трудоустройства в концлагерь.

Комендант Аушвица Рудольф Хёсс, который весной 1942 года организовал женский концлагерь в Бикенау, писал о положении надзирательниц, приехавших к нему из Равенсбрюка: «В Равенсбрюке были созданы для надзирательниц благоприятные жилищные условия; для них делали всё, чтобы они только остались в лагере. Этим администрация лагеря стремилась привлечь на работу новых надзирательниц. Они получали высокую зарплату, которую не могли бы получать в другом месте; их не перегружали работой. Короче говоря, рейхсфюрер СС и особенно Польш приказали уделять большое внимание условиям жизни надзирательниц Равенсбрюка. О перенаселении еще не было и речи. Теперь эти надзирательницы оказались в Освенциме, где должны были организовать женский лагерь в очень тяжелых условиях. К тому же не надо забывать, что ни одна из них не приехала добровольно. Уже в самом начале большинство из них хотело снова вернуться в свой прежний лагерь, к своей спокойной, удобной жизни»¹²³. Женщины, рекрутированные на службу в концлагерь, размещались в обычных деревянных бараках, и их по-

ложение было значительно хуже. Замужние или имевшие детей надзирательницы могли самостоятельно снимать подходящее жилье поблизости от концлагеря.

Только с начала 1943 года, когда желающих поработать надзирательницами уже не осталось, а число узниц в концлагерях продолжало возрастать, стали не только вербовать женщин, но и принудительно посылать их в концентрационные лагеря для отработки трудовой повинности в пользу рейха.

Заместитель коменданта Равенсбрюка в середине 1943 года даже провел настоящую рекламную поездку по фабрикам с целью вербовки новых надзирательниц. В какой мере мероприятие было успешным, неизвестно. В пестрой массе надзирательниц, работавших в концлагерях, было всё меньше идейных национал-социалисток. Поэтому, например, в Равенсбрюке с августа 1942 года прошло 34 «мировоззренческих обучения» для только что набранных надзирательниц. Необходимо было очень быстро привить новеньким те нацистские принципы, на которых они должны были строить отношения с узницами, а также ознакомить их с методами, применявшимися в концлагерях.

Принудительный набор надзирательниц возрастал довольно быстро и достиг пика в 1944 году. Возможно, отправка на работу в концлагеря становилась своеобразной формой наказания, применявшегося биржами труда к женщинам, которые отказывались от работы или неоднократно ее теряли. Кроме того, с 1943 года военные фабрики, сотрудничавшие с нацистскими концлагерями, должны были сами назначать надзирательниц. Эта, наиболее многочисленная, группа женщин, вынужденных работать в концлагерях, создавала новые проблемы для лагерной администрации, связанные с невыполнением лагерного распорядка. Надзирательницы, со своей стороны, часто жаловались на недостаток свободного времени и плохое состояние жилья. Однако большинство примеров демонстрирует, что и принудительно оказавшиеся в концлагерях надзирательницы без особых проблем смогли адаптироваться к условиям новой работы. Многие девушки достаточно быстро начинали продвигаться по служебной лестнице, совсем не обращая внимания на то, за счет кого они это делали.

Согласно анкете, которую заполняли надзирательницы при поступлении на работу в концлагерь, сначала они должны были пройти трехмесячный испытательный период¹²⁴. Главным центром их обучения был Равенсбрюк, в котором подготовку прошло около 3500 женщин. Бывшая узница Равенсбрюка Жермена Тийон писала в воспоминаниях: «Новеньких, как правило, охватывал ужас при первом контакте с лагерем, и им необходимо было некоторое время, пока они не достигали того же уровня жестокости и необузданности, как более опытные надзирательницы. Для некоторых из нас это была своеобразная маленькая и довольно горькая игра — считать время, которое потребуется новой надзирательнице, чтобы догнать в беспощадности своих более опытных коллег. Маленькая двадцатилетняя надзирательница, которой в день ее прибытия преподали еще недостаточно уроков о хороших манерах лагеря, перегоняя узницу, говорила “извините” и поражалась первым увиденным актам насилия. Однако ей требовалось только четыре дня, чтобы самой усвоить аналогичный тон и аналогичное поведение, которое всё же, очевидно, было новым для нее... У других этот период составлял от восьми до пятнадцати дней. В самом крайнем случае “период акклиматизации” мог продолжаться месяц. Только однажды я услышала от очень молодой надзирательницы, что она не в состоянии привыкнуть ни к разврату, ни к жестокости ее коллег... Больше я подобного не слышала»¹²⁵.

Известная узница Равенсбрюка Маргарет Бубер-Нойманн, которая работала в канцелярии старшей надзирательницы, писала в воспоминаниях об ужасе, который охватывал новых надзирательниц в начале их работы в концлагере: «...в течение первой недели практически половина этих женщин приходили, плача, в служебный кабинет фрау Лангефельд (старшей надзирательницы Равенсбрюка. — С. А.) и просили разрешить им уехать домой. Та объясняла им, что только комендант может позволить им уволиться и что они должны сходить к нему. Но немногие решались на этот шаг. Они боялись идти к нему, так как он отругал бы их, и большинство оставалось, привыкая к своей новой профессии, тем более что им обещали легкую и хорошо оплачиваемую работу, а еда и жилье их устраивали»¹²⁶.

В отличие от эсэсовцев, которые должны были заниматься строевой подготовкой, обучались казарменным порядкам, надзирательницы получали менее воензированной подготовку. Но, конечно, и они должны были научиться пользоваться оружием. Поэтому, например, комендант концлагеря Майданек ввел для надзирательниц специальные занятия на стрельбище.

Одна из надзирательниц вспоминала о своем обучении в Равенсбрюке: «В качестве надзирательницы я была проинструктирована Марией Мандель. Она показывала мне, как нужно было следить за узниками и приучать их к работе. Мария Мандель была строгой надзирательницей, я от нее не получила никакого образования и вообще не видела ничего хорошего. Вместе с тем я хочу отметить, что она часто была заключенных. У нас не было ни кнотов, ни дубинок. Я была около двух месяцев вместе с ней при этой команде, состоявшей примерно из 100—120 заключенных»¹²⁷.

Что же еще происходило в течение первых недель? Каким образом эти сомневающиеся девушки и женщины так быстро превращались в настоящих бестий, причинявших страдания узникам? Всё было довольно банально. Лагерное руководство давало им возможность вести более чем сносную жизнь и делилось с ними своей абсолютной властью над узниками. Вот и становились вчерашние милые девушки «свитой СС». Вескими причинами для увольнения, как правило, могли считаться лишь беременность, тяжелые или хронические болезни.

В случае если надзирательницы поступали на службу добровольно, они должны были подписывать целый ворох бумаг, аналогичных тем, что подписывали мужчины: трудовой договор, расписку о неразглашении информации, документы о подчинении юрисдикции СС, клятву верности Адольфу Гитлеру и, конечно, уведомление об ознакомлении с инструкцией «Об обращении с заключенными». В последнем документе в разных вариациях значились положения:

«Я... родившийся ... подробно проинформирован сегодня о нижеследующих 6 пунктах и обязуюсь в точности их соблюдать и им следовать.

1. Обо всех секретах, услышанных или увиденных в служебном помещении ВФХА—СС — “отдел D”, — я должен сохранять абсолютное молчание.

Надзирательница избивает узницу. Рисунок В. Лекок

2. Любая частная беседа с узниками категорически запрещена.

3. От заключенных я не могу принимать, разделять с ними или продавать ни подарки, ни какие-либо другие предметы.

4. Я буду виновен в государственной измене, если приму для дальнейшей отправки письма или записки от узников и отправлю их из дома. О подобном наглом требовании заключенных я должен безотлагательно сообщать.

5. В дальнейшем я буду наказан, если устно передам третьим лицам, по просьбе узников, какие-либо заказы или договоренности.

6. Если я нарушу одно из этих предписаний, то мне известно, что я буду наказан.

Имя и фамилия».

Среди прочих бумаг подписывалось обязательство, формально ограничивавшее произвол надзирательниц и охранников:

«Вопрос о жизни и смерти врага государства решает только фюрер.

Поэтому никакой национал-социалист не имеет права убивать государственного противника или жестоко с ним обращаться.

Настоящим подтверждаю, ссылаясь на мое честное слово, что я буду преданно следовать всем указаниям фюрера, что я и заверяю своей подписью.

Равенсбрюк

Подпись

Звание»¹²⁸.

Несмотря на все эти обязательства, которые подписывали надзирательницы, они нередко совершали проступки, что вело к различным наказаниям: за кражу имперской собственности — три месяца тюрьмы, за потерю табельного оружия — восемь дней ареста, за самовольное оставление поста и за смертельное ранение узника при неосторожном обращении с оружием — пять дней, за неисполнение приказа — выговор¹²⁹. Таким образом, наказание за кражу «собственности рейха» (по всей вероятности, собственности узников, приведенной в концлагерь и переходившей во владение государства) было несравненно жестче, чем якобы «случайное» убийство заключенного. Приоритеты очевидны.

Распорядок дня надзирательниц был по-военному организован и регламентирован. Рабочий день делился на побудку, дневную и ночную смены с перерывами на завтрак, обед и ужин, аппели с подсчетом узников и персонала. В соответствии с приказом комендатуры Равенсбрюка от 24 июля 1942 года каждую субботу с семнадцати до восемнадцати часов надзирательницы должны были посещать курсы повышения квалификации¹³⁰. Среди вопросов, которые рассматривались на таких «уроках», значились «обращение с узниками», «задания и обязанности охраны», «дисциплина надзирательниц», «контроль рабочих успехов узников». Однако надзирательницы старались всячески отлынивать от подобного обучения, тем более что оно приходилось на выходные. В этом смысле они вели себя так же, как и рядовые вахманны*, из-за непосещения занятий которыми, например, был закрыт идеологический отдел в Гросс-Розене. Вдобавок в женских концентрационных лагерях ежедневно проводился часовой аппель надзирательниц. Идеологическое обучение проходило также с помощью нацистских пропагандистских фильмов, демонстрировавшихся в лагерных кинотеатрах.

Несмотря на полувоенный образ жизни, надзирательницы старались обойти многие предписания лагерного руководства. Частью их жизни становились романы с эсэсовцами. В Майданеке бараки вахманнов и надзирательниц располагались поблизости, что вело к частым контактам, которые не могли остановить запреты коменданта. На одном из послевоенных судебных процессов надзирательница Майданека Шарлотта В. (ее фамилия в протоколе не указана) свидетельствовала: «У меня и М. был роман. Я знала, что он женат. Так как его брак еще не был завершен, я помогла ему найти квартиру в Люблине, чтобы он помог своей жене съехать»¹³¹. Один из узников, сотрудничавший с лагерной администрацией, рассказывал, что эсэсовец Ганс Першон — врач, курировавший работу газовой камеры в Майданеке — хотел покончить жизнь самоубийством в этой самой камере из-за разрыва отношений с надзирательницей Анни Давид¹³². От связей с эсэсовцами

---

* Вахманн (нем. Wachmann) — часовой.

некоторые надзирательницы рожали детей. Четыре девушки вышли за эсэсовцев замуж.

Надзирательницы старались организовать свой досуг. В лагерных библиотеках они могли брать книги. В основном читали романы о любви. Летом купались в находившихся поблизости от концлагерей озерах и реках, плавали на лодках, о чем свидетельствуют их личные фото; гуляли в окрестных лесах, посещали праздники в близлежащих городках или столицах, ходили в кино, зимой катались на коньках. Могли выезжать за город, на отдых вместе с эсэсовцами. Сохранился фотоальбом эсэсовца Карла Хёкера, запечатлевшего на снимках беззаботный отдых офицеров СС Аушвица и их помощниц — правда, не надзирательниц, а секретарш и стенографисток; но, думается, отдых с надзирательницами вряд ли чем-то отличался. Эти фото были сделаны на даче СС в Солахютте. На них молодые девушки и эсэсовцы поют, смеются, радуются жизни. Отдыхают от убийств — от соучастия в них или простого молчания при виде того, как убивают другие. Название этого курортного местечка, где располагалась вилла СС, связано с рекой Сола, протекавшей рядом с Освенцимом. Именно в эту реку нацисты сбрасывали прах сожженных в крематориях заключенных.

К привилегиям, которыми пользовались надзирательницы, относилась и возможность посещать парикмахерскую, где им, как и женам офицеров, делали причёски узницы, часто — мастерицы высочайшего класса. Кроме того, именно узницы должны были заниматься уборкой в домах надзирательниц, готовить для них. Многие надзирательницы в своей жизни до лагеря могли только мечтать о таком комфорте.

Проведя выходные вне лагерной территории, они вновь возвращались в этот мир, где избивали заключенных, травили их собаками и считали это своей работой. Одна из узниц свидетельствовала: «Мы не заметили, как подошла к нам ауфзеерка. Она набросилась на меня и начала бить по голове так сильно, что у меня потемнело в глазах, пошла кровь из носа. Я избитая валялась на улице, и она никому не разрешала ко мне подойти. Я не знаю, сколько времени я так лежала, но когда очнулась, то ничего не видела и не слышала»¹³³.

Охранные отряды и коллаборационисты

Теодор Эйке не только реформировал лагерную систему; он был еще и создателем специальных охранных подразделений для новых концентрационных лагерей — отрядов СС «Мертвая голова». И хотя этот символ, состоявший из черепа и двух скрещенных костей, означал для эсэсовцев презрение к смерти, прежде всего в бою, в концлагерях он стал эмблемой самой смерти, эмблемой людей, олицетворявших ее.

До середины 1930-х годов было пять эсэсовских батальонов «Мертвая голова»: «Верхняя Бавария» (в Дахау), «Восточная Фрисландия» (в Эстервегене), «Эльба» (в Лихтенбурге), «Саксония» (в Заксенбурге) и «Бранденбург» (в лагере Колумбия-Хаус в Берлине). Развитие системы концентрационных лагерей привело к увеличению числа охранных персонала. С 1 апреля 1937 года нацистское руководство объединило имевшиеся батальоны в три штандарта* «Мертвая голова», дислоцированные в Дахау, Заксенхаузене и Бухенвальде. В 1938 году к ним добавился штандарт, размещенный в Маутхаузене.

Охранная структура концентрационных лагерей не входила в офицерский «штаб комендатуры», выполняя функции охраны внешнего периметра лагеря, наблюдения за происходящим в самом лагере со специальных вышек, сопровождения заключенных к месту работы, участия в расстрелах узников. Формально охранникам было даже запрещено посещать территорию концлагеря без разрешения начальства, что фактически никогда не исполнялось.

К концу 1930-х годов «Мертвая голова» перестала быть лишь охранным подразделением и могло быть использовано на фронте. Благодаря указу Гитлера от 17 августа 1938 года были пересмотрены функции и обязанности СС и армии: соединения СС «Мертвая голова» становились боевыми частями, контингент которых обучался в соответствии с армейскими правилами, но являлся силой, противопоставлявшейся вермахту. К середине 1939 года общая численность батальонов «Мерт-

---

* Штандарт (нем. Standarte) — здесь: подразделение СС, примерно соответствовавшее полку.

вая голова» достигла двадцати двух тысяч человек, что объяснялось ожиданием роста с началом войны числа «враждебных элементов». На борьбу на «внутреннем фронте» и призывались новобранцы «Мертвой головы».

Охранники из этого подразделения были с точки зрения Гиммлера и Эйке «политическими солдатами», защищавшими рейх в мирное время, сражаясь днем и ночью с «врагами» за колючей проволокой. Этих «политических солдат» идеологи рейха называли братьями по оружию, не испытывавшими жалости в отношении заключенных. Для их главного учителя, «папаши Эйке», не было ничего хуже, чем сострадание к врагам: «На службе — беспощадность, серьезность и твердость; вне службы — пламенное товарищество»¹³⁴. «Мертвая голова» должна была состоять только из бесчувственных, физически сильных и неумолимых военных.

Отряды «Мертвая голова», как и СС в целом, позиционировались нацистами как добровольческие формирования. Это означало, что в них должны были вступать настоящие патриоты, презиравшие материальную выгоду и готовые к самопожертвованию. Теодор Эйке в 1937 году характеризовал добровольцев «Мертвой головы» в Дахау: «Эти молодые люди охотно подчиняются и входят полными ожиданий в школу повиновения. Эти мужчины не призваны законом о воинской повинности, они прибывают добровольно, чтобы служить фюреру; следуя внутреннему голосу, они отказываются от дома своих родителей, чтобы быть вылепленными интеллектуально и физически в СС. Добрая воля имеет большее значение, чем закон, и должна быть с благодарностью признана и тщательно взлелеяна, так как из нее появляются самые прекрасные дела и поступки»¹³⁵. Материальное положение и социальный статус, считал Эйке, должны были отойти на второй план.

В середине 1930-х годов добровольцы отрядов «Мертвая голова» действительно были очень молоды и легко пренебрегали своим материальным положением ради убеждений. В августе 1936 года их средний возраст составлял 23 года, а к декабрю 1939-го — всего 20 лет, меньше, чем средний возраст рядового эсэсовца, — 28 лет. Эйке считал, что даже шестнадцатилетнего подростка можно использовать в охране концлагеря; молодые люди старше двадцати одного года, с его точки

WAFFEN-SS

EINTRITT NACH VOLLENDETEM 17. LEBENSJAHR

зрения, могли быть «бременем» для «Мертвой головы». Молодежь охранных батальонов концлагерей должна была привыкнуть решать те задачи, которые перед ней ставит государство, закалиться в борьбе на «внутреннем фронте», чтобы, если потребуется, суметь защитить рейх от внешнего врага.

Одним из источников пополнения рядов СС, в том числе и соединений «Мертвая голова», был Гитлер-югенд — молодежная нацистская организация. Среди таких новичков был Генрих С., восемнадцатилетний доброволец из Вормса. В июне 1936 года он должен был явиться в Дахау для прохождения медицинской комиссии и ознакомления со служебными обязанностями, предъявив письменное разрешение от отца или опекуна и принеся с собой предметы личной гигиены, белье и тапочки. Ему предоставили бесплатный железнодорожный билет и предупредили, что в случае неявки он будет исключен из списка кандидатов. Для большинства молодых людей служба в охране концлагеря была начальным этапом карьеры в «Мертвой голове», которая вполне могла продолжиться на полях сражений на территории Франции или Советского Союза. Генрих не был исключением, он участвовал в военных кампаниях, получил ранение и в 1943 году возвратился в Дахау, чтобы снова стать охранником¹³⁶.

Конечно, помимо молодежи Эйке интересовали люди, имевшие военный опыт. Отправляя вербовщиков на поиски новых рекрутов, Эйке обращался к ним: «Приведите их из баров, приведите их из спортивных клубов, приведите их от парикмахеров. Вы даже можете привести их из борделей. Приведите их отовсюду, где встретите»¹³⁷.

Возможность в тяжелых экономических условиях получить стабильную работу и приличный заработок мотивировала мужчин становиться охранниками концлагерей на раннем этапе их существования. И если сначала в Дахау платили лишь рейхсмарку в день, то позднее сумма выросла и превратилась в приличное ежемесячное жалованье. Рядовой неженатый охранник зарабатывал 115 рейхсмарок в месяц, при этом на руки получал 67 марок, а остальные шли на выплаты различных страховок, налогов и оплату питания при лагере. Зарплата женатых охранников была несколько

выше — 130 рейхсмарок, из которых им выдавали по 82 рейхсмарки. В дополнение женатые эсэсовцы получали компенсацию в две рейхсмарки за проживание вдали от семьи и 6,25 марки в месяц на содержание ребенка. Кроме того, каждый рядовой часовой бесплатно размещался в казарме и получал униформу, а через пять лет выслуги мог при увольнении претендовать на единовременное пособие в 1800 рейхсмарок. После того как в 1935 году по поручению Гитлера государственный бюджет взял на себя расходы по обслуживанию концентрационных лагерей, зарплаты эсэсовцев «Мертвой головы» стали расти, особенно при продвижении по службе. В середине 1937 года они выглядели следующим образом:

**Зарплата эсэсовцев соединений «Мертвая голова»
(на июль 1937 года)**

Ранги	Зарплата (рейхсмарки)			
	неженатых		женатых	
	в месяц	в год	в месяц	в год
СС-манн первого года службы	65,00	780,00		
СС-манн второго года службы	77,00	924,00		
Штурмманн СС	95,00	1140,00		
Роттенфюрер СС	105,00	1260,00	127,80	1533,60
Унтершарфюрер СС	118,70	1424,40	153,85	1846,20
Шарфюрер СС	158,53	1902,36	193,03	2316,36
Обершарфюрер СС	181,84	2182,08	228,93	2747,16
Гауптшарфюрер СС	186,50	2238,00	233,59	2803,08

Для сравнения: в 1936 году рабочие немецких заводов получали в среднем 147 рейхсмарок в месяц, инженеры — 250 марок. Две трети налогоплательщиков в этом году сообщили, что их ежемесячный доход составил около 125 рейхсмарок. Зарплата члена «Мертвой головы» была меньше, чем в полиции и армии, но с учетом субсидий на питание и жилье положение охранников концлагерей было сравнимо с этими профессиональными группами. К тому же у них имелись возможности

для карьерного роста. В результате подобная деятельность была вполне привлекательной для молодых людей — не только по идеологическим соображениям, но и по вполне материальным причинам¹³⁸.

Перед зачислением на службу охранники подписывали ряд документов, аналогичных тем, которые подписывали надзирательницы. Среди этих бумаг было и несколько обязательств:

«1. Мне известно, а также сегодня я получил наставления о том, что мне грозит смертная казнь в случае, если я каким-либо образом посягну на еврейское имущество.

2. О мероприятиях, проводимых во время эвакуации евреев, я должен сохранять обязательное молчание также в кругу моих товарищей.

3. Я обязуюсь посвятить себя и все свои силы скорейшему и успешному проведению этих мероприятий.

Аушвиц 30.09.1944 г.

Роттенфюрер СС Клинк Курт¹³⁹.

«...Далее, мне известно, что только один фюрер может распоряжаться жизнью и смертью врага государства. Поэтому ни один военнослужащий войск СС и обязанный служить в войсках СС не имеет права накладывать руку на врага государства и издеваться над ним ни морально, ни физически. Наказывать заключенных может только комендант. Также все проводимые в концлагере экзекуции могут проводиться только по приказу рейхсфюрера СС и уполномоченных им командиров СС.

Я делаю следующее заявление: Я торжественно обещаю, что буду точно и добросовестно выполнять свои служебные обязанности в концлагере Аушвиц и хранить служебную тайну. Для подтверждения акта обязательства я подписываюсь после прочтения этого договора.

Аушвиц 30.4. 1944 г.¹⁴⁰.

«Заявляю нижеследующим, что я был проинформирован о шпионаже и контрразведке. Я также был проинформирован о том, что военным судом преследуются неосторожные действия, как, например, легкомысленные высказывания устного или письменного характера, например, в письмах о военных делах, они расцениваются как измена родине и в соответствии с этим наказываются. Далее, мне известно, что узники в

концентрационных лагерях — это враги государства и поэтому каждое установление контакта с ними строго-настрого запрещено, в частности, запрещено общаться с заключенными, давать деньги или прочее вознаграждение за рабочие услуги, давать еду, сигареты, напитки, предоставлять предметы одежды, принимать почтовые отправления. От любых просьб заключенных указанного вида нужно отказываться и сообщать об этом немедленно (установив номер узника). Я проинформирован, что нарушения этих предписаний строго наказываются, при определенных обстоятельствах — немедленным арестом. Я был также проинформирован об ответственности, в случаях неподчинения приказам, самовольного оставления служебного поста, дезертирства и кражи у товарищей. Веймар. Бухенвальд, 20.03.1943 г.»¹⁴¹.

Новые охранники должны были пройти специальное обучение. В 1937 году Теодор Эйке назначил Макса Зимона начальником охранного батальона Дахау. Именно Зимон занимался организацией идеологического обучения. Для этого каждую пятницу, с восьми до десяти часов утра, он проводил семинары по «идеологическому развитию» офицеров Дахау, которые, в свою очередь, должны были нести полученные идейные ориентиры в массу новичков рядового состава охраны СС.

Особое место занимало обучение — минимум два часа каждую неделю: знакомство с ключевыми принципами нацистской идеологии, историей НСДАП и СС, идеями расового превосходства. На занятиях прорабатывалась главная книга нацистов «Майн Кампф». Охранники подписывались на официальную нацистскую газету «Черный Корпус» («Das Schwarze Korps»). Одна из статей в этом рупоре СС, в номере от 13 февраля 1936 года, называлась «КЦ* и его заключенные». Вот какой образ узников в ней рисовался: «В то время как иностранная пресса истощила запасы своей клеветнической кампании против Германии... она возвращается к старой истории, которая, как кажется, является самым значительным ее усилием: злодеяниям в немецких концентрационных лагерях. Число концентрационных лагерей уменьшилось до нескольких, в которых, согласно показаниям еврейских

---

* KZ (нем. аббр. Konzentrationslager) — концентрационный лагерь.

эмигрантов, данных под присягой, держат интеллектуальную элиту немецкого рейха... Они (узники. — С. А.) — коллекция осквернителей расы, насильников, сексуальных извращенцев и обычных преступников, которые провели большую часть своих жизней за решеткой, так же как и другие индивидуумы, которые своим поведением заняли место вне общества и которые всего-навсего три года назад защищались адвокатами и психоаналитиками как «жертвы буржуазного общества»¹⁴².

Особенное внимание уделялось врагам режима — евреям, масонам, марксистам, представителям различных религий. Антиклерикализм в рядах охранников концлагерей был распространен гораздо больше, чем в других частях СС. К концу 1939 года 80 процентов охранников «Мертвой головы» не принадлежали ни к какой религиозной конфессии, тогда как в частях усиления СС (позже — войска СС) их доля составляла 56 процентов, а в строевых подразделениях СС — и вовсе 26 процентов¹⁴³.

К 1942 году, когда стали обучаться уже не добровольцы, а резервисты и коллаборационисты, цели и формы идеологической работы изменились: наибольшее внимание уделялось такой проблеме, как пораженчество, войне в воздухе, сообщениям с Восточного и Западного фронтов, борьбе с внутренними конфликтами в рядах охраны.

С началом войны состав охраны стал меняться кардинальным образом. Рост количества узников и нехватка охранного персонала привели к тому, что среди охранников увеличилось количество комиссованных солдат и тех, кто не мог быть призван в армию в силу преклонного возраста. В 1943—1944 годах в Равенсбрюке и его филиалах находилось около девятисот бывших солдат войск СС, причем их основная масса больше не годилась для военной службы по возрасту или из-за серьезных ранений¹⁴⁴.

Недостаток охранников привел к тому, что с 1941 года началось рекрутирование «фольксдойче» — представителей населения, проживавшего на оккупированных территориях, доказавших свое «германское происхождение». К октябрю 1943 года из пятнадцати тысяч вахманнов практически половину составляли именно «фольксдойче»¹⁴⁵.

В 1943—1944 годах к охране лагеря стали привлекаться люди, далекие от расового идеала нацистов. Самый яркий пример коллаборационизма среди охранников концентрационных лагерей являли собой «травники» — так называли выпускников одноименного учебного лагеря, располагавшегося неподалеку от Люблина, преимущественно украинцев и «фольксдойче». В тренировочном лагере они оказывались после пленения и согласия сотрудничать с нацистами. На каждого из «травников» заводилось личное дело, в котором, помимо личных данных, фотографии и отпечатка большого пальца, содержался стандартный текст заявления на русском и немецком языках, где коллаборант заявлял о своем арийском происхождении, а также отсутствии связей с коммунистической партией и комсомолом. Далее он обязывался служить в караульных частях, подчиненных руководителю СС и полиции дистрикта Люблин¹⁴⁶. За весь период существования тренировочного лагеря — с октября 1941 года по июнь 1944-го — в нем было подготовлено около пяти тысяч человек.

Программа обучения «травника» включала огневую, строевую и физическую подготовку, а также освоение приемов ареста, обыска и конвоирования¹⁴⁷. Особое внимание уделялось идеологической обработке и изучению немецкого языка. После нескольких месяцев учебы в лагере «травники» отправлялись в качестве охранников в различные концентрационные лагеря (Майданек, Аушвиц, Яновский лагерь) и «центры уничтожения» (Бельжец, Трехлинка, Собибор). Нередко «травники» использовались для умиротворения местного населения, а также для еврейских погромов: «Прибыв на автомашинах в местечко Красностав, начальник нашего отряда еще раз напомнил нам о том, что будем арестовывать всех евреев без исключения и, разбив нас по мелким группам для действия, дал инструктаж следующего характера: каждый дом подвергается осмотру, для чего, войдя в дом, немедленно проверить документы жильцов, и если только будет установлено, что там проживает еврей, то он подлежит аресту, и нужно доставить его и семью — жену, отца или мать с детьми, в общем, всех — на площадь, где организуется общий сборный пункт. В случае если кто-либо из евреев не будет подчиняться, применить все меры до расстрела на

месте, разрешается подвергать избиению. Кроме того, осмотреть подвалы, чердаки и все возможные вероятные места, где может быть обнаружен человек. И таким образом мы начали производить аресты массового характера. Мы, полицейские, в том числе и я, арестовывали всех евреев, и не только среднего возраста, а всех от малого до большого, мужчин и женщин, стариков и детей, а затем собрали их на площадь, где я публично одним выстрелом из винтовки убил 80-летнего старика только за то, что последний не хотел подчиниться»¹⁴⁸.

«Травники» составили от пяти до десяти процентов охранников концентрационных лагерей. Но их моральное состояние и идеологическая подготовка оставляли желать лучшего. Многие из них были больны гонореей или сифилисом. Некоторых даже отправляли на лечение в лазареты Дахау, Праги или Нюрнберга. «Травникам» разрешалось посещение лагерного борделя, в котором даже имелись для них специальная комната и отдельный вход.

Помимо «травников» соучастниками нацистских преступлений в концентрационных лагерях были другие коллаборационистские формирования. Саласпилс охранял латышский отряд СД в несколько сотен человек под руководством Конрада Калейса, который, по свидетельствам очевидцев, во время одного из расстрелов, «чтобы не тратить время», загнал 30 цыган в подготовленную могилу и расстрелял сверху¹⁴⁹.

В распоряжении руководства лагеря, размещенного на территории бывшего совхоза «Красный» недалеко от Симферополя, находился 152-й татарский батальон добровольцев «вспомогательной полиции порядка». Многие его члены являлись бывшими солдатами Красной армии, оказавшимися в плену и в дальнейшем согласившимися сотрудничать с оккупационными властями¹⁵⁰. Татарский батальон проходил подготовку в Джанкое, а в январе 1943 года был передислоцирован под Симферополь для охраны лагеря. Участники батальона, будучи задействованы в операциях против партизан, осуществляли карательные акции против гражданского населения в Симферопольском, Бахчисарайском и Зуйском районах Крыма¹⁵¹. Местных жителей, арестованных в ходе этих акций, солдаты переправляли в концентрационный лагерь. 152-й батальон принимал

непосредственное участие в ликвидации концентрационного лагеря в совхозе «Красный», когда все находившиеся там заключенные были убиты: по приблизительным оценкам, в ноябре 1943 года было уничтожено более двух тысяч узников, а в апреле 1944 года — свыше 1500¹⁵².

На оккупированной территории СССР коллаборационисты были включены в административную сферу управления концентрационными лагерями. В Саласпилсе «начальниками лагеря» — непосредственными помощниками коменданта, организовывавшими повседневную эксплуатацию заключенных и участвовавшими в их уничтожении, — являлись латыши Гудаковский и Виджус. Последний, занимая свой пост с октября 1942 года по сентябрь 1944-го, всегда присутствовал при расстрелах, регулярно избивал заключенных, выезжал для арестов и доставки арестованных в лагерь. Некто Сейлис занимал пост лагерного судьи и проводил допросы узников¹⁵³.

В итоге охранные батальоны превратились в весьма разнородные подразделения, состоявшие из различных этнических, национальных, языковых, социальных, возрастных групп, что значительно усложняло управление ими и координацию их действий. Конфликты между рядовыми эсэсовцами, коллаборационистами и «фольксдойче» стали обычным явлением в концлагерях Третьего рейха. Немцы не скрывали презрения к своим «помощникам», оценивая их как предателей. Когда один из эсэсовцев на входе в женскую часть лагеря Биркенау был остановлен «фольксдойче» Иоганном Касницки, то на вопрос о цели посещения женских бараков ответил: «Это не ваше дело; лучше научитесь говорить по-немецки, если хотите со мной разговаривать»¹⁵⁴. Неудивительно, что иностранцы чувствовали себя париями лагерной эсэсовской иерархии. У них практически не было шансов на карьерный рост. Даже отпуска для них были отменены — из-за боязни СС, что их помощники дезертируют. Побегι действительно были распространены. В начале июля 1943 года 15 украинских часовых сбежали из Аушвица, прихватив с собой оружие и боеприпасы.

Распорядок дня охранников практически не менялся со временем. В одном из филиалов Аушвица он был сформулирован весьма лаконично:

4.00 утра — подъем ранних постов охраны;
5.30 — общая побудка;
5.45 — кофе;
6.00—7.00 — уборка лазарета;
11.30—13.30 — обед;
17.00—17.30 — чистка оружия;
17.30—18.30 — занятия;
6.30, 12.00, 16.00 — сопровождение заключенных на работу и обратно в лагерь.
22.00 — отбой¹⁵⁵.

Вахты у ворот или на сторожевых вышках с регулярной сменой караула нравились охранникам больше, чем конвоирование узников на работу с восьми-десяти-часовым пребыванием на службе. В больших концлагерях охранники имели больше возможностей скрыться от глаз начальства, что могло иметь различные последствия — от неисполнения приказов до несанкционированного самоуправства.

Скука, наполнявшая будни охранников, и абсолютная безнаказанность, несмотря на формальные предписания, приводили к тому, что в их среде главным «развлечением» становились издевательства над узниками, в первую очередь убийства «при попытке побега». Во Флоссенбурге с 1939 по 1942 год таким образом были убиты минимум 129 человек. Эти убийства скрывались лагерным начальством. Например, оберштурмфюрер СС Карл Шульц, с 1939 по 1945 год возглавлявший политический отдел Маутхаузена, покрывал своих подчиненных, совершивших не менее 1500 убийств «при побеге». В лагерных документах он отделялся формальной фразой: «...личной проверкой я установил, что СС-шютце* “NN” должен был применить оружие. У него не было другого способа предотвратить побег... я проверил личные данные шютце NN». Родственникам жертв отправлялось письмо со столь же лживой фразой: «Ваш (отец, сын, муж, дочь и т. д.) был помещен в наш лазарет, как только он (она) сообщил о своей болезни. Несмотря на лучшее медицинское лечение и самый заботливый уход, спасти господина (госпожу) ... не удалось... Я выражаю Вам в связи с этой потерей мое сочувствие. Шульц, оберштурмфюрер СС»¹⁵⁶.

---

* СС-шютце (нем. SS-Schütze) — стрелок; низшее звание в войсках СС.

За эти убийства охранники награждались сигаретами, спиртным, а некоторые даже дополнительным отпуском: «...солдат СС Петр Кропат, род[ился] 2 апреля 1923 г., из второй роты, застрелил бежавшего заключенного. Выражаю благодарность вышеназванному за энергичное и добросовестное исполнение службы. Названный получает при следующем отпуске добавочные три дня вне очереди. Гартенштейн, штурмбаннфюрер СС и командир»¹⁵⁷.

Врач концлагеря Аушвиц Иоганн Кремер писал в дневнике, что охранники стояли в очередь на «специальные акции», чтобы получить дополнительный паек: «Сегодня в полдень на специальной операции в женском лагере (мусульманки*): ужас из ужасов. Гауптшарфюрер Тило, гарнизонный врач, был прав сегодня, говоря мне, что мы здесь находимся при анус мунди (анальном отверстии мира). Вечером около 8 часов снова на специальной операции, транспорт из Голландии. Участвующие в этом получают специальный добавочный паек: 200 г водки, 100 г колбасы, 5 папирос и хлеб. Поэтому люди стремятся участвовать в таких операциях. Сегодня и завтра (воскресенье) служба»¹⁵⁸.

Преступная деятельность лагерной охраны — расстрел узников якобы во время побегов — в подробностях описана в показаниях эсэсовца Пауля Вальдмана. С 1934 по 1936 год Вальдман служил в одном из ранних концентрационных лагерей Эстервегене, а позднее в Заксенхаузене. Из Заксенхаузена он отправился на фронт и во время боев за Берлин был взят в советский плен. В обоих концентрационных лагерях он был шофером — но не только. И в Эстервегене, и особенно в Заксенхаузене Вальдман добровольно принимал участие в массовых убийствах узников, в Заксенхаузене это были советские военнопленные. Оказавшись в плену, Вальдман рассказывал об Эстервегене: «Я работал на грузовой машине по транспортировке людей, на которой я должен был в случае, если совершится побег из лагеря, привозить людей для усиления охраны. В мои задачи также входило и доставление продовольствия. На этой же машине мне приходилось и отвозить те-

---

* Мусульманин — на лагерном жаргоне истощенный узник, доходяга.

ла. Часто я был свидетелем того, как охранники гнали арестованных по приказу коменданта лагеря оберфюрера Лорита за зону охраны, которых на бегу расстреливали охранники. По-моему, этот приказ исходил от начальника лагеря Лорита, т. к. он хотел избавиться от заключенных. За время моей двухгодичной работы в Эстервеге (так в тексте. — С. А.) таким путем было расстреляно около 350—400 человек. Мне самому часто приходилось участвовать в расстрелах таких заключенных, хотя для этого я не получал приказа, но как только я видел стрелявших солдат, то добровольно принимал в этом участие. Таким образом, за два года я уничтожил около 50 человек. Как я узнал от охранников, заключенных часто выгоняли за зону охраны и расстреливали. Так как мне часто приходилось быть в разъездах со своей автомашиной, то в расстреле заключенных я не мог принимать участие постоянно. Умерщвленные таким образом заключенные частично отвозились мною на автомашине в трясину болота (куда также сбрасывались нечистоты из очищенных каналов). Каждое тело находилось в ящике, с которым бросали мертвеца в болото. Через несколько секунд ящик с телом исчезал. При этой акции были заняты как помощники некоторые заключенные и 5—6 человек конвоя. Так как я со своей автомашиной отвозил тела, то был свидетелем и исполняющим лицом этих действий. О каждом погибшем таким образом заключенном сейчас же составлялся протокол, а именно политическим отделением лагеря. Протокол гласил большей частью: "Застрелен при бегстве или сопротивлении". Кроме этого, в лагере ежедневно умирало от 10-ти до 15-ти человек от истощения. И эти тела я таким же образом, как уже описывал, топил в болоте. По распоряжению коменданта лагеря заключенные должны были работать с усиленными темпами работы. Их посылали на земляные работы, работы по высушиванию болот, в мастерские, смотря по их специальности. Мне известно, и я даже видел два-три случая, когда заключенные при работах на болоте сами покушались на свою жизнь: прыгали в болото и сейчас же исчезали. Что они делали! Потому что не могли выдерживать больше темпа работы. От охранников я слышал, что это заставляло арестованных покончить с собой, и таким образом они погибали»¹⁵⁹.

Охранники жили в специальных деревянных бараках рядом с концлагерем: «...Охранная команда Шарлоттенгрубе размещается в массивном бараке. В этом бараке 14 комнат, туалет и душ. 10 комнат для охранного персонала, блокфюреров, 1 комната является гауптвахтой, по 1 комнате для хранения оружия и обмундирования, 1 комната — медпункт для охраны. Площадь комнаты составляет 28 м². Одна комната предназначена для 5—6 человек. Размещение хорошее, и места достаточно, барак отапливается с помощью угля»¹⁶⁰. Но, как и члены штаба комендатуры, охранники нередко жаловались на условия проживания.

Истощенная войной нацистская экономика всё сильнее пробуксовывала, что приводило и к проблемам с обеспечением охранного персонала концентрационных лагерей. В одном из распоряжений ВФХА отмечалось, что руководители лагерей должны учить унтерфюреров и рядовых охранников бережному отношению к униформе — поддержанию ее в должном виде и своевременной починке. Если же предписания начальства не выполнялись, рядовых вахманнов ждали дисциплинарные взыскания. Но это не помогало. Так, в июне 1943 года в Маутхаузен прибыли 138 эсэсовцев, по отношению к которым в лагерных документах было отмечено: «Одежда очень плохая и по большей части должна быть сменена на годную для службы. Для этих людей требуются новые комплекты обмундирования от СС—ВФХА»¹⁶¹.

Казарменное размещение не предполагало привилегий, которыми пользовались офицеры. Охране не разрешалось арендовать квартиры или проживать с семьями. Свидания с супругами, приехавшими навестить мужей, могли быть не разрешены лагерным начальством¹⁶². Известен даже случай, когда один из «фольксдойче» покончил с собой из-за болезни жены: «13.06.1944 г. в 20.00 шютце Майер Себастиан совершил самоубийство... Майер перед этим демонстрировал признаки меланхолии, так как 13.06.1944 г. он получил телеграмму от своего крайслейтера* из Девы (Румыния), что его жена тяжело больна, и Майер решил покончить с собой...»¹⁶³

---

* Крайслейтер (нем. Kreisleiter) — руководитель районной партийной организации НСДАП.

Для борьбы с гомосексуализмом и предотвращения венерических заболеваний руководство СС в лице Гимлера и Поля предписывало использовать для эсэсовцев уже имевшиеся городские бордели, находившиеся под специальным контролем, а также санкционировало создание в некоторых концлагерях борделей для коллаборационистов. Эсэсовцы Бухенвальда могли посещать публичные дома в переулке Розмарин в Веймаре, охранники Нойенгамме — в самом центре Гамбурга, на Гербертштрассе; эсэсовцы Заксенхаузена ездили в Берлин, а эсэсовцы Маутхаузена — в Линц. В маленьком польском городке Освенцим эсэсовцам было запрещено посещать польский дом терпимости. За нарушение этого предписания Хёсса они должны были быть немедленно арестованы. Собственный бордель для эсэсовцев появился при Аушвице лишь в 1944 году — в него была преобразована часть борделя для иностранных рабочих. Комендант концлагеря (к тому моменту это был Артур Либехеншель) объявил, что публичный дом для эсэсовцев начнет функционировать с 12 мая 1944 года по понедельникам и пятницам с восемнадцати до двадцати трех часов. Плата за одно посещение составляла пять рейхсмарок. Бордель обслуживали немецкие проститутки, находившиеся на учете в полиции безопасности Катовице и проходившие освидетельствование в медицинском отделе лагеря¹⁶⁴.

Для коллаборационистов, в первую очередь «травников», бордели создавались в самих концентрационных лагерях. В Бухенвальде такое заведение располагалось поблизости от комендатуры. Как минимум две полки — узницы Равенсбрюка — были отправлены в него для обслуживания вахманнов. Одна из них в марте 1944 года была возвращена в женский концентрационный лагерь как «непригодная» для выполнения этой «работы». Во Флоссенбурге бордель из двух комнат для «травников» находился в одном бараке с борделем для узников, но имел отдельный вход и отдельных «работниц»-узниц. Подобные заведения имелись в Маутхаузене, его филиале Пузене, Бухенвальде и Аушвице. Посещение борделя для этой категории охранников стоило две рейхсмарки: одна отдавалась женщине, вторая поступала на специальный лагерный счет. Сохранившаяся информация по борделю Бухенвальда позволяет установить, что в течение первых

десяти дней после открытия его посетили 73 часовых. Каждая женщина «обслуживала» от двух до восьми посетителей в день. Все эти женщины были польки, в концлагере оказались как «асоциальные» или «политические» заключенные. Их средний возраст составлял 21,5 года¹⁶⁵.

В некоторых концентрационных лагерях для развлечения эсэсовцев, в том числе и охраны, руководство организовывало различные мероприятия. Особенной популярностью пользовались спортивные соревнования. 14 июля 1944 года комендант Аушвица Хёсс поздравил унтершарфюрера Винтера, ставшего чемпионом Верхней Силезии в многоборье. 6 сентября 1942 года эсэсовцы Аушвица сыграли футбольный матч на местном стадионе против гостей из Ораниенбурга. Чтобы расслабиться после физических упражнений или после вахты в лагере, эсэсовцы всех рангов имели возможность посещать сауну.

Старая театральная сцена использовалась для выступлений танцоров, актеров, акробатов, которые совершали поездки по различным концентрационным лагерям. Уже в декабре 1944 года, за несколько недель до оставления лагеря нацистами, известный комик Третьего рейха Юпп Хуссельс прибыл в Аушвиц, чтобы развлечь эсэсовцев. Вне Аушвица рядовые эсэсовцы посещали кино в городке Освенцим и «Дом СС» — бар неподалеку от железнодорожной станции. Офицеры СС имели отдельное помещение поблизости от концлагеря, где они встречались по вечерам, чтобы поесть, выпить или поиграть в карты.

Общение охранников и местного населения складывалось по-разному. В Дахау руководство концлагеря организовало в городе специальные вечерние и ночные патрули, целью которых была проверка документов у эсэсовцев, находившихся вне лагеря. По распоряжению коменданта аресту подвергались охранники, нарушавшие распорядок или напивавшиеся и дебоширившие. Если же у населения возникали жалобы на сами патрули, то такие жалобы принимались лично комендантом. В 1937 году комендант запретил эсэсовцам присутствовать в униформе на популярном празднике Октоберфест. Образ СС в сознании обывателей должен был ассоциироваться только с порядком. Однако удавалось это отнюдь не всегда.

В мае 1934 года охранники Антон Пуц и Иоганн Бах с товарищами проводили досуг в пивной поблизости от Дахау. После спора с местными фермерами завязалась драка. Полиции с трудом удалось прекратить конфликт. И такие факты были не единичными. В июле 1935 года пьяные эсэсовцы, среди которых были адъютант Дахау и начальник политического отдела, возвращаясь в лагерь, попали в автомобильную аварию, столкнувшись с трамваем. Массовая драка с водителем трамвая и людьми, вступившими за него, сопровождалась выкриками эсэсовцев: «Рабочая свинья», «Кровавая коммунистическая пена» — и угрозами в адрес собравшихся жителей. Длительное расследование так и не принесло результата — в 1938 году эсэсовцы были амнистированы¹⁶⁶.

Распространенным явлением были романтические отношения охранников и местных девушек. Одна из жительниц Дахау, дававшая интервью уже в 1990-е годы, назвала время Третьего рейха самым захватывающим в ее жизни. Особую славу в городе имело в то время кафе «Бестлер» — привилегированный притон для эсэсовцев. Местные молодые люди вели с ними неравное соревнование за благосклонность девушек, в котором чаще всего проигрывали. Эсэсовцы, занимавшиеся только физической подготовкой, одетые в униформу, выглядели для немок предпочтительнее. Но мимолетные романы, как правило, не заканчивались свадьбой; забеременев, девушки оставались одни. Уже в послевоенную эпоху они были награждены презрительным эпитетом «вдовы СС».

Рядовые охранники, как и их руководители, были не прочь обогатиться, используя имущество и ценности узников. Если руководство концентрационных лагерей воровало в гигантских масштабах, то возможности охранников были скромнее; но и они вымогали у заключенных драгоценности, которые тем удалось пронести в лагерь, обирали трупы у газовых камер и крематориев, воровали имущество узников, хранившееся на складах. За определенную плату они могли передавать продукты от родственников¹⁶⁷ или даже помочь организовать побег. Так, одним из вариантов побега узников из Сырецкого концлагеря под Киевом был подкуп украинского коллаборациониста, который мог просто отпустить заключенных во время работы вне лагеря. При этом

полицай предлагал для создания собственного алиби убить самого слабого заключенного, специально взятого узниками с собой¹⁶⁸.

Правда, любое нарушение служебного устава приводило к дисциплинарному взысканию, накладывавшемуся комендантом. Помогали ему в этом в концлагерях рейха «судебные офицеры», которым вменялось в обязанность расследовать кражи, случаи коррупции и похожие правонарушения, а также неестественные смерти. Они проводили специальные следственные действия, допрашивали свидетелей и обвиняемых. О результатах комендант сообщал в Берлин, где и принимались решения о наказании. Один из таких судей рассказывал: «Я вспоминаю о трех наиболее запомнившихся мне случаях, которые я рассматривал. В первом случае унтерфюрер СС пришел пьяный к польской семье и, помимо прочего, приставал к женщинам. В другой раз обершарфюрер СС обвинялся в том, что растратил золото (полученное от узников. — С. А.) или какие-то подобные драгоценности. Во время следствия этот мужчина совершил самоубийство. Третий случай касался моего писаря. Однажды он был случайно направлен на охрану большого транспорта заключенных. В этот раз было слишком мало охраны, и тогда для усиления отправили писарей. В этот раз мой писарь взял себе ценности узников»¹⁶⁹.

В жизни узников многое зависело от настроения или характера рядовых охранников. Опытные заключенные привыкали чувствовать их и без слов понимать, кто перед ними — тиран, ждущий момента, чтобы поиздеваться над ними и убить; лентяй, не желавший лишний раз связываться с заключенными и писать отчеты об их наказаниях; взяточник, которого можно подкупить, чтобы облегчить свое положение или помочь товарищам по несчастью. Но большинство охранников оставались для узников вереницей постоянно сменявших друг друга людей без лиц и без имен (возможно, только с кличками), способных лишь издеваться и убивать.

МИР УЗНИКОВ

Категории заключенных

Масса узников, оказавшихся в концентрационных лагерях, была очень разнородной. Люди разных национальностей, вероисповеданий, возраста, уровня образования и социального положения оказывались в заключении вместе. Но, дополняя и разделяя этот и без того многоликий универсум узников, нацисты добавили одно собственное изобретение — лагерные категории заключенных, внешне отличавшиеся друг от друга цветом специальной треугольной нашивки — *винкеля**, обозначававшего причину ареста.

Он, помимо номера, был обязательным элементом униформы узника. До 1938 года единой системы маркировок заключенных не существовало. Например, в Дахау узники различались разноцветными точками и полосками на одежде: «политические» получали красную полосу, евреи — красную полосу с желтой точкой наверху, гомосексуалисты — красную полосу с черной точкой; узники, выполнявшие трудовую повинность, должны были носить синюю полосу и поперечную полосу на спине, наконец «криминальные» обозначались зеленой полосой. В Эстервегене «профессиональные преступники» носили синие штаны и куртки с нанесенными на спину желтой краской обозначениями BV** и зеленой повязкой на левой руке. «Политические»

---

* Winkel — угол (нем.).

** От нем. Befristeter Vorbeugehäftling — заключенный, помещенный в концентрационный лагерь на ограниченный

узники носили униформу землистого цвета с красной повязкой на левой руке и нашивкой аналогичного цвета на штанине.

В Заксенхаузене с 1936 года все узники обязаны были пришивать цветные кусочки ткани к своей форме: «криминальные» — зеленые, «асоциальные» — черные, «свидетели Иеговы» — сначала синие, а потом лиловые. Так постепенно в лагерный жаргон вошли слова, обозначающие категорию заключенных: «зеленые», «красные» и т. д.

Маркировки, применявшиеся во всех лагерях, подчинявшихся инспекции, появились в 1938 году и с тех пор стали неотъемлемой частью мира концлагерей и особым лагерным символом. Теперь палитра лагерных маркировок выглядела следующим образом: красный треугольник — для «политических» узников, синий — для эмигрантов, лиловый — для «свидетелей Иеговы», зеленый — для «профессиональных преступников», черный — для «асоциальных», розовый — для гомосексуалистов, коричневый — для цыган. Евреи должны были носить некое подобие звезды Давида, получавшееся из сочетания двух треугольников — желтого, вершиной вверх, и любого другого цвета, подчеркивавшего дополнительную причину ареста. Среди прочих пометок в маркировке узников были, например, полоски над винкелем того же цвета, означавшие, что заключенный оказался в лагере вторично. Черной точкой под винкелем помечали «склонных к побегу» членов штрафных бригад. Заключенные, арестованные в ходе операции «Ночь и туман» (*нем.* «Nacht und Nebel») по борьбе с участниками Сопротивления, получали маркировку «NN». Буква «K» означала, что человек совершал преступления во время войны. С началом Второй мировой войны имевшаяся система обозначений узников была дополнена первыми буквами названий стран, из которых прибыли заключенные: F — Франция, SU (Sowjetunion) — Советский Союз, N — Нидерланды, P — Польша.

С помощью винкелей сотрудники СС не только ориентировались в мире заключенных — могли определить причины ареста, национальность, — но и разделяли

срок под профилактический арест либо от *нем.* Berufsverbrecher — профессиональный преступник.

лагерное сообщество, противопоставляя одни группы узников другим. Эсэсовцы создавали лагерную иерархию, построенную на идеях расового превосходства, где во главе должны были находиться арийцы, а на самом дне — славяне и семиты.

Отнесение к той или иной категории зачастую зависело не только от их долагерного опыта узника или узницы, но и от случайных, ситуативных обстоятельств. Например, к «политическим» могли отнести проститутку, заразившую немецкого солдата венерическим заболеванием. Заключенные могли быть зарегистрированы в концлагере изначально как «политические», а затем их статус мог меняться, если, например, выяснялось, что среди их родственников были евреи; тогда в дополнение к красному они получали желтый треугольник, что низводило их на самое дно лагерного квазиобщества. Но при всём этом лагерные категории существенно отличались друг от друга, в первую очередь за счет поведения типичных представителей этих групп.

Многообразие названных категорий было представлено только в концентрационных лагерях, подчинявшихся ИКЛ, а позднее ВФХА. На территории СССР лагерный мир был более однообразен — среди заключенных были только славяне и евреи, которые не имели отличительных маркировок.

В целом все категории заключенных, выделенных нацистами, условно можно разбить на группы в соответствии с причинами ареста: «политико-идеологическое» преследование — политические враги нацистов в самом широком смысле и «свидетели Иеговы»; «расовое» преследование — на основе этнического расизма (евреи и цыгане); «социал-расистское» преследование — на основе евгенических идей о «народном сообществе» и «вредных» для него элементах («асоциальные» и «криминальные» категории). Остановимся на характеристике наиболее распространенных категорий узников.

«Политические»

Это была самая многочисленная категория заключенных. С началом войны к ней относились практически все узники-иностранцы, что делало эту группу не

только самой массовой, но и самой многонациональной. При этом она имела в себе множество фракций, явно или неявно оппонировавших, а то и противостоявших друг другу. Это были советские военнопленные и участники французского Сопротивления, немецкие социал-демократы, польские националисты и австрийские коммунисты; наконец, огромная масса «восточных рабочих» из Советского Союза, а также людей, угнанных на принудительную работу в рейх из Польши, Франции и других стран Европы.

Именно в среде «политических» формировались подпольные группы, осуществлявшие координацию помощи узникам. У «политических» были лидеры и сплотившиеся вокруг них группы, сохранившие антинацистскую систему ценностей и распространявшие ее в среде остальных заключенных. Немецкая коммунистка Эрика Бухман, бывшая узница Равенсбрюка, писала: «У них за спиной были долгие годы политической борьбы... Они более ясно, чем кто-либо, видели истинную политическую ситуацию, и они были наиболее сознательными антифашистами. Они лучше всех знали, что не отдельный человек, но только заключенные, борющиеся вместе, могли быть силой, способной сопротивляться СС. Они обладали профессиональными знаниями в организации этой борьбы. Они были приучены к ней и готовы к действию»¹⁷⁰. Именно «политические» узники в массе своей являлись наиболее образованными, что вкупе с их количеством позволило представителям этой категории оставить после войны подавляющее большинство мемуаров, распространив свои воспоминания и представления о реальности нацистских концентрационных лагерей.

«Свидетели Иеговы»

В основном это были немцы и австрийцы, которые в силу своих убеждений отказывались произносить нацистское приветствие, давать клятву на верность Гитлеру, вступать в НСДАП, участвовать в боевых действиях, служить в армии. Нацисты всегда относились к узникам данной категории с непониманием, считая их просто фанатиками, которых необходимо «перевоспитать»:

«В Заксенхаузене содержалось множество исследователей Библии (одно из названий иеговистов. — С. А.). Все они отказались от военной службы и за это были приговорены рейхсфюрером СС к смерти как уклоняющиеся от военной службы. Их расстреливали перед строем заключенных... За исследователями Библии следовало наблюдать в первую очередь. Я уже видел достаточно много религиозных фанатиков в местах паломничества, в монастырях, в Палестине, на дороге в Хиджаз, в Ираке, в Армении: католиков, православных, мусульман, шиитов и суннитов. Но исследователи Библии в Заксенхаузене, особенно двое из них, превзошли всех, кого я видел прежде. Эти два особенно фанатичных исследователя Библии отказывались от всего, что имело хоть какое-то отношение к военной службе. Они не становились по стойке «смирно», то есть не ставили пятки вместе, не вытягивали руки по швам, не снимали шапки. Они говорили, что таких почестей достоин только Иегова, но не люди. Для них не существовало начальства, они признавали единственным начальником только Иегову. Обоим пришлось изъять из блока исследователей Библии и водворить в помещение камерного типа, поскольку они постоянно подстрекали других исследователей Библии к такому же поведению. Эйке много раз приговаривал их к телесным наказаниям за нарушение дисциплины. Они выносили наказания настолько страстно, что трудно было поверить своим глазам. Они казались какими-то извращенцами»¹⁷¹.

Подобное поведение тем более удивляло нацистов, что «свидетелям Иеговы» можно было в любой момент подписать письменное заявление об отказе от своих убеждений и покинуть концлагерь.

В концентрационных лагерях они жили зачастую в отдельных бараках, отличавшихся чистотой и демонстрировавшихся в случае необходимости различным международным комиссиям, изредка приезжавшим в лагерь: «Здесь была совсем другая атмосфера. Место было тихим, и пахло чистящим порошком, дезинфицирующим средством и капустным супом. 270 женщин сидели за столами и ели в полной тишине, и едва ли было произнесено хоть одно слово. Это не было похоже на то, к чему я привыкла, и я была впечатлена... В блоке было 275 заключенных — свидетелей Иеговы»¹⁷².

«Арийское» происхождение большинства «свидетелей Иеговы» и знание ими немецкого языка определяли те виды деятельности, которыми со временем стали заниматься эти узники. Так, женщины были нянями, уборщицами, прислугой в домах офицеров СС. И последние не беспокоились ни о побегах узниц, ни о саботаже, ни о воровстве — такого просто не могло быть в силу их убеждений.

В целом эта категория заключенных имела общую систему ценностей, была не так разнородна (хотя и в среде «свидетелей Иеговы» существовали группы с разными взглядами на модель поведения в лагерях, их условно называли «фанатиками» и «либералами»), в том числе и по национальной принадлежности, и поэтому являлась одной из наиболее сплоченных групп. Более того, ее представители даже занимались приобщением к своим идеям соллагерников, после чего узники нередко просили лагерное начальство сменить их маркировку на фиолетовый треугольник «свидетелей Иеговы».

«Криминальные»

Эта категория никогда не являлась наиболее многочисленной в концентрационных лагерях, тем не менее ее влияние было огромным, так как именно ее представителей, в первую очередь из немцев, нацисты назначали на ведущие посты в лагерном «самоуправлении» — параллельной с эсэсовской иерархией управления узниками, о которой будет рассказано ниже. В категорию «криминальных» входили подвергнутые на ограниченный срок «профилактическому аресту» (*нем.* Befristete Vorbeugungshäftlinge), а также узники, оказавшиеся в концлагере в «предварительном заключении» (*нем.* Sicherungsverwahrte). К этой категории относились убийцы, воры, сутенеры, фальшивомонетчики. Большинство из них либо вообще не имели образования, либо только начальное. До ареста они не принадлежали ни к какой политической или общественной организации. Правда, многие из них были членами различных спортивных объединений. Позднее к ним добавились представители боевых бригад левых партий,

осужденные за убийства, и другие группы, что сделало эту категорию не такой однородной по составу.

Тем не менее абсолютное большинство «криминальных» характеризовалось представителями других лагерных категорий как настоящие преступники, стоявшие на службе у нацистов и готовые пойти на самые жестокие преступления против сокамерников, лишь бы угодить СС. Типичным примером воспоминаний о «криминальном» узнике являются свидетельства католического священника, поляка Генриха Маляка, бывшего узника Штуттгофа, Заксенхаузена и Дахау:

«Фриц, в одной рубашке и штанах, стоит на пороге, меряет нас своим налитым кровью одним глазом, закатывая рукава. Он производит впечатление бандюги, готовящегося к драке. Сине-красные шрамы перерезают костистое лицо. Уже один его вид вызывает ужас и трепет. Впрочем, мы видели его ежедневные издевательства над заключенными во время построений на поверку... Мы знаем, что нас ждет с его стороны. Так что стоим, переполненные страхом. А он бросает хриплым басом:

— При-сесь! Лапы вверх! — и, пробежав еще раз взглядом сидящие вприсядку ряды, возвращается внутрь.

В то время, пока Фриц под крышей спокойно ест обед, стоящее в зените солнце протапливает нам обритые головы; жар идет от раскаленной мостовой, поднятые руки немеют, судорога сводит согнутые колени. Как долго нам велят оставаться в таком положении? Сквозь окно видно, что происходит внутри барака. Фриц не спешит. Какие мысли могут крутиться в этом мозгу убийцы жены и собственных детей? Каковы чувства такого чудовища? Сколько есть в нем от человека, а сколько от зверя?»¹⁷³

«Криминальные» были не способны организовать нелегальные объединения и стремились спастись самостоятельно. Если же для этого требовалось предательство своих компаньонов, они шли на него без зазрения совести.

Однако всё же стоит отметить, что всё, что мы знаем об этой категории, — это та информация, которая сохранилась в воспоминаниях и свидетельствах «политических» заключенных. Сами «профессиональные преступники» не оставили мемуаров, поэтому нам неизвестно, что они могли бы сказать в свое оправдание.

В воспоминаниях бывших заключенных не лучшими эпитетами наделялась и другая категория узников — «асоциальные». До начала Второй мировой войны это была самая многочисленная группа заключенных концлагерей, к которой относились преимущественно нищие, бродяги, алкоголики, проститутки и прочие граждане, в первую очередь Германии, которые за свое поведение должны были быть исключены из нового «народного сообщества», создававшегося нацистами. Однако в числе «асоциальных» могли оказаться и те, кто часто опаздывал на работу или вообще остался безработным отнюдь не по причине тунеядства, а в результате экономической политики правительства.

Категория «асоциальных» была крайне разнородной не только в силу национальных или классовых различий, но и из-за отсутствия какой бы то ни было общей системы ценностей. Они, как и «криминальные» узники, стремились выживать в одиночку, чему способствовало и отношение к ним «политических», проявлявшееся зачастую в неприятии и презрении. «Асоциальные» часто ради своего спасения сотрудничали с лагерной администрацией. «Политическая» узница Маргарета Бубер-Нойман, которая была старшей в бараке «асоциальных», вспоминала: «Когда я вошла в барак, в нем было невероятно шумно, а само помещение воняло, как клетка обезьян». Чуть позже, когда ей предстояло впервые раздавать еду, она поняла, что не может справиться с этим: «...я стояла с ковшом в руке, чувствуя себя, и вероятно таким был мой внешний вид, абсолютно беспомощной среди бурлящей массы женщин, которые окружили меня, крича и жестикулируя». Помощь пришла, откуда она не ожидала: «...но в этот момент мощная женщина с живыми карими глазами и волевым подбородком вскочила на табурет и проревела голосом, достойным любого сержанта или майора: “если вы немедленно не выстроитесь в очередь должным образом и не прекратите нападать толпой на новую штубовую, то контейнеры вернутся в кухню и никто ничего не получит”. Это была Эльза Круг — садистка и проститутка из Дюссельдорфа»¹⁷⁴.

Черный треугольник вместо коричневого со временем стали получать и цыгане, отнесенные нацистами к «асоциальным» элементам общества. С точки зрения нацистских чиновников, люди без постоянного места жительства и постоянной работы, зато имевшие проблемы с государственным аппаратом и законом, были «асоциальны». В отношении цыган особую роль играли массовые стереотипы, которые нацисты с успехом использовали в своих целях. Многие из этих стереотипов сохранялись и в самих концлагерях. Одна из узниц Равенсбрюка отмечала, что цыганки «крали, как вороны, и учили своих детей делать то же самое». Другие выражали нежелание жить вместе с цыганами из-за их неряшливости. Вполне возможно, что в некоторых случаях подобные утверждения имели под собой основания, но чаще всего они основывались на домыслах и слухах.

Цыган, в отличие от остальных категорий, нацисты отправляли в концлагеря целыми семьями. В некоторых лагерях они оставались вместе — мужчины, женщины и дети. Печально известным стал семейный лагерь в Биркенау, куда цыган целыми таборами депортировали с территории рейха, чтобы уничтожить. Комендант Аушвица Хёсс писал об этом в мемуарах:

«В июле 1942-го РФСС (то есть рейхсфюрер СС Гиммлер. — С. А.) совершил инспекцию. Я показал ему цыганский лагерь во всех подробностях. Он всё обстоятельно осмотрел, видел набитые до отказа жилые бараки, недостаточные гигиенические условия, переполненные больничные бараки, видел заразных больных, видел детскую заразную ному, которая всегда меня пугала. Эти изможденные детские тельца с огромными сквозными дырами на щеках, это медленное гниение заживо напоминали мне о больных лепрой, о прокаженных, которых я впервые увидел в Палестине.

Он узнал о цифрах смертности, которые были сравнительно низки по сравнению со всем лагерем. Однако детская смертность была необычно высокой. Не думаю, что многие из новорожденных переживали первые недели. Он всё внимательно осмотрел и приказал нам уничтожить их после того, как будут, как и у евреев, отобраны работоспособные»¹⁷⁵.

Особой группой, к которой принадлежали представители разных стран, были евреи. Они находились на самом дне лагерного мира. Нацистский антисемитизм, являвшийся краеугольным камнем расовой политики Третьего рейха, привел к тому, что в лагерях оказалось огромное количество не только германских евреев, но и их соплеменников из Восточной Европы и Советского Союза. Все, кто выжил после акций айнзатцгрупп, содержания в гетто, массовых облав, отправлялись в концентрационные лагеря либо для уничтожения в газовых камерах сразу по прибытии, либо для дальнейшей эксплуатации. Антисемитизм, адептами которого являлись как коменданты, так и рядовые охранники, не был ничем ограничен и приводил к ужасным последствиям. «События, которые происходили в это время, нелегко описать в нескольких словах. Позвольте мне просто заметить, что 68 евреев сошли с ума в первую же ночь. Они были избиты до смерти Зоммером*, по четыре мужчины за один раз. Евреев отправляли партиями по две тысячи [человек] в печально известные бараки 1а—5а (позже снесенные) (речь идет о Бухенвальде. — С. А.), примитивные приюты, предназначенные для четырехсот, самое большое — пятисот человек. Санитарные условия в этих помещениях стали невообразимыми. Купюры в сотни марок использовались в качестве туалетной бумаги — евреи взяли с собой много денег, в некоторых случаях десятки тысяч марок (кое-кому удавалось, подкупив охрану, пронести с собой в концлагерь деньги или драгоценности. — С. А.). Эсэсовцы засовывали головами некоторых обвиняемых в переполненные ведра уборной, пока они не задохнулись»¹⁷⁶.

---

* *Мартин Зоммер* (1915—1988) — оберштурмфюрер СС, один из наиболее жестоких надзирателей концлагеря Бухенвальд. Получил прозвище Бухенвальдский палач. В 1943 году его деятельность начал расследовать суд СС. Зоммер был обвинен в жестокости к заключенным и финансовых злоупотреблениях, разжалован и переведен в войска СС.

Архитектура концентрационных лагерей была продумана и строго регламентирована. Таким образом нацисты, по словам немецкого социолога Вольфганга Софски, стремились продемонстрировать собственную «абсолютную власть» над пространством, где «человек больше не является центром собственного мира, а лишь объектом в этом пространстве»¹⁷⁷.

Но поначалу, в 1934—1935 годах, упорядоченного лагерного пространства не существовало. Ранние лагеря основывались спонтанно и в весьма разнообразных местах. В Ораниенбурге лагерь был в здании бывшего пивоваренного завода; в Преттине-на-Эльбе для размещения узников, а позднее узниц использовался замок Лихтенбург; в Брайтенау люди были заключены в старом монастыре. Аналогичная ситуация наблюдалась с концлагерями на оккупированных советских землях. На территории бывшего завода и прилегавшей к нему местности во Львове были построены бараки Яновского лагеря. В районе, где проходили летние учения киевского гарнизона, появились землянки Сырецкого лагеря. Под Симферополем лагерь разместился в строениях совхоза «Красный».

С 1936 года, когда изменились представления о сроках существования и функциях концлагерей и, самое главное, власть нацистов укрепила свои позиции на территории Германии, стали осуществляться новые планы лагерного строительства. Решающую роль в реализации концепции «современных» концлагерей сыграл Теодор Эйке. В качестве главы инспекции он лично следил за реализацией строительных планов. Впервые представление об идеальном концлагере было воплощено в жизнь при строительстве Заксенхаузена, треугольная форма которого тем не менее не получила распространения. За ним последовали Бухенвальд, Дахау, построенные в виде прямоугольников, которые и стали основной формой для будущих концлагерей. Строительное бюро Инспекции концентрационных лагерей координировало все работы — от создания эскизов до поставки строительных материалов. С 1941 по

1945 год за строительство концлагерей отвечал особый отдел подразделения «С» ВФХА¹⁷⁸.

Лишь некоторые концлагеря отличались архитектурой. Например, Берген-Бельзен, хаотичный в застройке, состоявший из различных типов бараков, палаточного лагеря, при строительстве вообще не имел общего плана. В некоторых случаях концлагерь с течением времени мог изменить внешний вид из-за размещавшихся поблизости и постоянно разраставшихся предприятий. Масштабы тоннелей в горах у Дора-Миттельбау, производственный город концерна «ИГ Фарбениндустри» в Моновице подавляли находившиеся рядом лагеря. В Доре-Миттельбау тысячи узников размещались в четырех подземных тоннелях горного массива. Деревянные доски, выложенные на неровной почве, создавали горизонтальную поверхность площадью 120 × 10 метров, где стояли ряды четырехъярусных нар, на которых в каждом тоннеле размещалось около тысячи человек. Спали по очереди — когда одна смена уходила на работу, место на кроватях занимала другая. Спертый и влажный воздух подземелий приводил к быстрому распространению туберкулеза. И если сначала узникам разрешалось выходить наружу каждый день, то в дальнейшем эта возможность предоставлялась один раз в неделю¹⁷⁹.

На последнем этапе существования лагерной системы в концлагерях на территории рейха — Берген-Бельзене, Равенсбрюке, Гросс-Розене — появились особые «временные» зоны, где должны были размещаться узники, депортированные из восточных лагерей. Палатки, конюшни без окон, огороженные колючей проволокой территории без каких-либо построек привнесли хаос в строго регламентированное пространство концлагерей.

По мере возникновения и развития концентрационные лагеря превратились, по сути, в огромные города, включавшие районы администрации, охраны, работы, уничтожения, существования узников. В этих городах имелись свои проспекты («гауптштрассе»), площади («аппельплац»), инфраструктура: отопление, освещение, железная дорога, различные предприятия, бараки для узников, жилье для СС, служебные помещения, бордели, кинотеатры, больницы, столовые, магази-

ны, стрельбища, склады оружия, псарни и пр. Территория концлагеря усиленно охранялась — по периметру располагались вышки с часовыми и пулеметами, лагерь был обнесен стеной с колючей проволокой под электрическим током, которая стала еще одним символом концентрационного лагеря. На верху каждой вышки располагались прожектора, которые по ночам освещали лагерную территорию с целью обнаружения запрещенного передвижения узников. За стеной, по всему периметру лагеря, проходила так называемая нейтральная зона шириной в несколько метров. Нахождение на ней заключенного влекло за собой немедленный расстрел «при попытке к бегству».

Известный французский писатель Давид Руссе описывал в воспоминаниях несколько нацистских концлагерей: «Лагеря не идентичны и не равнозначны. Концентрационный мир организуется в разных плоскостях (сферах). Бухенвальд — это хаотичный город, своего рода столица, но еще не полностью достроенная, похожая на лагерь своими кварталами, наспех и скопом размещенными, столица, кишачая жизнью. Это большой город ввиду своего пролетариата, а также массы служащих, рантье и мафии... Нойенгамме, напротив, был исключительно индустриальным центром»¹⁸⁰.

Размеры концлагерей были различными — от небольшого лагеря Дахау (шесть гектаров) до превосходившего его почти в 30 раз Биркенау (175 гектаров). Но площадь даже небольших концлагерей постоянно расширялась. В Заксенхаузене на 17 гектарах размещались 78 барakov, в том числе 56 предназначенных для заключенных. Первоначально запланированный для размещения шести тысяч человек, Заксенхаузен в среднем вмещал 10—15 тысяч. В последние месяцы войны он, как и остальные концлагеря, был переполнен — в нем находилось 35 тысяч узников. В Биркенау к моменту освобождения насчитывалось около трехсот барakov; часть лагеря, так называемая Мексика, так и осталась недостроенной.

В большинстве случаев концентрационные лагеря размещались неподалеку от крупных городов или даже столиц. При этом они всегда должны были иметь поблизости развитую инфраструктуру. Автобаны, железные дороги, речные магистрали должны были связывать эти

центры массового уничтожения и эксплуатации с окружающим миром.

Внутреннее пространство лагеря разделялось колючей проволокой на зоны, что ограничивало свободу перемещения узников и должно было обеспечивать более эффективный контроль над массой заключенных. Переход из одной жилой зоны в другую должен был строго регламентироваться, хотя это и не всегда соблюдалось. Узники, оказавшиеся на небольшом пространстве за колючей проволокой, как бы загонялись в клетку, которая ломала последние остатки их индивидуальности. Склады, больница, крематорий, бункер* и другие строения особо контролировались СС. Доступ в них был разрешен лишь ограниченному числу лиц, и это распоряжение лагерной администрации строго исполнялось.

Барак

Основной единицей лагерного пространства был барак. Бараки заключенных в большинстве случаев (в Равенсбрюке, Заксенхаузене, Дахау) были построены из тонких деревянных досок; в Аушвице некоторые бараки были кирпичные. Все бараки были пронумерованы и выглядели определенным стандартным образом. Чаще всего это были прямоугольные помещения приблизительно 50 × 8 метров, разделенные на две части — штубы. В каждой из них была «комната отдыха» (9 × 6 метров), в которой имелись столы, скамьи, табуреты, шкафчики для одежды и печь для отопления. Общее спальное пространство (комната 12 × 8 метров) было заполнено рядами трехъярусных нар. Каждая кровать должна была иметь два шерстяных одеяла, простыню, набитый соломой тюфяк, подушку аналогичного вида. В таком бараке должно было разместиться около 150 человек. Отдельное помещение при входе в барак занимал «блоковый» — старший в бараке, назначенный из числа заключенных¹⁸¹.

---

* Бункер — здесь: специальное помещение для содержания заключенных, подвергнувшихся наказанию за нарушения лагерного распорядка.

В качестве барачков также использовались бывшие армейские конюшни. Например, в конюшне Аушвица раньше размещались 52 лошади, а теперь должны были расположиться как минимум 400 человек, причем это число постоянно увеличивалось. Барачки этого типа, размерами 41 × 10 метров, в отличие от других, не имели ни туалетов, ни умывальников — в дальнем углу стояли ведра, в которые заключенные справляли нужду. Помещения, предназначенные для гигиенических целей, располагались в отдельных строениях, и попасть в них можно было лишь в строго отведенное время и всего на несколько минут.

Бывший узник Аушвица Примо Леви так описывал устройство барачков:

«Сорок седьмой блок только для Reichsdeutsche — чистокровных арийцев из рейха, политических и уголовников; сорок девятый — только для капо, половина двенадцатого блока, находящегося в распоряжении немцев из рейха и капо, отведена под каптерку, где распределяют табак, дезинсекционные порошки и время от времени еще кое-что. Тридцать седьмой блок — штабной, его делят канцелярия и нарядчики, и, наконец, двадцать девятый, где всегда наглухо закрыты окна, — женский; это лагерный бордель для немцев из рейха, которых обслуживают здесь молоденькие польские девушки-заключенные.

Общие барачки внутри разделены на два отсека — дневной и спальный. В дневном (он называется Tagesraum) живет блочный староста со своей свитой. Там стоят стол, стулья и лавки; там рябит в глазах от фотографий, журнальных вырезок, рисунков, искусственных цветов, безделушек. На стенах большие плакаты с лозунгами и стишками, призывающими крепить дисциплину, соблюдать порядок и личную гигиену. В углу застекленный шкафчик, где Blockfrisör (штатный парикмахер) хранит свои инструменты, где висят половники для разливания супа и две дубинки, одна из литой резины, а другая полая, как раз для того и предназначенные, чтобы эту самую дисциплину крепить. Во втором отсеке только нары, разделенные тремя проходами. Сто сорок восемь наров в три яруса, под самый потолок, чтобы не пропадал ни один сантиметр пространства, тесные, точно пчелиные соты. Здесь обитают простые

хептлинги*, хептлинги-работяги. В каждом бараке их не меньше двухсот, а то и двухсот пятидесяти, поэтому в основном спят по двое на одних нарах, представляющих собой настил из прогибающихся досок с тонким соломенным матрасом и двумя одеялами. Проходы настолько узки, что два человека в них расходятся с трудом; площадь пола так мала, что все обитатели блока не могут одновременно стоять, половина по крайней мере должна лежать на нарах. Отсюда запрет заходить в чужие блоки»¹⁸².

С началом Второй мировой войны большинство барачников оказалось переполнено. Узники делили между собой пространство нар, укладываясь спать вдвоем, втроем и даже впятером. Те, кому не хватало места на нарах, вынуждены были спать на полу. Лишь в редких случаях, когда концлагерь еще не был слишком забит людьми или старшие в бараке были лояльны, узникам удавалось оказаться на нарах с теми, с кем они хотели, — с друзьями или земляками. Бывшая узница Равенсбрюка Ольга Васильевна Головина вспоминала, что она размещалась на одних нарах со своими подругами. И хотя не все они были из Москвы, но получили лагерное прозвище «семья москвичей»¹⁸³.

Переполненность барачников стала катастрофической, когда в 1944 году в концлагерь рейха стали прибывать транспорты эвакуированных узников восточных концлагерей. Бывшая заключенная Ольга Вайс Астор вспоминала: «Сначала, когда мы прибыли в Равенсбрюк, он был так переполнен, что заключенные не имели мест в бараках... Мы лежали от четырех до шести на нарах без матрасов, как вилки или ложки вы кладете вместе. Если один двигался, все двигались. Один поворачивался — все поворачивались»¹⁸⁴.

Скученность приводила не только к распространению инфекционных заболеваний, но и к агрессии заключенных по отношению друг к другу, к борьбе за лучшее место на нарах, за хотя бы минимальное личное пространство. Только «привилегированные» узники, сотрудничавшие с лагерной администрацией, либо имели отдельные помещения в общих бараках заключенных, либо вообще размещались в отдельных бара-

---

* Häftling — заключенный, узник (нем.).

ках с одноярусными кроватями, регулярной сменой постельного белья, несколькими одеялами и возможностью мыться.

Лагерный регламент регулировал малейшие детали в организации внутреннего пространства барака. Заключенные должны были спать одетыми только в лагерную униформу. Узники жестоко наказывались, если, например, обнаруживалось, что зимой они надевали дополнительные вещи, купленные на лагерном «черном рынке». Неожиданные проверки держали заключенных в постоянном страхе, который был значительно меньше, если «блоковые» находились на их стороне и не досаждали своими проверками и доносами СС. Нередко узники, возвратившиеся после рабочего дня в барак, обнаруживали в нем полный хаос — эсэсовцы или их лагерные помощники искали запрещенные вещи, переворачивая всё вверх дном. Если порядок в бараке немедленно не восстанавливался, все узники могли быть наказаны очередным штрафом.

Особым видом издевательств со стороны СС, имевшим распространение в довоенные годы существования лагерной системы, было застилание постелей. Ежедневно во время утренней проверки эсэсовцы или надзирательницы проверяли внешний вид матрасов, подушек и одеял. Матрасы должны были быть абсолютно ровно застелены одеялами, а каждая подушка уложена по-армейски — треугольником. Военная, казарменная практика застилания кроватей была для абсолютного большинства заключенных настоящим испытанием. Ситуация осложнялась еще и тем, что идеальным образом должны были быть застелены постели на всех трех ярусах нар, а это в условиях утреннего хаоса, когда все спешили в туалет и на раздачу «кофе», было практически нереально — спускавшиеся с верхних нар люди разрушали попытки располагавшихся внизу привести постель в порядок, что также приводило к конфликтам между заключенными. Если же во время проверки эсэсовец, надзиравший за баракom, был недоволен тем, как застелены чьи-то нары, то в отношении узника применялась система штрафов — от избиения до лишения пайка. Чтобы избежать этих издевательств, некоторые узники застилали свои постели с вечера и не ложились на них, проводя ночь на грязном, холодном полу. Дру-

гие же за еду или сигареты нанимали тех заключенных, которые успешно справлялись с этим эсэсовским заданием — застилкой постелей.

Быт заключенных

Депортация

«Паровоз дает гудок. Паровоз, надо думать, никогда не гудит без толку. У каждого гудка свое особое назначение. Однако по ночам в тесных номерах привокзальных гостиниц, где ты поселяешься под чужим именем, когда никак не можешь уснуть из-за всего того, что перебираешь в уме или что само приходит на ум, в тех безликих гостиничных комнатах паровозные гудки вдруг приобретают совсем иное звучание. Утратив свое конкретное целевое назначение, они звучат как некий непонятный зов или зловещий крик. Паровозы гудят в ночи, и люди ворочаются в постелях с боку на бок, ощущая смутную тревогу. Наверно, это чувство рождается не без влияния когда-то прочитанных плохих романов, но отделаться от него трудно. Мой паровоз гудит в долине Мозеля, и передо мной медленно проплывает зимний пейзаж. Вечереет. По дороге, идущей вдоль полотна, шагают люди. Они держат путь вон в то далекое село, над которым стелется мирный дымок. Может быть, кто-то из них бросит в нашу сторону взгляд, может, рассеянным взглядом проводит наш поезд — это же всего-навсего товарный состав, каких за день проходит много. Люди идут к себе домой, им нет ровно никакого дела до этого поезда, у каждого из них своя жизнь, свои заботы, своя судьба. И, глядя, как они шагают по дороге, словно в этом и впрямь нет ничего особенного, я вдруг осознаю, что я в плену, а они на воле. Глубокая тоска сжимает мне сердце...»¹⁸⁵ Так известный писатель, бывший узник Бухенвальда Хорхе Семпрун после войны вспоминал свои первые ощущения, испытанные в вагоне, который вез его в концентрационный лагерь.

Пути людей в концлагерь были разными. Узниками могли стать бывшие заключенные тюрем, обитатели гетто, жертвы облав и военнопленные. Кого-то пригоняли в лагерь пешком, кого-то привозили на грузовых

машинах, но для подавляющего большинства дорога в концентрационные лагеря была связана именно с поездами. Без отлаженной с немецкой педантичностью работы железных дорог в Третьем рейхе и на оккупированных территориях масштабы депортации заключенных и их уничтожения были бы гораздо меньше.

На первых порах нацисты, поддерживая миф о «безопасном путешествии на восток», даже позволяли своим жертвам такую роскошь, как вагоны третьего класса. Илюди охотно верили в этот миф. Евреи Западной Европы должны были сами оплачивать свой проезд. Если их имущество уже было конфисковано, то об этой оплате заботились структуры СС, для покрытия «транспортных расходов» переводившие деньги на счета Германской железной дороги, бухгалтерия которой рассматривала евреев как «пассажиров», чей «проезд» должен был оплачиваться по тарифу четыре пфеннига за километр, детей младше десяти лет можно было перевозить по тарифу два пфеннига за километр. В расчетах использовались даже «групповые тарифы» — полцены билета третьего класса, когда в группе депортированных было больше четырехсот человек. Естественно, оплачивался проезд в один конец¹⁸⁶. Доходы одних только немецких железных дорог от депортаций всех категорий узников в концентрационные, трудовые лагеря и центры уничтожения с 1938 по 1945 год по современному курсу составили как минимум 445 миллионов евро¹⁸⁷.

Но в большинстве случаев во время массовых депортаций мужчин, женщин, стариков, детей погружали в товарные вагоны или вагоны для перевозки скота, в которых отсутствовали даже элементарные условия для размещения. Никто из депортируемых точно не знал, сколько продлится этот путь и что ждет их в конце. Некоторые надеялись на лучшее, другие предчувствовали беду. Взятые с собой провизия и питье быстро заканчивались, а нацисты лишь на редких остановках выдавали ведро воды на всех находившихся в вагоне или бросали несколько кусков хлеба¹⁸⁸. Нестерпимые голод и жажда, которые невозможно утолить, — спутники депортируемых людей, с которыми многие из них встретились впервые в жизни.

Первоначально нацисты исходили из расчета, что в вагоне будут помещаться 50 человек. Позже стали наби-

вать по 100 и более человек: «Вот кто-то уже задыхается, а у этого больше нет сил, а эти теряют сознание, падают, увлекая за собой других, а те, на кого навалилась груда тел, тоже начинают задыхаться, изо всех сил работают локтями, пытаясь освободиться, но безуспешно или почти безуспешно, отчаянно кричат, хрипят: “Умираю”, и всё это создает неимоверный шум, чудовищный хаос, тебя толкают в разные стороны, на тебя наваливаются какие-то падающие тела, тебя то втягивают в середину вагона, то вновь тут же отбрасывают к стенке. Парень из Семюра дышит, как рыба, открытым ртом он пытается глотнуть как можно больше воздуха; какой-то старик стонет: “Дайте мне руку!” “Мне прищемили ногу — не сломайте ее!” — кричит другой старик, где-то справа, и, как безумный, вслепую начинает колотить соседей, его хватают за руки, он вырывается, яростно воя, и, наконец, падает под ноги окружающих. “Ребята, вы сошли с ума, опомнитесь, придите в себя!” — в отчаянии зовет чей-то голос. “Воды бы достать”, — откликается другой. Легко сказать “воды” где ее возьмешь? — и потом, этот вопль на другом конце вагона, бесконечный, нечеловеческий вопль — и, однако, страшно подумать, что этот вопль оборвется: ведь тогда человек, зверь, существо, из глотки которого он вырвался, умрет; нечеловеческий вопль означает, что человек еще борется за жизнь...»¹⁸⁹

Нацисты, обманывая своих жертв, объявляли им о возможности взять с собой в дорогу всё самое необходимое и, конечно, самое ценное — то, что позднее будет изъято «на благо рейха» или разворовано различными лагерными функционерами. А пока во время нескончаемого пути с долгими остановками, чтобы пропустить пассажирские и грузовые поезда, все эти сумки, тюки, чемоданы, наваленные в вагоне, делали положение людей еще более тяжелым.

В товарных вагонах нацисты не предусматривали никаких средств для отправления естественных потребностей. Имели место лишь редкие остановки посреди поля или леса, когда людям разрешалось по очереди выходить из вагонов и под хохот и скабрзные комментарии охраны ходить в туалет. Это был болезненный удар по системе ценностей, целью которого, как и всего процесса депортации, была деморализация перед прибытием в лагерь. Если в вагоне имелось хотя бы немного

свободного пространства или среди вещей оказывались ночные горшки, люди, стремясь сохранить достоинство, организовывали импровизированные туалеты. Однако в большинстве случаев подобных возможностей у депортируемых не было, и они с ужасом переживали первые удары продуманной нацистской машины террора, чередой которых еще ждала их впереди. Опытные узники, перевозившиеся из одного лагеря в другой, старались хоть как-то подготовиться к дороге.

Одним из организаторов подобной транспортной логистики, в первую очередь маршрутов Холокоста, был чиновник, скрупулезно исполнявший свои обязанности по отправке людей на уничтожение, — глава отдела «IV-B-4» РСХА Адольф Эйхман. На судебном процессе в Иерусалиме он говорил, что занимался лишь эвакуацией и не был причастен к массовым убийствам.

«Лесс (сотрудник израильской полиции, дознаватель по делу Эйхмана. — С.А.): Вы всё время повторяете, что ни за то, ни за это не отвечали. Интересовались сотнями и тысячами деталей, но за них не отвечали. Если вы не были за них ответственны, почему из всех документов следует, что вы в них всё-таки вмешивались?»

Эйхман: Да, господин капитан, но это всё вещи, связанные с эвакуацией.

Лесс: Безусловно. Точно так же, как... Без эвакуации — некого душить в газовых камерах.

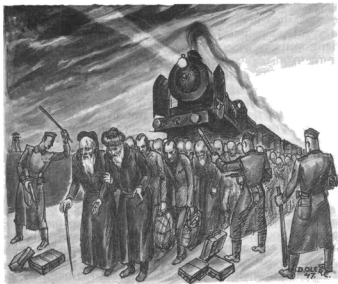
Эйхман: Да... да, если хотеть, то можно представить и так, хотя я ведь не имел никакого отношения к этому сектору.

Лесс: Вы говорите, что не имели никакого отношения к убийству?

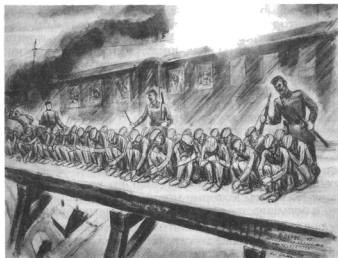
Эйхман: Так точно.

Лесс: Но людей везли на убой»¹⁹⁰.

Для депортированных со всей Европы евреев исполнимость Эйхмана превращалась в жестокую реальность неизбежной гибели. «Зима в том году была на редкость лютая. Евреев держали в вагонах по шести, по семи и даже по десяти дней в ту суровую, лютую зиму. Их не кормили, само собой, и не давали им пить. Когда поезд подходил к перрону и открывались двери вагонов, внутри никто даже не шевелился. Чтобы найти живых, приходилось раздвигать руками эту застывшую груды — трупы евреев, которые умерли стоя, замерз-

Поезд в ад. Издательства над заключенными. Рисунки Д. Олера. 1947 г.

ли стоя, — и их окоченевшие тела валились прямо на вокзальный перрон. Но живые обнаруживались даже и тут. Призрачная колонна шатающихся людей медленно тянулась к воротам лагеря. Некоторые падали на пути, чтобы больше не подняться, другие поднимались и из последних сил брели к воротам лагеря. Однажды в одном из вагонов среди окоченевшей массы трупов мы нашли трех еврейских детей. Старшему было пять лет. Наши немецкие друзья из лагершутца* похитили их прямо из-под носа у эсэсовцев. Они жили вместе с нами в лагере, выжили и потом вышли из него, эти три еврейских мальчика-сироты, которых мы нашли в груди окоченевших трупов. Вот так в ту лютую зиму я узнал, как перевозят евреев»¹⁹¹.

Транспорты — поезда, привозившие жертв в концентрационные лагеря — были нескольких типов: «сборные» привозили узников разных категорий и национальностей с территории рейха; «депортационные», или «специальные», «особые», доставляли людей с оккупированных территорий, зачастую в ходе специальных акций уничтожения; наконец, «транспорты из других концлагерей» перемещали узников из одного лагеря в другой.

После долгого пути состав останавливался, открывались запоры дверей, и на людей обрушивались свет прожекторов, лай собак и крики охраны: «Los! Los! Los!» — «Быстрее! Быстрее! Быстрее!» Эсэсовцы, орудуя прикладами винтовок, начинали выгонять из вагонов вновь прибывших. Всё происходило с такой быстротой, разительно отличавшейся от монотонной поездки, что казалось дезориентированным людям чем-то нереальным. Они вылезали из вагонов и стояли с вещами, ожидая своей участи.

Если поезд оказывался сразу на территории концлагеря, как это было в Биркенау, то, как только происходила выгрузка, рядом с прибывшими оказывались заключенные, которые забирали их вещи. Кто-то из этих узников мог дать новеньким совет, как вести себя в эти первые минуты, которые могли стать судьбоносными; но в большинстве случаев они лишь выполняли свою

---

* От нем. *Lagerschutz* — охрана лагеря; охрана из узников, являвшаяся частью лагерного «самоуправления».

работу, порученную нацистами: «Двери вагона рывком распахиваются, и в него врывается небольшая свора заключенных в обычной полосатой одежде, наголо остриженных, однако выглядевших явно сытыми. Они говорят на всех возможных европейских языках, но с неизменной напускной жизнерадостностью, которая в этот момент и в этой ситуации выглядит гротескно. Они выглядят неплохо, эти люди, они явно в хорошем расположении духа и даже смеются. Психиатрии известна картина болезни так называемой иллюзии помилования: приговоренный к смерти начинает в последний момент, непосредственно перед казнью, верить в то, что его помилуют. Так и мы цеплялись за надежду и тоже верили до последнего момента, что всё не будет, просто не может быть так ужасно. Посмотрите на толстые щеки и румяные лица этих заключенных! Тогда мы еще не знали ничего о том, что существует «элита» — группа заключенных, предназначенных для того, чтобы встречать составы с тысячами людей, ежедневно прибывающие на вокзал Освенцима, то есть забирать их багаж вместе с хранящимися или спрятанными в нем ценностями: ставшими драгоценными предметами обихода и тайно провезенными драгоценностями. Все мы из нашего транспорта в большей или меньшей степени находились во власти упомянутой иллюзии помилования, говорившей нам, что всё еще может хорошо кончиться»¹⁹².

Людей, оставшихся без своего нехитрого скарба, который у них забирали и отвозили куда-то на машинах, по приказу охраны группировали — отдельно мужчин и женщин, чтобы провести мимо офицера СС. «Вот он передо мной: высокий, стройный, молодцеватый, в безупречной и сверкающей до блеска униформе — элегантный, выхоленный человек, бесконечно далекий от нас — жалких созданий, коими мы выглядим — одичавшие и после бессонной ночи. Он стоит в непринужденной позе, правый локоть опирается на левую руку, правая рука приподнята, и указательный палец делает едва заметные указующие движения — то налево, то направо, но гораздо чаще налево. Никто из нас не мог ни в малейшей степени представить себе то значение, которое имели эти легкие движения человеческого указательного пальца — то налево, то направо, но гораздо чаще на-

лево. Теперь моя очередь. Эсэсовец оценивающе смотрит на меня, похоже, что удивляется или сомневается, и кладет мне обе руки на плечи. Я стараюсь выглядеть молодцевато, стою ровно и прямо. Он медленно поворачивает мои плечи, разворачивая меня вправо, — и я попадаю направо. Вечером мы узнали значение этой игры указательным пальцем — это была первая селекция! Первое решение: быть или не быть. Для огромного большинства из нашего транспорта, около 90 процентов, это был смертный приговор»¹⁹³.

Но если поезд прибывал на ближайшую к лагерю станцию, то будущие узники, после того как у них забрали вещи, должны были ехать на грузовиках или идти пешком. Первое, с чем они сталкивались по прибытии на место, были лагерные ворота — «брама», как называли их заключенные. Свобода, пусть и эфемерная, исчезала окончательно. За воротами начиналась новая реальность — реальность концентрационного лагеря. И хотя ворота не представляли из себя ничего особенного, они наводили ужас: на новичков — неизвестностью, простиравшейся за ними, а на бывалых узников — памятью об издевательствах и близостью смерти.

Частью оформления ворот в большинстве концлагерей были лозунги, введенные по приказу Эйке еще на заре формирования лагерной системы. Наибольшее распространение получили два из них: «Труд освобождает» и «Каждому свое». В этих слоганах, в присущей нацистам манере искажения смыслов, были заключены основные принципы, по которым теперь должны были выживать узники. Труд освобождал, но лишь некоторых и только от быстрой смерти. А в понимании СС труд должен был освободить узников от самого главного — от жизни. Высказывание «Каждому свое» было призывом отнюдь не к всеобщему счастью и благоденствию, а к расовому неравенству, где у сотрудников СС должно было быть всё, а у узников — ничего, и это, с точки зрения лагерного руководства, была вполне достижимая цель. Но всего этого вновь прибывшие, если они оказывались в концлагере впервые, еще не знали. Лагерная наука понимания нацистского языка, обязательная для выживания, была у них впереди.

---

* От польск. *Brama* — ворота.

Уже во время выгрузки из вагонов прибывших, вне зависимости от пола и возраста, избивала охрана. Когда люди оказывались на лагерной территории, избиения усиливались. От жестоких ударов, ломавших челюсти, руки, ребра, люди падали, теряли сознание, затем, очнувшись, снова пытались подняться. Осколки разбитых стекол очков резали им лица. Кровь была повсюду. В мужских лагерях эсэсовцы зачастую на этом не останавливались. Они могли заставить людей заниматься «спортом», то есть до изнеможения делать бессмысленные физические упражнения: приседать, ходить «гусиным шагом», перекатываться по земле. Ругань и побои продолжали сыпаться на запутанных новичков. Подобные издевательства над ничего не понимавшими людьми были наиболее распространены на раннем этапе существования лагерной системы. Позднее такие методы применялись значительно реже, сохранившись как повседневная практика в лагерях на оккупированных советских территориях.

После того как вновь прибывшие входили в ворота концлагеря, их гнали в помещение, которое узники называли «баней»: «Вылезаете, нас вводят в большое голое помещение, где не намного теплее, чем на улице. До чего же хочется пить! От слабого журчания воды в радиаторах мутится рассудок — ведь мы уже четыре дня без воды! Водопроводный кран есть, но табличка над ним гласит, что вода загрязнена и пить ее запрещается. Глупости, я уверен, над нами просто издеваются. Зная, что мы умираем от жажды, “они” нарочно привели нас сюда, где кран есть, а *Wassertrinken verboten!*» Решаюсь напиться и уговариваю других последовать моему примеру, но тут же сплевываю: вода теплая, сладковатая, пахнет болотом. Это ад. Сегодня, в наше время, таким только и может быть ад: большое пустое помещение, капающий кран, из которого нельзя напиться, мы, уставшие стоять на ногах, в ожидании чего-то поистине ужасного; но ничего не происходит, ожидание длится и длится»¹⁹⁴.

Эсэсовцы заставляли вновь поступивших раздеться

---

* Пить воду запрещено! (нем.).

догола. Потом среди обнаженных людей появлялись заключенные с бритвами, помазками и машинками для стрижки волос. Они должны были обрить все волосы на теле прибывших людей. «Рядом со мной стояли два старичка, довольно-таки непривлекательного вида. В их глазах я уловил тот самый, знакомый мне удивленный взгляд. Они смотрели на весь этот балаган расширенными от изумления глазами. Когда настала их очередь и электрическая бритва коснулась самых чувствительных частей их тела, оба вскрикнули. Они переглянулись, и теперь во взгляде их уже было не только изумление, но и священное негодование. “Вы понимаете, господин министр, нет, вы понимаете, что здесь происходит?” — воскликнул один из них. “Это непостижимо, совершенно непостижимо, господин сенатор”, — отозвался другой. Он так и сказал: не-по-сти-жи-мо, отчеканивая каждый слог. Оба говорили с бельгийским акцентом, вид у них был смешной и жалкий»¹⁹⁵.

Женщины также проходили через подобную процедуру, и для них это было особенно унижительно. «Как “цуганги” мы прошли через двери и оказались в “сауне”. В “сауне” командовала немецкая узница — профессиональная проститутка... Жирная, безобразная, с косматыми волосами, как ведьма из детских сказок, один ее вид наводил на нас страх и ужас... В “сауне” находился также молодой, глупо выглядевший СС-ман, унтершарфюрер, “шеф” “сауны”... Переполненные стыдом, мы стояли кружком и смотрели друг на друга, ожидая, кто же первый начнет раздеваться... Я тоже раздевалась, но наклонилась и, подняв одеяло, которое лежало рядом на земле, закутала себя. Тогда ко мне тут же подбежала капо, сорвала с моих плеч одеяло и, жестоко ударив меня по лицу, закричала: “Святая Мадонна!”, — что должно было означать, посмотрите-ка на эту святую девушку. Эсэсовец громко рассмеялся...»¹⁹⁶

Кроме того, узников мог осматривать кто-то из медицинского лагерного персонала. Гинекологическое освидетельствование, которому подвергались женщины, грозило опасностью венерических заболеваний, ибо все поступавшие независимо от состояния здоровья осматривались с помощью одних и тех же инструментов¹⁹⁷.

---

* От нем. Zugänge — прибывшие, поступившие.

Побрив, людей заталкивали в душевую, где чаще всего обливали кипятком или ледяной водой. После выдачи униформы в соседнем помещении начиналась регистрация «вновь прибывших». Кто-нибудь из узников из вспомогательного персонала в политическом отделе лагеря опрашивал новичков: где и когда родился, кто по профессии, есть ли родственники и где они живут. Завершалась процедура фотографированием — анфас, левый и правый профиль, а также присвоением личного номера. Правда, фотографии делали не везде. Подобные возможности были в Заксенхаузене, Бухенвальде, Аушвице, Штуттгофе и Маутхаузене. Фотографировали не всех узников, в основном «политических». Арестованных по расовым причинам и советских военнопленных фотографировали только по специальному распоряжению. С 1943 года из-за нехватки фотопленки и реактивов большинство узников, за исключением немцев, перестали фотографировать даже в вышеназванных концлагерях. Обобщенные личные данные по заключенным — номер, причина ареста, имя, фамилия, дата и место рождения, профессия — заносились в специальные списки, рассылавшиеся по лагерным отделам. На их основе составлялись картотеки арестованных.

Номера присваивались всем узникам концентрационных лагерей, за исключением некоторых лагерей на территории СССР (например, Сырецкого или лагеря в совхозе «Красный»). Они заменяли людям имена. И на время пребывания в концлагере заключенные должны были называть себя и откликаться только на свой номер. Наступал новый этап деперсонализации — расставания со своим «я», со своими привычками, мечтами, чувствами.

Во всех концлагерях Третьего рейха бирки с номерами нашивались на лагерную униформу, и лишь в одном — Аушвице-Биркенау — делались татуировки на левом предплечье (не татуировались лишь граждане рейха или подвергнутые «воспитательному» аресту, а также некоторые группы узников, оказавшихся в лагере в 1944 году). Причина, как всегда в немецкой машине террора, лежала в утилитарной плоскости — так нацистам было проще идентифицировать трупы умерших или уничтоженных узников, остававшихся в последние минуты жизни без одежды. Впервые проблема иденти-

фикации возникла при массовом уничтожении советских военнопленных осенью 1941 года; они и стали первой группой, получившей номера-татуировки.

Примо Леви, оказавшийся в одной из частей Аушвица — Моновице — значительно позже, описывал процесс получения номера: «Процедура оказалась хоть и немного болезненной, зато чрезвычайно быстрой: нас выстроили друг за другом в алфавитном порядке, и мы по очереди подходили к татуировщику, ловко орудовавшему чем-то вроде шила с коротеньким острием. Всё это выглядело как самое настоящее посвящение: в самом деле, ведь только обладатель номера получал право на суп и хлеб. Потребовалось немало дней, а также увесистых оплеух и тумаков, пока мы не натренировались “предъявлять номер” без задержки, не создавая помех при ежедневной раздаче пищи; а уж на то, чтобы научиться различать свой номер на слух по-немецки, ушли недели, если не месяцы»¹⁹⁸. По лагерным номерам сами узники и эсэсовцы ориентировались в том, когда и откуда прибыл тот или иной заключенный.

Пройдя «баню», обритые, получившие униформу и номера новички отправлялись в специальные бараки на карантин. После первых часов, прошедших с момента прибытия в концлагерь, с каждым происходила метаморфоза: человек становился «хефтлингом» — узником №...

Униформа

Когда первые заключенные в марте 1933 года прибыли в Дахау, никто не думал об их бритье или выдаче лагерной униформы с номерами и треугольными маркировками. Подобных вещей в жизни узников тогда просто не было. Но унификация лагерной системы изменила их внешний вид. Лишенные всех вещей, которые связывали их с прежним миром и прошлой жизнью, узники получали робу. У мужчин это было некое подобие длинной рубахи, брюки, куртка — всё в бело-голубую полоску, кепка такого же цвета. В первые годы им выдавали пару нижнего белья и даже, если повезет, носки. Женщинам полагались зимняя куртка, полосатое платье, зимнее и летнее (на два года), панталоны, юбка, два платка на голову, две рубашки, передник (на год), две пары чулок (на

девять месяцев)¹⁹⁹. В реальности униформа ограничивалась платьем в серо-голубую полоску, фартуком или юбкой, головным платком и курткой.

«Я — так же, как все прочие — получил рубашку, когда-то, надо думать, голубую, с белыми полосками, фасона, модного, наверно, во времена наших дедушек: крутой вырез для головы, ни воротника, ни пуговиц; в другом окошке мне выдали кальсоны, тоже рассчитанные разве что на немощных стариков, с разрезом на щиколотках и шнурками-завязками, и, наконец, поношенную на вид холщовую робу, состоящую из штанов и пиджака, точную копию тех, что были надеты на заключенных, которых мы видели, с такими же сине-белыми полосами — то есть, как ни смотри, настоящую арестантскую робу; затем, в камерке с открытым дверным проемом, я уже сам выбирал себе пару обуви в куче странных, с деревянной подошвой и холщовым верхом башмаков, без шнурков, но с тремя кнопками сбоку, — пару, которая, как я мог в спешке определить, вроде бы соответствовала моему размеру. Не забыть еще два кусочка серой ткани, — наверное, подумал я, это вместо носовых платков; ну и, наконец, еще одну обязательную вещь: мягкую, круглую, потертую и поношенную арестантскую шапочку с полосами крест-накрест. Я было немного заколебался, надевать ли на себя это тряпье; но голоса, со всех сторон торопящие нас, и суетливые движения одевающихся вокруг людей — всё подсказывало мне, что, если я не хочу отстать от других, медлить не стоит. Штаны были мне велики, а пояса или чего-нибудь в этом роде не предусматривалось, и я, как мог, завязал их узлом; в связи с башмаками же выяснилось одно совершенно непредвиденное обстоятельство: деревянная подошва не гнулась. Исключительно для того, чтобы освободить руки, я надел на голову шапку»²⁰⁰.

И мужчинам, и женщинам выдавалась обувь, изготовленная на лагерных предприятиях из остатков кожи или дерматина, с деревянной подошвой, а зачастую и полностью деревянная, получившая название «голландки». «Если кто-то полагает, что обувь в лагерной жизни имеет второстепенное значение, тот глубоко ошибается: смерть начинается с обуви. Для большинства из нас башмаки становятся настоящим орудием пытки. Всего за несколько часов ходьбы можно в кровь сбить себе но-

ги, раны загноятся, начнется заражение крови. Тот, кому обувь трет, передвигает ноги с трудом, точно к ним привязаны гири (вот откуда этот деревянный шаг у войска призраков, выходящего на ежевечерний парад!), всегда и везде поспевает последним, всегда и везде получает тумачи и ни увернуться, ни убежать от нападающего не в состоянии. Чем больше распухают израненные ноги, тем теснее они соприкасаются с деревом и грубой материей башмаков, доставляя невыносимые муки. Тогда остается последнее — санчасть, но явиться в санчасть с жалобой на dicke Fusse (распухшие ноги) чрезвычайно опасно, потому что всем известно, особенно эсэсовцам, что эту болезнь уже не вылечить»²⁰¹.

Ситуация с униформой в концентрационных лагерях Третьего рейха становилась с каждым годом всё хуже. В связи с большим потоком узников робы не хватало, и заключенным стали выдавать гражданскую одежду уничтоженных или погибших заключенных, хранившуюся на лагерных складах. Чтобы сделать ее еще более неприглядной, на нее масляной краской наносились кресты. Теплые вещи выдавались только в октябре, а в марте должны были быть возвращены, вне зависимости от погоды. Замерзая, узники вынуждены были подкладывать что-то под униформу, вплоть до бумажных мешков из-под цемента, что было строжайше запрещено и жестоко каралось эсэсовцами. В концлагерях на территории СССР, появившихся позднее, тем более не могло быть и речи об использовании униформы.

Лагерная роба уродовала людей, превращая их в однородную, безликую массу, в которой каждый был похож на другого. Не становилось легче и тогда, когда вместо униформы использовалась старая гражданская одежда. Ее несоразмерность, изношенность и зашивленность лишь добавляли мучений. Однако значительно тяжелее было тем, у кого отсутствовал хотя бы один ее элемент, особенно обувь.

Паек

«Хотя, по-моему, это может звучать смешно, но я хотел бы обратить Ваше внимание, что рацион картофеля для узниц был выше, чем для СС»²⁰², — подобным обра-

зом бывший комендант лагеря Равенсбрюк Фриц Зурен комментировал ситуацию с питанием узниц на судебном процессе в отношении руководства концлагеря.

В официальных документах СС значилось, что узники концентрационных лагерей должны были получать недельный пищевой рацион, состоящий из 400 граммов мяса или мясных продуктов, 200 граммов жира в виде маргарина, смальца или сала, 100 граммов творога или 50 граммов нежирного сыра, 2740 граммов хлеба, 80 граммов сахара, 100 граммов мармелада, 150 граммов крупы, 225 граммов муки, 84 граммов заменителя кофе. В дальнейшем стали использоваться картофель и овощи. Заключение, которые работали на физически тяжелых работах, в ночную смену или свыше девяти часов, должны были получать увеличенный продовольственный паек.

В 1942 году рацион заключенного концлагеря был уменьшен: недельная порция мяса составляла теперь 280 граммов, жира — 170 граммов, хлеба — 2450 граммов, муки — 125 граммов, заменителя кофе — 63 грамма. Уменьшение официального рациона продолжалось и далее: весной 1944 года работающие узники получали в неделю 2,8 килограмма картофеля вместо пяти килограммов в 1943 году, неработающие — 1,05 килограмма вместо 1,75 килограмма²⁰³.

Однако в реальности всё обстояло значительно хуже. Продукты питания, даже если они поставлялись на лагерные склады, разворовывались администрацией, охраной, привилегированными заключенными. Лагерные магазины или столовые, где с определенного момента узники могли совершать покупки на полученные денежные премии, не имели необходимых продуктов питания.

В 1943 году нацисты из Аушвица отправили пробы лагерного пайка в филиал Института гигиены СС в Райско. Исследования показали, что суп содержал на 60—90 процентов маргарина меньше, чем предусматривалось рецептом; хлеб был чрезмерно кислым и трудноперевариваемым; колбаса, выдававшаяся узникам, не содержала и половины жира по сравнению с колбасой, полагавшейся служащим СС, производимой в той же лагерной мясной лавке²⁰⁴. Примо Леви вспоминал: «Уже через пятнадцать дней я испытывал постоянный, хро-

нический голод, незнакомый тем, кто живет на воле; голод, о котором не забываешь даже во сне, который сидит в каждой клетке твоего тела... Мое тело больше не было моим, оно похудело, живот же, наоборот, вздулся; по утрам лицо было отечным, а к вечеру вваливались щеки. У одних из нас кожа пожелтела, у других — посерела. Если мы не виделись с кем-нибудь дня три-четыре, то при встрече с трудом узнавали друг друга»²⁰⁵.

Для подавляющего большинства заключенных ситуация с питанием была катастрофической. Коммунистка Эрика Бухман вспоминала, что к 1944 году узницы получали в день кружку суррогатного кофе без молока и сахара, пол-литра изготавливавшегося из гнилой брюквы или картофеля жидкого «супа» в обед и вечером и 200 граммов хлеба. Работавшим узникам могли дополнительно давать по две-три картофелины. Только по выходным они могли получить 20 граммов маргарина и ложку джема или кусочек сыра. Зимой 1944/45 года картофель им выдавать перестали. «Суп» окончательно превратился в помой из очисток брюквы или картофеля, пайка хлеба была сокращена до 150 граммов²⁰⁶. Да и сам этот хлеб, по воспоминаниям бывших узников, нередко состоял из опилок. Но, даже несмотря на такое низкое качество, он был главной ценностью узников, основной лагерной «валютой», за которую можно было купить практически всё. «Целую миску вчерашней картофельной кожуры я впервые купил у одного «финна». Миску он вытащил с хвастливым видом во время обеденного перерыва; к счастью, в тот день Банди со мной в бригаде не было — и некому было меня одернуть. «Финн» поставил миску перед собой, достал из кармана разлезающуюся бумажку с комочками серой соли — всё это медленно, обстоятельно, — взял кончиками пальцев щепотку, поднес ко рту, попробовал, словно смакуя, и лишь потом, как бы между прочим, через плечо, бросил в мою сторону: «Продается!» Вообще цена такого деликатеса — два ломтика хлеба или маргарин; он же запросил половину вечернего супа. Я пробовал торговаться, приводил всякие доводы, даже ссылаясь на равноправие. «Ди бист нист ка шид, д'бист а сегес, никакой ты не еврей», — тряс он, по обычаю «финнов», головой. Я спросил: «Тогда почему я здесь?» «Откуда я знать?» — пожал он плечами. «Жид вонючий», — сказал я ему. «Всё

Еда и лекарства из мешка у ног эсэсовца. Рисунок Д. Олера. 1949 г.

Новые узники. Рисунок Д. Олера. 1945 г.

равно дешевле не отдам», — ответил он. В конце концов, я купил у него кожуру по его цене, и уж не знаю, откуда он взялся вечером как раз в тот момент, когда мне наливали суп, и как он пронюхал, что на ужин будет молочная лапша»²⁰⁷.

Так как хлеб являлся для большинства узников главной ценностью, его наличие демонстрировало лагерный статус человека, подразумевало большие шансы на спасение и, конечно же, становилось одним из наиболее вожаделенных объектов сокамерников:

«Позднее я столкнулся с тем, как люди воровали у своих же товарищей последний кусок черного хлеба. Когда жизнь человека зависит от этого жалкого ломтика черного хлеба, когда вся жизнь его держится на волоске, вернее сказать, на том самом ломтике сырого черного хлеба, украсть хлеб — значит толкнуть своего товарища в объятия смерти. Украсть тот хлеб — значит обречь на смерть другого человека ради того, чтобы спасти хоть до поры до времени собственную жизнь. И всё же случалось, что крали хлеб. Я видел, как люди бледнели и лишались чувств, обнаружив, что у них украли хлеб. Это был тяжкий удар не только для самих пострадавших. То был непоправимый удар для каждого из нас. Потому что кража порождала недоверие, подозрительность, злобу. Кто бы ни украл тот хлеб — бремя его вины ложилось на всех.

По вине вора каждый чувствовал себя вором — похитителем хлеба. В лагерях человек превращается в зверя, способного украсть у друга последний кусок хлеба и подтолкнуть его к смерти. И в тех же лагерях человек становится непобедимым, нестигаемым существом, способным разделить с другом последний окурок, последний кусок хлеба, последний глоток воздуха. Конечно, не в лагере человек превращается в то непобедимое, нестигаемое существо. Человек таков от рождения. Эта возможность всегда заложена в его социальной природе. Да только лагерь — самое страшное место, куда может попасть человек, и там отчетливей водораздел между настоящими людьми и всеми другими. А ведь и без лагерей известно, что люди равно способны на жертву и на предательство. Даже жаль, что истина эта так банальна»²⁰⁸.

Помимо хлеба «твердой валютой», имевшей хо-

дение в концлагерях, были сигареты. В Заксенхаузене литр водки стоил 50 сигарет, золотые наручные часы можно было купить за сотню сигарет, килограмм масла — за 25, пару новой кожаной обуви — за 40²⁰⁹.

Однако не стоит думать, будто рядовые эсэсовцы или коллаборационисты находились в стороне и не пользовались возможностью получить выгоду от заключенных. В Майданеке, где узникам-евреям не давали питьевой воды, литовские часовые продавали ее за обувь и одежду²¹⁰. За дополнительную плату охранники могли передавать на свободу письма от заключенных или, если была возможность, «организовывать» им дополнительную еду от родственников. Охранники также могли пообещать узникам, что не будут избивать их, если получат определенную плату. Речь в подобных случаях шла, конечно же, о настоящих деньгах или драгоценностях, которые могли быть переданы охране через родственников заключенных.

Как и в концентрационных лагерях в Европе, продовольственный паек узников в концлагерях на оккупированной территории СССР был недостаточным и некачественным. Характерным примером являлось положение заключенных в лагере на территории совхоза «Красный», где на шесть—восемь человек в сутки выдавались буханка хлеба (1200—1800 граммов) и литр баланды, состоявшей из воды и небольшого количества отрубей. Хлеб выпекался из смеси проса и кукурузы с отрубями и травой²¹¹. В Сырецком лагере в Киеве, чтобы не умереть с голоду, узники были вынуждены поедать крыс, собак и кошек²¹².

Одним из ужаснейших свидетельств о лагерном «питании» заключенных являются показания Давида Руссе, что в Нойенгамме в супе узник обнаружил человеческую челюсть. Расследование с привлечением служащих СС показало, что капо крематория и кухни договорились перепродавать мясо, предназначавшееся для узников, на сторону, а их кормить телами солагерников²¹³.

Каннибализм был частью концлагерной повседневности: «Случаи людоедства не были в Бжезинке редкостью. Однажды я сам наткнулся на труп русского, лежащего среди куч кирпича, у трупа каким-то тупым орудием была вырезана печень. Люди убивали друг друга, чтобы добыть хоть что-нибудь съедобное»²¹⁴.

Многие обессиленные узники не получали даже минимального лагерного пайка, так как были не в состоянии бороться с более сильными сокамерниками во время раздачи еды: «Заключенным давали на обед всего полчаса. Естественно, что все прибегали на раздачу пищи возбужденные, охваченные страхом, что придется уйти с пустыми руками. Старостам блоков и отдельных палат было очень трудно поддерживать хоть какой-нибудь порядок. В этой ужасающей свалке издерганных, затравленных, смертельно усталых, умирающих от голода людей они теряли над ними всякий контроль. В результате более сильные иногда получали еду дважды, в то время как более слабые были вынуждены возвращаться на работу голодными. В суматохе опрокидывались котлы с супом. Взамен, конечно, ничего не выдавалось. У многих заключенных не было ни кружек, ни мисок. Если им не приходила на помощь какая-нибудь добрая товарка, они не могли получить еду. Им оставалось только забраться куда-нибудь в угол и ждать избавительницу-смерть»²¹⁵.

Нехватка питания низводила узников до животного состояния: «Я работал... в свиарнике Заксенхаузена. СС тщательно заботились о животных. А у меня же был такой голод, что я ел всё, что человек мог употребить из этого свиного поила»; «На больших кучах мусора за кухней, состоявших из отбросов овощей, сгнивших картофельных очисток, разлагавшихся и плохо пахнувших костей, ползали истощенные узники и вырывали друг у друга из рук вонявший, ядовитый мусор, чтобы тут же поглотить его с дикой жадностью»²¹⁶.

«Я превратился в некую дыру, в пустоту и думать мог только о том, чтобы заполнить, заткнуть, убрать эту бездонную, требовательную, ненасытную пустоту. Только этой задаче служили мои глаза, только этим заняты были мысли, только это руководило всеми моими поступками, и если я не ел дерево, щебень или железо, то лишь потому, что их невозможно было разжевать и переварить. Но с песком я уже делал попытки, а если видел траву, то ни секунды не колебался, не раздумывал, можно ли ее есть, — жаль, что травы ни на заводе, ни на территории лагеря почти уже не было»²¹⁷.

В концентрационных лагерях истощенные до предела узники, доходяги, утратившие связь с реальнос-

тью, обезумевшие от голода и, по сути, находившиеся в состоянии затянувшейся предсмертной агонии, имели свои названия. В Дахау их называли «кретинами», в Маутхаузене — «пловцами», в Штуттгофе — «калеками», в Майданеке и Нойенгамме — «верблюдами», в Бухенвальде — «утомленными шейхами», в Равенсбрюке — «шмуکشтюками» либо «шмутцштюками»^{*218}. Но наиболее распространено было название «мусульманин». Происхождение этого термина, как и остальных обозначений доходяг, точно неизвестно. Может быть, их так прозвали эсэсовцы за фатализм и покорность, присущие приверженцам ислама. Возможно, причина кроется в том, что многие доходяги обматывали голову тряпьем, что напоминало тюрбан, а ходили с полусогнутыми, на восточный манер, коленями и с неподвижным, как маска, лицом. В любом случае, именно эти истощенные, потерявшие всякую надежду узники были, по мнению Примо Леви, «подлинными свидетелями» лагерного ужаса.

«Эсэсовец неспешно прогуливался, глядя на мусульманина, который шел прямо на него. Мы все струдились по левую сторону — посмотреть, что будет. Это лишенное воли и разума существо, волоча ноги в деревянных башмаках, шло, не разбирая дороги, и утонуло прямоком в объятия эсэсовца. Тот взревел от ярости и ударил его кнутом по голове. Мусульманин остановился, не понимая, что произошло. Получив еще несколько ударов — за то, что забыл снять шапку, — он начал испражняться, потому что был болен дизентерией. Когда эсэсовец увидел черную зловонную жидкость, стекавшую на башмаки мусульманина, он потерял рассудок от ярости. Он налетел на мусульманина и несколько раз ударил его в живот, а когда несчастный упал в свои собственные испражнения, стал бить его по голове и по спине. Мусульманин не защищался. После первого удара он сложился вдвое, а еще после двух-трех уже был мертв.

С точки зрения симптомов истощения можно выделить две стадии этой болезни. Для первой характерны потеря веса и прогрессирующая вялость движений. На этой стадии организм еще не слишком сильно из-

---

^{*}Schmutzstück — кусок грязи, отброс; Schmuckstück — драгоценность (нем.).

ношен. Никаких симптомов, кроме замедления движений и упадка сил, у больных не наблюдается. За исключением повышенной возбудимости и характерной раздражительности, они не проявляют никаких других признаков расстройства психики. Трудно определить момент, когда первая стадия сменяется второй. У некоторых это происходит медленно и постепенно, у других очень быстро. Можно считать, что вторая стадия наступает приблизительно тогда, когда голодающий теряет треть своего обычного веса. Если он продолжает худеть, меняется даже выражение его лица. Взгляд становится мутным, лицо теряет подвижность, приобретает безразличное и печальное выражение. Глаза, глубоко запавшие в орбиты, подергиваются поволокой. Кожа приобретает пепельно-серый оттенок, становится тонкой и шершавой, как картон, и начинает шелушиться. Она делается очень чувствительной к всевозможным инфекциям, прежде всего к чесотке. Волосы истончаются, тускнеют и секутся. Череп удлиняется, скулы и орбиты глаз заметно проступают на лице. Больной дышит тяжело, говорит тихо и с большим усилием. На следующей стадии истощения образуются опухоли, небольшие или крупные. Сначала они появляются на веках и на ступнях, а потом проступают в разных местах в зависимости от времени суток. Утром, после ночного сна, они чаще всего видны на лице. Вечером, наоборот, на ступнях, голених и ляжках. Днем из-за стояния на ногах жидкость собирается в нижней части тела. Постепенно, по мере того как истощение усугубляется, опухоли распространяются по всему телу, особенно если больному приходится часами стоять на ногах: сначала они переходят на голени, затем на бедра, ягодицы, половые органы и, наконец, на живот. К кожным инфекциям часто прибавляется диарея, которая может также предшествовать развитию опухолей. На этой стадии больной полностью теряет интерес к происходящему вокруг, изолируясь от любых контактов с окружающим миром. Если он еще в состоянии ходить, то передвигается в замедленном темпе... Так как температура у больного обыкновенно опускается ниже 36 [градусов], он дрожит от холода. Издалека группа таких больных напоминает мусульман во время молитвы. Эта ассоциация нашла отражение в слове,

которым в Освенциме обыкновенно называли узников, умирающих от истощения: мусульмане»²¹⁹.

Доходяги были особо любимой мишенью для издевательств охраны, а большинство узников стремились избегать «мусульман», не только боясь заразиться или пострадать от их неосознанных действий, но и в силу глубинного страха стать такими же, как они, — «не-людьми». Сама встреча с «мусульманином» как бы говорила узнику: «Ты можешь стать таким в любой момент, а после этого последует смерть». И заключенные старались игнорировать их, сохраняя в себе надежду, что они никогда не превратятся в доходяг. Они делали всё, чтобы этого не случилось. Некоторые шли даже на убийство собратьев по несчастью. В одном из фрагментов воспоминаний комендант Аушвица Рудольф Хёсс описывал сюжет, аналогичный библейскому убийству Авеля Каином, в котором сам он — «арийский полубог» — наблюдал за происходящим и желал «справедливо» покарать: «Из окон моей квартиры я видел однажды русского, тащившего пустой котел за блок комендатуры; узник с жадностью выскребывал стенки котла. Вдруг из-за угла показался другой русский, остановился на минуту, а потом вдруг бросился на выскребывавшего котел, толкнул его на колючую проволоку, по которой шел ток, и исчез вместе с котлом. Часовой на вышке видел всё происходившее, но не успел выстрелить в убежавшего. Я сразу же позвонил начальнику караула и приказал выключить ток, а потом пошел в лагерь искать виновного, но мне не удалось его найти. Человек, упавший на проволоку, был мертв. Это уже были не люди, а животные, ищущие пищу»²²⁰.

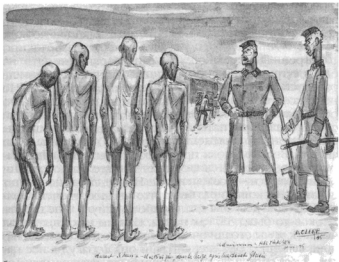
Аппель

Заключенных будила сирена: в четыре часа утра летом и весной, в пять — осенью и зимой. Как только звук сирены раздавался, «блоковые» криками и ударами начинали поднимать узников. В течение следующего получаса заключенные должны были успеть застелить свои нары, посетить туалет, умыться и получить «завтрак». Масса людей, избиваемых и подгоняемых старшими по блоку, мешала друг другу; возникали конфлик-

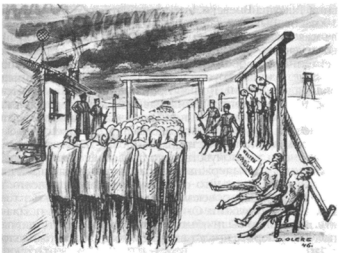
ты, споры, драки. Узники, еще имевшие силы, не давали пройти наиболее слабым и изможденным, которые вообще могли не получить даже подобия «завтрака». Эти полчаса пролетали как одно мгновение, наполненное борьбой за выживание.

А дальше старшие по блоку вместе со своими помощниками выгоняли заключенных из барака, чтобы строиться на первую в этот день поверку — аппель. Для этих поверок в концентрационных лагерях чаще всего использовалась специальная площадь — «аппельплац». Но если узников было слишком много, то их заставляли выстраиваться в несколько шеренг у своих барakov. Затем начиналась процедура утреннего подсчета. «Блочные» считали заключенных и сообщали о результатах в канцелярию, откуда информация поступала в администрацию, в отдел «превентивного ареста». Полученные данные перепроверялись гестаповцами лагеря; для этого они, как и другие представители администрации, могли присутствовать на перекличках.

Чтобы не ошибиться в подсчетах, эсэсовцы заставляли узников выносить на перекличку трупы умерших за ночь. Это было извращенное проявление немецкой педантичности. «Потом, гораздо позже, я узнал, что именно таким образом наши немецкие товарищи выносили на лагерный плац заключенных, умерших в течение дня. Это было в прежние времена, во времена героические, когда лагерь был действительно настоящим лагерем; а теперь разве это лагерь — чистый санаторий; так, по крайней мере, с презрением утверждали лагерные старожилы. Эсэсовцы обходили безупречный строй заключенных, выстроенных в каре по блокам. В середине каре, поддерживаемые невидимыми руками, стояли мертвецы. Они мгновенно коченели на лютom морозе Этtersберга, под снегом Этtersберга, под дождем Этtersберга, струившимся на их мертвые глаза. Эсэсовцы пересчитывали узников, зачастую по два раза, и на основании этой цифры выписывали порции на следующий день. Из хлеба, предназначенного мертвецам, из маргарина, предназначенного мертвецам, из их похлебки товарищи создали продовольственный запас, чтобы помогать слабым и больным. На лагерном плацу под этtersбергским дождем, который струился по их потухшим глазам, под снегом, оседавшим на их волосах

Аппель. Рисунок Д. Олера. 1945 г.

Выход на работу. Рисунок Д. Олера. 1946 г.

и ресницах, трупы товарищей, умерших за день, оказывали громадную услугу живым. Они еще на какой-то срок помогали отдалить смерть, подстерегавшую всех живых»²²¹.

Утренняя перекачка должна была занимать не больше тридцати—сорока минут, лагерная администрация спешила отправить заключенных на работу. Но нередко она затягивалась, чаще всего из-за того, что обнаруживалось, что кого-то не хватает. Узники могли сбежать или проспать, и тогда все остальные должны были стоять до выяснения ситуации: «Утром у нас был аппель. Вот там, пока проверяют ряды, она (надзирательница. — С. А.) идет, считает нас всех, а потом они отчитываются — все или не все. Не все, снова начинают считать. Несколько раз было, что мы стояли очень долго. Там одна девушка после работы уснула и не вышла. Блоков-то было 32, как найти. Начали искать, пропал человек, и мы стояли очень долго. А потом, когда ее нашли, вывели, а она заспанная, и она собаку на нее натравила. Собака сбила ее с ног, и была научена, сразу за горло. Вот и всё. Труп в крематорий, а он горел день и ночь, дым шел»²²².

Шестого июля 1940 года после бегства узника Аушвица Тадеуша Вижевски штрафной аппель продолжался 19 часов. Бывший узник Генри Крель вспоминал: «Была ужасная ночь... Утром все дрожали от холода... лучи восходящего солнца лишь ненадолго приносили облегчение. Вскоре стало ужасно жарко, а страдания всё больше. Один за другим падали узники. Обессиленные обливались водой. Ночью произошло очень неприятное происшествие... Узник Баворовский, переводчик, вышел из своего ряда и попросил эсэсовца, чтобы тот разрешил ему отлучиться. Напрасно. Эсэсовец приказывал ему вернуться в строй. По прошествии некоторого времени мы почувствовали зловоние. Баворовский больше не мог выдерживать это и сделал в штаны. Когда эсэсовец выяснил, кто совершил это "преступление", он приказал Баворовскому снять брюки, свернуть их и зажать между зубами. Он должен был присесть и залапать. Все узники были объаты ужасом, и именно тогда мы получили первое представление о том, что нас ожидало в лагере»²²³.

Узники стояли на аппелях в любую погоду — под

дождем и снегом, обдуваемые ветром и палимые солнцем. Это была тяжелейшая мука для обессиленных людей. Только когда все цифры совпадали, по лагерным громкоговорителям объявляли о немедленном сборе заключенных в рабочие бригады. В течение короткого промежутка времени вновь начинался хаос — узники, чтобы не подвергнуться наказанию, бежали к своим бригадирам-капо, которые дубинками избивали их и, построив в колонны, гнали на работу. Если кто-то еще не был приписан к какой-либо бригаде, то отправлялся на самые тяжелые и грязные работы произвольным, сиюминутным решением капо.

Вплоть до начала 1940-х годов второй аппель проходил в обед, когда рабочие должны были вернуться в концлагерь, чтобы быть пересчитанными и еще успеть «пообедать». Но со временем стремление нацистов к увеличению продолжительности рабочего времени узников привело к тому, что заключенным стали привозить баланду на работу, а переключка была отменена.

Самым изнуряющим и продолжительным был третий, вечерний аппель, который проходил после возвращения узников с работы, около 17.00—18.00. Так как нацистам уже не нужно было подгонять заключенных — рабочий день закончился, — они проводили последние переключки в течение нескольких часов. И изможденные узники вновь должны были стоять, нередко теряя сознание или даже умирая во время этих аппелей. Любое движение узника, любой взгляд, не понравившийся эсэсовцу, немедленно карались жестоким издевательством, которые продолжались вплоть до поздней ночи. За это время десятки человек могли погибнуть, пополнив собой списки жертв. «Картина такой поверки... представлялась более или менее так: перед баракom в рядах стояло 200 человек, возле них лежало 35 больных и около них 15 мертвых. Так было почти перед каждым баракom — а было всего пять полей, и на каждом поле были бараки, полные людей. Когда сбор на поверку был уже готов, подходили немцы. Старший по блоку подавал команду: «Смирно, шапки снять», — подходил к немцу и рапортовал о состоянии своего барака. Дегенерат немец, в большинстве случаев пьяный, считал людей, причем бил кого попало ногой

и ругался площадной бранью; затем подходил к левому флангу и нередко палкой добивал больных, увеличивая, таким образом, количество мертвых. Бывали случаи, когда вроде бы добитый немцем палкой больной после проверки приходил в себя, но тогда он не имел права на жизнь, потому что количество отмеченных при проверке мертвых должно было сходиться, тогда таких добивал палкой старший по бараку»²²⁴.

Иногда в концентрационных лагерях проходили «генеральные» апелли, целью которых была массовая селекция узников, больше не способных работать. Одним из таких аппелей стала перекличка в женской части Аушвица-Биркенау 6 февраля 1943 года, продолжавшаяся целый день и для тысячи узниц закончившаяся гибелью²²⁵.

Только после окончания вечерней переклички узники могли идти в свои бараки. Они должны были еще успеть сходить в туалет, получить жалкое подобие ужина и, если повезет, посвятить некоторое время до полного отключения света себе или своим друзьям и близким. После 21.00 узникам запрещалось покидать барак; тот, кто нарушал это правило лагерного распорядка, погибал от пуль охранников, дежуривших на вышках.

«Самоуправление»

Казалось бы, о каком «самоуправлении» может идти речь в концентрационных лагерях? Тем не менее, при всей фантазмагоричности ситуации, это явление было абсолютно реальным и, возможно, даже более реальным для узников, чем власть СС, так как именно представители «самоуправления», эти «полубоги», как их называли узники, ежеминутно присутствовали в их лагерной повседневности, в то время как эсэсовские «боги» отходили на второй план, лишь периодически появляясь, чтобы вершить кровавый суд.

Однако любое «самоуправление» было возможно только в строго определенных СС рамках и заканчивалось в тот момент, когда лагерное руководство этого желало. Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер так охарактеризовал «свободу» лагерных функционеров: «Мы назначили в концлагерях так называемых капо — от-

ветственных надзирателей, старших заключенных над тридцатью, сорока, сотней других узников. В тот момент, когда этот узник является капо, он больше не спит среди остальных заключенных. Кроме того, он отвечает за достижения в их работе, за отсутствие саботажа, за чистоту в бараке... С того момента, когда мы им больше не удовлетворены, он теряет должность капо и вновь оказывается среди своих соллагерников. И он знает, что в первую же ночь будет убит ими»²²⁶.

Система «самоуправления» впервые появилась в Дахау в 1933 году. Тогда, на заре становления лагерной системы, заключенные делились на роты, подчинявшиеся узнику-«фельдфебелю». Но с течением времени ситуация стала меняться, и возникла новая иерархия лагерного мира. Это в первую очередь было обусловлено нехваткой персонала СС для контроля над узниками. Если соотношение между эсэсовцами и заключенными в конце 1930-х годов было 1:2, то к середине 1943 года оно составляло 1:15. Справиться без помощников эсэсовцы не могли.

Сотрудничая с частью заключенных, эсэсовцы использовали не раз проверенный принцип «разделяй и властвуй». Непримируемая вражда, разжигавшаяся между лагерными категориями, ослабляла возможности их сопротивления. Кроме того, поручая одним своим жертвам эксплуатацию и даже убийства других, СС в очередной раз демонстрировали абсолютность своей власти. Наконец, вседозволенность некоторых лагерных функционеров определялась их теневыми связями с СС. Именно отдельные члены лагерной «элиты» помогали эсэсовцам реализовывать коррупционные схемы с присвоением и реализацией имущества и драгоценностей заключенных.

Со временем «самоуправление» стало второй, параллельной эсэсовской, иерархией лагерного руководства, состоявшей из разных должностей. Во главе этой иерархии находился староста лагеря, осуществлявший общий контроль над деятельностью «самоуправления». Именно он предлагал лагерной администрации узников для назначения на различные должности. За ним шли писари, готовившие документы для ежедневных переключек; курьеры, связывавшие различные части концлагеря путем передачи информации и материалов; обслуга кухни, «бани», складов, лагерной больни-

цы. Особое место занимали капо — узники, руководившие деятельностью различных рабочих бригад. Это название зачастую использовалось заключенными как собирательное для обозначения всех представителей «самоуправления». На нижних ступенях иерархии «самоуправления» находились старосты блоков (блоковые), старшие по штурбе (штурбовые) и заключенные, отвечающие за распределение пищи (столовые).

В лагерях на оккупированной территории СССР «самоуправление» отличалось от этой схемы только формально, но не по сути. В Сырецком концлагере в Киеве следующие за старостой лагеря уровни «самоуправления» — сотники, руководившие рабочими бригадами, и «десятники», управлявшие несколькими десятками человек. На эти посты назначались заключенные, положительно зарекомендовавшие себя в исполнении приказов и поручений нацистов. В их обязанности входили непосредственный контроль качества выполнения работы в лагере, а также предотвращение побегов.

Как только узник занимал пост в лагерной иерархии, будь то капо или «блоковый», не говоря уже о старосте, его жизнь менялась кардинальным образом. Он освобождался от тяжелой физической работы, избиения эсэсовцами уменьшались или прекращались вовсе. Он получал отдельную комнату в бараке с хорошей кроватью, а не нарами, несколькими одеялами, подушками, чистыми простынями и наволочками. Его «уголок» нередко был украшен вазами с цветами, плакатами или фотографиями. Его продовольственный паек дополнялся ворованной или купленной на «черном рынке» едой. Как отмечал один из бывших узников, «между капо и простым узником была такая же разница, как между генералом и рекрутом»²²⁷.

Представителей лагерной «элиты» было легко отличить в массе узников: они имели специальные повязки на рукаве униформы, имели право не брить голову, носили чистую одежду, в том числе и гражданскую, и хорошую обувь. Одежду и обувь они могли заказать себе на лагерных предприятиях или купить на «черном рынке». Всё вышесказанное, а также возможность доступа к лекарствам, позволяло представителям лагерной «аристократии» меньше болеть и выглядеть гораздо здоровее по сравнению с остальными заключенными.

Ганс Марсалек описал нескольких представителей «аристократии» Заксенхаузена. Секретарь лагеря, «криминальный» узник Лейтцингер, почти ежедневно «организовывал» из столовой и аптеки СС алкоголь и сигареты. У него был собственный парикмахер, вынужденный при каждой стрижке ползти на коленях от входа в барак до кресла, на котором располагался «хозяин». Лейтцингер носил специально пошитую для него форму и белые перчатки. Староста лагеря Келлер весил 110 килограммов и получил среди заключенных прозвище Кинг-Конг. В 1943 году он был переведен в Эбензее, где в его распоряжении оказались отдельная комната с креслами, радио, личным слугой и даже свинарник. Его помощник Далер с разрешения СС посещал любовницу, жившую в соседней с лагерем деревне²²⁸.

Подобное положение членов лагерной «элиты» позволяло им быть основными посетителями борделей. Более того, очень часто рядом с ними можно было увидеть молодых парней или подростков, которых они принуждали к гомосексуальным связям. Последние получили на лагерном жаргоне прозвище «пипель». По воспоминаниям старосты Заксенхаузена Гарри Науйокса, подобные отношения были очень распространены. Один из уголовников по имени Герман выбирал самого красивого мальчика из вновь прибывшего транспорта, предоставлял ему отдельную кровать, различные лакомства, мог вместо отправки на работу оставить в бараке, а через несколько дней требовал «платы». Если его жертва отказывалась вступать с ним в связь, то на следующий же день отправлялась на работу в каменоломню²²⁹. Большинство этих детей вынуждены были соглашаться. Однако, судя по воспоминаниям, мало кто из узников их жалел — во многом из-за их поведения после того, как они осваивались со своим новым статусом: «...в Буне пипелей ненавидели: часто они оказывались более жестокими, чем взрослые. Я видел однажды, как подросток лет тринадцати бил своего отца за то, что тот недостаточно хорошо заправил койку. Старик тихо плакал, а мальчик орал: "Если ты сейчас же не прекратишь, я больше не принесу тебе хлеба. Понял?"»²³⁰.

Формируя иерархию «самоуправления», нацисты стремились следовать собственным расовым кано-

нам. На основные должности они старались назначать «арийцев» — немцев или австрийцев; за ними шли французы и голландцы. В лагерях на востоке из-за нехватки «арийского» контингента со временем стали превалировать поляки — им доставались должности в еврейских бараках или филиалах лагерей, где работали преимущественно евреи²³¹.

Конечно, функционеры лагерного «самоуправления» могли оказать помощь узникам и достать практически всё что угодно, но очень часто требовали за это плату. Один из греческих евреев, Хаим Кальво, прибывший в филиал Аушвица в ноябре 1943 года, смог купить у своего капо несколько кусков хлеба, заплатив золотой зубной коронкой. Причем капо получил свою «плату», вырвав зуб у Кальво плоскогубцами²³².

Основными категориями, представители которых вели постоянную борьбу за посты в «самоуправлении», были «криминальные» и «политические» узники. Жестокость «криминальных» отмечалась и в подавляющем большинстве воспоминаний бывших узников, и в мемуарах эсэсовцев. Хёсс вспоминал, как уголовники расправлялись с евреями в Будах — филиале Аушвица: «...они душили узниц, разрывали их на части, убивали секирами. Это было страшно»²³³. Во время войны к «криминальным» немцам и австрийцам добавились представители других национальностей, в первую очередь поляки. Бывший узник Бухенвальда Давид Руссе характеризовал «криминальных» поляков как «упорных консерваторов, отчаянно антирусски настроенных, ненавидящих немцев, но покорных и сервильных перед лицом своих господ, дрожащих за свою власть, а их антисемитизм настолько велик и энергичен, что они доходили до того, что устраивали погромы в лагере»²³⁴. Представители лагерной «элиты» понимали, что выживает сильнейший, и со всей беспощадной жестокостью следовали этому принципу. Благодаря поддержке служащих СС именно «криминальные» узники долгое время превалировали на руководящих постах лагерной иерархии в Аушвице, Флоссенбурге, Штуттгофе, Бухенвальде, Равенсбрюке, Майданеке, Маутхаузене.

Но данная категория характеризовалась не только покорностью эсэсовцам. Им были присущи и массовое воровство, вымогательство, неорганизованность. А в

условиях, когда лагерная система должна была становиться всё более экономически рентабельной, нужны были другие качества — дисциплинированность, образованность, профессиональные навыки. Всем этим в большей степени обладали именно «политические», которые постепенно с молчаливого согласия СС стали оттеснять «криминальных» с руководящих позиций. О жестоком противостоянии этих двух категорий за места в «самоуправлении» свидетельствовал один из старост блока в Заксенхаузене — «политический» Кристиан Малер: «Мы всегда были вынуждены сражаться на два фронта. Сначала — эсэсовцы, потом — определенная категория заключенных: сутенеры, бандиты, убийцы... Чтобы их победить, раздавить и привести в такое состояние, в каком они бы уже не могли нам мешать, нам пришлось употреблять против них их же методы. Мы компрометировали их, мы ставили им ловушки. И в лагерях это превратилось в борьбу тайную и упорную, в скрытую войну, на которой все удары наносились с ненавистью и яростью»²³⁵.

И всё же нельзя не отметить, что иногда представители данных лагерных групп работали вместе, как, например, старосты в Заксенхаузене. В Равенсбрюке старостой с 1943 года по май 1944-го была «криминальная» узница М. Шерингер, сотрудничавшая с «политическими». Да и среди «политических» могли оказаться отнюдь не только те, кто хотел помочь солагерникам и организовать подпольное сопротивление. Например, немецкий коммунист по фамилии Бем дубинкой собственного изготовления убивал больных и нетрудоспособных заключенных Заксенхаузена, получая за это дополнительный паек и сигареты. «Политические» в Бухенвальде, работавшие в лагерной канцелярии и имевшие доступ к документам, из списков заключенных, отправлявшихся нацистами на тяжелую физическую работу или даже на уничтожение, вычеркивали «своих», заменяя их другими узниками. В Сырецком концентрационном лагере «сотник» по фамилии Морозов, получивший от руководства лагеря отдельное помещение для жилья, регулярно отбирал у узников еду и вещи. Награбленное переправлялось на свободу и продавалось на местном базаре²³⁶. Морозов на судебном процессе заявил: «...мордобой я пре-

ступлением не считал. Я его применял для блага самих заключенных»²³⁷.

Подобная аморальная деятельность провоцировалась общими условиями концентрационного лагеря, когда выживание одних было возможно за счет гибели других. Лагерная «элита» составляла всего 5—10 процентов от общего контингента заключенных; но власть, которой она обладала, была огромной, а условия, в которых жили ее представители, были невообразимы для рядовых узников.

Рабский труд

Эксплуатация труда заключенных концентрационных лагерей была неотъемлемой частью лагерной жизни. Сначала труд расценивался СС как средство «перевоспитания» узников и принимал бесцельные и бесполезные формы. В Дахау заключенные были вынуждены толкать вперед и назад через болото телегу, нагруженную камнями. Они даже дали этой телеге ироничное прозвище «болотный экспресс». Или, например, узники должны были построить каменные стены, затем сломать их, а потом снова возвести. Бессмысленный труд не только доставлял людям физическое мучение, но и причинял душевное страдание.

Но уже с 1937 года, с момента массовых арестов «асоциальных элементов», нацистское руководство стало переходить к использованию бесплатной рабской силы с целью получения финансовой выгоды. С 1942 года начался новый этап функционирования концлагерной системы — «уничтожение трудом», когда не справлявшаяся с последствиями войны нацистская экономика обратилась к еще более массовой эксплуатации узников концентрационных лагерей, что привело к росту как количества заключенных, так и филиалов концлагерей.

Труд заключенных использовался в разных областях лагерной действительности. Когда человек оказывался в концлагере, в большинстве случаев он еще некоторое время не принадлежал к какой-либо рабочей бригаде, и эта ситуация становилась для него тяжелым испытанием. Именно новичков отправляли на наиболее тяжелые или самые грязные работы.

Количество рабочих бригад и видов деятельности было огромным и напрямую зависело от размеров концлагеря. Внутри самого лагеря это могли быть бригады, строившие и расширявшие лагерь, обеспечивавшие его повседневное функционирование — работавшие на кухне и на складах с одеждой, вычищавшие выгребные ямы, собиравшие тела умерших.

Одним из тяжелейших видов работы в Равенсбрюке было мощение лагерных дорог. Бывшая узница Шарлотта Мюллер так описывала этот вид труда: «Лагерь рос. Строились новые бараки и мастерские. Нужны были улицы — лагерштрассе, и их создавали равенсбрюкские узницы. Для такой тяжелой работы лагерное начальство отобрало команду из еврейских женщин. Было очевидно, что никто из них раньше никогда не занимался тяжелым физическим трудом. Он был для них особенно изнурительным... В лагерь был доставлен дорожный каток. Обычно такой каток высотой в человеческий рост тянет трактор. Но в концлагерях люди заменяли машины. В каток впрягали женщин... человек двадцать тащили это чудовище»²³⁸. Аналогичной деятельностью были вынуждены заниматься узники Сырецкого лагеря в Киеве²³⁹.

Мария Рольникайте, оказавшаяся в концлагере Кайзервальд в Риге, вспоминала: «Мне велели носить камни. Мужчины мостят дорогу между строящимися бараками. Другие женщины привозят камни из оврага в вагонетках, а мы должны подносить их каменщикам. Конвоиры и надзиратели ни на минуту не спускают с нас глаз. Вагонетки должны быть полные, толкать их надо бегом и только четвером; разнести камни мы должны тоже бегом; мужчины обязаны быстро их укладывать. Всё нужно делать быстро и хорошо, иначе нас расстреляют. Камни ужасно тяжелые. Нести один камень вдвоем не разрешается. Катать тоже нельзя. Разговаривать во время работы запрещается. По своим нуждам можно отпроситься один раз в день, притом надо ждать, пока соберется несколько человек. По одной конвоир не водит. Как нарочно, не перестает лить дождь. Пальцы я разодрала до крови. Они посинели, опухли, страшно смотреть»²⁴⁰.

Вне лагеря или поблизости от него узников эксплуатировали на предприятиях СС, частных заводах и

фабриках, в сельском хозяйстве. Они осушали болота и рыли каналы, трудились в каменоломнях и собирали двигатели для самолетов, шили робы для заключенных и униформу для солдат вермахта и т. д. Эта эксплуатация приносила значительный доход. Сохранившиеся бухгалтерские документы эсэсовского предприятия ТЕКСЛЕД (нем. TEXLED — Gesellschaft für Textil- und Lederverwertung mbH) дает представление о масштабах доходов только одной эсэсовской фирмы от массовой эксплуатации заключенных²⁴¹:

Доходы предприятия ТЕКСЛЕД в 1940—1945 годах

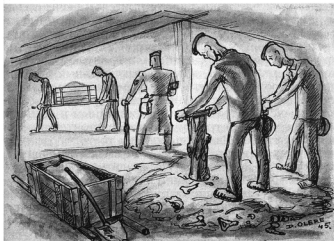
Годы	Доход (в рейхсмар- ках)	Объем товаров для концлагерей (%)	Объем то- варов для войск СС (%)	Объем товаров для граж- данского сектора (%)
1940	575 132	50	29	21
1941	831 774	34	44	22
1942	1 284 095	20	70	10
1943	8 418 553	17	80	9
1944	15 000 000			
1945 (заплани- ровано)	35 000 000			

В условиях, когда отсутствовали достаточное питание, лечение, сон, зато имели место постоянные побои и издевательства, единственным шансом на спасение для заключенных становился труд на пределе человеческих возможностей, по 10—12 часов в сутки. Но он забирал у узников оставшиеся физические силы, тем самым приближая их к гибели. В пошивочной мастерской Равенсбрюка работала немецкая узница Альфредина Неннингер, описавшая царившую там атмосферу:

«Тому, кто впервые входил в огромный зал, где 600 заключенных работали за столами, предназначенными для кройки, ручных работ и контроля, у 13 конвейерных лент, вдоль которых стояло по 26 швейных машин... тому казалось, что он попал в ад или в сумас-

Тринудительный труд. Наши кости делают лучшее удобрение.
 Рисунки Д. Олера. 1945 г.

шедший дом. Не говоря уже о грохоте машин и об удушливом, раскаленном воздухе, от которого можно было задохнуться, из всех углов помещения доносился еще рев эсэсовцев и надзирательниц, и всюду можно было видеть неопишуемые сцены избиений.

За швейными машинами сидели бледные, запутанные, не знающие ни минуты передышки женщины. Чем ближе подходил эсэсовец, подгонявший их ударами, тем нервнее и беспокойнее становились измученные люди. Норма, норма — вот был лозунг. И если ценой невероятных усилий удавалось эту норму выполнить, ее немедленно повышали и в конце концов побоями добивались, что и новая норма выполнялась.

Приведу только один пример. Сначала норма по маскировочным халатам была 120 штук в день, потом женщины должны были шить 220 штук, хотя из-за недостатка электроэнергии рабочий день был сокращен с двенадцати до восьми часов... Если норма не выполнялась, работниц попросту лишали на несколько дней ломтя хлеба и 30 граммов колбасы, которые им полагались, или даже обычного дневного рациона, состоявшего из миски супа и куска хлеба. Что это означало для истощенных, обессиленных женщин, может понять тот, кто сам это испытал»²⁴².

Одним из первых концентрационных лагерей, где жестокая эксплуатация узников привела к значительному росту смертности, стал Заксенхаузен. Огромные карьеры по добыче камня для реализации фантазмагорических планов Гитлера по перестройке Берлина и других крупных городов рейха становились могилой для узников. Альберт Кристель, немецкий заключенный, был свидетелем происходившего: «В то время как формируются отдельные рабочие колонны, тяжелый грузовик въезжает, как мне кажется, абсолютно бездумным и бесцеремонным образом, в группу узников. Это стоит трех человеческих жизней. Двоих он раздавил, третьему расколол череп. Однако водитель СС даже не вышел из машины... Заключенные просто кладут три залитых кровью тела у главных ворот. Никакой санитар не заботится о них. Зачем это?! Расследование аварии или сопутствующих ей обстоятельств не проводится... Сообщение о ней звучит просто: «Несчастный случай на производстве. Трое погибших. Причина: собственная небрежность»²⁴³.

С изнурительным физическим трудом в каменоломнях были связаны и многие воспоминания узников Маутхаузена: «Нашу сотню под охраной эсэсовцев с собаками привели в огромный каменный карьер. Работу распределили так: одни должны были ломami и кирками отламывать куски камня, другие доставлять его к строящемуся в полукилометре блоку. Образовав замкнутое кольцо, узники непрерывной лентой тянулись от карьера к блоку и обратно. Изнуренные, голодные люди напрягали все свои силы, чтобы донести носилки с тяжелым грузом. Стоило только кому-либо споткнуться, как сразу же следовал выстрел в спину. Старший охраны даже не стрелял. Он брал лом и кирку и разбивал голову ослабевшему узнику. В первый день из карьера мы принесли 12 трупов. Складывали их возле огромного подвала мертвецкой. Оттуда они поступали в крематорий»²⁴⁴.

Учитывая небольшое количество заключенных — к 1939 году в Маутхаузене насчитывался всего 1431 узник, — процент смертности в этом лагере был значительно выше, чем в других. Узники начали бояться перевода в Маутхаузен, после того как выжившие в нем, оказавшись в других концлагерях, описывали его огромные карьеры как ад на земле.

Рабочие цеха концлагеря Дора-Миттельбау, специализировавшегося на производстве ракет «Фау» («V»), располагались под землей, в специально созданных узниками тоннелях в горе. Бывший заключенный чех Отакар Литомиский описал свое впечатление от этого концентрационного лагеря: «Наша поездка (из Бухенвальда. — С. А.) продлилась три часа и закончилась у подножия небольшой горы. Мы выпрыгнули из грузовика для обычного подсчета. Высоко над нами кружилась хищная птица — канюк. В ста метрах от того места, где мы стояли, маленькая железная дорога уходила под гору, что было похоже на тоннель. Вопрос, который мы задавали себе: “Где же лагерь?” Не было видно никаких бараков, только несколько палаток, в которых жили СС... После длительного ожидания нас ввели в тоннель, где дул холодный, влажный бриз. Переход от дневного света к темноте тоннеля

---

* От нем. *Vergeltungswaffe* — оружие возмездия.

был настолько внезапным, что мы запнулись и упали на камни, ударившись о землю. Свет в тоннеле был искусственным — через каждые 100 метров высоко на потолке светила яркая лампа. Приблизительно через 300 метров тоннель перешел в огромную каменную галерею. Здесь нас ждало первое удивление. С правой стороны был гигантский фабричный зал, по крайней мере 30 метров высотой и приблизительно 300 метров длиной. Под землей, в освещении красного света карбидовых ламп, как муравьи, работали люди. Повсюду, от потолка туннеля до стен, капала холодная вода... Наша рабочая бригада называлась "прокладчики кабеля" и должна была протянуть кабель от источника энергии в первом из тоннелей. Это была очень утомительная и грязная работа, выполнявшаяся в две смены по 12 часов каждая»²⁴⁵.

В Дахау две бригады занимались разминированием: «бомбовая» откапывала неразорвавшиеся снаряды, «команда ангелов» обезвреживала их. Основная масса заключенных, входивших в их состав, не была обучена этой деятельности и погибала, «возносясь на небо, подобно ангелам». Тем не менее узники старались попасть в эту бригаду, так как там продовольственный паек был лучше.

Большинство узников становились рабами предприятий СС или частных фирм, но и индивидуальные предприниматели были нередкими гостями концлагерей, куда приезжали за «живым товаром»: «Охранник вывел 36 женщин, в том числе и меня. Каждой выдали по рваному солдатскому одеялу. У ворот ожидали какие-то люди. Они начали нас выбирать. Осматривают, щупают мышцы, спрашивают, не лентяйки ли. Две девушки плачут, они сестры, а их хотят разлучить: одну выбрал один хозяин, другую другой. Они просят, чтобы их послали вместе, потому что из всей семьи остались только двое. На меня никто не обращает внимания, все проходят мимо. Наверное, не возьмут, и придется вернуться в этот ад. Может, самой напроситься? Другие так делают. Говорю: "Ich bin stark! Я сильная!" Но никто не слышит. "Ich bin stark!" — повторяю уже громче. "Was, was?" — спрашивает какой-то старик. Начинаю быстро объяснять,

---

* Что-что? (нем.).

что хочу работать, что я не ленива. “Ja, gut!” — отвечает он и проходит, но, очевидно, передумав, возвращается. Отводит меня в сторону, где уже стоят три отобранные им женщины»²⁴⁶.

Были в концлагерях и «особые», секретные виды работ. В 1942 году в специальные бараки Заксенхаузена (№ 18 и 19) с усиленным питанием и сносными условиями жизни были помещены около 140 профессиональных фальшивомонетчиков и банковских служащих, в основном евреев. Эти узники, задействованные в операции «Бернгард», должны были заниматься изготовлением фальшивых банкнот, в первую очередь фунтов стерлингов и долларов США.

Для этого ВФХА отправило руководству концентрационных лагерей Бухенвальда, Равенсбрюка и Заксенхаузена предписание главы отдела «D II»: «Вы должны немедленно сообщить мне обо всех заключенных евреях, которые занимались графическим искусством, специалистах в газетном деле или любых других квалифицированных рабочих. Эти заключенные евреи могут иметь иностранную национальность, но у них должно быть знание немецкого языка. Пришлите мне сведения об их именах и национальности к 3 августа 1942 г.»²⁴⁷. Глава этой секретной операции штурмбаннфюрер СС Бернгард Крюгер (по имени которого операция и получила название) лично отбирал претендентов в бригаду. В соответствии с подсчетами, которые вел один из участников этой команды Оскар Штайн, фальшивых банкнот было выпущено на сумму 132 610 945 фунтов стерлингов, что по современному курсу равно примерно шести миллиардам долларов²⁴⁸.

Если за охрану узников на рабочих местах отвечали эсэсовцы и надзирательницы, то за качеством выпускаемой продукции следили мастера, нанимаемые из гражданских лиц. Их отношение к заключенным было различным — от жестокости и постоянных побоев до жалости и желания хоть чем-то помочь. Это подтверждают два противоположных свидетельства:

«В апреле 1943 г. часть из нас отобрали на фабрику “Сименс”... Меня посадили за аппарат, на котором я наматывала тонкий провод. Если получался брак, ауфзеер-

---

* Да, хорошо (нем.).

ка была меня по лицу и рукам. Работе нас обучали гражданские мастера. Фамилии и имена их мы не знали, так как для них мы были заключенные. Обращались с нами, как со скотом: Даже в туалет водили нас по часам. Многие не выдерживали и падали в обморок»²⁴⁹.

«Я попала к одному мастеру Францу в цех, нас было у него 12 человек, он был очень хороший человек. Он всё говорил мне: “Лена, когда вернешься домой, пришли мне крымского табака”. Я бы, конечно, это с удовольствием сделала, но в это время нас Сталин считал изменниками родины, поэтому я ничего не могла сделать. А ведь он мне дважды спасал жизнь»²⁵⁰.

Производительность труда узников была очень низкой. Например, в Заксенхаузене узник в среднем вырабатывал лишь 20—25 процентов от нормы свободного рабочего, в каменоломнях предприятия ДЕСТ этот показатель был и того ниже — 10—20 процентов. Рабский труд не мог быть производительным. Уже после войны один из узников Аушвица Тадеуш Боровский писал: «Мы работаем под землей и на земле, под крышей и на дожде, у вагонеток, с лопатой, киркой и ломом. Мы таскаем мешки с цементом, кладем кирпич, укладываем рельсы, огораживаем участки, утаптываем землю... Мы закладываем основы какой-то новой, чудовищной цивилизации. Лишь теперь я понял, чего стоят создания древности. Какое чудовищное преступление все эти египетские пирамиды, храмы, греческие статуи! Сколько крови оросило римские дороги, пограничные валы и городские здания! Этот древний мир был гигантским концентрационным лагерем, где рабу выжигали на лбу тавро владельца и распинали на кресте за побег! Этот древний мир был великим разговором свободных людей против рабов!.. Что будет мир знать о нас, если немцы победят? Возникнут гигантские сооружения, автострады, фабрики, грандиозные монументы. Под каждым кирпичом будет лежать наша ладонь, на наших плечах будут перенесены железнодорожные шпалы и бетонные плиты. Уничтожат наши семьи, уничтожат больных, стариков. Уничтожат детей. И о нас никто не будет знать. О нас умолчат поэты, адвокаты, философы, священники. Они создадут красоту, добро и истину. Создадут религию. Три года тому назад здесь были деревни и хутора. Были поля,

проселочные дороги, на межах росли груши. Были люди — не лучше и не хуже других людей. Потом пришли мы. Мы прогнали людей, разрушили дома, разровняли землю, превратили ее в сплошную грязь. Поставили бараки, ограды, крематории. Мы принесли с собой чесотку, флегмоны и вшей. Мы работаем на фабриках и в шахтах. Мы совершаем огромную работу, из которой кто-то извлекает неслыханную прибыль»²⁵¹.

Чтобы повысить производительность труда узников, с мая 1943 года ВФХА инициировало введение различных стимулов. В центральных лагерях заключенные могли получать премии лагерными деньгами*, на которые они могли приобрести что-либо в лагерных столовых. Выбор продуктов был невелик, и в большинстве случаев узники брали сигареты. В качестве дополнительных видов поощрения рассматривались разрешения не бриться наголо, принимать участие в изредка проводившихся в концлагерях культурных и спортивных мероприятиях. По выражению одного из узников, «мы были как мертвецы в отпуске». Особым видом «премирования» заключенных было разрешение на посещение лагерных борделей.

Бордели

Этот аспект лагерной повседневности был долгое время табуирован. Как отмечал один из «политических» узников, «если мы расскажем эту историю вне лагеря нашим друзьям или слушателям, нам не поверят, но, тем не менее, это была бесстыдная действительность»²⁵². Начиная с 1942 года в рамках нацистской программы по повышению «производительности труда» заключенных, а также в целях борьбы с гомосексуализмом в ряде концентрационных лагерей были созданы бордели. Первые из них появились в Маутхаузене и Гузене. Позднее бордели возникли в Аушвице, Моновице, Бухен-

---

* Лагерные платежные средства — металлические или бумажные лагерные деньги (нем. Lagergeld) и премиальные талоны (нем. Prämienschein), на которые можно было получить строго определенный набор товаров и услуг, выпускались лагерной администрацией и имели хождение исключительно внутри лагеря.

вальде, Дахау, Флоссенбурге, Нойенгамме, Заксенхаузен и Дора-Миттельбау.

После одного из посещений Бухенвальда в начале 1943 года Гиммлер написал Освальду Полю: «В лагере Бухенвальд я обнаружил, что там еще нет лагерного борделя. Я прошу Вас более интенсивно заняться всеми вопросами, связанными со сдельной системой труда среди узников. Я полагаю, что первая ступень может заключаться в распределении сигарет и подобных надбавок. Вторая ступень для профессионального рабочего должна состоять в небольшой зарплате — минимум 10—20 пфеннигов в день. Она может выплачиваться только как сдельная заработная плата, так что имеется возможность, чтобы мужчина, при хорошей производительности, мог заработать 30—40 пфеннигов в день. Третья ступень должна быть в каждом лагере, когда мужчина один или два раза в неделю посещает лагерьный бордель»²⁵³.

Следствием этого письма стала служебная инструкция Освальда Поля «О предоставлении льгот заключенным». Среди прочих надбавок и стимулов оговаривалось и использование лагерных борделей: «Для посещения борделя заключенные должны заплатить 2 рейхсмарки. Оплата осуществляется из премиальных, которые узник получил за дополнительную работу... Из этой суммы 0,45 рейхсмарки идет узнице борделя, 0,50 рейхсмарки — охране, остаток в размере 1,50 рейхсмарки пока что остается на депозите (передается в кассу СС)»²⁵⁴. С февраля 1944 года за посещение узник должен был платить рейхсмарку, а в кассу СС ничего больше не шло.

Первоначально нацисты решили использовать для работы в борделях бывших проституток. Это были преимущественно немки и польки, а также чешки и венгерки, в единичных случаях — цыганки и советские женщины. Еврейки, в силу расовых представлений нацистов, никогда не привлекались. «Претендентки» должны были быть здоровы, красивы и иметь опыт подобного рода деятельности. После шести месяцев работы в лагерьном борделе им обещали освобождение. Однако в подавляющем большинстве случаев оно не наступало. Со временем, когда ложь СС стала очевидной и желающих пойти работать в бордель было недостаточно, узниц начали отправлять туда принудительно, например,

пользуясь моментом, когда они находились в особенно трудном положении — оказавшись в штрафблоке, практически без еды и сна.

Женский концентрационный лагерь Равенсбрюк стал основным поставщиком узниц в бордели других лагерей. Их отбором занимались офицеры СС или даже коменданты, лично приезжавшие в Равенсбрюк: «В лазарете Равенсбрюка их выводили напоказ раздетыми, и эсэсовские офицеры сортировали их. Конечно, дело не обходилось без целого потока самых омерзительных похабных острот. Заключение должны были доказывать свои «способности», повествуя о своем «опыте». В соответствии со своими данными и личным вкусом торговцев живым товаром в эсэсовских мундирах женщины отправлялись затем в различные дома терпимости. Эсэсовские врачи, оставлявшие без всякой помощи сотни больных, прописывали этим женщинам ванны и облучение (так в тексте. — С. А.) горным воздухом под наблюдением старшей сестры Маршалль. Им выдавали шелковое белье, мыло, духи, оставшиеся от женщин, погибших в газовых камерах Освенцима. Естественно, что некоторые уголовницы не могли противиться такому соблазну, и у эсэсовцев никогда не было затруднений с поставками живого товара. Обещание освободить женщин, «проработавших» полгода в доме терпимости, конечно, никогда не выполнялось. Наоборот, большинство по возвращении попадали в арестантскую или в штрафной блок, а если среди них были больные венерическими болезнями или беременные, их отправляли с транспортами, предназначенными для уничтожения»²⁵⁵.

На строительство только одного борделя во Флоссенбурге в 1942 году СС потратили 48 тысяч рейхсмарок, в Аушвице бордель на 16 комнат обошелся в 30 тысяч рейхсмарок.

Для лагерных борделей в большинстве случаев использовались специальные бараки, перестроенные так, что в них имелись коридор и два ряда комнат по обе стороны от него. Длина барака могла варьироваться в зависимости от количества «работниц». Во Флоссенбурге бордель состоял из десяти комнат, значившихся жилыми, — именно в них обслуживались «клиенты»; две комнаты, отделявшиеся железной дверью, предназна-

чались для посещений борделя коллаборационистами из лагерной охраны. Комнаты, в которых жили сами узницы, были двухместными. Помимо этих помещений в бараке имелись душ и туалет.

У входа в барак располагалась комната надзирательницы (или, как ее называли, «мадам») — старшей узницы, имевшей долагерный опыт, связанный с деятельностью борделей. Она также могла на входе получать от узников плату за посещение. Мужчины ожидали своей очереди на улице, пройдя медицинское освидетельствование либо в отдельной комнате борделя, либо в ревире*.

Хотя внутреннее убранство в борделе было минимальным, но от интерьеров обычных лагерных барачков оно отличалось, как небо от земли. На некоторых сохранившихся нацистских фотографиях борделей можно видеть кровать, заправленную, как в казарме, небольшой деревянный шкаф для белья и одежды; столик, покрытый скатертью, на котором могла стоять ваза с цветами; несколько стульев, на стенах — фотографии или картины. Если учесть, что ко всему этому добавлялись подарки «поклонников», то комнаты «жриц любви» превращались, как выразилась одна из узниц, в «прекрасный будуар». Правда, в большинстве случаев подобные «презенты» были запрещены и их получение каралось: «Немецкая девушка Э. ...получила от немецкого узника ("профессионального преступника") в качестве подарка золотое кольцо и золотой браслет. Это было обнаружено... Девушка была наказана руководством лагеря шестью днями ареста. Она провела эти шесть дней в отдельной комнате в борделе, которая использовалась как чулан»²⁵⁶.

Распорядок дня в борделе Бухенвальда был следующий: подъем в половине восьмого утра, умывание, завтрак. В 1944 году узницы, находившиеся на «особом положении» (так на лагерном жаргоне СС называлась работа в борделе), получали следующее питание:

завтрак: кофе, сахар, соль, молоко, масло, хлеб;

обед: мясо, картофель, лук, чеснок, пряности;

ужин: чай, пшеничная мука, заменитель обезжиренного молока.

---

*Ревир (от нем. Revier — участок, отделение) — здесь: лагерная больница.

В некоторых лагерях им давали двойную порцию лагерного пайка или даже продовольствие, аналогичное получаемому служащими СС. Они могли носить гражданскую одежду, а не лагерную робу. Конечно же, им разрешалось не бриться наголо. Более того, в Бухенвальде у них некоторое время был даже собственный парикмахер. Заработанные деньги женщины могли тратить на покупку дополнительной еды в столовой и даже посылать родственникам, находившимся на свободе, — абсолютный нонсенс для концлагерного мира.

В течение дня женщины в борделях занимались личными делами: гладили, убирали помещения, отправлялись под охраной на прогулку. Иногда им добавляли какую-то иную работу, которая, впрочем, не была физически изматывающей. В Аушвице они должны были собирать травы, в Нойенгамме штопать носки охранникам. «Работали» женщины каждый вечер, в течение нескольких часов. За это время они должны были обслужить несколько мужчин (в Бухенвальде, например, это число достигало восьми).

Посещение борделя заключенными в Бухенвальде было организовано следующим образом. О своем желании посетить бордель узник сообщал блоковому, тот после проверки доводил эту информацию до сведения лагерной канцелярии. Специальный лист с запросом направлялся в лагерную больницу, куда узник должен был прийти для медицинского освидетельствования. Если он получал разрешение, то должен был ждать, когда в ближайшие дни его имя будет названо после одной из вечерних проверок, и вместе с другими заключенными, которым было разрешено посетить бордель, направлялся к этому бараку.

В Маутхаузене при входе в бордель узников проверял эсэсовец, надзиравший за борделем. Ему требовалось предъявить разрешение, назвать лагерный номер, национальность. Он также заставлял узников спускать штаны для очередного осмотра. Только после этого заключенному разрешалось пройти в «специальные» комнаты, которые просматривались охраной через дверные глазки.

Поведение узников в этих комнатах было строго регламентировано. Время пребывания в борделе в Аушвице составляло от десяти до двадцати минут, в За-

ксенхаузен — 10 минут, в Маутхаузен — 12 минут. По его истечении охранник из-за двери кричал: «Мужчина должен выйти», — а в Аушвице и Доре-Миттельбау звонил в специальный звонок. После посещения борделя узники строем возвращались в свои бараки. Иногда (например, в Аушвице) им делали уколы для профилактики венерических заболеваний.

Статистика лагерного борделя Бухенвальда в середине 1943 года была такова: в среднем три-четыре из шестнадцати проституток были больны или арестованы за какой-либо проступок. Число ежедневных визитов к каждой проститутке варьировалось от двух до восьми; то есть в среднем «работница» борделя принимала пяти-шести клиентов в день. Средний доход проститутки за день составлял около двух с половиной рейхсмарок, а средняя ежедневная прибыль, которую она приносила СС, — примерно семь с половиной рейхсмарок²⁵⁷.

Кто же из заключенных посещал лагерные бордели? Большинство узников свидетельствовали, что это была лагерная «элита», в первую очередь «уголовники» или «асоциальные» заключенные. «Политические», принадлежавшие к той же лагерной категории, зачастую бойкотировали бордели по идейным причинам. Хотя так было не всегда. Что же касается национального состава, то наиболее частыми посетителями были «арийцы» — немцы и австрийцы; за ними шли поляки, чехи, французы. Русским и евреям посещение борделей было запрещено в принципе.

Бывший узник Аушвица Тадеуш Боровский с презрением описывал лагерный бордель — как тех, кто в нем работал, так и его посетителей:

«Это пуфф*. Пуфф — это окна, полуоткрытые даже зимой. В окнах после поверки появляются женские головки всевозможных мастей, а из голубых, розовых и салатовых (я очень люблю этот цвет) халатиков выглядывают белые, как морская пена, плечики. Головок, я слышал, пятнадцать, значит, плечиков — тридцать, если не считать старой Мадам с могучим, эпическим, легендарным бюстом, которая сторожит эти головки, шейки, плечики и т. д. ... Мадам в окно не выглядывает, зато исполняет службу цербера у входа в пуфф.

---

* Puff — бордель (нем.).

Вокруг пуффа стоят толпой лагерные аристократы. Если Джульетт десяток, то Ромео (и отнюдь не завалящих) тысяча. Поэтому к каждой Джульетте толчея и конкуренция. Наши Ромео стоят в окнах бараков, находящихся напротив, кричат, сигнализируют руками, манят. Среди них старший в лагере (лагерный староста. — С. А.) и главный капо, и больничные врачи, и капо из команд. У многих Джульетт есть постоянные обожатели, и наряду с уверениями в вечной любви, в счастливой совместной жизни после лагеря, наряду с упреками и шутливой перебранкой слышны речи о вещах более конкретных — мыле, духах, шелковых трусиках и сигаретах.

Среди соперников царит дух товарищества — нечестных приемов не применяют. Женщины в окнах очень нежны и соблазнительны, но недоступны, как золотые рыбки в аквариуме.

Так выглядит пуфф снаружи. Внутри можно проникнуть только через канцелярию, по талону, который является наградой за хорошую, усердную работу. Правда, мы в качестве гостей из Биркенау и здесь пользуемся привилегией, однако мы отказались, у нас ведь красные треугольники. Пусть уж уголовники пользуются тем, что им положено. Поэтому извини, но сведения будут не из первых рук, хотя они исходят от таких почтенных свидетелей и таких старых номеров, как санитар (впрочем, уже только почетный) М. из нашего блока, у которого номер почти в три раза меньше, чем две последние цифры моего номера... Вечерами он возвращается возбужденный и веселый. Он, понимаешь, наладился ходить в канцелярию и, когда зачитывают номера “допущенных”, ждет, нет ли отсутствующего; тогда он кричит “hier*”, хватает пропуск и бежит к Мадам. Сует ей в лапу пару пачек сигарет, она проделывает ему ряд гигиенических процедур, и, весь промытый, санитар наш мчит-ся во весь опор наверх. Там по коридору прохаживаются стоявшие у окон Джульетты в небрежно запахнутых на голом теле халатиках. Какая-нибудь из них, проходя мимо санитаря, лениво спрашивает:

— Какой у вас номер?

— Восьмой, — отвечает санитар, для верности посмотрев на талончик.

---

* Здесь (нем.).

— А, это не ко мне, это к Ирме, вот к той блондиночке, — разочарованно буркнет девушка и шаркающей походкой отойдет к окну.

Тогда санитар входит в дверь с восьмеркой. На дверях он еще прочитает, что таких-то и таких-то развратных манипуляций производить не разрешается, за это карцер, а разрешается лишь то-то и то-то (подробный перечень) и лишь на столько-то минут, со вздохом посмотрит на глазок, в который иногда заглядывают товарки, иногда Мадам, иногда командофюрер (имеется в виду блокфюрер. — С. А.) пуффа, а иногда даже сам комендант лагеря, кладет на стол пачку сигарет и... да, еще он замечает, что на тумбочке лежат две пачки английских. Потом, наконец, совершается то самое, после чего санитар выходит, по рассеянности сунув в карман те две пачки английских сигарет. Тут он опять подвергается дезинфекции и, веселый и счастливый, всё это рассказывает нам.

Впрочем, дезинфекция порой подводит, из-за чего в пуффе некогда пошла зараза. Пуфф закрыли, проверили по номерам, кто был, вызвали их по списку к начальству и подвергли лечению. Поскольку же торговля пропусками ведется широко, лечили не тех, кого надо. Ха-ха, такова жизнь. Женщины из пуффа также совершали экскурсии в лагерь. Ночью в мужских костюмах они спускались по лестнице и участвовали в пьянках и оргиях. Но это не понравилось часовому из ближайшей будки, и всё прекратилось²⁵⁸.

Одна из бывших узниц по имени Маргаретта, работавшая в борделе Бухенвальда, вспоминала, что двое «политических» узников договорились с ней: они, чтобы помочь ей выполнить дневную «норму», будут «покупать» ей посетителей из числа своих соратников: «Мы пришлем заключенных, которые ничего не будут делать с тобой». Но за такую поддержку они потребовали «плату»: «...когда придем мы, мы хотим нашу долю...» Маргаретта соглашалась, так как это было для нее лучше, чем восемь мужчин каждый вечер²⁵⁹. Но она всё же не выдержала подобного существования и перерезала себе вены. Она была спасена охранником и отправлена в бункер Бухенвальда. Правда, после этого Маргаретта оставалась в лагере недолго и была досрочно освобождена, возможно, благодаря помощи одного из своих «товарищей».

Но для подавляющего большинства узников подобная «привилегия» — посещение лагерного борделя — была недоступна просто в силу их тяжелейшего истощения, которое являлось следствием нещадной эксплуатации, недостатка питания и множества заболеваний.

Больница

Прежде чем оказаться в лагерной больнице — ревире, заключенный вынужден был пройти не одно препятствие в лице разных представителей лагерной администрации и «самоуправления». Сначала узник имел дело с дежурным, который сидел у входа в больничный барак, — именно он первым решал, кто болен, а кто здоров. Если дежурный пропускал узника в больничный барак, то он представлял перед помощником врача — заключенным, выполнявшим эти функции. Тот должен был поставить диагноз и решить, пропустить ли больного к старшему врачу барака. И только последний мог отправить пациента к немецкому врачу лагеря. Добравшись, наконец, до лагерного врача, заключенный должен был часами ждать приема, абсолютно голый. Врач выносил решение даже без осмотра. Это могли быть: разрешение находиться в специальном карантинном бараке с освобождением от работы на несколько дней; госпитализация в одном из отделов ревира; отказ в госпитализации и возвращение на работу. Понятно, что в подавляющем большинстве случаев применялся третий вариант.

Лагерная больница состояла из нескольких отделений, располагавшихся в разных бараках. Когда советские войска освободили концентрационный лагерь Штуттгоф, то в ходе опроса свидетелей, работавших в лагерной больнице, было установлено:

«...имелся один лазарет и одна амбулатория для заключенных всех национальностей, кроме евреев, одна женская амбулатория и одна женская больница на территории лагеря для евреев. Мужчины-евреи пользовались лечением непосредственно в бараке и только в исключительных случаях помещались в лазарет. В лазарете имелся целый ряд отделений: хирургическое, терапевтическое и инфекционное.

Самый большой лазарет был рассчитан на 600—700 коек, однако в нем лежало 1200—1300 человек, вследствие чего на одной койке лежало по 2, иногда по 3 человека больных. Койки были деревянные в три этажа. На койках в 1-м и 2-м стационарах были матрасы, одеяла и простыни, в остальных стационарах простыней не было.

Штат обслуживающего персонала на 24.01.1945 г. был:

врачей — 17 человек
обслуживающего персонала — 47 человек
аптечных работников — 6 человек
дезинфекторов — 9 человек
Зубной кабинет состоял:
техников — 3 человека
санитаров — 2 человека
писарь — 1 человек

Оборудование лазарета в 1944 г. пополнилось рентгеновским аппаратом. О работе рентгена нам сказать трудно, так как никаких документов, освещающих его работу, не найдено. Однако по показанию бывшей заключенной Ручицы Ю. А., просидевшей в лагере 10 месяцев, известно, что рентген использовался для отбора больных с открытыми формами туберкулеза для истребления»²⁶⁰.

В силу того что работа в ревире считалась привилегированной — по сравнению с большинством остальных видов деятельности она была несложной, несомненным плюсом являлся и доступ к лекарствам, в лагерной больнице на должностях помощников врачей-заключенных нередко оказывались далекие от медицины люди — бывшие плотники, слесари, воспользовавшиеся ситуацией и совравшие о своих навыках или устроенные по рекомендации кого-то из влиятельных функционеров «самоуправления». Однако большинство врачей, работавших в ревире, действительно были профессионалами и старались оказать помощь больным заключенным. Эли Визелю, оказавшемуся в ревире Моновице, повезло — приближение советских войск заставляло нацистов думать в первую очередь о своем спасении и эвакуации заключенных, еще способных работать. Он был спасен врачом-узником:

«В середине января от мороза начала распухать моя

правая ступня. Я уже не мог на нее наступать. Я пошел в больницу. Доктор, знаменитый еврейский врач, сам тоже заключенный, был настроен решительно: "Необходима операция! Если мы будем ждать, придется ампутировать пальцы, а возможно, и всю ногу до колена".

Только этого мне не хватало! Но делать было нечего. Врач решил, что операция необходима, и обсуждению это не подлежало. Я даже был доволен, что решение принял он.

Меня положили на кровать с белыми простынями. Я уже забыл, что люди спят на простынях.

В больничном блоке было совсем неплохо: мы имели право на хороший хлеб и суп погуще. Ни колокола, ни перекличек, ни работы. Время от времени мне удавалось передать кусок хлеба отцу.

Рядом со мной лежал венгерский еврей, страдавший дизентерией. Кожа да кости, потухший взгляд. Я только слышал его голос — других признаков жизни он не подавал. И откуда он брал силы говорить?

— Подожди радоваться, мальчик. Здесь тоже бывают селекции. И даже чаще, чем там, снаружи. Германии не нужны больные евреи. Я не нужен Германии. После ближайшего транспорта у тебя будет новый сосед. Так что послушай меня, вот тебе мой совет: уходи из больницы до селекции!

Эти слова, звучавшие из-под земли, от безликого существа, привели меня в ужас. Конечно, мест в больнице очень не хватало, если в эти дни появятся новые больные, надо будет освобождать койки²⁶¹.

Переносчиками инфекционных заболеваний были различные насекомые. Бельгийский писатель, бывший узник Дахау Людо ван Экхаут описывал свои впечатления от борьбы с ними:

«Одним из страшнейших зол в тифозных блоках действительно оказались паразиты. Тут были все их виды: и вши, и клопы, и блохи. Их были мириады, и они рьяно помогали эсэсовцам в их деле: уничтожать, как можно быстрее уничтожать человеческую нечисть в тифозных блоках, чтобы освободить место для новых изгоев из становившейся тесной Германии. По мере приближения Красной армии на востоке и союзников на западе проводилась эвакуация лагерей.

Изредка нашу одежду дезинфицировали, а самих

гнали в баню. Вещи сбрасывали в кучу, а нас, раздетых, гнали по снегу мыться. В бане повторялась операция бритья, потом мы мылись горячей водой и “обсушивались” на ветру. И каждый раз это стоило кому-нибудь из заключенных жизни. Умирили прямо на снегу или в бане. Но вши не погибали. Их было такое множество, что во время одной из дезинфекций капо с ревом пустился в бегство — он увидел, как зашевелилась груда одежды.

После бани мы надевали старую одежду. Выбирали что получше. Однажды я нашел куртку с двумя отворотами и брюки с поясом. Но когда я надел брюки, то оказалось, что они порваны сзади. В чужой одежде, да еще прошедшей дезинфекцию, мы выглядели безобразно.

Мне неизвестно, каким составом дезинфицировали вещи, но я точно знаю, что вши и блохи успешно выдерживали эту обработку. Единственным результатом дезинфекции являлось то, что приходилось натягивать на себя влажную одежду. К угрозе заболеть тифом добавлялась еще угроза подхватить воспаление легких.

У меня нет слов, чтобы передать чувства, которые испытывает человек, истерзанный насекомыми. Среди нас были разные люди: священники, адвокаты, офицеры. И всех изводили блохи и вши. Зуд был невыносимый. Всё тело в укусах. Постоянное ощущение, что ты весь в грязи. И даже после бани оставалось такое чувство, что ты такой же грязный, как и до мытья. Испытывая мучительный зуд, мы постоянно чесались, и от этого на теле появлялись ранки и царапины — нечто вроде парши. Когда я вернулся домой, на моем теле не нашлось сантиметра чистой кожи: я весь был в укусах, тифозной сыпи и расчесах.

Не было средства против вшей, но старосты блоков регулярно проводили проверку на вшивость. Затея эта была совершенно бесполезной, и единственная цель ее состояла в том, чтобы позабавить немцев и унижить нас. Каждый должен был явиться на осмотр раздетым, держа рубашку в вытянутой руке. Два “контролера” усердно просматривали рубашки под бдительным оком старосты блока, который рядом с собой клал дубинку. Он тщательно записывал против наших номеров в списке цифры, обозначающие количество обнаруженных паразитов... Этой цифре соответствовало количество ударов дубинкой, полагавшихся в наказание»²⁰².

Но даже профессионалы чаще всего не могли помочь узникам — и не только потому, что работали под пристальным наблюдением СС. Медицинского оборудования, как и лекарств, катастрофически не хватало. Была острая нехватка и перевязочного материала, приводившая даже к тому, что раны перевязывали бумагой. При этом каких только заболеваний не встречалось. Узник Аушвица-Биркенау, работавший в лагерной больнице, отмечал: «Та масса немыслимого человеческого страдания, то множество людей, страдающих от диареи и нагноения ран, ужасали при взгляде на всё это... Любая болезнь, любой вид травм имели место в той патологической тюрьме: сыпной тиф, пневмония, отеки, сломанные конечности, проломленные черепа, и все были брошены вместе... Без лекарств и с несколькими полосками бумаги для перевязки»²⁶³. Отсутствие лекарств заставляло заключенных прибегать к методам народной медицины, например к уринотерапии.

В Штуттгофе, согласно показаниям Бенша, помощника лагерного врача, были больные следующих категорий:

- «...туберкулез — 100—150 человек,
- больных поносами, в том числе брюшнотифозных — 140—150 человек,
- с голодными отеками — 100—120 человек,
- флегмон — 80 человек,
- фурункулез — 40—50 человек,
- истощенных — 200 человек,
- с кровоизлияниями и кровоподтеками от побоев — 20—30 человек.

В 1943-м и в конце 1944 года — большое количество сыпнотифозных. Сердечных больных было немного. Еженедельно сообщалось в Данциг о венерических заболеваниях, каковых было приблизительно: гонорея — 6—7 случаев, сифилис — 2 случая. Вензаболевания были привозные.

В хирургическом отделении лазарета, по показаниям Бенша, производились операции: рассечение гнойников, обычно без наркоза. В четырех случаях в период его работы были проведены ампутации с применением наркоза, о других оперативных вмешательствах он не знает. Врачи к операциям прибегали неохотно, ввиду плохого заживления ран у людей.

Смертность в лазарете доходила до 60 человек в день. В единичных случаях трупы умерших подвергались вскрытиям, так же производились вскрытия по приказанию доктора Гайделя; протокол писали в семи экземплярах и направляли: коменданту лагеря, в политотдел комендатуры, следственный отдел и в Берлин. Случаи смерти регистрировались в особых карточках; учет умерших производился в политотделе комендатуры, где извлекалась личная карточка умершего заключенного из картотеки, в которой отмечалась дата смерти, диагноз заболевания. После соответствующих отметок карточка вкладывалась в картотеку умерших.

Диагнозы в карточках умерших в лазарете отличаются стереотипностью, они примитивны, шаблонны.

Особой регистрации отравленных циклоном и застреленных собаками не велось, и они шли в рубрике расстрелянных. В случае смерти от побоев врачи выставляли диагноз "флегмона и туберкулез".

По данным опроса аптекаря Липкина, медикаменты отпускались на аптеку, которая обслуживала помимо Штуттгофского лагеря еще ряд других лагерей (Эльбинг, Кёнигсберг, Торн, Данциг, Штеттин), являвшихся филиалами Штуттгофского лагеря. Эта аптека отпускала лекарства в лазарет преимущественно в форме таблеток.

Ассортимент лекарств в основном был следующий: от головной боли, от поносов, витамин "С", средства для наркоза, дезинфицирующие средства. Наркотических средств аптека не имела. Отпускаемое количество лекарств было явно недостаточным для удовлетворения нужд больных.

Для служащих лагеря существовала особая аптека, которая располагала богатым ассортиментом лекарств в достаточном количестве. перевязочный материал для всех лазаретов отпускался удовлетворительно (вата и бумажные бинты). Йод имелся в очень незначительном количестве. Аптечек в бараках не было положено, лекарства, которыми пользовались заключенные, были преимущественно частного порядка. Против поноса, болей живота служил древесный уголь, добытый из печей.

Для гигиенических целей перевязочный материал не отпускался. Каждому заключенному полагалось

50 граммов мыла в месяц, которое отпускалось нерегулярно. Методом лечения зубных болезней являлось удаление зубов»²⁶⁴.

После освобождения Аушвица в одном из актов судебно-медицинской экспертизы советскими медиками было отмечено, что освидетельствование прошли 2819 человек — 1616 женщин и 1203 мужчины. Из них 72 процента — люди молодого и среднего возраста. 78 процентов обследованных узников находилось в концлагере от трех месяцев до года. Основными болезнями, выявленными советскими врачами у заключенных, были дистрофия, авитаминоз, туберкулез легких и нервно-психические заболевания. У 97 процентов бывших узниц были диагностированы аменорея и преждевременное наступление климакса²⁶⁵.

Из-за отсутствия достаточного лечения и роста числа заключенных заболевания в концентрационных лагерях год от года становились всё более массовыми и уносили всё больше жизней. Если в туберкулезном бараке Заксенхаузена в июне 1944 года находилось 700 человек, то в сентябре их было уже пять тысяч²⁶⁶.

Однако в ревирах концентрационных лагерей узники страдали и погибали не только от антисанитарных условий и отсутствия лекарств, но и от действий немецких врачей и некоторых их пособников. В сознании узников лагерный врач превратился в убийцу. И для этого были основания:

«Врач со шприцем приближался ко мне. Я надеялся, что он пройдет мимо. Но он остановился около меня. Я покрылся холодным потом от страха, бессилия и отчаяния. Он схватил мою руку, нащупал вену. Я хотел вырваться, но меня словно парализовало.

Врач ушел, и я стал отсчитывать секунды, прикидывая, через какое время после укола умер сосед внизу. Дважды я сосчитал до шестидесяти, но состояние мое оставалось прежним. Лихорадка продолжалась. Мне казалось, что я еду в поезде. Ритмичный перестук колес, гудок паровоза. Я смотрю в окно на зеленые леса, на заснеженные поля зимнего Кемпена. Тянутся вверх провода... Только не поддаваться галлюцинациям! Не терять сознания! Сопротивляться до конца!

— Проклятие! — крикнул кто-то совсем рядом по-фламандски.

Я оглянулся. С пола поднимался больной с окровавленным лицом. Он спрыгнул с верхних нар и расшибся. Его лихорадочные глаза растерянно блестели.

— Что с тобой? — спросил я.

— Приснился сон. Мне всё время снится, что я еду в поезде мимо своего дома. Вот я и спрыгнул на ходу, — смущенно сказал он и, тяжело дыша, полез на нары.

Через минуту он уже погрузился в забытие. А в моей голове уже снова раздавался стук колес... Я заставил себя преодолеть отвращение к пище. Помня советы друга, с трудом проглотил днем суп и вечером свою порцию хлеба.

Страшна ночь в тифозной палате! В сером мраке всё дышит непередаваемым ужасом. Бледные лица, грязные тела. Люди, потерявшие сознание. Тихие больные, которые, возможно, уже успокоились навечно, и буйные, которые бьются головой о доски нар. Бессвязная речь... Бред на польском, русском, французском языках... Песни... Я горю сон, я боюсь потерять сознание. "Меня не сломить", — думаю я и посылаю проклятия своим врагам.

К утру в палате стало тише.

Многие умолкли навсегда.

Семь дней я пролежал в лазарете. За это время мне ни разу не дали никакого лекарства.

Я вышел из лазарета живым совершенно случайно»²⁶⁷.

В отделениях ревира регулярно проводились кастрации узников. Причины лежали в области «расовой гигиены» нацистов. Заключенный Заксенхаузена Вильгельм Вертер был кастрирован, потому что был «хроническим алкоголиком», цыган Видман — потому что был «слабоумным», Антон Форнхольт за гомосексуальные связи»²⁶⁸.

В Равенсбрюке больных хроническими или инфекционными заболеваниями, которых в лагере было много, уничтожали в ревире посредством инъекций яда: «В марте 1945 г. в блок № 10, где находились туберкулезные больные, вошла немецкая сестра Марта и ласково спросила у больных, кто из них страдает бессонницей; она может дать хорошего лекарства. Желющих получить лекарство оказалось 22 человека. Через несколько часов после получения лекарства больные скончались»²⁶⁹.

Особое место в реви́ре занимали блоки для приема родов и новорожденных. В Штуттгофе «родовспоможение оказывалось специальным врачом, причем дети с арийской кровью вместе с матерями переводились в какой-то другой лагерь. О детях не арийской крови записывалось как о мертворожденных. По-видимому, они уничтожались. Бенш наблюдал, как в шести случаях трупы новорожденных сжигали в крематории. Врач Рожковский говорил ему, что дети родились мертвыми»²⁷⁰.

Хотя прибытие беременных женщин в концентрационный лагерь Равенсбрюк было официально запрещено, они всё равно оказывались в лагере. И тогда за дело брались лагерные врачи. Первый аборт документально зафиксирован 3 ноября 1940 года. Согласно показаниям главного врача Равенсбрюка Герхарда Шидлауски, беременность прерывали женщинам, которые были арестованы за связи с военнопленными или «восточными рабочими». Аборты делались на сроке между третьим и пятым месяцем беременности, а в ряде случаев даже на восьмом месяце. Оказавшаяся в январе 1942 года в Равенсбрюке чешская медсестра Ханка Хоускова была свидетельницей убийства двадцати детей, родившихся от подобных «нежелательных» связей. Другие узницы, работавшие в лагерном лазарете медсестрами и врачами, сообщали, что аборты делались незадолго до рождения и уже жизнеспособные грудные дети убивались врачом Розенталем и акушеркой Квернхейм.

Часть беременных узниц посылали в роддом в Темплине, где после родов ребенка изымали и отправляли в детский дом. Но поскольку таких женщин становилось всё больше, в сентябре 1944 года в лагере начал функционировать отдельный блок для родов. Условия, в которых дети появлялись на свет и жили, некоторые всего несколько часов, были ужасающие:

«Ревир № 11 был ужасен во всех отношениях — не обогрет, грязен, полон вшей и других насекомых. В этом реви́ре лежали больные разными неизвестными заразными болезнями, а также страдающие легочными заболеваниями. Грудные дети помещались в маленькой комнате (2,5 м × 4 м), где они лежали поперек двух кроватей под одним одеялом. Позже были установлены еще две кровати (двухъярусные), так как число детей

увеличилось на 50 человек. За детьми следила узница-немка, которая была безнадежно глупа и не имела никакого понятия об уходе за грудным ребенком. В маленькой комнате была железная печь, которая обогревалась только тогда, когда немка-надзирательница варила себе еду из продуктов, которые она украдала у больных. Она нагревала тогда печь так сильно, что та пылала, при этом она открывала окно, несмотря на то, что детские кровати стояли у окна.

Нам разрешалось успокаивать детей только пять раз днем. Периоды кормления грудью зависели от настроения немецкой санитарки. В той же самой комнате, где лежали дети, врач принимал своих пациентов (больных респираторными заболеваниями). На протяжении всей ночи грудные дети оставались без надзора, в нетопленной комнате (8—10° С). С риском для жизни я крадала ночью ключ, чтобы смотреть за детьми. Когда я сделала это впервые, я была потрясена. После того как я включила свет, я увидела, как разные паразиты ползали на кроватях детей, залезая им в носы и уши. Большинство из них лежали нагишом, так как они выбились из пеленок и кричали всю ночь от голода и холода. Смертность была страшная... Мой сын умер через 16 дней от воспаления легких. Старшая сестра не давала нам лекарство, не позволяла сушить пеленки, так что мы делали это тайком, в бараке, где лежали узницы с инфекционными болезнями. В этих страшных условиях дети жили от нескольких дней до одного месяца»²⁷¹.

Немецкая коммунистка Шарлотта Мюллер описывала один из примеров убийственной жестокости немецкого медицинского персонала к детям: «Вдруг входит старшая медсестра с новорожденным на руках. Истопница распахивает дверцу топки, и медсестра, бросив в топку сучившего ручками и ножками младенца, молча поворачивается и уходит. У меня сердце остановилось от ужаса, а та истопница равнодушно говорит: "Ты что так смотришь? Она это часто делает"»²⁷².

В родильном бараке имелась книга, в которую записывались новорожденные дети заключенных. Вплоть до апреля 1945 года, до освобождения Равенсбрюка, в ней было зафиксировано 560 детей, из которых только около сотни пережили пребывание в лагере²⁷³.

В итоге лагерная больница для большинства узников становилась отнюдь не символом помощи и облегчения страданий во время болезни, а местом издевательств, убийств и смертей. Заболеть в концентрационном лагере практически всегда означало получить смертный приговор. Но не заболеть хотя бы единожды в условиях антисанитарии, холода, голода, тяжелейшего труда было нереально. И тогда могли помочь только чудо или товарищи и близкие люди.

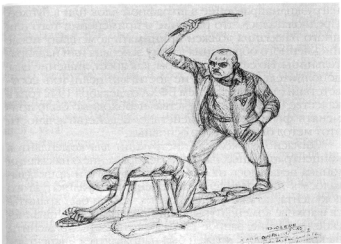
НАСИЛИЕ И УНИЧТОЖЕНИЕ

Повседневный террор

Система наказаний в нацистских концентрационных лагерях была, с одной стороны, предметом формальных педантичных бюрократических предписаний, а с другой — областью ничем не контролируемого произвола эсэсовцев и их помощников.

В соответствии с распоряжением ВФХА узникам запрещалось не повиноваться СС и представителям «самоуправления», скрывать наличие заразных заболеваний, не соблюдать распорядок лагеря и т. д. Заключенные об этих предписаниях ничего не знали, что позволяло лагерной администрации трактовать любые их действия как «нарушения». Имели место и реальные преступления. В Заксенхаузене Эрвин Ратманн был арестован политическим отделом за вымогательство хлеба у узников и его последующую продажу в лагере. За совершение развратных действий в отношении несовершеннолетней девочки в бункер был отправлен Зигмунд Хейнрих²⁷⁴. Подобные случаи не единичны, но распространены они были среди узников, представлявших лагерную «элиту».

Если факт нарушения лагерного распорядка был установлен, бюрократическая машина СС предполагала несколько вариантов штрафов в зависимости от степени тяжести совершенного «проступка». Это могли быть устное предупреждение, дополнительная работа в свободное время, запрет на отправку писем домой, лишение обеда или ужина при сохранении рабочей

Капо Пауль. Рисунок Д. Олера. 1950 г.

Наказание. Рисунок Д. Олера. 1945 г.

нагрузки, направление в штрафной блок или в бункер. Предполагалось, что решение о применении того или иного наказания должен принимать комендант после письменного обращения к нему эсэсовца или надзирательницы. Но если такие меры, как арест, лишение еды, дополнительная работа, не достигали цели, то в соответствии с распоряжением ВФХА от декабря 1942 года в качестве «последнего средства» необходимо было применять физическое воздействие. В действительности этот метод был одним из основных.

Согласно служебной инструкции для комендантов концентрационных лагерей распоряжение о наказании узника печаталось на белом листе бумаги и прикладывалось к личному делу заключенного. Дубликат этого документа, но уже желтого цвета, должен был храниться в архиве комендатуры. Если предполагалось физическое наказание, запрос на разрешение его применить, на красном листе, должен был направляться инспектору концентрационных лагерей или лично Гиммлеру. Формально только они могли санкционировать избиеие плетью или палкой на специальном станке. При исполнении наказания должны были присутствовать комендант лагеря, его заместитель или старшая надзирательница, лагерный врач. По окончании экзекуции заполнялся еще один формуляр об исполнении приговора. Узники должны были получать не больше двадцати пяти ударов.

Однако все эти бумаги и предписания не имели никакого отношения к действительности. Решение о физических наказаниях принималось в концлагерях, а вышестоящие инстанции лишь информировались в уведомительном порядке. Сама же процедура избияния носила изуверский характер.

«Боль! Ужасная, непередаваемая боль пронзила всё тело, словно огненные стрелы впились в меня, словно тысячи молний поразили мой мозг. Я услышал свой душераздирающий крик. Дернул головой. Но чьи-то сильные руки прижали меня к столу. Глаза ослепли от слез. От слез боли и унижения... От слез обиды, потому что я всё же закричал... От слез жгучей ненависти...

— Раз! — крикнул я.

Оказалось, первый удар был еще не самым страшным. Каждый последующий усиливал боль. Палач старался попадать в одно и то же место. Казалось, что с

каждым ударом у Дурака прибавляется сил. Я уже не чувствовал ударов, я весь превратился в боль. Дергайте здоровый зуб! Выдерните все мои зубы, только прекратите это истязание! Казалось, что этот ужас длился вечно, что в моей жизни не было больше ничего, кроме этого надругательства. Я хотел бы потерять сознание, впасть в забытие, чтобы избавиться от этой боли, но не мог. Для этой боли не существовало границ беспамятства. Она уже никогда не прекратится! Лучше бы я сошел с ума!

— Двенадцать! Тринадцать! Четырнадцать! — кричал я, безотчетно подчиняясь команде мозга, который не забывал, что я обязан считать удары.

Мне казалось, что тело уже превратилось в ключья мяса. Видимо, в этой дубинке таилась какая-то магическая сила, направлявшая удары в одно и то же место. Я старался лежать совсем неподвижно, но при каждом ударе дергался. Веревки всё сильнее впивались в мои ноги, а безжалостные руки грубо прижимали плечи и голову к столу.

— Девятнадцать!

И тут вдруг боль ослабла. Я достиг предела, казалось, я стал невосприимчив к боли. Я перестал кричать. Это был знаменательный момент в моей жизни. Им не удалось сломить меня! Я оказался сильнее! Бей, мерзавец! Если даже я умру после этой экзекуции, то всё равно победителем останусь я. Но теперь я буду жить. Я выдержал девятнадцать ударов — остальные меня не пугают.

Мне не хотелось, чтобы Дурак подумал, будто я потерял сознание, и я отчетливо продолжал считать удары: — Двадцать! Двадцать один! Двадцать два!

Экзекуция закончилась. Дурак откашлялся и сплюнул. Мне развязали ноги, освободили руки. «Смотрите на меня все, — подумал я. — Сейчас я сам дойду до бокса! Гордо прошагаю у всех на виду».

Я поднялся, и жгучая боль снова пронзила меня с головы до ног. Я упал на колени и выругался от бессилия. Товарищи подхватили меня под руки и повели в бокс²⁷⁵.

Для исполнения наказаний в концентрационных лагерях существовали специальные помещения — штрафблок и бункер. В Равенсбрюке штрафблоком был барак, огороженный колючей проволокой с закрывав-

шимися на замок дверями и забитыми окнами. Время пребывания в штрафблоке было различным — от одного месяца до двух лет. Лишение возможности переписки с родными, назначение на самую грязную и тяжелую работу, сокращение лагерного пайка наполовину, назначение двадцати пяти ударов плетью — всё это были дополнительные наказания для узниц этого блока.

Бункер представлял собой каменное двухэтажное здание, разделенное на несколько десятков небольших одиночных камер. Иногда в одну камеру помещали сразу нескольких узниц, чтобы они не имели возможности ни лежать, ни двигаться. Заключенные, оказавшиеся в этой лагерной тюрьме, не покидали камер. Их пища состояла из воды и хлеба, и лишь раз в четыре дня они получали «суп» — жидкую баланду. В бункере избивание узниц плеткой доходило до сотни ударов²⁷⁶.

До 1943 года экзекуции в бункерах концентрационных лагерей выполняли надзирательницы или эсэсовцы. В дальнейшем их заменили узники. Поляки должны были избивать русских, русские — украинцев. В качестве вознаграждения заключенные получали дополнительную еду или сигареты.

Высшей мерой наказания была смертная казнь, которая также должна была осуществляться только с санкции высших чиновников СС и РСХА, но в реальности становилась одним из обыденных орудий повседневного террора политических отделов и администрации концлагерей. Расстрелы и повешения были для эсэсовцев нормой и применялись в отношении тех узников, чьи поступки (например, попытки побега или саботаж) расценивались как наиболее опасные.

В Аушвице для приведения в исполнение приговоров о высшей мере наказания использовались блок № 11 и территория рядом с ним, огороженная стеной. Сотрудник политического отдела Аушвица Пери Брод был прекрасно знаком с процедурой убийств в этом «блоке смерти»:

«Из переполненной тесной камеры вырывается удушливый смрад. Один из узников кричит: «Смирно!» — и несчастные фигуры в грязных голубовато-серых лохмотьях становятся в шеренгу. Ничего невозможно прочесть на их лицах; видно только, что многие с трудом держатся на ногах. С равнодушием людей, у

которых желание жить уже сломлено, поддаются они процедуре, которая должна решить их судьбу и через которую, может быть, они уже несколько раз счастливо прошли. Аумейер* прикладывает список арестантов к двери и вместе с Грабнером** приступает к "суду".

Первый узник называет свою фамилию и говорит, сколько времени сидит в бункере. Начальник лагеря коротко спрашивает рапортфюрера***, за что узник попал в бункер. Если это был приговор политического отдела, что было особенно часто в делах, связанных с побегами, решающий голос принадлежал Грабнеру. Потом лагерные "сановники" решают, какой дать штрафной рапорт, 1 или 2. Узники, получившие эти штрафные рапорты, выходят из камер и строятся в среднем коридоре в две группы. Остальные продолжают находиться в "подследственном аресте".

"Преступления" узников, получивших штрафной рапорт 1, состояли, например, в том, что они взяли откуда-то несколько картофелин, или у них было больше белья, чем полагалось по норме, или кто-то закурил во время работы и другие подобные пустяки. Им повезет, если всё кончится избиением плетью или временным переводом в штрафную команду, что означает особенно тяжелую работу. Иначе поступают с несчастными, дальнейшая судьба которых определена "штрафным рапортом 2". Синим карандашом, так, чтобы все видели, Аумейер выводит толстый крест рядом с фамилией узника, а концы этого креста старательно заканчивает

---

* *Ганс Аумейер* (1906—1948) — штурмбаннфюрер СС. С 1938 года — шутцхафтлагерфюрер в концлагере Флоссенбург, в 1942-м переведен на аналогичную должность в Аушвиц. В 1943 году назначен комендантом концлагеря Вайвара, в 1944-м — лагеря Кауферинг, в январе 1945 года — концлагеря Грини в Норвегии. В самом конце войны получил назначение в Бухенвальд.

** *Эрнст Грабнер* (1905—1947) — унтерштурмфюрер СС. С 1940 по 1943 год возглавлял политический отдел концентрационного лагеря Аушвиц. Инициатор введения в лагере ежедневных публичных расстрелов.

*** *Рапортфюрер* (нем. Rapportführer) — эсэсовская должность в концлагерях, занимаемая обершарфюрером или гауптшарфюрером. В обязанности рапортфюрера входили проведение переключек узников, надзор за дисциплиной в бараках.

маленькими поперечными черточками. И, конечно, ни для кого не является тайной, что означает "штрафной рапорт 2". Группу узников с "легкими случаями", которым в этот раз подарили жизнь, ведут теперь в лагерь, чтобы привести в исполнение полученные ими наказания...

Приговоренных к смерти переводят в умывальню на первом этаже. Узники, работавшие в 11-м блоке как очистители и писари, заслоняют окно одеялом и приказывают своим несчастным товарищам раздеваться. Чернильным карандашом смертникам пишут на груди огромные цифры. Это номера, по которым потом легче будет зарегистрировать трупы в морге или в крематории...

Около каменного забора во дворе 11-го блока установлена черная стена, состоящая из черных изоляционных плиток. Она была последней границей жизни тысяч невинных людей, патриотов, которые не хотели предать своей родины взамен материальных выгод; около нее прощались с жизнью те, кто по воле роковых обстоятельств был пойман при побеге; рядом с ней гибли люди, привезенные гитлеровцами из всех оккупированных стран. Они сохраняли до конца верность своей Отчизне.

Расстреливал рапортфюрер или надзиратель ареста. Чтобы не привлекать внимания пешеходов на шоссе, проходившем недалеко от каменной стены, употребляли мелкокалиберный пистолет с 10—15 пулями. Аумейер, Грабнер и кто-нибудь из прислужников этих палачей, пряча за спиной взведенные пистолеты, стоят, широко расставив ноги. Они упиваются своей властью. В глубине двора несколько перепуганных могильщиков с носилками для трупов. Они должны выполнить свою работу, на их лицах написан ужас, и они не в силах скрыть его. Около черной стены стоит узник с лопатой; другой, более сильный, выбранный среди уборщиков, бегом выводит во двор две первые жертвы. Держа их за плечи, он прижимает их лицами к стене. Когда кто-то поворачивает голову, слышится приказ: "Прямо!" Большинство узников — это едва держащиеся на ногах скелеты. Многие из них провели месяцы в вонючей камере, где не выдержал бы и зверь, и, несмотря на это, некоторые всё же кричат в послед-

нюю минуту: "Да здравствует Польша!" или "Да здравствует свобода!" В таких случаях ретивый помощник палачей спешит выстрелить в затылок или старается заставить молчать при помощи жестоких ударов. В это время эсэсовцы, так уверенные в своем могуществе, раздражаются смехом, однако в действительности они не любят этих доказательств национальной гордости и непоколебимой любви к свободе, не сломленных никаким террором»²⁷⁷.

Эли Визель описал казнь в Моновице двух узников и одного юного помощника капо, обвиненных в саботаже:

«Трое приговоренных вместе встали на табуреты. На три шеи одновременно накинули петли.

— Да здравствует свобода! — крикнули двое взрослых.

А мальчик молчал.

— Где же Бог, где Он? — спросил кто-то позади меня.

По знаку коменданта опрокинулись три табурета.

Во всём лагере наступила полная тишина. На горизонте садилось солнце.

— Снять шапки! — крикнул комендант охрипшим голосом.

А мы плакали.

— Надеть шапки!

Потом мы опять шли мимо повешенных. Оба взрослых уже были мертвы. Их раздувшиеся синие языки вывалились наружу. Но третья веревка еще дергалась: мальчик, слишком легкий, был еще жив...

Больше получаса продолжалась на наших глазах его агония, борьба жизни со смертью. И нас заставляли смотреть ему в лицо. Он был еще жив, когда я проходил мимо. Язык оставался красным, глаза не потухли. Я услышал, как позади меня тот же человек спросил:

— Да где же Бог?

И голос внутри меня ответил:

— Где Он? Да вот же Он — Его повесили на этой виселице...

В тот вечер у супа был трупный привкус»²⁷⁸.

Но в большинстве случаев эсэсовцы совершали убийства, считая это наказанием узников, без всяких процедур и условностей. Свидетель Стопыва рассказывал об издевательствах над заключенным Чаславом

Кшечковским в Майданеке: «Гестаповец заметил, что заключенный Кшечковский неровно стоял в ряду, и за это ударил его ногой в живот с такой силой, что Кшечковский упал на землю, а затем взял его за шиворот и выволок из строя. К Кшечковскому подошли эсэсовцы и стали его избивать палками и ногами. Кшечковский кричал, а потом умолк, но они продолжали его избивать. Один из эсэсовцев, обутый в сапоги, встал Кшечковскому на живот и несколько раз на животе у него подпрыгнул. Несмотря на такие издевательства, Кшечковский еще жил. Тогда тот же самый гестаповец взял деревянную палку с заостренным концом и воткнул ее в рот Кшечковскому с такой силой, что разорвал ему лицо. Кшечковский был еще жив, и всё тело его содрогалось. Гестаповец бить его перестал и отдал приказ другим гестаповцам отнести его на носилках в крематорий, где тот был сожжен»²⁷⁹.

Однако даже чудовищная система «штрафов», существовавших якобы для «исправления» узников, была далеко не конечной точкой нацистских преступлений.

Псевдамедицинские эксперименты

«После четырех минут подопытный начал потеть и шевелить головой, после пяти минут появились судороги, между шестой и десятой минутами дыхание стало чаще и подопытный потерял сознание; с одиннадцатой и до тридцатой минуты дыхание становилось всё реже — до трех вдохов в минуту, пока наконец не прекратилось вовсе»²⁸⁰. Так отстраненно, подчеркнуто лаконично и, очевидно, претендуя на научность, нацистский врач Зигмунд Рашер в одном из отчетов излагал результаты своей деятельности. Вот только к настоящей медицине, для которой человеческая жизнь является безусловной и высшей ценностью, ни он, ни его «работа» никакого отношения не имели. Зигмунд Рашер был убийцей. Холодным, равнодушным убийцей. В приведенном отрывке он описывал свои опыты в концлагере Дахау, целью которых являлось изучение воздействия перепадов атмосферного давления на организм человека. Словом «подопытный» он обозначал 37-летнего еврея-заключенного, погибшего в ходе эксперимента.

В конце 1939 года Рашер был командирован в рас-

поражение Военно-воздушных сил Третьего рейха на курсы повышения квалификации врачей. Эта, по сути, обычная командировка привела его к размышлениям о необходимости исследовать пределы возможностей выживания пилотов, которые, катапультируясь из сбитого самолета, оказывались в условиях резкого перепада давления. Рашер вряд ли долго думал над тем, к кому обратиться с предложением о проведении экспериментов в данной сфере. Благодаря своей супруге он был знаком с Генрихом Гиммлером и даже ранее успел получить от него поддержку своих исследований в области раковых заболеваний. Рашер написал письмо рейхсфюреру СС: сначала выразил сожаление, что нет добровольцев, готовых принять участие в смертельно опасных экспериментах, и что опыты на обезьянах не позволяют достичь нужного эффекта, а в конце просил предоставить ему для экспериментов тех, кого, видимо, людьми не считал, — заключенных концлагерей.

Гиммлер в силу занятости попросил ответить на это послание своего адъютанта и личного врача Карла Брандта. Брандт написал коллеге: «Глубокоуважаемый г-н д-р Рашер! Незадолго до своего отлета в Осло рейхсфюрер СС передал мне Ваше письмо от 15 мая 1941 г. для того, чтобы я частично ответил на него. Я могу сообщить Вам, что заключенные для высотных исследований будут, разумеется, охотно предоставлены в Ваше распоряжение. Я сообщил о согласии рейхсфюрера СС начальнику полиции безопасности и попросил его дать соответствующему сотруднику указание связаться с Вами. Пользуясь случаем, я также хочу сердечно поздравить Вас с рождением сына...»²⁸¹

С одной стороны, судя по этому письму, планируемые опыты на людях не были для Брандта — как, собственно, и для его начальника Гиммлера — из ряда вон выходящим, с точки зрения нацистской гуманности, явлением. С другой стороны, эти медицинские эксперименты представлялись нацистским бонзам весьма перспективными с практической точки зрения. А то, что могло способствовать благу Третьего рейха, должно было получить поддержку. Так, к сожалению, и произошло.

Однако Рашер не был серьезным специалистом в той области, которой хотел заниматься. Именно по-

этому до момента начала экспериментов прошел почти год, в течение которого была сформирована команда врачей, способная организовать эксперименты и имевшая опыт исследований в сфере, связанной с авиацией. Не все ученые согласились принять участие в ее работе. Но благодаря деятельности фактического организатора исследований Георга Вельгца к Рашеру присоединились известные медики люфтваффе Вольфганг Ромберг и Зигфрид Руфф. В качестве площадки для псевдонаучных экспериментов был определен концлагерь Дахау близ Мюнхена. Именно туда из берлинского исследовательского института была доставлена специальная барокамера, способная создавать условия перепада давления.

Двадцать второго февраля 1942 года начались сами эксперименты, продолжавшиеся до лета. Жертвы отбирались случайным образом, но преимущественно среди русских и поляков. Узников запирали в воздухо-непроницаемой камере, в которой Рашер и его коллеги моделировали атмосферные условия больших высот — от 12 тысяч метров и выше. Естественно, это приводило к жесточайшим страданиям людей. Они «кусали себе язык», «производили впечатление сошедших с ума»; их дыхание было «агональным», а тела сотрясали конвульсии. Всё это нацистские медики скрупулезно фиксировали, даже не думая останавливать эксперимент. Из 180—200 узников, прошедших через подобные мучения, погибло не менее 70—80 человек²⁸², в первую очередь по вине Рашера, который, по всей вероятности, проводил некоторые опыты лично, втайне от коллег, и сообщал о них лишь Гиммлеру. Результаты экспериментов были представлены научной общественности рейха в виде научного отчета в июле 1942 года и не вызвали у нее никаких возражений ни с научной, ни с моральной точки зрения.

К сожалению, Зигмунд Рашер и его соратники были не одиноки в своих псевдонаучных изысканиях. Не менее двухсот врачей участвовали в различного рода экспериментах, в ходе которых подопытными стали около семи тысяч узников различных концентрационных лагерей²⁸³. И это только приблизительная статистика, охватывающая ведущие концлагеря. Основные эксперименты были связаны с тремя направлениями: повышение возможностей выживания в критических

условиях (предполагалось, что это должно было помочь военным); тестирование новых препаратов и разработка новых методов лечения ран, полученных в ходе боевых действий; подтверждение расовых теорий нацистов.

Зигмунд Рашер, окончив свои опыты с давлением, приступил к новой серии экспериментов, направленных на исследование возможностей адаптации организма к экстремальным условиям охлаждения, по сути являвшихся продолжением «высотных» опытов. Их заказчиками были люфтваффе и войска СС. Военные хотели знать, какое влияние на организм летчиков и солдат оказывает переохлаждение и как наиболее эффективно бороться с его последствиями.

По всей вероятности, как и в первой серии экспериментов, Рашеру не доверили в одиночку проводить исследования. На первом этапе, с августа по октябрь 1942 года, он работал совместно с Эрихом Финке и под руководством профессора Эрнста Хольценера, а зимой и весной 1943-го — самостоятельно²⁸⁴. В опытах вынужденно приняли участие около трехсот узников, многие из них — неоднократно.

Жертвы помещались в специальный бассейн площадью четыре квадратных метра с водой минимальной температуры, в которую постоянно подкладывали лед. Узники были одеты в летнюю униформу, зимнюю или летнюю, с резиновым спасательным жилетом, либо погружались в резервуар обнаженными. Позднее Рашер отмечал в своем отчете: «...если подопытный помещался в воду под наркозом, можно было наблюдать эффект пробуждения. Субъект начинал стонать и совершал защитные движения. В некоторых случаях состояние возбуждения усиливалось. Особенно при охлаждении головы и шеи, но никогда не было полного прекращения действия наркоза. Защитные движения прекращались через пять минут. Дальше следовало прогрессирующее обморожение...» Эксперименты без наркоза не показывали «существенных различий» в процессе охлаждения²⁸⁵.

Одним из наиболее бесчеловечных был эксперимент над двумя русскими военнопленными, о котором стало известно в ходе послевоенных судебных разбирательств по делу нацистских врачей. После двухчасо-

вого пребывания в ледяной воде узники были в полном сознании, и Рашер, заинтересовавшись, как долго они смогут оставаться в живых, угрожая пистолетом своему помощнику, запретил ему извлекать «подопытных» из воды или делать укол наркоза. В итоге оба заключенных умерли, пробыв в воде не менее пяти часов²⁸⁶.

Когда зимой 1942 года Рашер приступил к собственным экспериментам по переохлаждению, его интересовало в первую очередь «сухое» замерзание. Узников заставляли находиться на морозе голыми до четырнадцати часов кряду. Один из участников экспериментов был привязан к носилкам и оставлен ночью на улице, при этом на него каждый час выливали ведро холодной воды²⁸⁷. Обморожения вызывали у людей настолько сильные боли, что их крики и призывы о помощи были слышны не только в лагере, но и в округе. Стремясь скрыть от посторонних глаз свои зверства, Рашер в одном из писем обращался к Гиммлеру с просьбой перенести свои опыты в Аушвиц: «Освенцим во всех отношениях больше подходит для подобных серийных опытов, чем Дахау, так как там холоднее и благодаря величине территории самого лагеря к опытам будет привлечено меньше внимания (подопытные лица вопят, когда слишком мерзнут)»²⁸⁸.

Чтобы выяснить наиболее эффективные методы борьбы с переохлаждением, нацистские врачи применяли различные средства. Наиболее успешным являлось погружение в очень горячую воду. Однако по личной инициативе Гиммлера, который был в курсе всех проводившихся экспериментов, Рашер использовал для отогревания узников заключенных-цыганок, специально доставленных из Равенсбрюка. Как и следовало ожидать, никакого эффекта подобный метод спасения обмороженных людей не дал.

К октябрю 1942 года — моменту официального окончания эксперимента — в его ходе погибли 18 заключенных. На специальной конференции в Нюрнберге по итогам совместных экспериментов Рашера, Хольценера, Финке был представлен научный доклад. Но, как и в случае с «высотными» опытами, Рашер продолжил эксперименты по своей инициативе, уже после отъезда из Дахау коллег. К декабрю инициативность Рашера стоила жизни еще шестидесяти пяти узникам²⁸⁹.

На узниках проводилось тестирование новых препаратов и новых методов лечения ранений. Врачи того же Дахау пытались изобрести вакцину против малярии. С февраля 1942 года по апрель 1945-го их подопытными стали свыше 1200 человек. Около трех десятков узников умерли непосредственно от заражения, еще как минимум 300—400 погибли в результате возникших осложнений²⁹⁰. Этими опытами руководил не авантюрист Рашер, а известный специалист в области тропической медицины, убежденный, что его действия идут на пользу всему человечеству, Клаус Шиллинг, специально возвращенный Гиммлером из Италии, где он экспериментировал над душевнобольными. Здоровых узников преднамеренно заражали малярией посредством укусов moskitov либо инъекциями инфицированной крови. Для лечения заболевших в различных дозах применялись не только уже распространенные препараты — пирамидон, неосальварсан, но и экспериментальные лекарства, использование которых нередко приводило к летальным исходам. На послевоенном судебном процессе в отношении врачей был допрошен бывший подопытный узник Август Вивег:

«— Когда вы были узником в концентрационном лагере, вы когда-либо подвергались медицинским экспериментам?

— Я использовался для экспериментов по изучению малярии, проводившихся профессором Шиллингом в концлагере Дахау.

— Как долго вы подвергались экспериментам Шиллинга?

— Пять раз я получил инъекции по пять кубических сантиметров высокоинфекционной малярией крови.

— Будьте так добры, скажите трибуналу, какой эффект эти эксперименты оказали на вас; то есть были ли у вас высокая температура, тяжелая болезнь и т. д.?

— Довольно часто у меня была высокая температура. Я находился в состоянии истощения, и после инъекции я получил большие дозы медицинских наркотиков “хинина”, “эфедрина” и многих других. Я был прикован к постели в течение многих недель, и после одного курса лечения было 20—26 случаев повторных приступов малярии, в течение 1943—1946 годов, в результате в течение долгого времени я был не в состоянии работать.

— В настоящее время бывают ли у вас рецидивы малярийной лихорадки?

— В прошлом году я вновь был в больнице с 1 по 15 августа с приступами малярии.²⁹¹

Опытами по изучению эффективности лекарственных препаратов занимался и профессор, личный врач Гимmlера Карл Гебхардт. Началось всё, когда Гебхардту было поручено спасение жизни руководителя Главного управления имперской безопасности Рейнгардта Гейдриха после покушения.

Оказавшись у постели прооперированного Гейдриха, Гебхардт отказался не только от повторной операции, но и от лечения сульфаниламидами — антибактериальными препаратами, применявшимися для борьбы с различными инфекционными заболеваниями. Как он позднее отмечал, причиной отказа стала его личная медицинская практика, якобы показывавшая неэффективность препаратов данной группы при лечении огнестрельных ран. Отверг он и рекомендацию личного врача Гитлера Теодора Морелля использовать один из препаратов группы сульфаниамидов — улыграсепт, так как в его распространении Морелль имел личные финансовые интересы²⁹². Однако классические методы лечения не помогли — Гейдрих впал в кому и скончался от заражения крови. Гебхардт же был вынужден искать пути спасения своей репутации. Чтобы парировать критику своих оппонентов, он решил экспериментальным путем доказать неэффективность сульфаниамидов.

Однако официальная цель эксперимента была сформулирована иначе. Поскольку зимой 1941/42 года на Восточном фронте вермахт понес значительные людские потери от сепсиса и гангрены, важно было установить, какой из методов лечения газовой гангрены — химиотерапия или хирургическое вмешательство — наиболее эффективен. Немецкие врачи по-прежнему делали ставку на операционное вмешательство, вплоть до ампутации, тогда как пропаганда их противников сообщала о лечении раненых сульфаниламидами как о панацее.

К этому времени Гебхардт был уже прекрасно осведомлен об опытах в концентрационных лагерях. Более того, рядом с его госпиталем в Хоэнлихене располагался женский лагерь Равенсбрюк. Именно в Равенсбрюке

в июле 1942 года Гебхардт и начал проводить эксперименты, продолжавшиеся вплоть до августа 1943-го. Его подопытными стали 74 абсолютно здоровые польки, в большинстве от двадцати до тридцати лет, прибывшие в Равенсбрюк специальными эшелонами, состоявшими из участниц Сопrotивления²⁹³. Непосредственными результатами опытов стала смерть пяти женщин и расстрел шести узниц с еще не зажившими ранами²⁹⁴. Остальные «кролики» (вероятно, такое название использовалось по ассоциации с подопытными животными), на всю жизнь оставшиеся инвалидами, выжили во многом благодаря опеке со стороны других узниц, которые не только помогали едой и медикаментами, но и прятали их от лагерного руководства, стремившегося отправить ненужных свидетелей своих преступлений в газовую камеру²⁹⁵.

Отобранным для операций женщинам Гебхардт и его подручные вводили в искусственно созданные раны гнойные бактерии разного рода, а для большего эффекта помещали фрагменты древесины и осколки стекла. С каждым разом инфицирование было всё более сильным и болезненным. После окончания операции к женщинам не разрешали приближаться другим заключенным. Ухаживали за ними лишь специально подготовленные медсестры. По сведениям узниц, прооперированным не давали никаких обезболивающих средств, тогда как даже лагерные собаки, подвергавшиеся операциям, в течение пяти дней получали морфий²⁹⁶.

Кроме экспериментов с сульфаниламидами под руководством Гебхардта проводились операции, связанные с областью его профессиональных интересов — ортопедией: врачи ломали узницам кости ног, наблюдая за процессом регенерации, удаляли или пересаживали части костей, заставляли носить специальные ортопедические приспособления²⁹⁷.

В 1943 году профессор Гебхардт и его ассистент доктор Фишер представили результаты проведенных ими экспериментов в Медицинской академии Берлина²⁹⁸. В содержании доклада, преуменьшавшего эффективность сульфаниамидов при лечении газовой гангрены, подчеркивалась ведущая роль хирургического вмешательства без упоминания о том, что опыты проводились на женщинах концентрационного лагеря Ра-

венсбрюк. По итогам исследований Карл Гебхардт был награжден вторым Железным крестом²⁹⁹ и полностью реабилитирован в глазах нацистской элиты, в том числе своего главного пациента Генриха Гиммлера.

Но если эксперименты по выяснению эффективности лекарств, вакцин и выяснению возможностей человека имели своей целью разработку отдельных средств, призванных ускорить победу во Второй мировой войне, то третья группа медицинских экспериментов была нацелена на создание масштабного оружия, позволившего бы нацистам реализовать свою расовую концепцию и окончательно победить в глобальном противостоянии с «неарийским» миром. Одним из характерных примеров являлись опыты Карла Клауберга и Хорста Шумана по стерилизации. Рейхсфюрер СС был чрезвычайно заинтересован в изобретении дешевого и массового метода стерилизации, который мог бы быть применен в отношении врагов Третьего рейха, в первую очередь евреев и славян, уничтожая саму возможность продолжения рода представителей этих наций, при этом не убивая их, а продолжая эксплуатировать какое-то время в качестве рабов. Известная же медицине хирургическая стерилизация оценивалась нацистскими вождями как слишком медленная и чрезмерно дорогая. Среди врачей, которые приступили к поиску оптимального метода стерилизации, оказались названные выше Карл Клауберг — известный профессор гинекологии, член НСДАП и СС, и также Хорст Шуман, участвовавший в операциях «Т4» и «14f13» — нацистской программе уничтожения умственно отсталых, психически больных немцев и не способных работать узников концлагерей.

Клауберг до 1942 года занимался изучением возможностей химической стерилизации, ставя опыты на животных в своем отделении больницы Кёнигсхютте. Лишь в мае 1942-го он обратился к Гиммлеру с просьбой разрешить ему использовать нескольких узниц концентрационного лагеря для осуществления «негативной демографической политики»³⁰⁰ — этим эвфемизмом нацисты обозначали массовую стерилизацию. 7 июля 1942 года он получил разрешение, а в январе 1943-го приступил к опытам в Аушвице³⁰¹. Он начал свои эксперименты в Биркенау, но уже в апреле убедил

руководство в необходимости выделения отдельного блока для проведения исследований. Так эксперименты Клауберга стали проводиться в блоке № 10, в основной части Аушвица.

В распоряжении врача постоянно находилось от 150 до 400 узниц — евреек из разных стран³⁰². Клауберг и его ассистенты без какой-либо анестезии вводили подопытным специальные химические препараты, навсегда делавшие женщин бесплодными.

В одном из писем Гиммлеру в июле 1943 года Карл Клауберг сообщал:

«Открытый мной способ достижения стерилизации женского организма без операции можно считать почти законченным разработкой. Стерилизация производится посредством лишь одной инъекции в шейку матки и может быть осуществлена при обычном гинекологическом обследовании, известном каждому врачу. Если я говорю, что способ «почти разработан», то это значит, что: 1) отработать нужно лишь его детали; 2) он уже сегодня может найти регулярное применение в наших обычных евгенических стерилизациях вместо операции и заменить последнюю.

Что касается вопроса, который Вы, рейхсфюрер, поставили мне почти год назад, а именно: за какое время было бы возможно стерилизовать таким образом тысячу женщин, то сегодня я могу на него ответить, учитывая перспективы. А именно: если проводимые мной исследования будут развиваться впредь, как и до сих пор (притом нет оснований предполагать, что этого не случится), то уже недалеко время, когда я смогу сказать: «Соответственно подготовленным врачом в соответствии оборудованном месте с 10 лицами подсобного персонала (численность подсобного персонала соответствует желаемому ускорению), весьма вероятно, несколько сот, если не вся тысяча, в день»»³⁰³.

Наряду с Клаубергом Хорст Шуман по распоряжению рейхсфюрера СС с осени 1942 года получил заказ на проведение экспериментов с целью выявления наиболее эффективного метода массовой стерилизации. Шуман должен был изучить возможность стерилизации рентгеновским излучением. Начав свою деятельность, как и Клауберг, в Аушвице, Шуман с помощью специальных установок облучал узников-евреев, как мужчин,

так и женщин. Подопытные испытывали нестерпимую боль, получали тяжелейшие ожоги и в некоторых случаях погибали от полученных увечий. Хотя данный метод был признан менее эффективным, чем операции, но эксперименты не были остановлены. Вслед за Клаубергом Шуман весной 1945 года в связи с приближением Красной армии к Аушвицу был перемещен в Равенсбрюк. В женском концлагере они вместе стерилизовали от 70 до 140 узниц³⁰⁴.

Инфернальный ужас происходивших в концлагерях экспериментов усугублялся еще и тем, что среди подопытных были дети. Большинство из них погибали, как только попадали в концлагерь. Хорхе Семпрун ярко описал судьбу еврейских детей, прибывших на одном из транспортов в Бухенвальд в 1944 году:

«И вот на платформе вокзала осталась только группа еврейских детей. Эсэсовцы вернулись с подкреплением, должно быть, получили точные инструкции, а может, им просто предоставили свободу действий, разрешив самим изобрести способ истребления еврейских детей. Так или иначе, они явились с подкреплением, ведя на привязи собак, громко гогоча и отпуская шуточки, от которых сами же покатывались со смеху. Построившись полукругом, они вытолкнули еврейских детей вперед. Я помню, как дети озирались вокруг, как смотрели на эсэсовцев, видно, думая вначале, что их сейчас поведут в лагерь, как только что повели взрослых. Но эсэсовцы спустили собак и стали колотить дубинками детей, чтобы заставить их бежать, чтобы устроить эту псовую охоту, эту травлю, которую они придумали, — а может, им приказали ее устроить, — и еврейские дети, осыпаемые ударами, — а собаки прыгали вокруг них, кусали их за ноги, не лая, не урча, это были вышколенные собаки, — еврейские дети бросились бежать по главной аллее к лагерным воротам. Быть может, в эту минуту они еще не поняли, что их ждет, быть может, они думали, что это просто последнее надругательство, а потом их впустят в лагерь. На детях были фуражки с громадными козырьками, надвинутые на самые уши. И дети бежали, неуклюже передвигая ногами, медленно и в то же время скачками, как это бывает в немых картинах или в кошмарах, когда ты бежишь что есть силы и не можешь сдвинуться с места, и то, от чего ты бежишь,

Захоронение останков детей. Рисунок Д. Олера. 1946 г.

вот-вот настигнет тебя — настигает, и ты пробуждаешься в холодном поту; и это что-то — свора собак и эсэсовцев, гнавшаяся за детьми, — вскоре настигло самых слабых из них, тех, кому было не больше восьми, а может, тех, кто был уже не в силах двигаться, — их сбили с ног, швырнули наземь, растоптали, и их тощие тела, оставшиеся на широкой аллее, точно веши, отмечали путь своры, мчавшейся за ними по пятам. И вскоре их осталось только двое — большой и маленький; во время этого отчаянного бега они потеряли свои фуражки, их глаза на серых лицах блестели как осколки стекла, и младший начал отставать; за их спиной улюлюкали эсэсовцы, собаки, разъяренные запахом крови, тоже начали рычать, и тогда старший из детей замедлил бег — он взял за руку малыша, который уже спотыкался, и так они прошли еще несколько метров вместе — правая рука старшего сжимала левую руку малыша, — глядя прямо перед собой, пока удары дубинок не сбили обоих с ног. И они упали ничком на землю, навеки стиснув друг другу руки. Эсэсовцы подозревали рычавших собак и двинулись в обратном направлении, к платформе, на ходу в упор стреляя в головы детей, валявшихся на главной аллее под пустым взглядом гитлеровских орлов»³⁰⁵.

Но иногда дети оказывались нужны нацистам для их извращенных целей. Именно за свои опыты на маленьких, беззащитных узниках приобрел печальную известность Йозеф Менгеле. Он даже получил зловещее прозвище «Ангел смерти» — и не только за то, что решал судьбы вновь прибывших заключенных, одним взмахом руки в кожаной перчатке отправляя заключенных в газовую камеру или оставляя мучиться в лагере. Он представлялся узникам порождением зла, забирающим жизни их детей. И в этом прозвище, увы, была большая доля правды. Хотя в Аушвице Менгеле проводил эксперименты в самых разных областях, больше всего его интересовали именно опыты на детях.

В начале 1944 года он приступил к экспериментам на близнецах, целью которых могло быть как доказательство превосходства «арийской расы», так и попытка взломать генетический код, чтобы использовать эту информацию для увеличения рождаемости «арийцев». Он действовал в рамках исследовательских задач, поставленных его учителем бароном фон Фершуэром, ко-

торый еще в 1935 году заявлял о необходимости изучения генетики близнецов. С началом же экспериментов Менгеле в Аушвице профессор Фершуэр активно поддерживал своего ученика, регулярно получал от него отчеты и «интересные экспонаты»³⁰⁶.

Менгеле отбирал близнецов в возрасте до шестнадцати лет сразу же по прибытии новых транспортов в Биркенау. Одна из свидетельниц отмечала: «...погрузившись в реку прибывших венгерских евреев, он шел и кричал: "Близнецы, выходите!" ... с таким лицом, как будто он был безумен»³⁰⁷. После отбора близнецы получали специальные номера, которые вместе с буквами "ZW" татуировались на их руках. Они размещались в специальных отдельных блоках с улучшенным питанием³⁰⁸. Сам Менгеле, появляясь среди детей, лицемерно изображал доброго взрослого, зачастую раздавая сладости. Нередко, чтобы не вызывать несвоевременной паники, вместе с детьми в барак оставляли их матерей. Но как только наступал день проведения опытов, матерей разлучали с детьми и отправляли в основной лагерь.

Большую часть экспериментов Менгеле проводил в специальном блоке в Биркенау, к которому никто из заключенных не имел права приближаться. Эксперименты начинались с измерения антропологических данных детей, которое он зачастую проводил самостоятельно и очень методично. У и без того изможденных детей неоднократно брали кровь, что приводило к еще большему их истощению и физическому ослаблению. В дальнейшем в ходе экспериментов Менгеле мог наблюдать за реакцией организма одного из детей в случае, если другому ампутировали конечность. Он мог переливать кровь одного ребенка, зараженного, например, тифом, другому или пытаться сшить детей друг с другом. Всё это приносило его «подопытным» невероятные страдания. Менгеле отдельно изучал гетерохромию — различие в окраске радужных оболочек глаз. Пытаясь изменить их цвет, Менгеле впрыскивал в глаза живых детей химические препараты. Нередко после гибели маленьких жертв экспериментов Менгеле их глаза специальной посылкой отправлялись в Берлин для дальнейшего изучения³⁰⁹. Если один из близнецов уми-

---

* От нем. Zwillinge — близнецы.

рал, то второго убивали, чтобы сравнить данные вскрытия. Для этого был оборудован специальный кабинет патологоанатома, которым являлся Миклош Нисли — венгерский врач-еврей, ставший вынужденным свидетелем преступлений, в том числе случаев, когда детей, на которых были проведены опыты, Менгеле умерщвлял инъекцией хлороформа в сердце³¹⁰. Оставшиеся после экспериментов в живых через некоторое время отправлялись в газовую камеру. Точное количество близнецов, пострадавших от рук Менгеле, неизвестно. По некоторым данным, их было не менее девятисот человек³¹¹.

Описанные эксперименты, как и те, о которых не было упомянуто, — лишь вершина огромного айсберга, подводная часть которого во многом так и осталась скрытой. О значительной части экспериментов, осуществлявшихся по личной инициативе лагерных врачей в собственных псевдонаучных целях, практически ничего не известно. Мало сведений и об экспериментах, проводившихся в концлагерях на оккупированных территориях СССР. Пожалуй, наиболее часто упоминаются факты отбора крови у детей в лагере Саласпилс³¹², о чем свидетельствовали не только взрослые узники лагеря, но и сами дети:

«Через несколько дней солдаты всех группами выводили из барака и вели через двор в больницу. Там нас выстроили в очередь. Аню я держала на руках. Мы не знали, что с нами будут делать. Потом пришел немецкий доктор, большой и сердитый, и другой немец. Я не видела, что они делают впереди, но какая-то девочка вдруг стала плакать и кричать, а доктор топал ногами. Когда я подошла поближе к нему, то увидела, что он втыкает в руку около локтя девочкам и мальчикам длинную иглку и по трубочке в поставленную стеклянную толстую трубку набирает кровь. От каждого из нас он набирал полную трубку нашей крови. Увидя это, я тоже стала плакать и кричать. Мне было очень страшно; когда подошла моя очередь, доктор вырвал Аню из рук и положил на стол. При этом доктор воткнул мне в руку иглу и, когда набрал полную стеклянную трубку, отпустил меня и стал брать кровь у моей сестрички Ани. Я стала кричать и плакать. Немец посмотрел на нас и что-то сказал. Мы не поняли, а солдат, стоявший рядом, засмеялся и сказал по-русски: "Господин врач говорит,

чтобы вы не плакали, девочка всё равно умрет, а так от нее хоть какая-нибудь будет польза». Потом через день нас снова повели к врачу и опять брали кровь. Помню, что в неделю четыре раза водили к врачу и брали кровь. Скоро Аня умерла в бараке. У нас все руки были в уколах. Мы все болели, кружилась голова, каждый день умирали мальчики и девочки»³¹³.

К какому количеству детских смертей привел отбор крови, точно неизвестно. По мнению узников и советских следственных органов, целью подобных действий нацистов было обеспечение немецких военных госпиталей донорской кровью для раненых солдат. У взрослых узников также принудительно изымалось большое количество крови (до тысячи кубических сантиметров)³¹⁴. Однако, учитывая характер деятельности немецких врачей в концлагерях, вполне вероятно, что они могли преследовать и иные цели. По свидетельствам бывших узников, больным детям в прямую кишку вводился какой-то раствор, после чего у всех детей опухали и краснели глаза, они сильно худели и умирали³¹⁵. Возможно, деятельность врачей в Саласпилсе была связана с рижским Институтом гигиены под руководством доктора Плюдау. В его состав входили бактериологическая лаборатория, дезинфекционная станция, отделение гигиены³¹⁶. По данным свидетелей, в июне 1943 года в институт из Рижского гетто для проведения опытов были отправлены четверо евреев. Какие именно эксперименты осуществляли над ними медики, неизвестно. Но чтобы замести следы, нацисты в очередной раз прибегли к убийству — после возвращения из института узники были расстреляны³¹⁷.

На послевоенном судебном процессе по делу нацистских врачей, проходившем в 1946—1947 годах, ни один из обвиняемых не принес извинения за свои преступления. Они заявляли, что участие в экспериментах было добровольным, что заключенные были приговорены к смерти и поэтому им было нечего терять и что, более того, благодаря немецким врачам обреченные люди получали шанс выжить. Сами же медики якобы ничего не решали, а были лишь вынужденными исполнителями приказов руководства.

Однако следствие в большинстве случаев доказало, что подобные аргументы обвиняемых и их защитников

были ложными. Подавляющая часть врачей, участвовавших в экспериментах над людьми, либо инициировали их, либо без возражений согласились их проводить. В обоих случаях ведущим мотивом становились возможность научных открытий и как следствие — продвижение по карьерной лестнице. Но так или иначе они еще до попадания в лагеря знали, чем будут заниматься, и сделали свой выбор. Этот выбор был основан на принятой ими новой морали, морали национал-социализма, в которой совесть, как говорил Геринг, — это Адольф Гитлер. Согласно этой морали одни уже по факту своего рождения имели право на уничтожение других. Первые — арийцы-демиурги, создатели «нового мира», вторые — «недочеловеки», «материал», который может быть как угодно использован на благо «сверхчеловечества». Нацистские врачи считали, что узники, эти «люди второго сорта», должны быть счастливы оттого, что им дали возможность участием в экспериментах искупить свою вину перед рейхом и нацией. Клятва Гиппократа, еще в довоенное время превратившаяся в формальность, приобретала новый смысл. Главный ее постулат — «не навреди» — теперь имел отношение только к избранным. Всех остальных ждали страдания и гибель во имя эфемерного счастья Третьего рейха.

Программа «14f13»

Будущий лауреат Нобелевской премии мира, а в 1944 году узник Аушвица Эли Визель описал одну из лекций, проводившихся лагерными врачами, в которой ему пришлось принять участие:

«— Внимательно выслушайте то, что я вам сейчас скажу. (Я впервые услышал, как дрогнул его голос.) Через несколько секунд начнется селекция. Вы должны будете раздеться. Потом пройдете друг за другом перед эсэсовскими врачами. Я надеюсь, что для всех вас это окончится благополучно. Но вы сами должны помочь успеху. Прежде чем войти в соседнюю комнату, немного разомнитесь, чтобы хоть чуть-чуть порозовело лицо. Не идите медленно, бегите! Бегите так, будто за вами гонится сам черт! Не смотрите на эсэсовцев. Бегите прямо вперед.

Он замолчал на секунду и потом добавил:

— А главное — не бойтесь!

Вот этому совету нам бы очень хотелось последовать — если бы удалось.

Я разделся, оставив вещи на койке. В этот вечер можно было не опасаться, что их украдут.

Тиби и Йосси, которые одновременно со мной сменили бригаду, подошли ко мне:

— Давай держаться вместе. Так мы будем сильнее.

Йосси бормотал что-то сквозь зубы. Должно быть, молился. Я раньше не знал, что он верующий. Я даже был уверен в обратном. А Тиби, очень бледный, молчал. Все заключенные нашего блока стояли голые между койками. Именно так, наверное, и стоят в день Страшного суда.

— Идут!

Три офицера СС окружали знаменитого доктора Менгеле, того самого, который принимал нас в Биркенау. Староста блока, сияясь улыбнуться, спросил нас:

— Готовы?

Да, мы были готовы. Эсэсовские врачи тоже. Доктор Менгеле держал список с нашими номерами. Он дал знак старосте: "Можно начинать!" Как будто это была игра.

Сначала должна была пройти "элита" блока: Stubenälteste*, капо, бригады, — естественно, все они были в хорошей форме. Потом пришел черед рядовых заключенных. Доктор Менгеле оглядывал всех с головы до ног, время от времени записывая какой-нибудь номер. У меня была только одна мысль: не дать записать свой номер, не показывать ему левую руку.

Передо мной оставались только Тиби и Йосси. Они прошли благополучно. Я успел заметить, что Менгеле не записал их номера. Кто-то толкал меня. Моя очередь. Я кинулся бежать, не глядя по сторонам. А в голове навязчиво звучало: ты слишком тощий, слишком слабый... ты годишься только для крематория... Мне казалось, что я бегу бесконечно долго, уже много лет... Ты слишком тощий, слишком слабый... Наконец, совершенно обессиленный, я добежал. Переводя дух, я спросил Тиби и Йосси:

---

* Старший по штубе, штубовый (нем.).

— Меня записали?

— Нет, — сказал Йосси. И добавил с улыбкой: — Это было бы в любом случае невозможно: ты бежал слишком быстро...

Я рассмеялся. Я был счастлив. Я готов был всех расцеловать. В эту минуту другие меня не интересовали! Меня не записали!

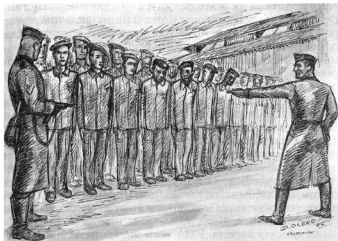
Те, чьи номера отметили, держались в стороне, все-таки покинутые. Некоторые из них молча плакали»³¹⁸.

Массовое убийство больных заключенных концлагерей весной 1941 года стало первой масштабной акцией уничтожения в рамках лагерной системы Третьего рейха, получившей кодовое название «14f13». Она была продолжением программы эвтаназии, осуществлявшейся нацистами вне концлагерей. В лагерях жертвами этой программы должны были стать не только психически больные люди, но и все нетрудоспособные узники, которых руководство рейха считало ненужным «балластом» при решении экономических задач, поставленных перед концлагерной системой.

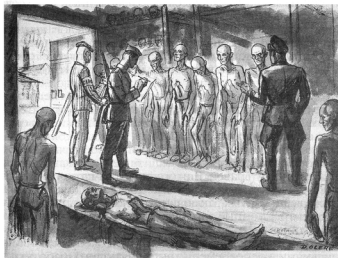
Третьего апреля 1941 года врачи комиссии «Т4» впервые прибыли в концентрационный лагерь Заксенхаузен. В течение года несколько специальных медицинских комиссий посетили еще как минимум девять концлагерей: Аушвиц (лето 1941 года), Бухенвальд (июль, ноябрь 1941-го), Маутхаузен (август 1941-го), Дахау (сентябрь 1941-го), Равенсбрюк (ноябрь 1941 года, январь 1942-го), Флоссенбург (конец 1941-го), Нидерхаген (начало 1942-го), Гросс-Розен (январь 1942-го), Нойенгамме (апрель 1942 года).

Отобранные комиссией узники через несколько дней или недель после медицинского «осмотра» были депортированы в специальные центры эвтаназии — Бернбург, Зонненштайн, Хартхейм — и убиты там с помощью окиси углерода (угарного газа). Весной 1942 года в связи с общественным резонансом эта акция была ограничена, а в 1943-м завершена. Но в результате как минимум 10 тысяч человек (а возможно, и 20 тысяч) стали жертвами масштабных спланированных убийств, в которых ведущую роль снова играли врачи.

Одна из таких комиссий состояла всего из двух врачей: Фридриха Меннеке и Теодора Штейнмайера. Благодаря переписке Меннеке с женой можно восстановить

Селекция. Селекция в газовую камеру. Рисунки Д. Олера. 1945 г.

многие детали их деятельности. Приехав в Берлин 2 апреля 1941 года, врачи еще ничего не знали о том, какая работа им предстоит. Лишь на следующий день, когда их доставили в Заксенхаузен, они были проинформированы о своих обязанностях Вернером Хейде — профессором неврологии и психиатрии и по совместительству одним из координаторов программы эвтаназии.

Уже 4 апреля Меннеке писал супруге: «Наша работа очень, очень интересна. Сегодня работали одни — я и Штейнмайер, профессор Хейде уехал в Литцманштадт. Так как только мы вдвоем должны осмотреть примерно 400 узников, продолжалось это, вероятно, несколько дольше, и еще не ясно, можем ли мы уезжать уже в среду... Я набираюсь здесь во время работы нового опыта, и очень хорошо, что мы с доктором Штейнмайером делаем эту работу одни! Остальное я должен рассказать тебе устно»³¹⁹.

Седьмого апреля 1941 года к Меннеке и Штейнмайеру присоединился еще один врач, Отто Хебольд. Вместе они исследовали психически больных, раненых узников, заключенных с физическими недостатками. В дальнейшем к этим категориям стали добавлять и здоровых — «политических» заключенных и евреев. Служащие СС помогали врачам, заранее готовя списки узников, которые должны быть «обследованы». За деятельностью комиссии могли наблюдать представители администрации и даже коменданты. Эсэсовцы участвовали в конвоировании узников в центры уничтожения.

Среди заключенных ходили слухи, что обследованные больные будут переведены в больницу или санаторий. Эти слухи поддерживались нацистами. Поведение врачей не ассоциировалось узниками с убийством. В надежде, что им удастся сбежать из концентрационного лагеря, многие симулировали болезнь и оказывались «на приеме» у врачей. В итоге люди, ничего не боясь и ни о чем плохом не задумываясь, шли на смерть. Когда же вещи убитых заключенных стали возвращаться в концентрационные лагеря, остававшимся там узникам стало понятно, что за «санатории» ждали уехавших.

А Меннеке продолжал засыпать жену нежными письмами и одновременно выполнять свою «работу» по отправке людей на смерть:

«Ораниенбург, 7.4.41
23.40
Директор
д-р мед. Фр. Меннеке
специалист по неврологии
и психиатрии

Милая мамочка!

Начинаю мое последнее письмо первой эпохи КЛ (то есть концлагерей. — С. А.), которое, впрочем, не буду отправлять, а привезу тебе с собой. Только что закончил статистическую сводку обследованных мной заключенных, пока числом 109 человек. Завтра напоследок поступят еще 25—30. Я придаю особое значение этим данным в смысле последующего научного использования, потому что речь идет исключительно об «антиобщественных» — причем в наивысшей степени — элементах. Так что, прежде чем сдать бланки, я выписываю себе все важные сведения. Завтра предстоит обследовать еще 84 заключенных. Поскольку с сегодняшнего дня с нами третьим работает г-н д-р Хебольд (врач лечебницы в Эберсвальде), на каждого придется всего примерно 26 заключенных. Надеюсь, мы закончим достаточно рано и я уже завтра смогу отправиться домой...

Окончательного плана я сегодня вечером еще не смогу составить; сперва надо закончить работу!! Сегодня вечером ресторан здесь внизу был набит битком — заседали ораниенбургские владельцы трактиров с женами, так что было слишком людно и шумно, чтобы сидеть внизу, читать или писать. Поэтому после 8-часовых новостей я удалился в свою комнату с бутылкой «Писпортер Фалькенберг» 1937 г. — И вот полночь, и всё путем. Ничего существенно нового с Юго-Восточного фронта служба новостей пока не сообщила, но, может быть, завтра возьмут Белград — надеюсь!! Мы подождем!! Я купил прекрасные карты; можно будет теоретически следовать за продвижением фронта. — На этом, любовь моя, заканчиваю, глазки уже не смотрят и того и гляди закроются... Но сначала подтверждаю, что получил твое милое письмо, которое, наконец, попало ко мне в руки только в 18.00 в отеле «Дойчес Хаус». Огромное, горячее спасибо, моя милая ма!

увеличивалось в результате действий специальных подразделений СД, отбиравших среди военнопленных евреев и политруков и убивавших их.

Только в районе Киева группой армий «Юг» к концу сентября 1941 года было взято в плен около 665 тысяч советских солдат. Наиболее крупными местами их убийств и захоронений стали поселок Дарница и его окрестности, а также печально известный Бабий Яр. После освобождения Киева Чрезвычайная государственная комиссия, «основываясь на результатах судебно-медицинских исследований извлеченных трупов, на изучении материалов следствия и принимая во внимание количественные показатели трупов в разрытых ямах-могилах, а также данные обследования участков территории массовых погребений», пришла к выводу:

«В указанных выше пунктах поселка Дарница и его окрестностях количество трупов военнопленных и других советских граждан, умерщвленных и погибших в период временной оккупации немцами, исчисляется свыше 68 тыс., распределяясь следующим образом:

- а) на территории леса, около большого лагеря — 11 тыс. трупов,
- б) на кладбище и прилегающих к нему участках — 40 тыс. трупов,
- в) в других местах Дарницы и ее окрестностей — 17 тыс. трупов»³²².

В Бабьем Яре осенью 1941 года и зимой 1941/42 года было захоронено около двадцати тысяч советских военнопленных, убитых или умерших от голода и болезней³²³. Они стали второй по численности категорий жертв (после евреев), уничтоженных и захороненных в оврагах Бабьего Яра.

Концентрационные лагеря рейха также должны были принять участие в массовом уничтожении не только «политруков», но и простых советских военнопленных. Коменданты были оповещены Инспекцией концентрационных лагерей об этой акции. Одним из главных центров стал Заксенхаузен. В сентябре 1941 года там оказались первые советские военнопленные, которых без регистрации отправляли в специальный барак. Там их ждали эсэсовцы, переодетые в белые халаты врачей. Они приказывали узникам раздеться догола и осматри-

вали их рты на предмет наличия золотых коронок. Если коронки обнаруживали, на теле военнопленного масляной краской ставился крест. После этой процедуры жертв отправляли в другую комнату якобы для измерения роста. Их ставили к мерной рейке, которая фиксировала голову у стены. В стене, на уровне затылка, находилось отверстие, прикрытое задвижкой. После того как пленный поворачивался спиной к стене, задвижка отворялась, и из отверстия раздавался выстрел — в соседней звуконепроницаемой комнате находились эсэсовцы, осуществлявшие расстрел. Перед тем как в комнату входила новая жертва, труп убирали, не забыв вырвать золотые коронки, и приводили помещение в порядок.

О деталях организации этих массовых убийств рассказал один из ее непосредственных исполнителей — эсэовец Пауль Вальдман:

«От вокзала до лагеря русские военнопленные шли около одного километра. В лагере они оставались на одну ночь без питания, и на следующий вечер их уводили на экзекуцию. Заключенных непрерывно возили из внутреннего лагеря на грузовых машинах, одну из которых водил я. Внутренний лагерь был удален от двора экзекуции приблизительно на $1\frac{3}{4}$ км. Сама экзекуция происходила в бараке, который незадолго до этого был специально переоборудован.

Одно помещение было предназначено для раздевания, а другое для ожидания, играло радио с довольно громкой силой, что делали для того, чтобы заключенные не могли заранее догадаться, что их ожидает смерть. Из этого помещения они поодиночке шли через проход в маленькое отгороженное помещение, на полу которого была железная решетка, под которой был сделан сток. Как только военнопленного убивали, его уносили двое немецких заключенных, и решетка очищалась от крови. В этом небольшом помещении имелся прорез, приблизительно 50 см. Военнопленный становился затылком к щели, и стрелок, находящийся за щелью, стрелял в него. Это устройство практически не удовлетворяло, так как часто не попадали в пленных. Через 8 дней было произведено новое устройство. Военнопленного, так же как и раньше, ставили к стене, потом на его голову медленно спускали

железную плиту. У военнопленного было впечатление, будто хотят измерить его рост. В железной плите имелся ударник, который спускался и ударял заключенному в затылок. Он падал замертво. Железная плита управлялась с помощью ножного рычага, который находился в углу этого помещения. Обслуживающий персонал был из упомянутой зондеркоманды. По просьбе чиновников экзекуционной команды мне тоже приходилось обслуживать этот аппарат. Умерщвленные таким образом военнопленные сжигались в 4-х передвижных крематориях, которые были устроены на прицепе автомашины. Мне приходилось беспрерывно ездить из внутреннего лагеря в экзекуционный двор. В ночь я должен был сделать 10 поездок с перерывом минут на 10. В этот перерыв я был свидетелем исполнений экзекуционной комиссии. Один из служащих экзекуционной команды, фамилию которого я никогда не знал, предложил мне обслуживать аппарат. Я с этим согласился. В перерыве я каждый раз убивал 8—10 человек. В одну ночь мной уничтожилось 80—100 человек. А за время экзекуции мной лично уничтожено 2400—3000 русских военнопленных, часть из которых выстрелом из пистолета и часть при помощи описанного аппарата»³²⁴.

Это был очередной кровавый спектакль, разыгранный СС. Псевдоврачи в белых халатах, обманывавшие жертв, названия и оформление комнат — «душевая», «кабинет врача» — должны были успокоить людей и не вызвать у них никаких подозрений. Хорхе Семпрун, ставший очевидцем подобных убийств советских офицеров, писал: «...поняв этот фарс с душем и куском мыла, вы поймете психологию эсэсовцев. Впрочем, совершенно незачем понимать эсэсовцев — эсэсовцев надо просто уничтожать»³²⁵.

Акция по уничтожению советских военнопленных была признана успешной, и Заксенхаузен стал центром обучения комендантов, которых Инспекция концентрационных лагерей обязала присутствовать на этих убийствах, чтобы «перенять опыт» и организовать подобное у себя. Осенью 1941 года такие же акции были проведены в Бухенвальде, Аушвице и Флоссенбурге. Более того, методы убийств стали совершенствоваться: в Гросс-Розене применяли инъекции яда, а

в Аушвице пошли еще дальше — в августе 1941 года для убийства советских военнопленных впервые использовали «Циклон Б». Второй раз это произошло 3 сентября — тогда жертвами стали 600 советских военнопленных, 250 польских больных узников и 10 поляков-штрафников. Это массовое отравление как бы символизировало объединение двух акций — эвтаназии и уничтожения «комиссаров». Комендант Аушвица Хёсс впервые присутствовал при этой процедуре и в мемуарах оставил описание происходившего: «Я сам наблюдал за убийством, надев противогаз. Смерть в переполненных камерах наступала тотчас же после вбрасывания [«Циклона Б»]. Краткий, сдавленный крик — и всё кончалось. Первое удушение людей газом не сразу дошло до моего сознания, возможно, я был слишком сильно впечатлен всем процессом. Более глубокий след в моей памяти оставило происшедшее вскоре после этого удушение 900 русских в старом крематории, поскольку использование блока 11 требовало соблюдения слишком многих условий. Во время разгрузки были просто сделаны многочисленные дыры в земле и в бетонной крыше морга. Русские должны были раздеться в прихожей, а затем они совершенно спокойно шли в морг, ведь им сказали, что у них будут уничтожать вшей. В морге поместился как раз весь транспорт. Двери закрыли, и газ был всыпан через отверстия. Как долго продолжалось убийство, я не знаю. Но долгое время еще был слышен шум. При вбрасывании некоторые крикнули: "Газ!", раздался громкий рев, а в обе двери изнутри стали ломиться. Но они выдержали натиск. Лишь спустя несколько часов двери открыли и помещение проветрили. Тут я впервые увидел массу удушенных газом. Меня охватило неприятное чувство, даже ужас, хотя смерть от газа я представлял более страшной. Снова и снова я представлял муки удушаемых»³²⁶.

К ноябрю 1941 года, когда акция уничтожения «комиссаров» была закончена, в концлагерях Третьего рейха было убито по меньшей мере 34 тысячи советских военнопленных. После этого перед «механиками» отлаженной «машиной смерти» была поставлена новая задача, ранее еще никогда не ставившаяся, — полностью уничтожить евреев и цыган.

Задачи истребления евреев и цыган на оккупированных территориях сначала решались нацистами вне концентрационных лагерей. Особую роль в этом процессе играли специальные карательные отряды — айнзатцгруппы, подчинявшиеся РСХА и после вторжения в СССР начавшие осуществлять политику геноцида на захваченных территориях. За все время деятельности айнзатцгрупп на оккупированных советских землях ими было уничтожено как минимум 600—700 тысяч евреев и 30 тысяч цыган³²⁷.

В декабре 1941 года на территории Польши начал функционировать первый центр уничтожения в Хелмно (Кульмхоф), использовавший для убийства не менее 150 тысяч человек, в подавляющем большинстве евреев, специальные грузовики-душегубки. С июля 1942 года по октябрь 1943-го в ходе «операции Рейнгардт» в трех специально построенных центрах уничтожения — Бельжеце, Собиборе и Трешлинке — газом были уничтожены полтора миллиона евреев и 50 тысяч цыган из нескольких округов Генерал-губернаторства.

Но и система концентрационных лагерей не осталась в стороне. Массовые убийства «расово неполноценных» узников происходили в двух концлагерях — Аушвице и Люблине-Майданеке. И хотя они были несопоставимы по количеству жертв (в этом смысле ничто не могло сравниться с Аушвицем-Биркенау), тем не менее в обоих нацистами достигалась одна цель.

Массовое уничтожение европейских цыган в Аушвице-Биркенау стало проводиться с начала 1942 года. В феврале 1943-го в Биркенау была выделена специальная секция, получившая название «цыганский лагерь», куда были помещены цыгане, депортированные из Германии, Австрии, Протектората Богемии и Моравии. Большая их часть — около тринадцати тысяч человек — погибли от антисанитарных условий, примерно четыре тысячи были уничтожены в газовой камере³²⁸.

В Люблине-Майданеке убийства евреев в газовой камере начались осенью 1942 года и продолжались до сентября 1943-го. Осенью 1943 года в концентрационном лагере была проведена акция «праздник урожая» — последняя стадия «акции Рейнгардт» по уничтожению

евреев в Генерал-губернаторстве, которая стала еще и ответом нацистов на восстания узников в центрах уничтожения (2 августа произошло выступление в Трестинке, 14 октября — в Собиборе). В течение 3—4 ноября 1943 года только в Майданеке было расстреляно 18 тысяч евреев. Расстрелы евреев в ходе той акции были осуществлены также и в других лагерях района Люблин — Травниках, Понятове. В Яновском лагере массовые расстрелы начались 25 октября, когда были убиты практически все узники — участники рабочих бригад. 19—20 ноября 1943 года в лагере было уничтожено еще четыре тысячи евреев.

О том, как проходили массовые расстрелы евреев в Яновском концлагере, рассказал в 1947 году в ходе послевоенного следствия один из участников убийств — «травник» Николай Скороход, описавший свое участие в ликвидации так называемого Юлага* — части Львовского гетто, оставшегося после массового уничтожения евреев в 1942 году в Бельжеце:

«...Через две недели с момента [начала] моей службы в лагерь прибыли эшелоны с еврейскими гражданами в количестве 7 тыс. человек, предназначенных для их последующего уничтожения³²⁹. На второй же день мне вместе с другим вахманнским составом была вверена группа в 40 чел. евреев из рабочего лагеря, и во исполнение распоряжения руководства лагерей под нашей охраной указанная группа евреев начала рыть ямы в Яновских песках в полутора километрах от расположения “лагеря смерти”, куда должны быть погребены прибывшие 7 тыс. еврейских граждан. После того, как уже были готовы ямы-могилы, началась акция.

Перед началом акции в 5 час. утра нас всех подняли и выстроили у контрольно-пропускной будки и озадачили, что будем конвоировать евреев к месту их уничтожения в “Пески” (песчаная местность в окрестностях лагеря. — С. А.), а также [мы] были предупреждены о бдительности во время конвоирования.

Немецкое командование лагеря из 7 тыс. евреев отобрало 500 человек мужчин и женщин, якобы для использования на работах внутри лагеря, а остальных 6500 человек построили на площадке внутри данного лагеря

---

* От нем. Judenlager — еврейский лагерь.

и колоннами по 100 человек под охраной вахманнов отправляли обреченных к месту из заранее подготовленных в "Песках" огромных ям и могил, где сидели в пьяном состоянии немцы и приказывали обреченным евреям партиями прыгать в ямы, а сами в это время расстреливали их из автоматов. И так беспрерывно стрекотали автоматы целый день, пока все они не были уничтожены, а мы, вахманны, за этот день совершили по несколько рейсов за доставкой обреченных к месту их казни. Вечером этого же дня данные ямы с трупами были погребены силами находившихся в резерве евреев...

Во время данной акции порядок был такой: перед отправкой к месту их уничтожения все ценные вещи — золото, бриллианты и деньги — изымались немецкими представителями, последние ложили в специальные большие ящики. Затем, когда евреи находились в пределах зоны уничтожения в "Песках", там их раздевали и все остальные вещи отнимали, за исключением нательного белья»³³⁰.

Самым восточным пунктом уничтожения евреев с лета 1942 года стал концентрационный лагерь Малый Тростенец, неподалеку от Минска. В нем оказались евреи не только из Белоруссии, но и из различных стран Западной и Восточной Европы. В Малом Тростенце людей расстреливали в урочище Благовщина и уничтожали с помощью «газвагенов». Всего было убито не менее 65 тысяч человек. Для уничтожения трупов с октября по декабрь 1943 года неподалеку осуществлялась акция «1005». Она реализовывалась нацистами на всех оккупированных советских территориях и была направлена на сокрытие следов преступлений. Начальник зондеркоманды 1005 Адольф Рюбе свидетельствовал после войны:

«Моя задача заключалась в том, чтобы вместе с частью русских вскрывать могилы, извлекать трупы, раскладывать костры, укладывать туда трупы (один ряд на другой) и их сжигать. Со временем переводчики так хорошо ознакомились с работой, что я уже практически только осуществлял контроль за работой.

После того как могилы были разрыты, оттуда железными крюками вытягивались трупы, которые складывались на носилки и доставлялись к костру. Там трупы были уложены в штабеля таким образом, чтобы на один

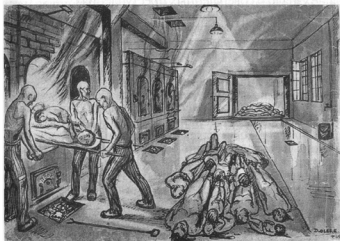
слой дров клался один слой трупов, поверх него снова шел пласт дров, а затем снова слой трупов. Костры находились в ямах глубиной около 5 м... Костры заливались сверху бензином, а позднее черной горючей смесью, которая доставлялась военной авиацией. Костры поджигали переводчики... Сначала прах разбивался на куски молотком для того, чтобы не оставались остатки костей, а потом выбрасывался в открытые ямы. Затем ямы засыпались землей. Русские пленные, которые выполняли работы, были убиты спустя некоторое время, так как ни один очевидец события не должен был остаться в живых»³³¹. Всего в Малом Тростенце погибло около двухсот тысяч человек разных национальностей, возрастов и социальных групп.

Но, несмотря на всю чудовищность преступлений в Майданеке, Яновском лагере, Малом Тростенце, только в Аушвице система массового уничтожения достигла вершины, поистине промышленных масштабов с помощью «Циклона Б». Нигде в концентрационных лагерях, где имелись газовые камеры (Нацвейлер-Штуттгоф, Равенсбрюк, Штуттгоф, Маутхаузен, Заксенхаузен, Майданек, Дахау, Нойенгамме), они не работали столь долго и унесли такое количество жизней. Подобные преступления были возможны только благодаря неистовому рвению организаторов процесса уничтожения, их постоянному стремлению к совершенствованию процесса убийств. Об этом свидетельствует, в частности, переписка администрации концлагеря и эрфуртской фирмы «Топф и сыновья», занимавшейся изготовлением новых печей для крематориев. 22 декабря 1942 года из Аушвица в Эрфурт была отправлена телеграмма, где помимо прочего значилось: «Работы чрезвычайно срочны, и рейхсфюрером СС были поставлены следующие сроки: окончание установок — 1-й и 3-й до 31 января 1943 г., 2-й и 4-й до 31 марта 1943 г. Эти сроки следует соблюдать при всех обстоятельствах. Просим вас принять все для этого нужные меры и в первую очередь обеспечить доставку нужных конструкционных частей и материалов»³³².

Десятого февраля 1943 года фирма получила еще одну телеграмму от руководства Аушвица: «Еще раз подтверждаем получение вашего заказа на пять штук тройных муфельных печей включительно два электриче-

Крематорий Биркенау. Комната печей. Рисунок Д. Олера. 1945 г.

ских лифта для подъема трупов и один временный лифт для трупов. Также заказаны практическое приспособление подачи угля и приспособление для транспорта пепла. Вам надлежит доставить полную установку для крематория № 3. Ожидаем, что примете все меры для немедленной отправки всех машин с частями. Установка обязательно должна вступить в строй 10 апреля 1943 г.»³³³.

В результате модернизации системы уничтожения на смену временным газовым камерам, располагавшимся в зданиях старых ферм, пришли новые комплексы, в которых был продуман и технологизирован весь процесс убийства — от раздевания до кремации. Газовые камеры с вентиляцией для скорейшего уничтожения и подготовки к следующему убийству, кремационные печи, производительность которых могла достигать 4756 тел в день, должны были обеспечить решение задачи, поставленной руководством рейха перед администрацией Аушвица.

Нацисты делали всё не только для того, чтобы как можно быстрее и в большем количестве уничтожать свои жертвы, но и для того, чтобы человечество никогда не узнало о совершённых преступлениях.

Однако оно узнало. И одними из главных свидетелей стали узники из зондеркоманды — специальной бригады заключенных-евреев — вынужденные обслуживать газовые камеры и крематории.

Свидетельствует Залман Градовский. К этим словам невозможно ничего добавить:

«Иди сюда, ко мне, человек из свободного мира — мира без оград, — и я расскажу тебе, как... был обнесен забором и закован в цепи».

«Они едут. Мы издалека уже видим то, что осталось от живых людей, — одни тени. Мы слышим их тихий плач и стоны, которые вырываются из груди. Несчастные поняли, что их везут на смерть. Последняя надежда, последний луч, последняя искра — всё меркнет. Они оглядываются, весь мир проносится теперь перед ними, как в кино. Их взгляд дико блуждает, как будто они хотят вобрать в себя всё, что видят».

«И вот они прибыли, несчастные жертвы. Машины остановились — и сердца застыли... Их заставляют вылезти из кузова и спуститься на землю — они не сопро-

тивляются. Они падают без сил, как подрезанные колося, прямо к нам в руки... И когда уже надо спускаться в бункер, глубоко под землю, встать на первую ступеньку лестницы, которая ведет в могилу, они бросают прощальный взгляд на небо, на Луну — и из самого сердца вырывается глубокий вздох — и у них, и у нас».

«Большой подвальный зал, посередине которого двенадцать столбов, поддерживающих всё здание, сейчас залит ярким электрическим светом. По периметру зала уже расставлены скамейки, а над ними прибиты крючки для одежды несчастных. На одном из столбов — вывеска. Надпись на разных языках сообщает несчастным, что они пришли в баню, что вещи надо снять и сдать для дезинфекции. Мы стоим неподвижно и смотрим на них. Они уже всё знают, они понимают, что это не баня, а коридор, ведущий к смерти. Зал всё больше заполняется людьми. Приезжают машины со всё новыми и новыми жертвами, и зал поглощает их всех».

«И вот двери распахнулись. Ад широко раскрыл свои ворота перед жертвами. В маленькой комнате, через которую лежит путь к смерти, выстроились, как на параде, приспешники власти... Марш смерти начался. Женщины идут гордо, твердой поступью, смело и мужественно, как будто на праздник. Они не сломались и тогда, когда увидели то последнее место, последний угол, где скоро разыграется последняя сцена их жизни... Вот идут матери с младенцами на руках, кто-то ведет ребенка за ручку. Детей целуют всё время: терпение чуждо материнскому сердцу».

«Как только в бункер вошла последняя жертва, дверь герметично закрыли и заперли, чтобы воздух уже не проникал туда. Несчастные стоят там, в ужасной тесноте, многие начинают задыхаться от жары и жажды. Они предчувствуют, они знают, что осталось недолго: еще минута, еще мгновение — и их мукам придет конец».

«В ночной тишине слышатся шаги. Два силуэта движутся в лунном свете. Эти люди надевают маски, чтобы засыпать смертоносный газовый порошок. У них в руках две банки — их содержимое скоро убьет тысячи людей. Они идут к бункеру, к этому адскому месту. Идут спокойно, уверенно и хладнокровно, как будто исполняют свой священный долг. Их сердце твердо, как лед,

их руки не дрожат, твердой походкой подходят они к отверстию в крышке бункера, засыпают туда газ и закрывают отверстие втулкой, чтобы ни одна частица не попала наружу. До них доносится тяжелый стон людей, уже борющихся со смертью, — стон боли и страдания, — но он не может смягчить их сердца».

«На площади перед крематорием снова тихо. Больше нет здесь ни часовых, ни машин с гранатами, ни прожекторов. Всё вдруг исчезло. Мертвая тишина снова воцарилась на божьем свете, как если бы смерть разлилась из этого ада волной по всей земле и погрузила весь мир в вечный сон».

«Дрожащими руками мы отвинчиваем болты и выдвигаем засовы. Вот открыты двери обеих камер, и прямо на нас хлынула волна ужасной смерти... Мы застыли, оцепенели от зрелища, которое открылось нашему взору: перед нами огромное множество нагих мертвых тел. Они лежат, слившись друг с другом, переплетаясь, как будто сам дьявол уложил их в таких причудливых позах».

«Мы приступаем к работе. Нас несколько человек, и каждый занят своим делом... Один труп обрабатывают три человека. Один вырывает щипцами золотые зубы, другой срезает волосы, третий вырывает женщинам серьги, иногда из мочек ушей льется кровь. Кольца, которые не удастся снять, выдирают щипцами. После этого тело грузят в лифт. Два человека бросают туда тела, как дрова, и когда набирается семь или восемь трупов, подается знак, и лифт уезжает вверх».

«Наверху лифт встречают другие четыре человека. Двое стоят с одной стороны — они относят тела в "резервную" комнату. Двое других тащат трупы прямо к печам. Тела складывают по два у жерла каждой печи. Трупы маленьких детей бросают в сторону — потом их добавляют к трупам двух взрослых. Тела выкладывают на железную доску, потом открывают дверцу — и доску за двигают в печь...»

«О великий свободный мир, увидишь ли ты когда-нибудь это пламя? Люди, остановитесь, поднимите глаза к небесам: их глубокую синеву у нас застит огонь. Знай, свободный человек: это адское пламя, в котором сгорают люди. Может быть, твое сердце не останется черствым, может, ты придешь сюда и потушишь этот пожар?

И, может быть, ты осмелишься поменять местами жертв и палачей и предать пламени тех, кто его разжег?»

«Вот моя семья — ее здесь сожгли во вторник 8 декабря 1942 г, в 9 часов утра.

Моя мать — Сорэ.

Моя сестра — Либэ.

Моя сестра — Эстер-Рохл.

Моя жена — Соня (Сорэ).

Мой тесть — Рефоэл.

Мой шурин — Волф»³³⁴.

По подсчетам исследователей, в Аушвице было уничтожено как минимум 1 миллион 100 тысяч евреев и около двадцати трех тысяч цыган из разных стран. Известно, что среди жертв Майданека были по меньшей мере 60 тысяч евреев.

БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ И СОПРОТИВЛЕНИЕ

Выживание вопреки

Выжить в концентрационном лагере было невероятно сложно. Тем не менее тысячи людей сделали это — остались в живых в нечеловеческих условиях. Чтобы понять, как им это удалось, нужно иметь в виду влияние трех групп факторов: пространственных (тип лагеря, место его расположения, блок, где жили узники, и др.), временных (этапы в развитии системы концентрационных лагерей и каждого отдельного концлагеря в частности, события на фронтах, периоды, значимые для отдельных лагерных категорий, и др.) и индивидуальных (национальность узника, его положение в лагерной иерархии, взаимоотношения с представителями лагерной администрации и др.). К примеру, выживание венгерского еврея в 1944 году в Аушвице-Биркенау было фактически невозможным, чего не скажешь о «криминальном» немце в Дахау в 1935 году. В судьбах отдельных узников нередко большую роль играла и случайность, когда вопреки обстоятельствам человек всё же оставался в живых.

Что касается самого процесса борьбы узников за жизнь, то он начинался с физического выживания, сопротивления условиям концентрационного лагеря. Нужно было использовать каждую представлявшуюся возможность, чтобы чистить одежду, умываться, стирать свои вещи. Это было важно не только потому, что в какой-то мере защищало от инфекций, но и потому, что возвращало человеку самоуважение, которое нацисты пытались у него отнять. Любые, казалось бы, элемен-

тарные действия имели в концлагере огромное символическое значение, не только превращая узника №... в человека, но и вызывая у него временное отстранение от окружающей безысходности.

Выжить в одиночку в концентрационном лагере было невозможно. Человеку в этой критической ситуации была необходима помощь. Эта помощь могла иметь разные формы в разных концлагерях для представителей разных лагерных категорий, но она могла спасти их жизни. Она всегда начиналась с поддержки человека в удовлетворении самых базовых, но жизненно необходимых потребностей — в пище, лечении, защите от насилия. Кроме того, опытные узники сообщали новичку важнейшую информацию о лагерном мире и его опасностях.

Чаще всего помощь приходила от собратьев по несчастью, имевших с узником одну национальную принадлежность, один язык, близкие убеждения и при этом занимавших какие-либо позиции в лагерном «самоуправлении». Например, огромное значение для физического спасения многих узниц Равенсбрюка имела деятельность представительниц австрийской «политической» группы. Мария Бернер и Анна Ханд, работавшие в комендатуре лагеря, подделывали списки заключенных таким образом, чтобы перевести ослабевших на легкую работу, вычеркивали из списков тех, кого нацисты собирались отправить в другой лагерь или в газовую камеру. Бертль Лаушер, Паула Лейбль, Эмма Мауэрхофер, Анна Вамсер «организовывали» с лагерного склада теплую одежду. Мария Буреш и другие женщины, работавшие в эсэсовской столовой и кладовой, доставали дополнительные порции пищи. Хермине Юрза изготавливала обувь для заключенных, что было крайне важно в условиях тяжелых физических нагрузок, выпадавших на долю женщин в Равенсбрюке³³⁵.

Могли возникать даже некие подобиya семей, которые размещались в одном бараке, на одних или нескольких близких нарах, и делили все тяготы и невзгоды лагерного быта. Эти лагерные семьи даже могли помогать более слабым и беспомощным узникам, например детям: «В конце 1944 г. в блок «красноармеек» поместили тринадцать детей в возрасте от трех до пяти лет. С первой же минуты женщины окружили их заботой: если мате-

ри этих несчастных погибли, то пусть хоть их дети доживут до победы. У сирот сразу же появились лагерные мамы, которых они называли “мама Нина” или “мама Лида”... У детей был твердый распорядок дня, который строго соблюдался. Умывали их после общего утреннего аппеля, когда в умывальной никого не было. Потом они шли в спальное помещение и “помогали” дневальным. Женщины следили, чтобы помещение проветривалось, чтобы дети делали зарядку — и всё это в тишине, чтобы не вызывать гнева СС-надзирательниц»³³⁶.

Выживание некоторых категорий узников облегчалось, если они имели возможность получать передачи от родственников. С конца сентября 1941 года родственникам разрешалось отправлять заключенным посылки с нижним бельем, а с 1942-го — и с другой одеждой. Наконец, согласно приказу Гимmlера от 29 октября 1942 года заключенные могли получать и продукты питания. Но все эти приказы затрагивали в первую очередь немцев и австрийцев, в меньшей степени французов, поляков и чехов. Евреям, цыганам, а также советским узникам получать что-либо было запрещено.

Этот запрет не был снят даже после катастрофического ухудшения в концлагерях ситуации с питанием и одеждой. Правда, начиная с июня 1943 года Международный комитет Красного Креста по договоренности с нацистским руководством отправлял в концлагеря посылки с едой. Один из вариантов комплектации такой посылки включал три упаковки печенья по 100 граммов, две упаковки суповых кубиков по 15 штук, шесть пакетов сухого супа (по два пакета бобового, горохового и чечевичного), три банки гуляша, одну бутылочку специй (120 граммов), одну упаковку сливового джема (300 граммов), полкилограмма лапши. Большая часть этих посылок разворовывалась или перепродавалась эсэсовцами, но некоторая, пусть и небольшая, всё же доходила до заключенных, помогая им бороться за жизнь.

«В блоке № 17 сенсация! Французы получили посылки Красного Креста. Событие это вызвало растерянность и зависть у всех остальных. Все столпились вокруг французов. Рассматривали содержимое посылок: килограмм фасоли, килограмм сахара, сардины и сигареты. Сигареты в лагере ценились на вес золота. Хотя и бы-

ли очень плохие. Французы называли их "Sales Petains". В Бельгии тоже имелись сигареты низшего сорта под названием "В. Ф.", мы окрестили их "вонючим фюре-ром". И всё-таки сигареты были необходимы нам, как хлеб. Французы сразу же стали нашими лучшими друзьями. Мы заговаривали с ними, когда они сосали кусочек сахара или курили сигарету, но они не делились с нами. Правда, иногда кому-нибудь из нас перепадал окуроч. Французы обычно не уединялись со своими сокровищами. Потом им потребовалась наша помощь. Никто из французов не знал немецкого, а им нужно было спросить старосту бокса, можно ли варить фасоль на печке в жилом блоке. Бельгийцы пользовались славой практичных людей, которые из любого положения найдут выход, и французы обратились к нам. Мы сторговались с персоналом бокса и получили разрешение варить фасоль. За это, разумеется, французам пришлось платить. Большая часть фасоли попала в желудки хозяев бокса, кое-что перепало французам, немного досталось и нам — за то, что мы выполняли роль переводчиков.

Когда фасоль была съедена, мы начали второе наступление. На этот раз — атаку на сигареты. Как только прибыли посылки французского Красного Креста, поползли слухи, что скоро придут дары и бельгийского Красного Креста. Посылки будут весом пять килограммов и значительно качественнее французских. Бельгийские сигареты куда лучше французских. А разве бельгийский сахар не славится? Кусочек бельгийского сахара заменит три куса французского. Мы расхваливали французам наш рафинад, говорили, что в бельгийских посылках будет и рыбий жир, и мед, и печенье. Все эти разговоры привели к тому, что мы и сами поверили в свою выдумку. А французы поверили нам. Вот тут-то и началась бурная торговля между французами и бельгийцами. "Дай мне пять сигарет, а на следующей неделе получишь десять бельгийских". "Дай кусочек сахара и тогда получишь от меня два". Иногда наши уловки удавались. Но обычно французы предпочитали синицу в руках журавлю в небе.

Шли дни. Собственно, мы никогда всерьез не верили в наши посылки, и слабая надежда на то, что мы получим их, таяла с каждым днем. Но посылки пришли. Серые картонные коробки с красивым бельгийским флажком.

Совершенно плоские, почти невесомые коробки. Теперь мы оказались в центре внимания, все толпились вокруг нас. И как ни легки были эти посылки, мы уже мысленно наслаждались их содержимым. Но нас ждало разочарование: в коробках лежало двое кальсон и две рубашки. Французы, заключавшие сделки в расчете на эти посылки, были огорчены не меньше нас. Большинство бельгийцев сразу же натянули на себя белье. Я же решил, что его можно использовать гораздо лучше. Пока остальные не пришли к этому же решению (цена сразу упала бы), я продал свою нераскрытую коробку австрийцу — старосте бокса — за пачку югославских сигарет. Одна такая сигарета приравнивалась к порции хлеба»³⁵⁷.

В большинстве свидетельств узников, не получавших подобные посылки, сохранились воспоминания, как их собратья по несчастью делились с ними оставшимися крохами: «Потом в конце года... из Освенцима привезли людей, еще и 30 человек детей. Их хотели тоже уничтожить. А мы, военнопленные, собрались все и пошли к начальнику лагеря просить, чтобы нам отдали этих детей. Он посмеялся и сказал, что питания не будет на них давать. Мы говорим, всё равно отдайте их нам. В общем, отдали нам этих детей. Каждый от своего хлебushка отрезал кусочек, и им давали, потом помогали иностранцы. Им Красный Крест помогал, периодически им присылались посылки, они приносили нам, помогали, и мы сохранили этих детей»³⁵⁸.

Особое место в спасении заключенных играли «черные рынки». На них можно было купить вещи, или продукты питания, которые либо были запрещены в лагере, либо отсутствовали у заключенных. В лагерном жаргоне даже появилось специальное значение слова «организовать»: своровать на лагерных складах или нелегально выменять на «черном рынке». Многие узники лишь изредка пытались обменять вещи или продукты питания и только для себя. Но были и профессиональные «продавцы». Это были как узники, имевшие связи на свободе, так и те, кто работал в привилегированных местах: на складах, на кухнях, в прачечных и т. п. В Биркенау главными поставщиками «черного рынка» были заключенные, работавшие в «Канаде» — лагерных складах, где сортировали вещи прибывших и уничтоженных узников.

Эти рынки нередко имели определенное место, подальше от глаз лагерной администрации. По воспоминаниям узницы Аушвица польки Кристины Живульской, узники покупали и продавали товары за одним из барачков Биркенау:

«Вокруг происходили торговые сделки. На хлеб, на лук, на головку чеснока обменивали какие-то тряпки, рубашки, штаны, а у одной оказался даже свитер. Это был самый дорогой товар, он стоил две порции хлеба.

— А сколько дней я должна не есть, чтобы купить свитер? — спрашивала Зося.

— Глупости, август и сентябрь мы выдержим без свитера, гораздо нужнее платок на голову, да и чем мы будем вытираться, когда разрешат мыться?

Но Зося уже что-то спрашивала. Она позвала одну из торгующих:

— Послушай, откуда вы берете эти вещи?

— По-всякому бывает. У меня свитер, потому что я работаю на санобработке вещей, я украла один — не заметили.

— Я тоже украду, — решила Зося, не моргнув глазом. — Я вижу, тут многое зависит от ловкости. Ну, в крайнем случае, получу еще раз по физиономии. Постараюсь работать там, где можно украсть»³³⁹.

В Сырецком лагере в Киеве нелегальный рынок, называемый на лагерном жаргоне «хитрым», появлялся каждый день после работы у отхожего места. Основными товарами, обмениваемыми друг на друга, были хлеб, сигареты, мыло, принадлежности для починки одежды. Электрики, ремонтировавшие лагерную колючую проволоку, приносили на рынок тушки животных, погибших от удара током³⁴⁰.

Эсэсовцы, вполне вероятно, были осведомлены о существовании этого нелегального обмена и нередко арестовывали его участников. Множество дел было заведено гестапо Заксенхаузена в отношении узников, обменивавших различные товары. Блоковый, немец Эвин Ратман, был наказан за продажу хлебных пачек, отнятых у заключенных. Людвиг Гинстер своровал 23 килограмма маргарина и десять колбас в лагерной столовой и пытался обменять их на 200 килограммов масляной краски, «организованной» другим заключенным, чтобы потом совершить еще более выгодную сделку³⁴¹.

Наконец, помощь могла приходиться от родственников, проживавших поблизости от концлагеря: «...так как я был почти местным жителем, так как мои родные проживали в 15 км от Освенцима, то я имел возможность нелегально доставать хлеб и другие продукты, получал передачу от вольного гражданского населения и скрытно помогал этой группе, т. е. трем русским военнопленным и четырем полякам...»³⁴²

Культура в концлагере

В концентрационных лагерях узники боролись отнюдь не только за физическое выживание. Они стремились вопреки всем обстоятельствам остаться людьми, которых античеловеческая, антигуманная система не сломала и не превратила только в узника №... Этому способствовали проявления культуры, которые понадобились в концлагерях, возможно, как никогда и нигде. Культура давала узникам надежду, мужество, чтобы бороться и выжить. При этом интерес к различным областям культуры в концентрационных лагерях был характерен и для профессионалов, которые оказались в заключении, и для дилетантов, стремившихся отвлечься от действительности с помощью творчества.

«Ничего удивительного, нельзя требовать от людей, чтобы они вечно помнили только о пылающих печах. Они должны есть, о чем-то говорить, должны заглушать свою боль. Впрочем, есть и такие, которые безучастно лежат на нарах. Вспоминают свой дом. Свое далекое детство, короткий отрезок жизни, когда были людьми. Упорно живут этими обрывками воспоминаний о прекрасной Варшаве тех времен, когда можно было свободно ходить по Маршалковской, когда еще не было стен вокруг гетто.

Французские еврейки напевают пикантную песенку. Песенка раздвигает мрачные, набитые людьми нары, переносит в свободный, радостный Париж. В самом темном углу нары лежит венгерская еврейка, она прижалась к измятой фотографии, случайно найденной при просмотре чемоданов сегодняшнего транспорта. Это фотография ее матери. Она целует ее и рыдает и не видит никого вокруг, не слышит пения французов. Она

сейчас с матерью у себя дома, под Будапештом. Она глядит фотографию, прижимает к ней мокрое от слез лицо, ласково шепчет что-то. А мать ее в эту минуту горит в крематории»³⁴³.

Различные культурные мероприятия в концентрационных лагерях могли быть инициированы СС или самими заключенными. Во втором случае их участники жестоко наказывались, и лишь со временем лагерная администрация стала более лояльно относиться к подобным явлениям.

Это может показаться невозможным, но эсэсовцы в целях пропаганды разрешали занятия спортом. Конечно же, подобные разрешения касались только лагерной «элиты», так как у подавляющего большинства узников на спорт просто не было сил. В Бухенвальде было создано 12 футбольных команд, в том числе даже одна еврейская, впрочем, вскоре расформированная³⁴⁴. Тадеуш Боровский, работавший в лагерной больнице, был участником футбольных матчей в Аушвице:

«Сначала мы расчищали под футбольное поле пустырь за больничными бараками. Расположен этот пустырь был “как нельзя лучше”: налево — цыганский лагерь с кишашей детворой, смазливymi, расфуфыренными старостами, сортирами, в которые набивались женщины; сзади — колючая проволока, за ней — ширококолейное железнодорожное полотно и длинная платформа, вдоль которой всегда стояли вагоны, а за платформой — женский лагерь. Собственно, никто не говорил “женский лагерь”». Говорили просто «ФКЛ*», и всё. Направо, за платформой, рядом с ФКЛ находился крематорий и совсем близко, прямо за колючей проволокой, — второй. Солидные, приземистые строения. За крематориями виднелась березовая роща, через нее вела дорога к белому дому.

Весной, еще не кончив расчищать футбольное поле, мы сажали под окнами бараков цветы, а проходы между ними засыпали кирпичной крошкой. Посеяли шпинат и салат, чеснок и подсолнухи. Газоны обложили дерном, нарезанным около футбольного поля. Воду для полива каждый день привозили в бочках из лагерной умываль-

---

* Frauenkonzentrationslager (FKL) — женский концентрационный лагерь (нем.).

ни. Когда цветы подросли (а поливали их обильно), футбольное поле было готово. Итак, цветы росли, больные лежали на койках, а мы играли в футбол. Раздав вечерний “порцион”, санитары гоняли мяч на пустыре или, стоя у колючей проволоки, переговаривались через железнодорожное полотно с обитательницами ФКЛ.

Как-то я стоял в воротах. Было это в воскресенье. На футбольном поле собралась порядочная толпа санитаров и выздоравливающих больных. Как водится, кто-то за кем-то бежал и, разумеется, — за мячом. Я стоял в воротах спиной к платформе. Мяч ушел за пределы поля и покатился к колючей проволоке. Я побежал за ним. Подняв его, я посмотрел в сторону платформы.

Там как раз остановился состав. Из товарных вагонов выгружались люди и шли к березовой роще. Издали пестрыми пятнами выделялись женские платья, наверно, впервые надетые в этом сезоне. Белели рубашки — мужчины шли без пиджаков. Шествие продвигалось вперед медленно, из вагонов к нему присоединялись всё новые и новые люди. Вот оно совсем остановилось. Все присели на траву, глядя в нашу сторону. Я вернулся с мячом и вбросил его. Передаваемый от одного игрока к другому, он, описав дугу, чуть не влетел в ворота. Я отбил мяч на угловой. Он покатился по траве, и я снова побежал за ним. А когда поднял и выпрямился, то остолбенел: платформа была пуста. Пестрой, по-летнему одетой толпы как не бывало. Вагоны уже убрали. И они не загораживали больше барачных женского лагеря. У колючей проволоки опять толпились санитары, громко приветствуя женщин, а те отвечали им с другой стороны платформы.

Я вернулся с мячом и опять подал его на угловой. Между двумя угловыми успели отравить газом три тысячи человек»³⁴⁵.

Кажется, что эти слова описывают какой-то нереальный, несуществующий мир. И еще в них видна привычка человека к смерти, к повседневным убийствам сотен и тысяч людей. Оказывается, и это тоже возможно.

Помимо футбола разрешались лапта, гандбол и главное — бокс. Бывший узник Бухенвальда Ойген Когон писал: «...это было безумие, но это была правда... Слабые, едва способные идти, истощенные, полумертвые на качающихся ногах, изголодавшиеся узники смотрели на

это мероприятие с наслаждением. Тайны человеческой природы»³⁴⁶. В Аушвице был даже свой чемпион по любительскому боксу — Тедди Петржиковский.

«После обеда я пошел на боксерский матч в большой барак «вашраума», туда, откуда раньше отправлялись партии в «газ». Нас пропустили в самую середину, хотя зал был набит до отказа. Ринг был устроен в просторном предбаннике. Верхний свет, судья (NB, польский олимпийский судья), боксеры с мировой славой, но только арийцы, евреям выступать не разрешается. И те же люди, которые изо дня в день выбивают зубы десятками, люди, у которых у самих нередко увидишь беззубую челюсть, — восторгались Чортеком, Вальтером из Гамбурга и каким-то пареньком, который, тренируясь в лагере, достиг, говорят, высокого класса. Тут еще жива память о номере 77, который когда-то избивал немцев в боксе за милую душу, беря на ринге реванш за то, что другим доставалось на работе.

В старом Освенциме помещение это служило для других целей, например для спортивных состязаний.

Зал был весь в сигаретном дыму, боксеры лупили друг друга вволю. Но делали это непрофессионально, хотя и весьма энергично.

— Вот тебе и Вальтер, — говорит Сташек, — только посмотрите! В рабочей команде, если захочет, так одним ударом доходягу уложит! А тут, глядишь, три раунда и — ничего! Еще ему самому морду набили. Наверно, зрителей слишком много, правда? Зрители тоже благодушествовали, а уж мы-то в первом ряду — понятное дело, гости»³⁴⁷.

В мае 1941 года администрация Бухенвальда решила киносеансы — в основном показ пропагандистских фильмов и хроники. За посещение взималась плата — 30, а позднее 20 пфеннигов, что, по подсчетам О. Когона, принесло в кассу концлагеря «для пропивания и проматывания» 23 тысячи рейхсмарок за первые шесть месяцев работы «кинотеатра»³⁴⁸.

Одним из главных явлений культуры в концентрационных лагерях стала музыка. Для представителей лагерной администрации музыка, которую они заставляли слушать или исполнять узников, являлась в первую

---

* Waschraum — умывальная, душевая (нем.).

очередь инструментом террора и перманентного унижения, средством, воздействовавшим на заключенных и заставлявшим их подчиняться. Наиболее распространенной формой подобного давления на личность было принудительное пение в строю — во время отправки на работу или возвращения в лагерь, иногда на перекличке. Исполнение песен на марше было заимствовано нацистами из армейского опыта. Заставляя заключенных петь, эсэсовцы или представители лагерного «самоуправления» с помощью маршевого ритма предполагали упрочить общую дисциплину в группах. Однако для истощенных узников это пение было очередным наказанием, еще больше изнурявшим их после тяжелейшего рабочего дня. Отказ от исполнения или неверное воспроизведение текста приводили к побоям.

«Музыка у лагерных ворот им доставляет удовольствие, для заключенных она невыносима. Эта проклятая музыка как самодовольное хрюканье и насмешка над человеческим горем.

Обратный марш в лагерь смерти утомителен, мы с трудом волочим ноги, слишком устали, молчим. Постоянное ощущение тяжелого груза на плечах — огромной массы грязи и пыли, а сверху ноши пепел тех, кто больше не марширует с нами. Если нам встречаются колонны мужчин, множество истощенных заключенных, меня душит гнев: нас так много, и мы так бессильны! Удивительно, но, несмотря ни на что, мы маршируем.

При входе в лагерь опять звучит музыка. Сумасшествие! Оркестранты действительно стараются играть в темпе марша, но почему? Они должны были бы, наоборот, играть невпопад! Наша колонна призраков должна выглядеть так, словно мы выползли из глубины земли. Левой, левой, левой, раз, два, три... — проклятый такт страха. Но мы должны радоваться, что теперь нам приходится волочить только самих себя, говорит один из нас и рассказывает, что вначале, когда лагерь был организован, возвращающиеся с работы заключенные должны были на себе тащить тела товарищей, убитых за день. Однажды нас водили на концерт. Оркестр исполнял шлягер «Там, на крыше мира, есть аиста гнездо...» — таков примерно был текст; меня же охватил леденящий душу страх. Нет, Биркенау действительно представлял собой угнетаю-

щий душу сумасшедший дом. Рассказывали, что дирижер женского оркестра Альма Розе однажды спросила у коменданта лагеря, что ожидает девушек, играющих в оркестре и с трудом переносящих это страшное ожидание. Тот заверил: она может успокоить девушек, очередь оркестра наступит только “в самом конце”. Могу представить себе, что она в эту минуту подумала. Очевидно, “в самом конце” в газовые камеры будут отправлены все оркестранты вместе с их музыкальными инструментами...»³⁴⁹

В лагерях на территории Третьего рейха ситуация для узников осложнялась рядом обстоятельств. Во-первых, заключенные вынуждены были исполнять произведения, выбранные нацистами. Зачастую это были либо немецкие народные песни с веселым текстом, резко контрастировавшим с окружающей лагерной действительностью, либо нацистские произведения. Нередко представители лагерного руководства заставляли исполнять произведения с матерной лексикой или оскорбительным подтекстом, что унижало заключенных. Некоторые из концентрационных лагерей имели даже свои гимны. Так появились «Песня Трешлинка», песни Бухенвальда и Заксенхаузена.

Во-вторых, узники вынуждены были петь на немецком языке, вне зависимости от уровня владения им. Естественно, подобные требования определялись желанием нацистов подчинить себе сознание заключенных. Однако в многокультурной массе узников это предписание не могло быть исполнено должным образом, следствием чего были наказания провинившихся. В концлагерях на советских оккупированных территориях заключенным разрешалось петь на родном языке. Тем не менее строевое пение оставалось неизменным атрибутом лагерного мира.

В большинстве концентрационных лагерей с целью «перевоспитания» и деморализации узников эсэсовцы использовали трансляции через громкоговорители пропагандистских выступлений и музыки, например, почитавшегося Гитлером Рихарда Вагнера. Произведения, звучавшие из репродукторов, от фокстрота до маршей, зачастую сопровождали экзекуции узников или их уничтожение. Бравурные мелодии были откровенным издевательством над страданиями жертв, но выполняли

также функцию маскировки, заглушая крики погибающих и звуки выстрелов или ударов.

Начиная с 1933 года по инициативе лагерной администрации стали создаваться лагерные оркестры, ансамбли, хоры. В Эстервегене комендантом, поклонником классической музыки, были созданы хор и оркестр, которые исполняли музыкальные произведения перед эсэсовцами, лагерной «элитой» из числа узников, а также, например, в пропагандистских целях для представителей Красного Креста, посещавшего лагерь в октябре 1935 года. С постоянным расширением системы концентрационных лагерей происходило распространение лагерных ансамблей и оркестров, разнившихся как по количеству участников, так и по качеству репертуара и уровню исполнения. Среди них были и трио из Треблинки, и большие симфонические оркестры Аушвица и Яновского лагеря. Последний был организован по инициативе бывшего музыканта, одного из руководителей лагеря Рихарда Рокиты и состоял из выдающихся исполнителей Львовской консерватории.

Лагерным начальством был разрешен и концерт в Кайзервальде, который описала Мария Рольникайте: «Сегодня во втором, пустом, блоке сдвинули несколько столов. Это, мол, сцена. В зале с одной стороны стоят мужчины, с другой женщины... Когда объявили мое выступление, я влезла на стол. Подумала, что надо сделать реверанс, как в школе, выйдя отвечать урок. Присела, но, кажется, неуклюже, и никто, наверно, не понял, что это должно было означать. Не своим, осипшим голосом я начала читать "устную газету" "Женский экспресс". Я читала, будто разные телеграфные агентства сообщают, что нам выслан транспорт шерстяных чулок. Ботинок пока нет, потому что они сюда шагают пешком. Картошка для нашего супа еще не выкопана: есть более важные дела. И так далее... После меня группа женщин пела "Вечерний звон". Одна девушка из Риги сыграла на расческе полечку, а другая спела очень грустный романс. После концерта нам, участникам, дали по полпорции холодного супа»³⁵⁰.

Все необходимые музыкальные инструменты заключенные получали с лагерных складов по разрешению коменданта либо использовали собственные, привезенные из дома. Положение участников оркестров

или хоров было более привилегированным по сравнению с основной массой узников, особенно если им благоволили эсэсовцы или лагерные функционеры: они использовались на менее тяжелых работах, получали лучшую одежду или дополнительный паек. Однако зачастую их судьба оказывалась не лучше остальных — заключенных-музыкантов убивали, когда это было необходимо лагерной администрации, в первую очередь по причине того, что они были свидетелями уничтожения узников, вынужденно аккомпанируя этому процессу.

Помимо музыкальных произведений, появление которых было инициировано эсэсовцами, в концентрационных лагерях существовали и образцы музыкального творчества, нелегально создававшиеся заключенными. Уже на первом этапе существования концентрационных лагерей, в 1933—1936 годах, заключенные начали тайно сочинять музыкальные произведения. Доминирующими в этот период были популярные среди социалистов песни рабочего движения. Причина такой специфики музыкального творчества понятна — основной мишенью первых нацистских арестов были их главные политические оппоненты — коммунисты и социал-демократы, именно они составили основную часть контингента узников тех лет. Ситуация не менялась вплоть до начала Второй мировой войны, когда в концентрационные лагеря были депортированы представители различных национальностей, среди которых оказывались и профессиональные певцы. Это привело как к расширению музыкального лагерного репертуара, так и к повышению его уровня.

Особенно бурно лагерное музыкальное творчество развивалось начиная с 1942—1943 годов. В Бухенвальде был создан джаз-бэнд, во Флоссенбурге — хор советских узников, в Равенсбрюке представительницы различных национальностей исполняли песни своих стран, организовывали нелегальные концерты в блоках. В Дахау по инициативе композитора Герберта Циппера еще в 1938 году был создан оркестр, тайно выступавший для узников. В Заксенхаузене нескольким узникам удалось тайно провезти в лагерь музыкальные инструменты и организовать квартет. Один из них позже вспоминал об этом лагерном феномене: «Однажды в воскресенье, это было после вечернего аппеля, ко мне пришел лагерный

староста Гарри Науйоке и спросил, не хотел бы я послушать репетицию квартета. Я был в восторге. Мы шли в дезинфекционную, где было «репетиционное помещение» квартета. Это помещение было выбрано умно. Руководители блоков не ходили туда, так как боялись заразиться... После первых звуков я подумал, что у меня лихорадка. Я вспотел, а потом по спине пробежал холодок. Это было как мечта. Уже два года я не слышал музыки, только крик и жалобы замученных людей, и теперь в этом сером, безнадежном помещении звучала такая музыка!»³⁵¹

Подобных примеров было достаточно много в истории нацистской лагерной системы. Репертуар, который исполняли эти подпольные музыкальные группы, был весьма разнообразен — от национальных, народных до классических произведений. Тем не менее эти объединения уступали широко распространенному спонтанному пению заключенных. Непрофессионалы исполняли свои национальные произведения, выражая в них всю боль собственных переживаний и надежду на будущее. Эти песни или мелодии являлись символами, объединявшими узников в национальные или религиозные группы, противостоящие нацистам. Так, например, шедшие в газовую камеру Биркенау евреи пели «Атикву», поляки и советские военнопленные, ожидавшие гибели, исполняли «Варшавянку» и «Интернационал». Все они неосознанно демонстрировали пример победы духа узников над эсэсовским террором.

Кроме текстов и мелодий, которые были известны заключенным до попадания в концлагерь, появился целый пласт произведений, созданных непосредственно в лагерях. Например, заключенные были авторами собственных гимнов, помимо официальных, о которых уже упоминалось. Первым из подобных произведений стала появившаяся уже в 1933 году «Песня болотных солдат» лагеря Бёргермор в Эмсланде. Распространявшаяся в дальнейшем узниками в различных лагерях, она стала одной из самых популярных, символизируя протест заключенных. В Равенсбрюке польские узницы в 1943 году организовали конкурс по созданию нелегального гимна лагеря с участием ряда композиторов и поэтов, с тайными репетициями в бараке. Однако по-

бедившие произведения так и не получили широкого распространения.

Большинство появившихся в лагере песен являлось переложениями на известные мелодии новых текстов, отражавших лагерную реальность. Но, бывало, появлялись и абсолютно новые произведения, как, например, в случае создания стихов и песен известным автором Александром Кулишевичем, узником лагеря Заксенхаузен.

Художники в большинстве концентрационных лагерей использовались нацистами в лагерных типографиях, строительных и статистических бюро. Во всех концлагерях эсэсовцы могли заказывать узникам картины, скульптуры и прочие произведения искусства для личных нужд. В Эмсланде, например, двое узников-художников организовали подобие художественной студии, где эсэсовцы заказывали им картины. В Аушвице в октябре 1941 года даже открылся официальный лагерьный музей, созданный по инициативе Рудольфа Хёсса, впечатленного живописными работами узника Францишека Таргоша. Экспонатами музея стали также вещи из транспортов убитых евреев.

Художественные произведения, созданные, несмотря на запрет эсэсовцев, представляли собой в основном небольшие рисунки или эскизы — из-за отсутствия у авторов материалов и возможностей спрятать свои работы. А для того чтобы их прятать, были веские причины — в них заключенные отобразили окружающую их реальность: лагерь, свой быт, наказания, товарищей по несчастью. Эти произведения становились свидетельствами нацистских преступлений.

Среди литературных жанров лагерных произведений преобладало поэтическое творчество. Много стихотворений было написано к дням рождения, в память об умершем или посвящено каким-либо знаменательным датам. Зачастую авторами двигал не талант, а желание выразить свои переживания, страдания друзей и подруг по заключению, вселить в них надежду. Художественные достоинства поэзии отходили на второй план, уступая место чувству единения в экстремальных условиях и вере в будущее³⁵². Даже содержание стихотворений порой не играло такой роли, как сам процесс декламирования, когда важнейшими становились голос

и ритм, создававшие у заключенных ощущение их сопротивления окружающей действительности³⁵³. Лидер советских военнопленных в Равенсбрюке Евгения Лазаревна Клем с помощью «политических» заключенных доставала всё необходимое, чтобы Александра Николаевна Сокова могла писать стихи³⁵⁴. Без сотрудничества узниц творчество в концентрационном лагере было бы невозможно. Примером такого взаимодействия был сборник стихотворений «Европа в бою», составленный в 1944 году и включавший произведения женщин-политзаключенных из различных стран³⁵⁵. Было там и стихотворение неизвестной узницы из Советского Союза «Апель»:

Тучи бегут, мгла крутом,
Ветер воет за окном,
Дождь стучит в стекло окошка:
«Подожди еще немножко».

Но, увы! Нам ждать невольно,
В пять утра и как ни больно,
Хоть и дождь, хоть очень стужно,
Но на апель выйти нужно.

Ветер злобно рвет одежду,
Вытрясая всю надежду,
Что сегодня солнца мар
Даст сегодня нам свой жар.

По десяткам встали тесно,
Поливает дождь нас честно,
Уж прилипло к телу тело,
Как могло друг друга грело.

Ветер рвал подол и платья,
В небо слали мы проклятья,
До костей нас пробирает,
Три одежды все считает.

Платье, трусики, рубашка —
Это пленница, бедняжка,
Кожа «гусем» поднялась,
Но синела и тряслась.

Губы синие кривились,
Зубы громко, часто бились,

Но ряды все расширяли,
Ветру место представляли.

Кто слабее, тот сгибался
И на корточки сажался,
Он колени прикрывал,
Краем платья согревал.

Громкий «Ахтунг»* блоковой,
Подскочить велит стрелой,
И опять моя бедняжка
Стынет, как зимой дворняжка.
Нам «мелдунги**» обещают,
А затем нас всех считают,
Сотки все на шаг вперед,
Значит, немка уж идет.

Снова нас пересчитает,
«Руиг***, руиг» нам пролает,
И распишется нам в книжке,
Что в наличии мартышки.

Плащом черным размахнет,
Грозным взглядом обведет,
А затем уходит чинно,
Мы должны стоять все смирно.

Ветер воет, дождь идет,
А душа сирены ждет,
Наконец приходит час,
Гул сирены — то для нас.

Кончен аппель, мы мокры,
На работу, будь добры.
Отправляйся без протеста,
В предназначенное место.

Так три раза в день страдаем
И природу проклинаем.
Будем век мы вспоминать,
Как пришлось нам здесь страдать³⁵⁶.

Чтобы избежать интеллектуальной деградации, заключенные в концентрационных лагерях нелегально

---

* Achtung — внимание (нем.).

** Meldung — рапорт, сообщение (нем.).

*** Ruhig — тихо (нем.).

проводили лекции, уроки, дискуссии, касавшиеся различных сфер: социологии, экономики, истории, литературы, политологии. Это было возможно, так как в лагерях оказалось собрано вместе огромное количество интеллектуалов. В Равенсбрюке Е. Л. Клем рассказывала военнопленным об истории коммунистической партии, организовывала кружки по изучению немецкого языка³⁵⁷. Бывшая советская военнопленная Нина Федоровна Харламова вспоминала, что в группе советских узников проводились систематические занятия по медицине³⁵⁸.

Особое место занимали дискуссии. Коммунистка Шарлотта Мюллер отмечала в мемуарах горячие споры с социал-демократками и «недоверие» со стороны полек из «буржуазных кругов и интеллигенции»³⁵⁹. Некоторые советские женщины-военнопленные проводили регулярные дискуссии с польками, в ходе которых освещали различные вопросы, касавшиеся жизни в СССР³⁶⁰. Концентрационный лагерь становился для узниц не только местом борьбы с мировоззрением эссовцев, но площадкой для полемики с находившимися рядом заключенными. Различия в убеждениях отходили на второй план лишь в совместном противостоянии нацистам, с новой силой возникая в повседневных противоречиях между узницами³⁶¹.

Интеллектуальные занятия среди полек организовывались членами скаутских групп, состоявших из учителей и преподавателей, и представительницами интеллигенции, не входившими в подобные подпольные организации³⁶². Осенью 1939 года Елена Сальска проводила беседы с немками, стараясь донести до них как можно больше информации о Польше³⁶³. С декабря 1941 года под руководством Урзулы Винской группа молодых девушек в 15-м блоке изучала курс польской литературы и истории³⁶⁴. В 1943 году возникло несколько классов гимназического и лицейского образования, в которых занимались в совокупности около тридцати узниц в возрасте от пятнадцати до двадцати лет³⁶⁵.

Отдельного упоминания заслуживает исследование, проведенное в Равенсбрюке профессором философии Урзулой Винской. Чтобы продемонстрировать сущность нацистского концентрационного лагеря и выяснить изменения, произошедшие с женщинами, она оп-

Священник и раввин. Общая молитва. Рисунки Д. Олера. 1945 г.

росила 64 польки с различным уровнем образования в возрасте от пятнадцати до пятидесяти лет. Узницам были предложены две темы: «Мое отношение к людям перед заключением и на данный момент» и «Мое отношение к работе перед заключением и теперь». Результаты исследования, продолжавшегося в лагере в течение двух месяцев, не сохранились. По воспоминаниям самой исследовательницы, основным стал вывод, что в первую очередь представительницы интеллигенции отмечали изменение своего отношения к людям — главным для них становились внутренние качества любого человека. При этом физический труд начинал цениться женщинами наравне с интеллектуальным³⁶⁶.

В некоторых концентрационных лагерях администрация даже инициировала создание собственных библиотек. В Заксенхаузене доступ к библиотеке получали лишь заключенные-«старожилы». Литература была только на немецком языке, да и брать узник мог лишь одну книгу в месяц. В Дахау фонд библиотеки состоял из пятнадцати тысяч книг, привезенных узниками или присланных родственниками. Среди этих книг было множество запрещенных, которые специально переплетались узниками-библиотекарями в обложки с другими, не привлекающими внимание названиями. Иногда книги оказывались в руках узников абсолютно случайно и хранились втайне от СС:

«— Что ты там держишь? Книжку? Настоящую книжку?

Изумление! В последний раз мы видели книги, сваливая в Горной Группе монастырскую библиотеку на сожжение, и вдруг здесь, в Штуттгофе, книжка. Подлинная книжка! К тому же польская.

— Откуда это у тебя?

Здих не торопится отвечать.

— Ну скажи, скажи, — принуждают окружающие, — откуда ты это взял?

Вместо ответа он открывает первую страницу. Читает: «О. Ж. Шрийверс, редемпторист, 'Послание Иисуса Своему священнику', реколлекционные мысли, перевел с французского отец Станислав Мисяшек. Издано в Тухове в 1935 году. От редакции. Посвящение. Это послание к...»

— Боже! Здих! Скажи, наконец, откуда ты это взял? Скажи, — поторапливают.

— От старого Голдмана.

— От Голдмана? От этого рыжего еврея из барака напротив? Откуда он это взял? — Здих снова открывает первую страницу. Читает: “Кс. Гурецкий, польская гимназия. Гданьск”.

— Покажи! — Бронек Шиманский тянется за книжкой.

Здих не выпускает ее из рук. Показывает на расстоянии.

— Да, это его подпись, — подтверждает Бронек.

— Это тот, который с ксендзом Коморовским в штрафной роте?

— Тот самый.

— Но ради Бога! Каким чудом его книга оказалась в лагере?

— Помните, как в Новом Порту свозили его мебель?

— Ну да.

— Вчера ее привезли в Штуттгоф. Обставляют комендатуру. Книги выбросили на сожжение. наших евреев вызвали наводить порядок. Сегодня с утра приходит ко мне старый Голдман: “Ну, господин ксендз, я себе думаю, что я вам сделаю радость. Идем в нужник, там безопасно”. В лагерном отхожем месте передал мне это ветхозаветное “Послание” нашего Наставника. Разве это не знак времени?”³⁶⁷

Особое место в культурной жизни концентрационных лагерей занимали подобию богослужений. В критических условиях, между жизнью и смертью, заключенные принимали в них самое активное участие, пытаясь найти смысл своих страданий и надежду на их окончание. Эли Визель описал в воспоминаниях разрешенное лагерным начальством празднование еврейского Нового года в Моновице, во время которого он задавал себе «покаятые вопросы» и не находил на них ответа:

«Темнело. Из блоков приходили всё новые заключенные, которые неожиданно оказались в силах преодолеть время и пространство, подчинить их своей воле. “Кто Ты, Господи, — думал я со злостью, — в сравнении с этой измученной толпой, пришедшей сюда, чтобы выразить Тебе свою веру, свой гнев, свой протест? Что значит Твое величие, Царь Вселенной, перед лицом всех этих измученных, изможденных, тронутых тленом лю-

дей? Зачем Ты опять тревожишь их изнуренные души, их искалеченные тела?"

Десять тысяч заключенных собрались на торжественную службу — старосты блоков, капо, служители смерти.

— Благословите Вечного...

Голос раввина был едва слышен. Сначала мне показалось, что это ветер.

— Благословенно Имя Вечного!

Тысячи голосов повторяли благословение, склоняясь, как деревья во время бури.

Благословенно Имя Вечного!

За что, да за что же мне Его благословлять? Всё во мне протестовало. За то, что Он сжег во рвах тысячи детей? За то, что Он заставил работать шесть крематориев, днем и ночью, в праздники и в Субботу? За то, что Он, Всемогущий, создал Освенцим, Биркенау, Буну и еще множество фабрик смерти? Неужели сказать Ему: "Благословен Ты, Вечный, Царь Вселенной, избравший нас из всех народов для пыток днем и ночью, чтобы глядеть, как наши отцы, матери и братья гибнут в крематории? Да святится Имя Того, Кто избрал нас, чтобы зарезать на Своем алтаре?"

Я слышал, как властный — и в то же время надломленный — голос раввина взлетел над плачущей, рыдающей, всхлипывающей толпой:

— Вся земля и вся Вселенная принадлежат Богу!

Он всё время останавливался, словно был не в состоянии вновь найти в этих словах их прежний смысл. Мелодия замирала у него в горле.

А я — некогда мистик — думал: "Да, человек сильнее, великодушнее Бога. Когда Тебя обманули Адам и Ева, Ты изгнал их из рая. Когда Тебе не угодило поколение Ноя, ты обрушил на Землю Потоп. Когда Содом лишился Твоей милости, Ты заставил небо пролиться на него огнем и серой. А что делают эти люди, которых Ты обманул и позволил мучить, убивать, травить газом и сжигать дотла? Они молятся Тебе! Они славят Твое Имя!"³⁶⁸

Одна из бывших узниц Равенсбрюка, Кори тен Боом, вспоминала, что такие службы в Равенсбрюке в барак № 28 «не были похожи ни на что в мире», так как в нем находились представительницы разных конфессий и национальностей: «Здесь можно было услышать чте-

ние из Магнификата на латыни, протестантские гимны и православные песнопения»³⁶⁹. Подобные истории, когда межконфессиональные различия отходили на второй план, не были редкостью³⁷⁰. Свое влияние оказывали критические условия лагеря и незнание догматов. Тем не менее проявления религиозности были характерны как для малообразованных заключенных, например крестьянок из числа «восточных рабочих», которые, по воспоминаниям француженок, «постоянно молились и благодарили Бога за каждый кусок брюквы»³⁷¹, так и для представительниц интеллигенции. В этой связи нельзя не упомянуть погибшую в Равенсбрюке весной 1945 года русскую эмигрантку Елизавету Юрьевну Кузьмину-Караваеву (Скобцову) — поэтессу, философа, богослова, известную в Равенсбрюке как мать Мария. Будучи монахиней, она продолжала духовную поддержку узниц в условиях концентрационного лагеря, демонстрируя силу духа и веру. Она успокаивала женщин, боявшихся быть отправленными в газовую камеру и крематорий словами: «Только здесь, над самой трубой клубы дыма мрачны, а поднявшись ввысь, они превращаются в легкое облако, чтобы затем совсем развеяться в беспредельном пространстве. Так и души наши, оторвавшись от грешной земли, в легком неземном полете уходят в вечность для этой радостной жизни»³⁷². По инициативе матери Марии состоялось некое подобие конференции, посвященной России, ее истории и культуре³⁷³. Такая деятельность разрушала многие негативные стереотипы в отношении Советского Союза, существовавшие у заключенных. По свидетельству митрополита Антония Сурожского, Е. Ю. Кузьмина-Караваева до последнего своего часа подавала пример подлинной христианской веры. Она добровольно вошла в группу заключенных, отправлявшихся в газовую камеру, чтобы поддержать окружающих ее женщин, убеждая их в бессмертии души³⁷⁴.

Открытая борьба с системой

Но некоторые узники, и даже группы заключенных, не ограничиваясь борьбой за собственное выживание, вступали в открытое противостояние с лагерной сис-

темой. Одним из основных проявлений этой борьбы становилось саботирование лагерного труда, чаще всего — отказы от работы на военных предприятиях по политическим, религиозным или иным мотивам.

В марте 1943 года при концлагере Бухенвальд было начато производство автоматических винтовок. Члены религиозной организации «Свидетели Иеговы» коллективно отказались работать на этом предприятии из-за своих пацифистских убеждений. И хотя за этим последовали суровые наказания, они добились своего — их перевели на другую работу.

Пятнадцатого декабря 1943 года в концлагере Дора произошел отказ от работы итальянских военнопленных, которые считали невозможным производить оружие для врага. Эсэсовцы ответили крайними мерами — семеро протестовавших были расстреляны. В Нойенгамме француженки отказались от получения лагерных премий, что остановило распространение этой системы в лагере.

Несколько раз польки Равенсбрюка открыто протестовали против опытов К. Гебхардта на женщинах, за что всем баракком наказывались лишением пайка и арестом³⁷⁵. В январе 1944 года советские военнопленные организовали акцию протеста против отправки своих товарищей в Майданек. Женщины написали на немецком языке заявление на имя коменданта, в котором указывали на несоответствие нацистских методов Женевской конвенции 1929 года «О содержании военнопленных». В течение трех дней они отказывались принимать пищу³⁷⁶.

Девятнадцатого декабря 1939 года основной массе узниц, принадлежавших к секте «Свидетели Иеговы» (около 400—500 женщин), нацисты предложили работать на военных предприятиях. После коллективного отказа последовал приказ лагерного коменданта оставить их на улице в течение дня, а затем отправить в карцер. Это наказание продолжалось несколько месяцев вплоть до марта 1940 года. «Свидетельницы» получали минимум еды, им запрещалось обращаться в лагерную больницу за медицинской помощью³⁷⁷. Многие женщины были настолько голодны, что ели траву и опилки³⁷⁸.

Хорхе Семпрун ярко описал убийство советского узника, обвиненного в саботаже, и то единение с ним,

которое ощущали все остальные заключенные лагеря: «Мы недвижно стояли, все тридцать тысяч узников, на большом лагерном плацу, а посреди плаца эсэсовцы сколотили виселицу. Нам было запрещено отворачиваться, запрещено опускать глаза. Мы должны были видеть, как умирает наш товарищ. И мы видели, как он умирал. Даже если нам разрешили бы отвернуться, если позволили бы опустить глаза, мы всё равно стали бы смотреть, как умирает наш товарищ. Мы всё равно впились бы в него горящим взглядом, мы всё равно взглядом проводили бы его на казнь. Нас было тридцать тысяч, замерших в безупречном строю: эсэсовцы очень любят симметрию и порядок. Репродуктор взревел: „Das Ganze... stand“*, и тридцать тысяч человек, щелкнув тридцатью тысячами пар каблуков, приставили ногу к ноге и вытянулись по стойке „смирно“. Эсэсовцы любят, когда перед ними вытягиваются по стойке „смирно“. Репродуктор заревел: „Mützen ab!“**, и тридцать тысяч арестантских колпаков, с безупречной слаженностью движений сдернутых тридцатью тысячами рук, разом шлепнулись о тридцать тысяч ляжек. Эсэсовцы обожают безупречную слаженность движений. Затем привели нашего товарища со скрученными на спине руками и заставили подняться на подмостки виселицы. Да, эсэсовцы любят порядок и симметрию и обожают безупречную слаженность движений, выполняемых покорной толпой, и всё равно это жалкие людишки. Они надеялись повлиять на нас этим примером, но сами не понимали, насколько им это удалось, насколько смерть того парня стала для нас примером. Мы глядели, как взбирался на подмостки виселицы тот двадцатилетний русский парень, приговоренный к повешению за саботаж на заводе „Мибау“, где изготовлялись самые сложные детали для ракет „Фау-1“. Советские военнопленные скорбно застыли по стойке „смирно“, с непроницаемыми лицами, плечом к плечу, точно сбившись в одну неподвижную глыбу. Мы смотрели, как поднимался на виселицу тот двадцатилетний русский парень, и эсэсовцы воображали, что эта смерть ломит нас, что она устроит нас как угроза, как предостережение. Мы же избрали для себя эту смерть; мы и

---

* На месте... стой! (нем.) или «Всем... стоять!».

** Шапки долой! (нем.).

сами были готовы умереть той же смертью. Каждый из нас в тот миг умирал той же смертью и победил, уничтожил смерть — отныне участь погибшего даст новый смысл нашей жизни. Это вполне пригодная жизненная программа, единственно пригодная в наших условиях. Однако эсэсовцы — жалкие людишки, им никогда не понять таких вещей»³⁷⁹.

Одним из самых известных примеров духовного сопротивления нацистской системе стал поступок польского католического священника Максимилиана Кольбе. После побега из Аушвица нескольких узников лагерное руководство решило в очередной раз воспользоваться своим излюбленным методом — в качестве мести за побег убить несколько заключенных. После того как все узники выстроились и рассчитались, выбор эсэсовцев пал на нескольких человек, в том числе и на Франтишка Гаевничека, стоявшего рядом с Кольбе. По свидетельству очевидцев, Гаевничек заплакал, говоря: «Что же теперь будет с моей женой и детьми?» И тогда Кольбе попросил эсэсовцев разрешить ему поменяться местами с убитым горем Гаевничеком. Эсэсовцы согласились. Кольбе был отправлен в лагерьный бункер, где его убили инъекцией яда 14 августа 1941 года. В 1982 году католическая церковь во главе с папой Иоанном Павлом II причислила Максимилиана Кольбе к лику святых.

Распространенным проявлением несогласия и попыткой спастись являлся побег. В большинстве случаев (особенно это касалось концлагерей на территории рейха) побег был обречен на провал — узников через некоторое время ловили и казнили. Иногда, как это было в Аушвице, целью побега была попытка сообщить информацию о массовых убийствах или установить контакт с партизанами. Так, в апреле 1944 года из Биркенау бежали Рудольф Врба и Альфред Вецлер, свидетельства которых о преступлениях нацистов в Аушвице были опубликованы уже в ноябре того же года в Вашингтоне. Иногда узники вынуждены были пытаться бежать, так как понимали, что будут уничтожены. Например, после выполнения работы по уничтожению трупов заключенных, убитых нацистами, члены зондеркоманды Сырецкого концлагеря подлежали ликвидации. Узники догадывались об уготованной им участи, поэтому неод-

нократно планировали побег. Первый раз при помощи инструментов, сворованных или найденных и, несмотря на постоянные обыски, спрятанных под нарами, ими был сделан подкоп³⁸⁰. В результате предательства попытка побега была пресечена, и некоторые члены зондеркоманды расстреляны.

Заключенному по фамилии Завертанный удалось бежать, после чего нацистами были расстреляны несколько узников и охранявший группу эсэсовец. Наконец, когда «акция 1005» была завершена и зондеркоманда должна была быть уничтожена, состоялась самая массовая попытка побега заключенных. По воспоминаниям участников, она готовилась заранее. Для этого в землянку в строгом секрете проносились найденные в Бабьем Яре среди трупов отвертки, ножницы, стамески (люди, не подозревавшие, что нацисты отправляют их на расстрел, брали с собой самое необходимое, и многое было погребено вместе с ними. — С. А.). Один из членов зондеркоманды, Яков Капер, даже нашел ключ, подходивший к замку землянки (в Сырецком лагере узники и члены зондеркоманды размещались в землянках. — С. А.). В ночь на 29 сентября 1943 года часть группы узников из более чем трехсот человек, вероятно, только из одной землянки, предприняла попытку побега. Расковав кандалы с помощью подручных средств и открыв замок, заключенные с криками выбежали из землянки прямо на эсэсовцев³⁸¹. Большинство из них было убито на месте. По имеющимся данным, удалось спастись лишь восемнадцать узникам, остальные были расстреляны нацистами.

Побеги из концлагерей удавались чаще на оккупированной территории СССР, чем в Германии, Польше или Австрии, в первую очередь благодаря тому, что лагеря находились не в инокультурной среде. Большинство узников составляли украинцы и русские, у которых отсутствовал языковой барьер для установления контакта с местным населением. Например, в Киеве оставались родственники заключенных Сырецкого лагеря. Узники, которые смогли раздобыть клочок бумаги и карандаш, отправляясь на работу вне лагеря, разбрасывали на близлежащей территории записки, в которых сообщали своим близким, что они живы. Приходившие к лагерю местные жители подбирали эти записки и пе-

редавали родственникам заключенных. Именно родня и простые обыватели оказывали им некоторую поддержку провизией, одеждой, медикаментами. Подкупая «сотников», бригадиров, охранников, они нелегально встречались с узниками вне лагеря во время работы.

Самый массовый побег из нацистского концлагеря был совершен примерно пятьюстами советскими военнопленными 2 февраля 1945 года из Маутхаузена. Эти узники принадлежали к категории «кугель» — уже пытались бежать из лагеря или были заподозрены в саботаже. Они размещались в специальном «блоке смерти», откуда отправлялись на расстрел или в газовую камеру.

Узнав о том, что их должны в ближайшее время уничтожить, советские заключенные решились на побег. Первое, что они должны были предпринять, — убить старшего по бараку: «Вечером 2 февраля 1945 г. Ю. Ткаченко подошел к нам с Иваном Фенотой и сказал: сейчас будем душить блокового. Понаблюдайте за часовыми на вышках. Вскоре в коридор вышел Левкаштубендист^{**}, за ним еще несколько человек — узников. У одного из тех, что шли сзади, было в руках одеяло, блоковому вдруг сзади накинули на голову одеяло. Ткаченко и еще пятеро узников набросились на палача, свалили его с ног, накинули на шею ремень, начали душить и наносить удары зажатыми в кулаки гвоздями и камнями. Руководил всей этой операцией Юрий Ткаченко. Мы с И. Фенотой наблюдали за вышками и видели, как душили блокового. Затем возле нас на секунду остановился Ткаченко и спросил: «Как дела?» Не дожидаясь ответа, он кивнул головой в сторону коридора: «Добейте этого пса». Мы побежали в коридор. Блоковой был еще жив, стоял на четвереньках. Мы с Фенотой начали снова его душить, а затем труп оттащили в уборную, куда обычно бросали трупы узников»³⁸².

Далее безоружные узники атаковали сторожевые вышки и караулы. В борьбе с эсэсовцами они применяли всё, что было под рукой: огнетушители, камни, деревянную обувь и даже куски мыла. Чтобы перелезть через

---

* От нем. Kugel — пуля, шар; заключенные этой категории носили нашивки в виде круга с буквой «К».

** Вероятно, от нем. Stubendienst — заключенный, дежурный по штубе.

колючую проволоку, использовались одеяла. Через лагерную стену перебрались 419 из 570 человек.

Охота на сбежавших была объявлена во всем округе Мюльфиртель, где находился концлагерь Маутхаузен, а операция получила название «Охота на зайцев». В поиске узников приняли участие не только подразделения СС, но и местная полиция, а также отряды фольксштурма (ополчения) и гитлерюгенда, в которых были пятнадцатилетние подростки, добровольно вызывавшиеся расстреливать заключенных. Обнаруживая этих «опасных преступников» у себя во дворе или в сарае, местные крестьяне убивали их вилами, топорами, забивали палками. Трупы свозились в небольшую деревню Ридин-дер-Ридмаркт, к зданию местной школы, где сотрудники СС на специальной доске, перечеркивая палочки, означавшие пять человек, вели счет «пойманным». Только две крестьянские семьи предоставили узникам убежище. Из всех бежавших выжило лишь восемь человек — остальные были убиты или погибли от голода и холода.

По мере возрастания роли «политических» заключенных в системе лагерного «самоуправления» появлялось всё больше возможностей для создания подпольных объединений и организации сопротивления. Сначала эти объединения возникали среди «своих». Сказывались языковые и культурные барьеры, преобладали недоверие и страх перед «чужими». Но в итоге подобные подпольные организации, в первую очередь коммунистические, всё же стали взаимодействовать. Этого удалось достичь прежде всего в Бухенвальде, но подобные процессы достаточно успешно шли и в Дахау, и в Заксенхаузене. Для коммунистов важными целями были отстранение членов «криминальных» и «асоциальных» групп от постов в «самоуправлении», организация помощи заключенным и даже подготовка восстаний на случай, если СС решат ликвидировать концлагерь вместе с узниками.

В Аушвице среди подпольных организаций доминировали группы польских заключенных из Армии Крайовой. В 1943 году они вместе с польскими социалистами создали международное объединение под названием «Боевая группа Аушвица». Эта группа искала прежде всего контакты с партизанами, действовав-

шими в округе. В 1943 году в Майданеке появился союз «Орцель», в который вошли молодые офицеры, а также представители польской интеллигенции. В Маутхаузене решающую роль в лагерном сопротивлении играли испанские и чешские социалисты и коммунисты.

С 1943 года взаимодействие различных подпольных групп возросло. В Аушвице, Бухенвальде, Дахау, Маутхаузене, Нойенгамме, Заксенхаузене возникли устойчивые контакты между ними. В Бухенвальде в июле 1943 года образовался международный комитет лагеря, включавший представителей коммунистических партий Германии, Бельгии, Франции, Италии, Югославии, Нидерландов, Австрии, Польши, Чехословакии и Советского Союза. Тогда же была создана Интернациональная военная организация. К моменту освобождения она состояла из 188 групп с более чем девятью сотнями борцов, которым удалось заполучить почти 100 карабинов, пистолеты, легкий пулемет, 16 гранат и около сотни самодельных ручных гранат. В их распоряжении было множество холодного оружия и бутылок с зажигательной смесью. Именно эта подпольная организация сыграла решающую роль в освобождении концлагеря с приближением американских войск.

Тем не менее деятельность подпольных комитетов концлагерей оставалась неизвестной большинству заключенных и, как правило, ограничивалась помощью лишь ближайшему кругу узников — к примеру, вычеркивание их имен из списков отправляемых на уничтожение. Так, в декабре 1943 года в канцелярии Нойенгамме узники узнали о том, что советский военный врач Сергей Карташов должен быть уничтожен. Члены подпольного комитета отправили его в лазарет, где объявили умершим, предоставив труп другого человека, подходившего по возрасту и комплекции. Никто из лагерного начальства не стал вникать в детали. Карташов под другим именем был переправлен соратниками в филиал Нойенгамме, где ему удалось выжить и дожидаться освобождения³⁸³.

Чтобы предотвратить саботаж и организованное сопротивление, СС наводняли лагерное сообщество завербованными агентами. Это было характерно для концлагерей как в рейхе, так и на оккупированных советских территориях. В концентрационном лагере

Саласпилс агентом СД стала Станислава Заке, до оккупации Латвии служившая в оперативном отделе Наркомата внутренних дел города Митавы. Впоследствии органами СМЕРШ* в результате агентурно-оперативных мероприятий было установлено: «...находясь в качестве заключенной, Заке вошла в деловую и интимную связь с комендантом лагеря Краузе, которому написала прошение, изложив свои антисоветские взгляды, ненависть к советскому строю, и предложила свои услуги по работе в качестве агента СД по выявлению среди заключенных антифашистски настроенных лиц. За время пребывания в лагере предала более 60 человек заключенных, из которых большинство немцами были расстреляны, а некоторые направлены в рижские тюрьмы, судьба которых неизвестна... За активную предательскую деятельность в пользу фашистской Германии Заке в лагере были созданы привилегированные условия... В декабре 1943 г. Заке из заключения была освобождена с условием, что она будет на свободе работать в качестве агента СД»³⁸⁴.

Пожалуй, одним из самых ярких примеров сопротивления, героической борьбы против системы террора с осознанием того, что придется погибнуть, было восстание членов зондеркоманды в Аушвице-Биркенау 7 октября 1944 года. По некоторым данным, в подготовке восстания участвовали бывшие военнослужащие — греческие евреи и советские военнопленные; последним даже приписывается руководящая роль в его организации. Главными целями восстания были подрыв крематориев и массовый побег. Однако лагерное руководство узнало о подготовке бунта и приняло решение уничтожить зондеркоманду. Это заставило часть узников решиться на скорейшее восстание, не согласовав его с остальными.

---

* СМЕРШ («Смерть шпионам») — Главное управление советской военной контрразведки в системе Наркомата обороны СССР (1943—1946), подчинявшееся лично Верховному главнокомандующему. Органы СМЕРШ занимались разоблачением вражеских агентов, их диверсионной и подрывной деятельности в районах боевых действий и на освобожденных территориях, а также осуществляли проверку благонадежности советских военнослужащих, бежавших из плена и вышедших из окружения.

В рамках подготовки к восстанию у поляков-подпольщиков, связанных с партизанскими отрядами вне концлагеря, за найденные у погибших узников деньги или лекарства были куплены три гранаты и несколько пистолетов. Порох для взрывчатки приносили с находившегося при лагере военного предприятия девушки-еврейки; его передавали по цепочке связных советскому военнопленному-пиротехнику Бородину, который изготовил 30 самодельных взрывных устройств. Они хранились у штабного Шлоймо Драгона, распределявшего их по бригадам крематориев³⁸⁵. *

Седьмого октября 1944 года «зондеркомандовцы» нескольких крематориев подняли восстание, взорвали четвертый крематорий и попытались бежать с территории лагеря. Однако к концу дня бунт был подавлен. Вот как описал восстание один из его свидетелей — член зондеркоманды Залман Левенталь: «Событие, которое случилось пару дней назад у нас в крематории IV, привело, к сожалению, к большому... несчастью и многое разрушило из всего нашего плана. Но ни у кого нет никакого права как-то принижать моральную высоту и отвагу, мужество и героизм, который... показали наши друзья и в этом неудавшемся случае, который еще до сих пор не имел равного себе в истории Ойшвица-Биркенау и вообще в истории преследований, гонений, бед и горя, которое немец наделал во всем захваченном им мире»³⁸⁶.

Общее число погибших в ходе восстания в Биркенау узников составило 452 человека. Восставшим удалось убить троих и ранить 12 эсэсовцев. Взорванный четвертый крематорий не был восстановлен и больше никогда не функционировал.

ДОРОГА ДОМОЙ

Эвакуация

Наступление советских войск заставило нацистов в апреле 1944 года приступить к первой фазе эвакуации концентрационных лагерей. На этом этапе ВФХА решило эвакуировать узников концентрационных лагерей из Прибалтики и района Люблина. Вторая фаза эвакуации на запад началась в январе 1945 года после освобождения советскими войсками концлагеря Аушвиц и Гросс-Розен. Наконец, третью, последнюю фазу можно отнести к началу апреля 1945 года, когда были эвакуированы Бухенвальд, Равенсбрюк, Нойенгамме и оставшиеся лагеря³⁸⁷.

Весной и осенью 1944 года эвакуация узников из лагерей на востоке в концентрационные лагеря и промышленные центры Германии проводилась очень быстро и относительно упорядоченно по сравнению с хаосом последующих месяцев.

В январе 1945 года обстоятельства, в которых проходили эвакуации, кардинально поменялись. Поражения вермахта и приближение линии фронта заставляло руководство лагерной системы ускорять этот процесс, что вело к росту неразберихи и увеличению смертности. В большинстве случаев узники умирали от истощения во время «маршей смерти» — многокилометровых и многодневных пеших переходов из одного лагеря в другой — или расстреливались СС. Секретное распоряжение об организации «марша смерти» из Заксенхаузен-на гласило:

«В комендатуру концлагеря Заксенхаузен

Приказ 6/45 — секретный

Ораниенбург 2.02.45 г.

Пароль: Зоненбург

К работам по подготовке эвакуации концлагеря “Заксенхаузен” и его филиалов, а также различных рабочих команд приступить немедленно.

При входе в силу пароля “Зоненбург” заключенные лагеря и рабочих команд объединяются в маршевые группы для марша в пешем порядке. Составление маршевых команд и маршрут команд по прилагаемому плану.

Для быстрого объединения различных рабочих команд в маршевые группы руководитель маршевой группы вместе с руководителями рабочих команд должны предварительно договориться.

1. Рота берет с собой:

Личные документы части (военные паспорта выдать людям на руки), пишущую машинку, печать части и необходимые канцелярские принадлежности, ротную картотеку. Секретные бумаги, более ненужный рукописный материал должны быть сожжены в присутствии командира роты или руководителя команды. Всё остающееся оружие и боеприпасы должны быть взяты с собой без исключения.

Рота должна обеспечить каждую движущуюся группу повозкой, на которой, помимо запасов продовольствия, канцелярских принадлежностей, должно быть погружено лишнее оружие и боеприпасы. На регулярное снабжение продовольствием во время марша рассчитывать нельзя. По использовании запасов продовольствия руководитель маршевой группы должен сам заботиться о его возобновлении. Удостоверение на право конфискации продовольствия предоставляет администрация концлагеря Заксенхаузен. От каждой роты остается арьергардная команда в составе пяти человек (не могущие пройти большого расстояния).

2. Конвойные берут с собой:

Ранцы или вещевые мешки, по два скатанных одеяла, надетых на плечи, продуктов на три дня марша, винтовка с 60 патронами (автомат или ручной пулемет), три ручных гранаты. Всё имеющееся у них белье надевают на себя, остальные личные вещи должны остаться.

3. Заключенные берут с собой:

По два скатанных одеяла, надетых на плечи. Всё личное белье и полосатые куртки должны быть надеты на себя. Другие личные вещи должны остаться.

В виде продуктов выдать, по возможности, по две буханки хлеба. Остальные имеющиеся продукты (колбаса, консервы и т. д.) могут быть также выданы с расчетом на три дня. Остальные предметы, такие как жировые вещества, кофе, чай и т. п., должны быть погружены на повозку.

Больные и не могущие ходить заключенные остаются на месте, также и те, которые будут выпадать во время марша.

Перед отходом все заключенные должны быть обысканы, чтобы не дать им возможность иметь при себе ножи, куски железа, спички и т. д. Кроме того, они должны быть предупреждены, что каждый пытающийся бежать в пути будет сразу же застрелен.

Немецкие заключенные на которых можно положиться, могут быть использованы в виде вспомогательной полиции для укрепления охраны. О вооружении этих заключенных не может быть и речи (побои)!

Штандартенфюрер СС, комендант Кайндль»³⁸⁸.

Основная масса узников, в соответствии с приказами СС, не должна была быть освобождена. Распоряжения об их уничтожении во время эвакуации при любой «опасности», то есть при малейшем шансе на освобождение, исходили от высших чинов СС и исполнялись рядовыми охранниками. Ситуация усугублялась критической нехваткой пищи и воды, истощенностью заключенных, общей паникой и тяжелейшими погодными условиями. Во многих случаях охрана вообще не знала, куда должна была доставить заключенных.

«Дул резкий, ледяной ветер. Но мы шагали без передышки. Эсэсовцы торопили нас. «Быстрее, сволочи, сукины дети!» Что ж, почему бы и нет? От движения становилось немного теплее. Кровь бежала быстрее. Казалось, что мы оживаем...

«Быстрее, сукины дети!» Мы уже не шли, а бежали. Как роботы. Эсэсовцы тоже бежали, держа в руках автоматы. Казалось, что мы убегаем от них.

Черная ночь. Время от времени в этой ночи раздавались выстрелы. Была инструкция расстреливать тех, кто не может бежать в заданном темпе. Эсэсовцы не от-

казывали себе в этом удовольствии и постоянно держали палец на спусковом крючке. Стоило одному из нас на секунду остановиться, как выстрел приканчивал еще одного сукного сына.

Я механически переставлял ноги. Я тащил это косящее тело, которое всё же оставалось слишком тяжелым. Как мне хотелось от него избавиться! Я старался не думать об этом, но всё равно чувствовал в себе раздвоение: отдельно от меня существовало мое тело. И я его ненавидел.

Я повторял про себя: «Не думай, не останавливайся, беги». Около меня на грязном снегу корчились люди. Выстрелы»³⁸⁹.

Иногда эта эвакуация превращалась в бойню. В январе 1945 года было эвакуировано более десяти тысяч узников, в основном евреев, из филиалов Штуттгофа. Несколько тысяч из них были расстреляны из пулеметов в местечке Пальмникен. В хаосе заключенные, помещенные нацистами в железнодорожные вагоны и перемещавшиеся из лагеря в лагерь, гибли и от бомб антигитлеровской коалиции.

Узников проводили или перевозили через Польшу, Чехию, Австрию, Германию и оставляли трупы на обочинах дорог, в оврагах и лесах. Во время «маршей смерти» заключенные встречались с гражданским населением. Местные жители нередко выходили к дороге, по которой вели несчастных, чтобы дать им воды или хлеба. Охрана жестко реагировала — отнимала еду или даже убивала заключенных, взявших ее. Но иногда этапируемым узникам удавалось сбежать и скрываться у местного населения.

В ряде случаев заключенные, наоборот, подвергались травле со стороны жителей. 8—9 апреля 1945 года в немецком городке Целле, после того как поезд с узниками был разбомблен, охрана транспорта отдала приказ заключенным укрыться в лесу и близлежащих домах, а затем возвратиться. Поскольку не все подчинились приказу, на людей была открыта настоящая охота, в которой участвовали не только эсэсовцы, но и местное гражданское население, например немецкая молодежь четырнадцати—восемнадцати лет. Несколько сотен человек было убито. И этот случай не был единственным. Подобные облавы являлись нормой дней агонии Третьего рейха»³⁹⁰.

Но чем дольше продолжалась эвакуация, тем более различнее к узникам становилась охрана, озабоченная собственным будущим: «...это уже было 29 апреля, когда были слышны канонады, всех, кто только мог еще двигаться, потому что последнее время было ужасно, мы просто почти ничего не ели. И вот таких изможденных людей построили, а тех, которые не могли, они оставили в лагере. Вывели нас и как бы вели нас на запад. Если бы вы только видели, конца и края не было видно заключенным, которых вели, и всё это были концлагерщики — Равенсбрюк, Заксенхаузен, все близлежащие лагеря, всех вели по этой тропе, которая называлась “марш смерти”, потому что тот, кто не мог дальше двигаться, их просто пристреливали. И в один из дней мы дошли до какого-то завода... канонада уже была очень слышна, надзиратели нас как бы покинули. Потом, как мы поняли, они пошли переодеваться. А мадам Жоли говорит нам: “Девочки, мы не знаем, что с нами в последнюю минуту сделают. Мы должны сейчас куда-то спрятаться”. Это, конечно, благодаря ей, потому что мы сами просто не могли додуматься до этого. Спрятались на чердаке этого завода. Спустя какое-то время пришли надзиратели с собаками и объявили, что тот, кто сейчас не встанет в ряды и будет найден, будет расстрелян. Выпустили собак на поиски. А мы, находясь на чердаке, всё время следили в щелочку, так как одна из наших девочек случайно уронила куртку, но боялась идти, так как тем самым она могла выдать всех. И куртка оставалась там, и вдруг мы видим, собака идет. И какое-то чудо — собака один марш лестницы не дошла и повернула назад. Так мы остались живы, колонна ушла дальше, а мы спустились и вышли из этого завода...»³⁹¹

Освобождение

Оставшиеся в концентрационных лагерях узники, в большинстве истощенные настолько, что были не способны даже передвигаться, наконец-то дождались освобождения.

Военный раввин Лесли Хардман, оказавшийся 16 апреля 1945 года среди освободителей Берген-Бельзена, вспоминал: «Первый человек, которого я встретил

в Берген-Бельзене, навсегда останется в моих воспоминаниях. Это была девочка, о которой я подумал сначала, что она негритянка. Ее лицо было темно-коричневым, и лишь позже я узнал, что речь шла о заживающих ожогах... Я смотрел на нее и переполнялся противоречивыми чувствами — страхом, сочувствием и стыдом... Передо мной и вокруг меня лежали дюжины истощенных голых или полуголых тел. «Они все спят?» — спросил я. «Нет, они все мертвы, они лежат там не первый день», — отвечала девочка, бесчувственно, устанавливая только факт... Этот тлетворный смрад, который отравлял воздух, вызывал у меня отвращение, и только присутствие девочки позволяло мне выносить его. Когда мы пошли дальше, мы встретили шатающуюся массу темной кожи и костей... «Боже мой, мертвецы идут!» — закричал я. «Они не мертвы, однако скоро будут такими», — сказала девочка»³⁹².

Двадцать третьего июля 1944 года Красная армия достигла Люблина-Майданека. Он стал первым освобожденным концлагерем на территории Третьего рейха. После нацистской эвакуации в концлагере оставалось всего 1000—1500 больных заключенных. Советские войска пригласили западных журналистов осмотреть концлагерь уже в августе 1944 года. Билл Лоуренс, московский корреспондент «Нью-Йорк таймс», который одним из первых сообщил о бойне в Бабьем Яре, после освобождения Майданека писал: «Я видел самое ужасное место на Земле». И хотя о преступлениях нацистов в Майданеке сообщалось в западной прессе, у союзников всё еще оставались сомнения в масштабах злодеяний в нацистских концлагерях. Но 27 января 1945 года Красной армией был освобожден Аушвиц-Биркенау, и через два дня в Москву была отправлена телеграмма:

«Москва
товарищу Маленкову

Освобожден район концентрационных лагерей Освенцим. Ужасный лагерь смерти. В Освенциме имеется пять лагерей. В четырех из них содержалось население из всех стран Европы, пятый лагерь был тюрьмой, куда заключались люди за всякие провинности перед лагерной администрацией.

Каждый лагерь представляет собой огромную площадь, обнесенную изгородью из нескольких рядов ко-

лючей проволоки, сверх которой идут электрические провода высокого напряжения. За этими изгородями бесчисленное количество деревянных бараков. Бесконечные толпы людей, освобожденные Красной Армией, идут из этого лагеря смерти. Среди них венгры, итальянцы, французы, чехословаки, греки, югославы, румыны, датчане, бельгийцы. Все они выглядят крайне измученными, седые старики и молодые юноши, матери с грудными детьми и подростками, почти все полураздетые. Очень много наших советских граждан, жителей Ленинградской, Калининской, Витебской, Тульской, Московской областей, из всех районов Советской Украины. Среди них много искалеченных, сохранивших следы пыток, следы фашистских зверств.

В Освенциме, по предварительным показаниям заключенных, замучено, сожжено, расстреляно сотни тысяч людей.

Прошу распоряжения о высылке представителей Государственной Чрезвычайной Комиссии по расследованию фашистских зверств.

Член Военного Совета 1-го Украинского фронта
генерал-лейтенант Крайников

29.01.1945 г.³⁹³.

Зрелище, представшее перед глазами советских солдат, было настолько ужасным, что сравнить его было не с чем. О масштабах преступлений, совершённых в Аушвице-Биркенау, свидетельствовали вещественные доказательства, обнаруженные на лагерных складах. Одно их перечисление, сделанное советской комиссией в акте, датированном 4 марта 1945 года, говорит само за себя. В оставленном нацистами Аушвице-Биркенау было обнаружено:

1. Мужской нижней и верхней одежды	246 820 шт.
2. Женской нижней и верхней одежды	836 225 шт.
3. Детской нижней и верхней одежды	115 063 шт.
4. Женской обуви разной	5525 пар
5. Мужской обуви без подошв	38 000 пар
6. Посуды металлической и эмалированной	69 848 шт. или 12 вагонов

7. Посуды фаянсовой разной	2 вагона
8. Постельного и столового белья	68 054 шт.
9. Ковров, дорожек, покрывал	13 964 шт.
10. Одеяд разных	9205 шт.
11. Шеток разных	49 865 шт.
12. Шеток зубных	9892 шт.
13. Помазков для бритья	7837 шт.
14. Камней для заточки бритв	1165 шт.
15. Бритв безопасных	4358 шт.
16. Ножей, вилок, ложек	14 693 шт.
17. Мясорубок	28 шт.
18. Зеркал разных	421 шт.
19. Расчесок, гребней	2739 шт.
20. Ножниц разных	2368 шт.
21. Матрацев	592 шт.
22. Пудрениц	116 шт.
23. Термосов	180 шт.
24. Талесов молитвенных*	5508 шт.
25. Чемоданов	3162 шт.
26. Очков разных	12 910 шт.
27. Швейных машин	376 шт.
28. Мыла хозяйственного	25 тонн

«Судя по устройству специальных полок для сортировки, наклейкам, ярлыкам и надписям на полках, наличию комнат, предназначенных для складывания загрязненных вещей, наличию рекламных ярлыков портных на костюмах, фабричных марок на посуде и чемоданах, ярлыков гостиниц на чемоданах, наличию книги учета отчужденного имущества, а также судя по тому, что женская, детская одежда складывалась навалом в склады, находящиеся в непосредственной близости от газовых камер, где уничтожались люди, — комиссия устанавливает, что:

1. Все обнаруженные вещи и предметы домашнего обихода принадлежали бывшим заключенным, привезенным с разных стран Европы, истребленным в Освенцимском концентрационном лагере.

2. Ограбленные у уничтоженных людей вещи и предметы домашнего обихода подвергались сортировке, ремонту и реставрации и вывозились в Германию»³⁹⁴.

Через четыре дня, 8 марта, был составлен еще один акт осмотра складов Аушвица. Помимо прочего, в нем сказано:

---

*Талес (талит) — прямоугольное покрывало, часть молитвенного облачения в иудаизме.

«...при осмотре оказалось, что в складе находится 293 мешка волос весом в среднем по 20 кг каждый и 12 мешков весом в среднем по 88 кг. Произведено раскрытие 12 малых мешков, волосы тонким слоем разложены на полу, где и произведен их подробный осмотр, причем оказалось: в мешках волосы плотно спрессованы, в виде отдельных плоских клубков, набитых слоями, с весом каждого клубка от 0,5 до 1—1,5 кг... Исходя из свойств обнаруженных волос: длины, цвета, толщины, внешнего их вида, характера пучков, заплетенных кос с наличием в них дамских гребешков, заколок, шпилек, тесемок и ленточек, — следует заключить, что означенные волосы являются человеческими и почти исключительно женскими.

Учитывая, что в женских волосах обнаружены предметы дамского обихода — шпильки, заколки, гребешки, а в косах — тесемки и ленточки, следует полагать, что волосы отрезались от трупов, т. е., возможно, в крематории и в частности после умерщвления газом перед сжиганием, что подтверждают и свидетели, бывшие заключенные Таубер Г., Мандельбаум, Драгон, работавшие в зондеркоманде.

Если ориентировочно [принять] во внимание средний вес отделенных волос с головы в 50 г с одной головы, то условно можно считать, что волосы в количестве 7000 кг могли быть сняты с 140 000 женщин»³⁹⁵.

Первым концлагерем, который 5 апреля 1945 года освободили американские войска, был Ордруф-Норд — небольшой филиал Бухенвальда. 12 апреля его посетили генералы Эйзенхауэр, Брэдли и Паттон. Позднее Эйзенхауэр писал в мемуарах: «Никогда я не был в состоянии описать те чувства, которые охватили меня, когда впервые передо мной оказалось столь бесспорное свидетельство бесчеловечности нацистов...»³⁹⁶ Джордж Паттон даже отказался войти в помещение, где находились несколько десятков тел узников, умерших от голода. Генералу стало дурно. После освобождения Ордруфа западная пресса начала тиражировать снимки из лагеря. Но впереди у американских войск еще был Бухенвальд.

Хронология освобождения Бухенвальда с участием самих заключенных такова:

10 апреля

К 18.00 эсэсовцы двумя группами вывели из Бухенвальда 9280 узников.

В полночь в 50 километрах от Бухенвальда появилось авангардное подразделение 3-й американской армии генерала Паттона.

11 апреля

В 10.00 звучит сигнальная сирена СС. По громкоговорителям сообщается: «Всем членам СС немедленно покинуть лагерь!»

В 10.30 международный лагерный комитет узников мобилизует группы сопротивления и вооружает их огнестрельным оружием.

В 11.00 к северо-западу от лагеря происходит перестрелка подразделений СС с наступающими американскими частями. Около полудня эсэсовцы бегут из лагеря. Охрана покидает вышки.

В 13.00 два американских танка приближаются к лагерю со стороны Хоттельштедта.

В 14.10 четыре американских танка находятся у северной окраины лагеря.

В 14.15 завязывается бой между американскими войсками и эсэсовцами в западной части лагеря.

В 14.30 американские танки достигают бараков СС и пересекают без остановки территорию лагерного поселка нацистов.

В 14.45 вооруженные группы сопротивления собираются между третьим и четвертым бараками. Временное командование лагеря, образованное из узников, решает занять здание с лагерными воротами.

В 15.00 глава вооруженных групп сопротивления Отто Рот и два электрика попадают по лестнице в помещение охраны над лагерными воротами. При столкновении с эсэсовцем и солдатом вермахта первому удалось бежать, а второй был взят в плен. Староста лагеря Ганс Эйден поднимает белый флаг, делает короткое объявление по громкоговорителю, сообщая ситуацию в лагере и призывая к сохранению дисциплины.

Около 15.00 после взятия лагерных ворот международные группы сопротивления берут под свой контроль весь лагерь, ломают западные ворота и забор, без боя занимают охранные вышки и бараки СС.

В 16.00 боевая операция американских войск поблизости от лагеря завершена. Группы сопротивления узников занимают весь лагерь, захватив 76 охранников.

В 16.45 собирается орган временного управления лагеря, в который входят представители десяти стран, и берет на себя решение срочных вопросов. Лагерный староста делает второе объявление по громкоговори-телю.

Около 17.00 джип с двумя военнотружущими армии США — лейтенантом Эммануэлем Десардом и сержан-том Полом Бодотом — достигает ворот лагеря. Десард официально передает командование лагерем в руки старосты. Возвратившись в расположение своей части, он сообщает, что Бухенвальд освобожден и в нем обна-ружены вооруженные узники.

Около 17.10 представители разведки 9-го пехотно-го батальона входят в лагерь с севера. Их приветствуют как освободителей, но вскоре они покидают лагерь.

12 апреля

Город Веймар занят 80-й пехотной дивизией армии США. Установлен первый контакт с Международным лагерным комитетом, взявшим в свои руки управление Бухенвальдом.

13 апреля

В 11.30 подполковник Эдмунд А. Болл, встретившись с двадцатью одним представителем Международного лагерного комитета, принимает управление лагерем³⁹⁷.

По распоряжению генерала Паттона 16 апреля 1945 года жители Веймара (от одной до двух тысяч че-ловек) были принудительно направлены в Бухенвальд, чтобы лично убедиться в совершённых нацистами пре-ступлениях.

Пятнадцатого апреля британские войска освободи-ли Берген-Бельзен, обнаружив там 60 тысяч истощен-ных узников. Бригадный генерал Х. Л. Глин Хугес вспо-минал: «Ни одно сообщение или фотография не может воспроизвести ужасный вид территории лагеря; страш-ные картины внутри бараков были еще более ужасны-ми. Во многих местах на территории лагеря трупы были сложены стопками разной высоты... Повсюду в лагере лежали разбросанные разлагающиеся человеческие те-ла. Котлованы канализации были переполнены трупа-ми, и в самих бараках лежали бесчисленные мертвецы, некоторые вместе с еще живыми, на одной кровати». Ни в одном другом концлагере не было обнаружено такого количества погибших. Союзники нашли в нем 10 тысяч

непогребенных трупов. В течение следующих недель умерло еще более тринадцати тысяч человек. Один из бывших узников свидетельствовал: «В Биркенау люди исчезали... В Берген-Бельзене они медленно умирали, от болезни, истощения, холода, больше всего от голода... В Берген-Бельзене смерть постоянно была перед глазами»³⁹⁸.

Американские солдаты, 29 апреля 1945 года вошедшие в Дахау, обнаружили сотни трупов узников. Шок от увиденного и желание отомстить за жертв вылились в расправу над эсэсовцами. Число убитых в ходе этой расправы значительно разнится в источниках; в любом случае оно составляло не менее пятидесяти человек³⁹⁹.

Освобожденные Аушвиц, Бухенвальд, Берген-Бельзен были запечатлены союзниками на видео- и фото- пленку. Эти визуальные материалы не только использовались для пропагандистских целей, но стали вечным напоминанием об ужасах нацизма и свидетельствами произошедших преступлений.

Узники концентрационных лагерей были наконец-то освобождены. Они запомнили этот момент по-разному. Объединяли их лишь счастье свободы и неизгладимая память о пережитых страданиях.

«Апрельские сумерки за окном уступили место темноте; уже и Петька вернулся, раскрасневшийся, возбужденный, переполненный сотнями непонятных слов, когда в репродукторе, наконец, вновь зазвучал голос старосты лагеря. На этот раз он обратился к членам Kartoffelschalerkommando (бригады чистильщиков картофеля. — С. А.), прося их быть столь любезными и занять свое место на кухне, а всех прочих обитателей лагеря призывая не ложиться спать хотя бы до полуночи, поскольку для них уже готовят наваристый суп — гуляш. Тут только я с облегчением откинулся на подушку, тут только меня постепенно отпустило напряжение, и я подумал — кажется, впервые подумал серьезно — о том, что я свободен»⁴⁰⁰.

«В один из дней вдруг слышим русский мужской голос... "Выходите. Кто там?" Мы буквально выползли оттуда. И когда увидели солдат наших, мы просто в полном смысле слова упали к ногам и целовали их. Они нас подняли, это уже было перед вечером, они нас подняли на руки, где-то нашли какие-то повозки и привезли нас

в город, город Нойбранденбург. Эту картину страшно вообще было описать. Город горел буквально, в полном смысле слова, все куда-то бежали, непонятно... Нас поместили в какой-то дом, закрыли нас и сказали, чтобы мы до утра до еды не дотрагивались, потому что еще может быть отравлено. И утром они пришли, как сказали — утром мы придем назад к вам. Пришли, взяли нас с собой, сняли с нас эту одежду, одели в нормальную одежду и попросили рассказать, откуда мы. «А знаете ли вы, какой сегодня день?» Честно говоря, мы не знали. Это было 1 мая. Этот листок я храню всю жизнь как удостоверение о рождении: «1 мая 1945 г. — день освобождения наших сестер из германской каторги. День освобождения Людмилы Максимовой. Военной части полевая почта 54233Т, Лавренев Василий Иванович, Лыбин Алексей Николаевич». Этот листок я храню всю жизнь...»⁴⁰¹

«А потом из лесочка поднялись и смотрим, по дороге идет наш. Ну и конечно, как все эти бабоньки высыпали и как налетели, а это был младший лейтенант... Он только и говорит: «Бабоньки, я прошел всю войну, я дошел почти до Берлина, оставьте меня живым!» У него пуговиц не было, рукав оторван, сапоги вычищены до блеска. Конечно, тут было такое, что описать это невозможно»⁴⁰².

«Около пяти вечера у ворот Бухенвальда появился первый американский танк. Став свободными людьми, мы, прежде всего, набросились на еду. Ни о чем другом мы не думали. Ни о мести, ни о родных. Только о хлебе. И даже когда мы наелись, о мести никто не думал. На следующий день несколько молодых ребят отправились в Веймар в поисках картошки и одежды, а потом — к девицам. Но ни малейшей мысли о мщении.

Через три дня после освобождения Бухенвальда я тяжело заболел: это было пищевое отравление. Меня отправили в больницу, где я провел две недели между жизнью и смертью. Однажды, собравшись с силами, я смог подняться. Мне хотелось посмотреть в зеркало, которое висело на стене напротив. Я не видел себя со времен гетто. Из зеркала на меня глядел мертвец. С тех пор его взгляд не оставляет меня»⁴⁰³.

XX век по праву можно назвать веком лагерей. Появившись на самом излете предшествующего столетия, во время войны за независимость Кубы в 1896 году, они стали одним из неотъемлемых атрибутов Новейшего времени. Лагеря существовали во множестве стран: Южной Африке, Италии, Советском Союзе, Японии и др. Типов лагерей было огромное количество. Но только концентрационные лагеря Третьего рейха стали вершиной пирамиды смерти и самым главным символом человеческих страданий, объединивших народы Европы.

За возникновением и функционированием нацистских концлагерей стоял фюрер Третьего рейха Адольф Гитлер. Его имя редко упоминалось на страницах этой книги, но этот факт не должен никого вводить в заблуждение. Хотя Гитлер, в отличие от рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, сам никогда не посещал концентрационные лагеря, однако всё, что происходило в них, было инициировано, прямо или косвенно, лично им. Его расистские, античеловеческие, милитаристские идеи находили воплощение в лагерной реальности. Как создатель бесчеловечной идеологии нацизма он присутствовал в каждом своем «творении», направляя и одобряя решения как высших чинов СС, обсуждавших реализацию его идеи полного уничтожения евреев, так и рядовых лагерных охранников, убежденных в правильности его концепции «борьбы с врагами Германии» и убивавших безоружных заключенных.

Что же за опыт остался человечеству после краха нацистской лагерной системы и смерти ее вдохновителей и организаторов? Этот опыт настолько многообразен, что его тяжело описать, но о некоторых его аспектах упомянуть необходимо.

Пожалуй, главной составляющей этого ужасного наследия стала тяжелейшая травма, нанесенная не только отдельным людям, но и целым народам. Эта травма, проявившаяся в психическом, этическом, политическом и прочих измерениях, привела к кризису устоявшихся отношений, систем ценностей и ориентиров. И она, увы, не до конца излечена даже в наши дни. Вполне возможно, что на это уйдет еще не одно десятилетие.

Одним из важнейших последствий этой травмы стала необходимость переосмысления человеком самого себя — своего места в мире, ценностей и идеалов. Бывший узник Аушвица Примо Леви озаглавил свою блестящую и бесконечно горькую книгу о личном лагерном опыте риторическим вопросом «Человек ли это?», имея в виду палачей и жертв нацистского концлагеря. Да, это человек, убежденный в псевдоидеалах расового превосходства, уничтожавший других в газовых камерах, сжигавший в крематориях, расстреливавший во рвах, проводивший медицинские опыты над другими — не такими, как он. Да, это человек, обслуживавший зло, убивавший себе подобных, чтобы получить кусок хлеба. Да, это человек, убивавший собрата, чтобы отложить собственную смерть лишь на один день, а возможно, и на несколько минут. Да, это человек, выходивший из строя и желавший погибнуть вместо другого. Да, это человек, отдававший последнюю пайку близкому и умиравший от голода. Да, это человек, пытавшийся сломать, уничтожить самую жестокую, самую бесчеловечную и, казалось бы, вечную систему.

Но разве не знали о человеческой сущности до Аушвица, Майданека, Бухенвальда? Конечно же, знали. Но это знание никогда ранее не было так сконцентрировано, собрано в одном месте, в одно время, и никогда ранее это знание человека о самом себе не демонстрировало всю полноту его низости и величия. Бывший узник и всемирно известный психолог Виктор Франкл писал: «Если уютно, концлагерь был не чем иным, как

микрокосмическим отражением мира людей вообще. Жизнь в концлагере раскрыла самые бездонные глубины человеческой души. Должно ли нас удивлять, что в этих глубинах вновь обнаружилось всё человеческое? Человеческое, как оно есть, — как сплав добра и зла! Трещина, которая проходит через всю человеческую природу, разделяя добро и зло, достигает и этих, самых глубоких глубин и отчетливо видна как раз на фоне той бездны, которую представляет собой концлагерь». После концентрационных лагерей началась другая эпоха. Эпоха человека после Аушвица. Но чтобы Аушвиц не повторился, нужно знать и помнить, что он был.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: Мельников Д. Е., Черная М. И. Конвейер смерти. М.: Вече, 2005; Семиряга М. И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М.: Юридическая литература, 1991; Холокост на территории СССР: Энциклопедия / Под ред. И. А. Альтмана. М.: РОССПЭН, 2011; Неизвестная «Черная книга»: Материалы к «Черной книге» / Под ред. В. Гроссмана и И. Эренбурга; сост. И. А. Альтман. М.: Corpus; АСТ, 2015; Полян П. М. Между Аушвицем и Бабьим Яром: размышления и исследования о Катастрофе. М.: РОССПЭН, 2010; Он же. Свитки из пепла. М.: АСТ, 2015; Аристов С. В. Жизнь вопреки: Стратегии выживания нацистского женского концентрационного лагеря Равенсбрюк (1939—1945 гг.). Подольск: Ваш дом, 2012; Конопатченков А. В. Концентрационные лагеря системы Маутхаузен в нацистской Германии (1938—1945 гг.): история, структура, сопротивление: Дис. канд. ист. наук. М., 2010.

² Orth K. Die Historiografie der Konzentrationslager und die neuere KZ-Forschung // Archiv für Sozialgeschichte. 2007. № 47. S. 579—598; Аристов С. В. Система нацистских концентрационных лагерей: европейское измерение историографии проблемы // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Вып. 44. М.: Едиториал УРСС, 2013. С. 348—366.

³ Семпрун Х. Долгий путь. М.: Известия, 1989. С. 44.

⁴ Цит. по: Фрай Н. Государство фюрера. Национал-социалисты у власти: Германия, 1933—1945. М.: РОССПЭН; ГИИМ, 2009. С. 32.

⁵ Цит. по: Эванс Р. Дж. Третий рейх: Зарождение империи, 1920—1933. Екатеринбург, М.: У-Фактория; Астрель, 2010. С. 401.

⁶ См.: Tuchel J. Organisationsgeschichte der «frühen» Konzentrationslager // Der Ort des Terrors: Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager / Hrsg. W. Benz, B. Distel. Bd. 1. München: C. H. Beck, 2005. S. 44.

⁷ См.: Arensbök-Holstendorf/Der Ort des Terrors. Bd. 2. München: C. H. Beck, 2005. S. 18.

⁸ См.: Wachsmann N. KL: A History of the Nazi concentration camps. New York: Farrar, Straus & Giroux, 2015. P. 63.

⁹ Цит. по: Krause-Vilmar D. Das Konzentrationslager Breitenau. Ein staatliches Schutzhaftlager 1933/34, Nationalsozialismus in Nordhessen. Bd. 18. Marburg: Schüren Presseverlag, 1997. S. 163.

¹⁰ Аристов С. В. Роль Дахау и Лихтенбурга в процессе становления системы нацистских концентрационных лагерей // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2013. Т. 19. № 3. С. 16.

¹¹ Цит. по: История Германии: Учебное пособие: В 3 т. //

Под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. М.: Книжный дом Университет, 2008. Т. 3. С. 372.

¹² См.: *Orth K.* Das System der nationalsozialistischen Konzentrationslager. Zürich; München: Pendo, 2002. S. 33.

¹³ Цит. по: *Pingel F.* Häftlinge unter SS-Herrschaft: Widerstand, Selbstbehauptung und Vernichtung im Konzentrationslager. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1978. S. 62.

¹⁴ См.: *Tuchel J.* Planung und Realität des System der Konzentrationslager 1934—1938 // Die nationalsozialistischen Konzentrationslager. Entwicklung und Struktur / Hrsg. U. Herbert, K. Orth, K. Dieckmann. Berlin: Wallstein Verlag, 1998. S. 56.

¹⁵ См.: *Wachsmann N.* The dynamics of destruction. The development of the concentration camps, 1933—1945 // Concentration Camps in Nazi Germany. The New Histories / Ed. by J. Caplan, N. Wachsmann. Routledge: London; New York, 2010. P. 43.

¹⁶ Цит. по: История Германии. Т. 3. С. 402.

¹⁷ См.: *Zámečník S.* Das war Dachau. Luxemburg: Comité International de Dachau, 2002. P. 102.

¹⁸ См.: Российский государственный военный архив. Ф. 1372. Оп. 5. Д. 156. Л. 96—99, 30—33.

¹⁹ См.: Staatsarchive München (далее — SAM). NSG-Akten, Ermittlungsverfahren StA München II. № 30. Verfahren 13 Js 17 ab/69. Heft 4. S. 58—67.

²⁰ См.: *Orth K.* Das System der nationalsozialistischen Konzentrationslager. S. 116.

²¹ См.: Ibid. S. 111.

²² См.: *Stein H.* Funktionswandel des Konzentrationslagers Buchenwald im Spiegel der Lagerstatistiken // Die nationalsozialistischen Konzentrationslager. Entwicklung und Struktur. S. 167—192.

²³ См.: *Schwarz G.* Die nationalsozialistischen Lager. Frankfurt/Main: Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1996. S. 261.

²⁴ См.: *Broszat M.* Nationalsozialistische Konzentrationslager 1933—1945 // Hrsg. Buchheim H. Anatomie des SS-Staates. München: Dtv, 1982. Bd. 2. S. 131.

²⁵ См.: *Piper F.* Die Zahl der Opfer von Auschwitz // Auschwitz. Nationalsozialistisches Vernichtungslager. Oświęcim: Staatliches Museum Auschwitz-Birkenau, 2008. S. 286.

²⁶ См.: *Wachsmann N.* The dynamics of destruction. P. 33.

²⁷ См.: *Fabréguet M.* Mauthausen. Camp de concentration national-socialiste en Autriche rattachée. Paris: Honoré Champion Éditeur, 1999. P. 166, 182—187; Konzentrationslager Buchenwald 1937—1945. Begleitband zur ständigen historischen Ausstellung. Göttingen: Wallstein-Verlag, 1999; *Sprenger I.* Gross-Rosen. Ein Konzentrationslager in Schlesien. Köln: Böhlau, 1996. S. 266.

²⁸ Воспоминания узника нацистских концлагерей Темкина М. В. // http://militera.lib.ru/memo/russian/tyomkin_mv01/text.html#t2.

²⁹ См.: Wachsmann N. The dynamics of destruction. P. 34.

³⁰ См.: Orth K. Das System der nationalsozialistischen Konzentrationslager. S. 281.

³¹ См.: Blatman D. Rückzug, Evakuierung und Todesmärsche, 1944—1945 // Der Ort des Terrors. Bd. 1. S. 300.

³² См.: Orth K. Das System der nationalsozialistischen Konzentrationslager. S. 346.

³³ Цит. по: Tuchel J. Die Inspektion der Konzentrationslager // Verfolgung, Alltag, Widerstand. Brandenburg in der NS-Zeit. Berlin: Verlag Volk und Welt, 1993. S. 274.

³⁴ Цит. по: Segev T. Soldiers of Evil. The commandants of the Nazi concentration camps. New York: Mc Graw-Hill Book Company, 1987. P. 146.

³⁵ SAM. StA 34461/4.

³⁶ Цит. по: Tuchel J. Die Inspektion der Konzentrationslager. S. 286.

³⁷ Цит. по: Ibid. S. 295—296.

³⁸ Цит. по: Ibid. S. 297.

³⁹ Комендант Освенцима: Автобиографические записки Рудольфа Гесса // http://www.e-reading.club/chapter.php/1003046/11/Gess_Rudolf_-_Komendant_Osvencima_Avtobiograficheskie_zapiski_Rudolfa_Gessa.html.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ См.: Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under control Council Law. Vol. 5. Washington: United States Government Printing Office, 1950. P. 216.

⁴² См.: Schulte J. Das SS-Wirtschafts-Verwaltungshauptamt und die Expansion des KZ-System Der Ort des Terrors. Bd. 1. S. 144—145.

⁴³ См.: Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under control Council Law. Vol. 5. P. 217—218.

⁴⁴ См.: Wachsmann N. KL. P. 649.

⁴⁵ См.: Ibid. P. 650—652.

⁴⁶ См.: Orth K. Die Konzentrationslager-SS. Göttingen: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2004. S. 205.

⁴⁷ См.: Ibid. S. 654.

⁴⁸ См.: Schulte J. Op. cit. S. 149—150; Wachsmann N. KL. P. 659—661.

⁴⁹ См.: Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under control Council Law. Vol. 5. P. 245.

⁵⁰ Wachsmann N. KL. P. 667.

⁵¹ Цит. по: Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under control Council Law. Vol. 5. P. 988.

⁵² См.: Lexikon des Holocaust / Hrsg. W. Benz. München: Verlag C. H. Beck oHG, 2002. P. 10.

⁵³ СС в действии: Документы о преступлениях СС. М.: Светотон, 2000. С. 155.

⁵⁴ Цит. по: Wachsmann N. KL. P. 636.

⁵⁵ Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under control Council Law. Vol. 5. P. 664.

⁵⁶ Цит. по: *Kronendorfer B.* A Perpetrator's Confession: Gender and Religion in Oswald Pohl's Conversion Narrative // *Journal of Men, Masculinities and Spirituality*. 2008. Vol. 2. № 2. June. P. 64.

⁵⁷ См.: *Gerwarth R.* Hitler's Hangman: the Life of Heydrich. New Haven: Yale Univ. Press, 2011. P. 75.

⁵⁸ См.: *Хёне Х.* Черный орден СС: История охранных отрядов. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 112.

⁵⁹ См.: *Gerwarth R.* Op. cit. P. 109.

⁶⁰ Цит. по: *Ibid.* P. 5.

⁶¹ См.: *Wildt M.* The Spirit of the Reich Security Main Office (RSHA) // *Totalitarian Movements and Political Religions*. 2005. Vol. 6. № 3. P. 333—349.

⁶² См.: Verfügungsbeschränkungen über das bewegliche Vermögen für Juden // Institut für Zeitgeschichte (далее — IfZ). Protokolle und Dokumente des Prozesses gegen Adolf Eichmann. Eich. 739.

⁶³ См.: *Кудряшов С.* Немецкие айнзатцгруппы в годы войны // *Война на уничтожение: Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы*. М: Историческая память, 2010. С. 167.

⁶⁴ См.: *Gerlach C.* Kalkulierte Morde: die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1944. Hamburg: Hamburger Ed., 1999. S. 648.

⁶⁵ *Ланг Й.* Протоколы Эйхмана. Записи допросов в Израиле // [http://www.e-reading.club/chapter.php/1007021/3/Lang_Protokoly_Eyhmana.Zapisi_doprosov_v_Izraile.html](http://www.e-reading.club/chapter.php/1007021/3/Lang_Protokoly_Eyhmana_Zapisi_doprosov_v_Izraile.html).

СС в действии. С. 133—141.

⁶⁶ См.: *Gerwarth R.* Op. cit. P. 227.

⁶⁷ См.: *Ibid.* S. 258.

⁶⁸ Цит. по: *Ibid.* P. 11.

⁶⁹ См.: *Arad Y.* Belzec, Sobibor, Treblinka: the operation Reinhard death camps. Bloomington; Indianapolis: Indiana Univ. Press, 1987. P. 379; <https://www.its-arolsen.org/de/forschung-und-bildung/historischer-hintergrund/jahrestage/index.html?expand=6439&cHash=46b19720b604a10da8b22c17a8eec502>.

⁷⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 7021. Оп. 148. Д. 92. Л. 13.

⁷¹ Там же. Оп. 103. Д. 1. Л. 19—20.

⁷² См. например: *Die innere Organisation des Konzentrationslagers Auschwitz* // *Justiz und NS-Verbrechen*. Bd. XXI. Verfahren Nr. 590—595 (1965). Amsterdam: University of Amsterdam, 2012. P. 396.

⁷³ *Kogon E.* Theory and Practice of Hell. New York: Berkly Books, 1998. P. 55.

⁷⁴ См., например: *Die innere Organisation des Konzentrationslagers Auschwitz*. P. 396—398.

⁷⁶ См., например: Ibid. P. 398—399.

⁷⁷ См.: *Heike I.* «...da es sich ja lediglich um die Bewachung der Häftlinge handelt...» // *Frauen in Konzentrationslagern: Bergen-Belsen, Ravensbrück* / Hrsg. C. Füllberg-Stolberg. Bremen: Ed. Temmen, 1994. S. 225.

⁷⁸ См.: *Strebel B.* Das KZ Ravensbrück. Geschichte eines Lagerkomplexes. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2003. S. 68.

⁷⁹ См., например: *Die innere Organisation des Konzentrationslagers*. P. 399.

⁸⁰ См.: Ibid. P. 399—400.

⁸¹ См.: ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 103. Д. 9. Л. 6—9.

⁸² Цит. по: *Fritz U.* Wachmannschaften im KZ-Komplex Flossenbürg // *Bewachung und Ausführung. Alltag der Täter in nationalsozialistischen Lagern*. Hrsg. A. Benz, M. Vulesica. Berlin: Metropol, 2011. S. 29.

⁸³ См.: *Dillon C.* Dachau and the SS: A schooling in violence. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 229.

⁸⁴ Ibid. P. 223.

⁸⁵ Цит. по: *Schwarz G.* Eine Frau an seiner Seite: Ehefrauen in der «SS-Sippengemeinschaft». Hamburg: Hamburger Edition, 1997. S. 172.

⁸⁶ Цит. по: *Dillon C.* Op. cit. P. 235.

⁸⁷ Цит. по: *Schwarz G.* Eine Frau an seiner Seite. S. 117.

⁸⁸ Цит. по: Ibid. S. 121.

⁸⁹ Комендант Освенцима

⁹⁰ Цит. по: *Schwarz G.* Eine Frau an seiner Seite. S. 141.

⁹¹ Цит. по: Ibid. S. 131.

⁹² Цит. по: *Segev T.* Op. cit. P. 195.

⁹³ Комендант Освенцима.

⁹⁴ См.: *Рус Л.* Освенцим: нацисты и «окончательное решение» еврейского вопроса. М.: Колибри; Азбука-Аттикус, 2014. С. 264—266.

⁹⁵ Цит. по: *Schwarz G.* Eine Frau an seiner Seite. S. 148.

⁹⁶ Цит. по: Ibid. S. 167.

⁹⁷ ГА РФ. Оп. 116. Д. 48. Л. 39.

⁹⁸ См.: *Smith A.* Die Hexe von Buchenwald: Der Fall Ilse Koch. Weimar; Köln; Wien: Böhlau, 1994. S. 192.

⁹⁹ См.: *Ortb K.* Die Konzentrationslager-SS.

¹⁰⁰ Комендант Освенцима.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ См.: *Ortb K.* Die Konzentrationslager-SS. S. 178—181.

¹⁰⁴ Комендант Освенцима.

¹⁰⁵ См.: *Lexikon des Holocaust*. S. 100.

¹⁰⁶ Цит. по: *Segev T.* Op. cit. P. 240.

¹⁰⁷ Цит. по: *Cazenave B.* L'exemplarité du commandant SS Karl Otto Koch // *Bulletin Trimestriel de la Fondation Auschwitz*. 2005. Janvier—mars. № 86. P. 17.

- ¹⁰⁸ Цит. по: *Segev T.* Op. cit. P. 182.
- ¹⁰⁹ Цит. по: *Ibid.* P. 182.
- ¹¹⁰ Цит. по: *Ibid.* P. 185.
- ¹¹¹ *Ibid.* P. 174.
- ¹¹² См.: ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 67. Д. 75. Л. 53 об.
- ¹¹³ См.: Там же. Л. 142 об.
- ¹¹⁴ См.: *Prusin A.* A Community of Violence: The SiPo/SD and Its Role in the Nazi Terror System in Generalbezirk Kiev // *Holocaust and Genocide Studies*. 2007. № 1. P. 10.
- ¹¹⁵ Галузевий державний архів Служби безпеки України (далее — ГДА СБУ). Ф. 7. Оп. 8. Д. 1. Л. 88.
- ¹¹⁶ См., например: Там же. Ф. 5. Д. 46839. Л. 29.
- ¹¹⁷ The Trial of Amon Goeth, 28.09.1946 // <http://www.holocaustresearchproject.org/trials/goeth3.html>.
- ¹¹⁸ United States Holocaust Memorial Museum (далее — USHMM). RG-50.147.0005 (Oral history interview with Helen Horowitz, 19.05.1983). P. 4.
- ¹¹⁹ См.: Bundesarchive (далее — BA). NS/4/Ra 1. S. 3—5.
- ¹²⁰ Цит. по: *Mailänder M.* Female SS Guards and Workday Violence. The Majdanek Concentration Camp 1942—1944. East Lansing: Michigan State University Press, 2015. P. 46.
- ¹²¹ См.: *Heike I.* Op. cit. S. 224.
- ¹²² *Vernehren I.* Reise durch den letzten Akt. Ravensbrück, Buchenwald, Dachau: eine Frau berichtet. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1979. S. 18.
- ¹²³ Освенцим в глазах СС. Освенцим: Государственный музей в Освенциме, 1979. С. 74.
- ¹²⁴ См.: BA. NS/4/Ra 1.
- ¹²⁵ *Tillion G.* Ravensbrück. Paris: Seuil, 1988. P. 140.
- ¹²⁶ *Buber-Neumann M.* Under Two Dictators. London: Pimlico, 2009. P. 232.
- ¹²⁷ Цит. по: *Koslov E.* Gewalt im Dienstalltag. Die SS-Aufseherinnen des Konzentrations- und Vernichtungslagers Majdanek, 1942—1944. Hamburg: Hamburger Ed., 2009. S. 150.
- ¹²⁸ См. например: ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 103. Д. 10. Л. 16—20; *Koslov E.* Op. cit. S. 145—147.
- ¹²⁹ См.: *Koslov E.* Op. cit. S. 400.
- ¹³⁰ См.: BA. NS/4/Ra. S. 3—5.
- ¹³¹ Цит. по: *Mailänder M.* Op. cit. P. 155.
- ¹³² См.: *Ibid.* P. 155.
- ¹³³ Цит. по: *Арустов С. В.* Жизнь вопреки. С. 40.
- ¹³⁴ Цит. по: *Wachsmann N.* KL. P. 172.
- ¹³⁵ IKL Befehlsblatt. 1.07.1937 // *IFZ*. 293. S. 2550154.
- ¹³⁶ См.: *Dillon C.* Op. cit. P. 58.
- ¹³⁷ Цит. по: *Ibid.*
- ¹³⁸ См.: *Ibid.* P. 60—61.
- ¹³⁹ ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 103. Д. 1. Л. 48.
- ¹⁴⁰ Там же. Л. 50—51.

- ¹⁴¹ Там же. Д. 11. Л. 16.
- ¹⁴² Das Schwarze Korps. 1936. 13. Februar.
- ¹⁴³ См.: *Dillon C.* Op. cit. P. 82.
- ¹⁴⁴ См.: *Morrison G.* Ravensbrück: everyday life in a women's concentration camp. Princeton: Markus Wiener Publishers, 2000. P. 23.
- ¹⁴⁵ См.: BA. NS 3/395. S. 100; NS 3/409. S. 136.
- ¹⁴⁶ См.: USHMM. RG-31.018M. Reel № 60. P. 82—83 (Personalbogen Skorochod).
- ¹⁴⁷ См.: Ibid. Reel № 57. P. 60 (протокол дополнительного допроса арестованного Румянцева А. С.).
- ¹⁴⁸ Ibid. P. 62.
- ¹⁴⁹ Приговоренные нацизмом: Сборник документальных свидетельств о злодеяниях немецких нацистов и их пособников в годы германской оккупации Латвии в 1941—1945 гг. Рига: Историческая память, 2011. С. 27.
- ¹⁵⁰ См., например: USHMM. RG-31.018M. Reel № 56. P. 32, 56—57 (обвинительное заключение по делу Умярова Х.; заключение по уголовному делу в отношении Земляникина С. С.).
- ¹⁵¹ См. например: Ibid. P. 12—12 об. ((протокол допроса свидетеля Ярыгина П. С.).
- ¹⁵² См.: Нацистские лагеря смерти: Очевидцы свидетельствуют. Крымский выпуск. Т. 2 / Сост. А. В. Валякин. Симферополь: Доля, 2010. С. 337, 341, 343, 349.
- ¹⁵³ См.: Приговоренные нацизмом. С. 31.
- ¹⁵⁴ Цит. по: *Wachsmann N.* KL. P. 592.
- ¹⁵⁵ См.: ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 103. Д. 2. Л. 16, 25; Д. 3. Л. 7.
- ¹⁵⁶ *Yad Vashem* (далее — YV). М. 38. F. 539. P. 1.
- ¹⁵⁷ ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 108. Д. 20 Л. 60.
- ¹⁵⁸ Освенцим в глазах СС. С. 202.
- ¹⁵⁹ ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 104. Д. 8. Л. 7—10.
- ¹⁶⁰ Там же. Оп. 103. Д. 2. Л. 25.
- ¹⁶¹ См.: *Fritz U.* Op. cit. S. 33.
- ¹⁶² См.: ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 103. Д. 2. Л. 41.
- ¹⁶³ Там же. Оп. 107. Д. 11. Л. 164.
- ¹⁶⁴ См.: *Sommer R.* Das KZ-Bordell: sexuelle Zwangsarbeit in nationalsozialistischen Konzentrationslagern. Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 2009. S. 44—45.
- ¹⁶⁵ См.: Ibid. S. 46—47.
- ¹⁶⁶ См.: *Dillon C.* Op. cit. P. 232.
- ¹⁶⁷ См.: Державний архів Київської області (далее — ДАКО). Ф. Р-4. Оп. 2. Д. 85. Л. 177.
- ¹⁶⁸ См.: *Трубаков З.* Тайна Бабьего Яра // <http://amkob113.narod.ru/bkv/rb-2.html>.
- ¹⁶⁹ Цит. по: *Koslov E.* Op. cit. S. 398.
- ¹⁷⁰ Цит. по: *Morrison G.* Op. cit. P. 77.
- ¹⁷¹ Комендант Освенцима.
- ¹⁷² *Buber-Neumann M.* Op. cit. P. 190, 192.

- ¹⁷³ *Малая Г.* Клеи в лагерях смерти. М., 2007. Т. 1. С. 180.
- ¹⁷⁴ *Buber-Neumann M.* Op. cit. P. 170—171.
- ¹⁷⁵ Комендант Освенцима.
- ¹⁷⁶ *Kogon E.* Op. cit. P. 177.
- ¹⁷⁷ *Sofsky W.* The Order of Terror: The Concentration Camp. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1996. P. 47.
- ¹⁷⁸ См.: *Endlich S.* Die äussere Gestalt des Terrors. Zu Städtebau und Architektur der Konzentrationslager // Der Ort des Terrors. Bd. 1. S. 210—229.
- ¹⁷⁹ См.: *Sofsky W.* Op. cit. P. 66.
- ¹⁸⁰ *Rousset D.* L'univers concentrationnaire. Paris: Hachette Littératures, 2008. P. 50, 52.
- ¹⁸¹ См.: *Pflock A.* «Lebens»-bedingungen im Konzentrationslager // Frauen in Konzentrationslagern: Bergen-Belsen, Ravensbrück. S. 47.
- ¹⁸² *Леви П.* Человек ли это? М.: Текст, 2001. С. 37—38.
- ¹⁸³ Цит. по: *Аристов С. В.* Люди доброй воли: Нацистский концентрационный лагерь Равенсбрюк в судьбах бывших узниц из Советского Союза. Подольск: МОГИ, 2012. С. 106.
- ¹⁸⁴ Цит. по: *Saidel R.* The Jewish women of Ravensbrück Concentration camp. Madison: The university of Winsconsin Press, 2004. P. 84.
- ¹⁸⁵ *Семпрун Х.* Указ. соч. С. 17.
- ¹⁸⁶ См.: *Rubenstein R. L., Roth J. K., Westminster J.* Approaches to Auschwitz. The Holocaust and its Legacy. Louisville: Knox Press, 2003. P. 362.
- ¹⁸⁷ См.: Gutachten über die unter der NS-Diktatur erzielten Einnahmen der «Deutschen Reichsbahn» aus Transportleistungen zur Verbringung von Personen...//http://www.zug-der-erinnerung.eu/download/gutachten/Gutachten_Vorwort_DE.Pdf. S. 9.
- ¹⁸⁸ См.: Benjamin Lakhovitzki (interview // YV. O. 3. F. 10961. P. 27.
- ¹⁸⁹ *Семпрун Х.* Указ. соч. С. 111.
- ¹⁹⁰ Цит. по: *Ланг Й.* Указ. соч.
- ¹⁹¹ *Семпрун Х.* Указ. соч. С. 56.
- ¹⁹² *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. С. 133—134.
- ¹⁹³ Там же. С. 134.
- ¹⁹⁴ *Леви П.* Указ. соч. С. 24.
- ¹⁹⁵ *Семпрун Х.* Указ. соч. С. 41.
- ¹⁹⁶ Цит. по: *Iwaszko T.* Deportation ins KL Auschwitz und Registrierung der Häftlinge // Auschwitz. Nationalsozialistisches Vernichtungslager. S. 87.
- ¹⁹⁷ См.: Нюрнбергский процесс: Сборник материалов: В 7 т. Т. 4. М.: Юридическая литература, 1959. С. 413.
- ¹⁹⁸ *Леви П.* Указ. соч. С. 31.
- ¹⁹⁹ См.: BA. NS 3/386. S. 116.
- ²⁰⁰ *Кертес И.* Без судьбы // http://www.dolit.net/author/8887/ebook/32735/kertes_imre/bez_sudbyi/read/7.

- ²⁰¹ Леви П. Указ. соч. С. 40—41.
- ²⁰² Цит. по: *Strebel B.* Op. cit. S. 191.
- ²⁰³ См.: *Ibid.* S. 190 - 191.
- ²⁰⁴ См.: *Iwaszko T.* Op. cit. S. 116.
- ²⁰⁵ Леви П. Указ. соч. С. 43.
- ²⁰⁶ См.: Женщины Равенсбрюка / Под ред. Э. Бухман. М.: Иностранная литература, 1960. С. 44.
- ²⁰⁷ *Kertész I.* Указ. соч. // http://www.dol.it.net/author/8887/ebook/32735/kertes_imre/bez_sudbyi/read/11.
- ²⁰⁸ *Семпрун Х.* Указ. соч. С. 37.
- ²⁰⁹ См.: *Maršálek H.* Die Geschichte des Konzentrationslagers Mauthausen: Dokumentation. Wien: Österr. Lagergemeinschaft Mauthausen, 1980. S. 59.
- ²¹⁰ См.: *Lenard D.* Flucht aus Majdanek // *Dachauer Hefte.* 1991. Bd. 7. S. 145.
- ²¹¹ См.: ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 9. Д. 47. Л. 25.
- ²¹² См.: ГДА СБУ. Ф. 5. Д. 46772. Л. 11—11 об.
- ²¹³ См.: *Котек Ж., Ригуло П.* Век лагерей: лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний. М.: Текст, 2003. С. 272.
- ²¹⁴ Освенцим в глазах СС. С. 56.
- ²¹⁵ Цит. по: Женщины Равенсбрюка С. 45.
- ²¹⁶ Цит. по: *Hrdlicka M.* Alltag im KZ. Das Lager Sachsenhausen bei Berlin. Opladen: Leske und Budrich, 1991. S. 71.
- ²¹⁷ *Kertész I.* Указ. соч. // http://www.dol.it.net/author/8887/ebook/32735/kertes_imre/bez_sudbyi/read/11.
- ²¹⁸ См.: *Леви П.* Канувшие и спасенные. М.: Новое издательство, 2010. С. 81.
- ²¹⁹ *Агамбен Дж.* Homo Sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Европа, 2012. С. 43.
- ²²⁰ Освенцим в глазах СС. С. 56.
- ²²¹ *Семпрун Х.* Указ. соч. С. 111.
- ²²² Цит. по: *Аристов С. В.* Люди доброй воли. С. 142.
- ²²³ Цит. по: *Iwaszko T.* Op. cit. P. 122.
- ²²⁴ ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 107. Д. 8. Л. 304.
- ²²⁵ См.: *Iwaszko T.* Op. cit. P. 123.
- ²²⁶ Цит. по: *Аристов С. В.* «Лагерное самоуправление» в нацистских концентрационных лагерях: между сопротивлением и коллаборационизмом // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 5 (1). С. 202.
- ²²⁷ *Kaenig H.* «Freundschaft? Kameradschaft?.. Wie kann das möglich sein?»: Solidarität, Widerstand und die Rolle der «roten Kapos» in Neuengamme // *Abgeleitete Macht: Funktionshäftlinge zwischen Widerstand und Kollaboration. Beiträge zur Geschichte der nationalsozialistischen Verfolgung in Norddeutschland.* H. 4. Bremen: Ed. Temmen, 1998. S. 23.
- ²²⁸ См.: *Maršálek H.* Op. cit. S. 60—61.
- ²²⁹ См.: *Sommer R.* Op. cit. S. 202.

²³⁰ Визель Э. Ночь. Рассвет. День: Трилогия. М.: ОЛИМП—ППП, 1993. С. 56.

²³¹ См.: *Friling T.* A Jewish kapo in Auschwitz: history, memory, and the politics of survival. Waltham: Brandeis University Press, 2014. P. 35.

²³² См.: *Wachsmann N.* KL. P. 836.

²³³ Освенцим в глазах СС. С. 72.

²³⁴ Цит. по: *Котек Ж., Ризуло П.* Указ. соч. С. 317.

²³⁵ Цит. по: Там же. С. 319.

²³⁶ См.: ГДА СБУ. Ф. 5. Д. 46772. Л. 26—27.

²³⁷ Там же. Л. 71 об.

²³⁸ *Мюллер Ш.* Слесарная команда Равенсбрюка. М.: Политиздат, 1985. С. 59.

²³⁹ См.: ГДА СБУ. Ф. 5. Оп. 8. Д. 1. Л. 53.

²⁴⁰ *Рольникайте М.* Я должна рассказать // <http://www.libros.am/book/read/id/145721/slug/ya-dolzha-rasskazat>.

²⁴¹ См.: *Strebel B.* Op. cit. S. 216.

²⁴² Женщины Равенсбрюка. С. 50—51.

²⁴³ Цит. по: *Hrdlicka M.* Op. cit. S. 79.

²⁴⁴ *Мачульский В. Е.* В застенках Маутхаузена: Воспоминания узника концлагеря // <http://dspace.univer.kharkov.ua/handle/123456789/10875>. С. 12—13.

²⁴⁵ Цит. по: *Schafft G., Zeidler G.* Commemorating Hell. The Public Memory of Mittelbau-Dora. Urbana; Chicago; Springfield, IL: University of Illinois Press, 2011. P. 27—28.

²⁴⁶ *Рольникайте М.* Указ. соч.

²⁴⁷ Цит. по: *Malkin L.* Krueger's Men. The Secret Nazi Counterfeit Plot and the Prisoners of Block 19. Little, Brown and Company, 2006. P. 36.

²⁴⁸ См.: Ibid. P. 53.

²⁴⁹ Цит. по: *Аристов С. В.* Жизнь вопреки. С. 46.

²⁵⁰ Непобедимая сила слабых: Концентрационный лагерь Равенсбрюк в памяти и судьбе бывших заключенных. Воронеж: ВГПУ, 2008. С. 87.

²⁵¹ *Боровский Т.* Прощание с Марией // http://krotov.info/lib_sec/02_b/or/ovskiy_02.htm#2.

²⁵² Цит. по: *Sommer R.* Op. cit. S. 15.

²⁵³ Цит. по: *Schulz C.* Weibliche Häftlinge aus Ravensbrück in Bordellen der Männerkonzentrationslager // *Frauen in Konzentrationslagern: Bergen-Belsen, Ravensbrück*. S. 138.

²⁵⁴ Цит. по: Ibid. S. 138.

²⁵⁵ Женщины Равенсбрюка. С. 77.

²⁵⁶ *Sommer R.* Op. cit. S. 180.

²⁵⁷ См.: *Schulz C.* Op. cit. S. 144.

²⁵⁸ *Боровский Т.* Указ. соч.

²⁵⁹ См.: *Schulz C.* Op. cit. S. 144.

²⁶⁰ ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 106. Д. 2. Л. 12—13.

²⁶¹ Визель Э. Указ. соч. С. 67.

²⁶² Экхарт Л. Это было в Дахау // http://www.e-reading.club/bookreader.php/150936/Van_Ekhaut_-_Eto_bylo_v_Dahau.html.

²⁶³ Цит. по: *Coben E.* Human Behavior in the Concentration Camp. New York: W. W. Norton & Company, 1953. P. 61.

²⁶⁴ ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 106. Д. 2. Л. 13—14.

²⁶⁵ См.: Там же. Оп. 108. Д. 11. Л. 1, 13—14.

²⁶⁶ См.: Там же. Оп. 104. Д. 2. Л. 20.

²⁶⁷ Экхарт Л. Указ. соч.

²⁶⁸ См.: ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 104. Д. 1. Л. 515, 503, 489.

²⁶⁹ Там же. Оп. 115. Д. 12а. Л. 190.

²⁷⁰ Там же. Оп. 106. Д. 2. Л. 13.

²⁷¹ Цит. по: *Strebel B.* Op. cit. S. 263.

²⁷² Мюллер III. Указ. соч. С. 143.

²⁷³ См.: *Walz L.* *Erinnern an Ravensbrück.* Oranienburg: Stiftung Brandenburgische Gedenkstätten, 1998. S. 83; *Amesberger H., Auer K., Halbmayer B.* *Sexualisierte Gewalt. Weibliche Erfahrungen in NS-Konzentrationslagern.* Wien: Mandelbaum Verlag, 2007. S. 252.

²⁷⁴ См.: ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 104. Д. 7. Л. 255, 335.

²⁷⁵ Экхарт Л. Указ. соч.

²⁷⁶ См.: ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 115. Д. 12а. Л. 5; *Women in the Resistance and in the Holocaust. The voices of eyewitnesses.* London: Greenwood Press, 1983. P. 212.

²⁷⁷ Освенцим в глазах СС. С. 134—136.

²⁷⁸ Визель Э. Указ. соч. С. 57.

²⁷⁹ ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 107. Д. 8, Л. 308.

²⁸⁰ *Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under control Council Law. Vol. 1.* Washington: United States Government Printing Office, 1949. P. 39.

²⁸¹ Ibid. P. 143.

²⁸² См.: Ibid. P. 101.

²⁸³ См.: http://www.yadvashem.org/odot_pdf/Microsoft%20Word%20-%206643.pdf.

²⁸⁴ См.: *Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under control Council Law. Vol. 1.* P. 199.

²⁸⁵ См.: Ibid. P. 42—43.

²⁸⁶ См.: Ibid. P. 200; *Малаяк Г.* Указ. соч. С. 95—96.

²⁸⁷ См.: *Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under control Council Law. Vol. 1.* P. 201.

²⁸⁸ СС в действии. С. 369.

²⁸⁹ См.: *Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under control Council Law. Vol. 1.* P. 200.

²⁹⁰ См.: Ibid. P. 44.

²⁹¹ Ibid. P. 303.

²⁹² См.: *Dafalque R. J., Wright A. J.* The Puzzling Death of Reinhard Heydrich // *Bulletin of Anesthesia History.* 2009. Vol. 27. № 1. P. 4.

²⁹³ См.: *Martin D.* «Versuchskaninchen» — Opfer medizinischer Experimente // *Frauen in Konzentrationslagern: Bergen-Belsen, Ravensbrück*. S. 116.

²⁹⁴ См.: *Kiedrzyńska W.* Ravensbrück kobiecy oboz koncentracyjny. Warszawa: Książka i Wiedza, 1965. P. 466.

²⁹⁵ См.: Они победили смерть. М.: Политиздат, 1959. С. 124; ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 115. Д. 32.

²⁹⁶ См.: ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 115. Д. 12а. Л. 10.

²⁹⁷ См.: Schäfer S. Zum Selbstverständnis von Frauen im Konzentrationslager. Das Lager Ravensbrück: Dis. Dr. phil. Berlin: Technische Universität, 2002. S. 104—108.

²⁹⁸ См.: Zeittafel des Frauenkonzentrationslagers Ravensbrück // *Archiv Mahn- und Gedenkstätte Ravensbrück* (далее — *ARA*). Best. E. Buchmann. Bd. 10. B. 2. S. 19.

²⁹⁹ См.: ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 115. Д. 12а. Л. 11.

³⁰⁰ См.: BA. NS 19/1583. P. 40—42.

³⁰¹ См.: Ibid. P. 45; *Sehn J.* Carl Claubergs verbrecherische Unfruchtbarmachungs-Versuche an Häftlings-Frauen in den Nazi-Konzentrationslagern // *Hefte von Auschwitz*. 1959. № 2. S. 17—18.

³⁰² См.: *Strzelecka I.* Medizinische Experimente im KL Auschwitz // *Auschwitz. Nationalsozialistisches Vernichtungslager*. S. 133.

³⁰³ СС в действии. С. 388.

³⁰⁴ См.: ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 115. Д. 12а. Л. 8.

³⁰⁵ *Семпрун Х.* Указ. соч. С. 90.

³⁰⁶ См.: *Lifton R.* The Nazi Doctors: Medical Killing and the Psychology of Genocide // <http://www.holocaust-history.org/lifton/LiftonT348.shtml>.

³⁰⁷ Цит. по: Ibid.

³⁰⁸ См.: Ibid. // <http://www.holocaust-history.org/lifton/LiftonT349.shtml>.

³⁰⁹ См.: *Langbein H.* People in Auschwitz. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2004. P. 340.

³¹⁰ См.: *Nyiszli M.* Auschwitz: A Doctor's Eyewitness Account. New York: Arcade Publishing, 1993. P. 45—46.

³¹¹ См.: *Massin B.* Mengele, die Zwillingsforschung und die Auschwitz-Dahlem Connection // *Die Verbindung nach Auschwitz. Biowissenschaften und Menschenversuche an Kaiser-Wilhelm-Instituten: Dokumentation eines Symposiums* / Hrsg. C. Sachse. Göttingen: Wallstein, 2003. S. 236.

³¹² См.: ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 3784. Л. 8.

³¹³ Латвия под игом нацизма: Сборник архивных материалов. М.: Европа, 2006. С. 84—85.

³¹⁴ См.: Центральный архив ФСБ России. Н-18313. Т. 2. С. 134.

³¹⁵ См.: Там же. С. 371.

³¹⁶ См.: Там же. Т. 1. С. 203.

- ³¹⁷ См.: Там же. С. 205.
- ³¹⁸ Визель Э. Указ. соч. С. 61—62.
- ³¹⁹ Цит. по: *Ortb K.* Das System der nationalsozialistischen Konzentrationslager. S. 117.
- ³²⁰ Цит. по: *Фрай Н.* Указ. соч. С. 197.
- ³²¹ 1941 год: страна в огне: В 2 кн. Кн. 2. Документы и материалы. М.: Олма медиа групп, 2011. С. 65.
- ³²² USHMM. RG-06.025*02. Vol. 17. P. 78.
- ³²³ См.: *Aristov S.* Next to Babi Yar: The Syrets Concentration Camp and the Evolution of Nazi Terror in Kiev // *Holocaust and Genocide Studies*. 2015. № 29 (3). P. 437.
- ³²⁴ ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 104. Д. 8. Л. 10.
- ³²⁵ *Семпрун Х.* Указ. соч. С. 42.
- ³²⁶ Комендант Освенцима.
- ³²⁷ См.: *Кудряшов С.* Указ. соч. С. 167; *Кенрикс Д., Паксон Г.* Цыгане под свастики. М.: Текст, 2001. С. 132.
- ³²⁸ См.: *Кенрикс Д., Паксон Г.* Указ. соч. С. 187.
- ³²⁹ Подробнее см.: *Sandkühler T.* Endlösung in Galizien. Der Judenmord in Ostpolen und die Rettungsinitiativen von Berthold Beitz 1941—1944. Bonn: Dietz, 1996. S. 225—228.
- ³³⁰ USHMM. RG-31.018M. Reel № 60. P. 35—37 (протокол допроса обвиняемого Скорохода Н. Н.).
- ³³¹ Лагерь смерти Тростенец: Документы и материалы. Мн.: НАРБ, 2003. С. 183.
- ³³² ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 108. Д. 14. Л. 23.
- ³³³ Там же. Л. 24.
- ³³⁴ Подробнее см.: *Полян П. М.* Свитки из пепла. С. 177—346.
- ³³⁵ См.: *Weinzierl E.* Österreichische Frauen in nationalsozialistischen Konzentrationslagern // *Dachauer Hefte*. 1993. № 3. S. 178.
- ³³⁶ Женщины Равенсбрюка. С. 102.
- ³³⁷ *Экхарт Л.* Указ. соч.
- ³³⁸ Цит. по: *Аристов С. В.* Люди доброй воли. С. 119.
- ³³⁹ *Живульская К.* Я пережила Освенцим // http://militera.lib.ru/memo/other/zywulska_k01/text.html#t3.
- ³⁴⁰ См.: *Трубаков З.* Указ. соч.
- ³⁴¹ См.: ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 104. Д. 7. Л. 305, 335.
- ³⁴² Там же. Оп. 108. Д. 2. Л. 3.
- ³⁴³ *Живульская К.* Указ. соч. // http://militera.lib.ru/memo/other/zywulska_k01/text.html#t17.
- ³⁴⁴ См.: *Kogon E.* Der SS-Staat. Das System der deutschen Konzentrationslager. München: Wilhelm Heyne Verlag, 1998. S. 148.
- ³⁴⁵ *Боровский Т.* Указ. соч.
- ³⁴⁶ *Kogon E.* Der SS-Staat. S. 148.
- ³⁴⁷ *Боровский Т.* Указ. соч.
- ³⁴⁸ См.: *Kogon E.* Der SS-Staat. S. 151.

³⁴⁹ Фритц М. Ад. 565 дней в Освенциме-Биркенау // http://militera.lib.ru/memo/other/fritz_m/02.html.

³⁵⁰ Ральникайте М. Указ. соч.

³⁵¹ Цит. по: Hrdlicka M. Op. cit. S. 76.

³⁵² См., например: Сокова А. Н. Мои воспоминания // Архив военно-медицинских документов Военно-медицинского музея МО РФ. ОФ-68287. С. 12.

³⁵³ См.: Jaiser C. Poetische Zeugnisse. Stuttgart; Weimar: J. B. Metzler, 2000. S. 199.

³⁵⁴ См.: Сокова А. Н. Указ. соч. С. 13.

³⁵⁵ См.: Knapp G. Frauenstimmen: Musikerinnen erinnern an Ravensbrück. Berlin: Metropol, 2003. S. 85.

³⁵⁶ Цит. по: Europa v Boji // Archiwum Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau (Oświęcim). Syg. D. Rav. /4.

³⁵⁷ См.: Они победили смерть. С. 98.

³⁵⁸ См.: Харламова Н. Ф. От Севастополя до концлагеря Бельзена // Архив военно-медицинских документов Военно-медицинского музея МО РФ. ОФ-58222. С. 29.

³⁵⁹ Мюллер Ш. Указ. соч. С. 34—35.

³⁶⁰ См.: Харламова Н. Ф. Указ. соч. С. 111.

³⁶¹ См.: Pawelczyńska A. Werte gegen Gewalt. Betrachtungen einer Soziologin über Auschwitz. Oświęcim: Staatlichen Museums Auschwitz-Birkenau, 2001. S. 229—335.

³⁶² См.: Strebel B. Die «Lagergesellschaft». Aspekte der Häftlingshierarchie und Gruppenbildung in Ravensbrück // Frauen in Konzentrationslagern: Bergen-Belsen, Ravensbrück. S. 83.

³⁶³ См.: Kiederzynska W. Op. cit. P. 468.

³⁶⁴ См.: Strebel B. Das KZ Ravensbrück.. S. 551.

³⁶⁵ См.: Kiederzynska W. Op. cit. P. 468.

³⁶⁶ См.: Strebel B. Das KZ Ravensbrück.. S. 548.

³⁶⁷ Маляк Г. Указ. соч. Т. 1. С. 90—91.

³⁶⁸ Визель Э. Указ. соч. С. 58—59.

³⁶⁹ Боом К. Убежище. М.: Свет на Востоке, 1991. С. 204.

³⁷⁰ См., например: Муратова Л. С. Несломленные. Ростов-н/Д.: Первая типография АРО, 2008. С. 166.

³⁷¹ Голоса: Воспоминания узниц гитлеровских лагерей. М.: Возвращение, 1994. С. 74.

³⁷² Мать Мария: стихотворения, поэмы, мистерии, воспоминания об аресте и лагере Равенсбрюк. Paris: La Presse Française et Etrangère Oreste Zeluck, 1947. P. 1.

³⁷³ См.: Реализм святости. СПб.: Проспект, 2000. С. 16.

³⁷⁴ См.: Антоний (Сурожский), митр. Труды. М.: Практика, 2002. С. 945.

³⁷⁵ См.: Tillion G. Frauenkonzentrationslager Ravensbrück. Lüneburg: zu Klampen, 1998. S. 185—186.

³⁷⁶ См.: Они победили смерть. С. 100—105.

³⁷⁷ См.: ARa. Best. E. Buchmann. Bd. 25. B. 332. S. 3.

³⁷⁸ См.: Hesse H., Harder J. «...Und wenn ich lebenslang in

einem KZ bleiben müsste...»: Die Zeuginnen Jehovas in den Frauenkonzentrationslagern Moringen, Lichtenburg und Ravensbrück. Essen: Klartext-Verlag, 2001. S. 147—151.

³⁷⁹ Семтрун Х. Указ. соч. С. 33.

³⁸⁰ См.: ДАКО. Ф. Р-4. Оп. 2. Д. 85. Л. 181—182.

³⁸¹ См.: ГДА СБУ. Ф. 7. Оп. 8. Д. 1. Л. 221.

³⁸² Цит. по: Кальтенбруннер М. «Операция Кутель» и «охота на зайцев» в окрестностях Мюльфиртель // СССР во Второй мировой войне: Оккупация. Холокост. Сталинизм. М.: РОССПЭН, 2014. С. 168.

³⁸³ См.: Garbe D. Selbstbehauptung und Widerstand // Der Ort des Terrors. Bd. 1. S. 242—257.

³⁸⁴ Приговоренные нацизмом. С. 282.

³⁸⁵ См.: Полян П. М. Свитки из пепла. С. 136.

³⁸⁶ Цит. по: Там же. С. 459.

³⁸⁷ См.: Blatman D. Op. cit. S. 297—298.

³⁸⁸ ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 104. Д. 8. Л. 4—5.

³⁸⁹ Визель Э. Указ. соч. С. 72.

³⁹⁰ См.: Blatman D. Op. cit. S. 306.

³⁹¹ Цит. по: Аристов С. В. Люди доброй воли. С. 32.

³⁹² Цит. по: Abzug R., Wetzel J. Die Befreiung // Der Ort des Terrors. Bd. 1. S. 313.

³⁹³ Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 343. Л. 110.

³⁹⁴ ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 108. Д. 10. Л. 46—52.

³⁹⁵ Там же. Л. 71—73.

³⁹⁶ Цит. по: Abzug R., Wetzel J. Die Op. cit. S. 316.

³⁹⁷ См.: Chronologie der Befreiung // <http://www.buchenwald.de/en/466>.

³⁹⁸ Цит. по: Abzug R., Wetzel J. Op. cit. S. 320.

³⁹⁹ См.: Zarusky J. «That is not the American Way of Fighting»: The Shooting of Captured SS-Men during the Liberation of Gacau // Dachau and the Nazi Terror (1933—1945) / Ed. By W. Benz, B. Distel. Vol. 2. Dachau: Verlag Dachauer Hefte, 2002. S. 133—161.

⁴⁰⁰ Кертес И. Указ. соч. // http://www.dolit.net/author/8887/ebook/32735/kertes_imre/bez_sudby/read/16.

⁴⁰¹ Цит. по: Аристов С. В. Люди доброй воли. С. 34.

⁴⁰² Цит. по: Там же. С. 109—110.

⁴⁰³ Визель Э. Указ. соч. С. 93—94.

*Соотношение полицейских, эсэсовских
и армейских чинов в Третьем рейхе**

СС	Охранная полиция (Schutzpolizei)	Уголовная полиция (Kriminal- polizei – KRIPO)	Армия
Рейхсфюрер СС и шеф германской полиции (SS-Reichsführer und Chef der Deutsche Polizei)			генерал- фельдмаршал (General- feldmarschall)
с 7.04.1942 — оберстгруппен- фюрер СС (SS- Oberstgrup- penführer)	генерал- полковник (General- oberst)		генерал- полковник Generaloberst
обергруппен- фюрер СС (SS- Obergruppen- führer)	генерал поли- ции (General der Polizei)		генерал рода войск (General)
группенфюрер СС (SS-Gruppen- führer)	генерал-лейте- нант (General- leutnant)		генерал-лейте- нант (General- leutnant)
с 19.05.1933 — бригадефюрер СС (SS- Brigadeführer)	генерал-майор (Generalmajor)		генерал-майор (General- major)
оберфюрер СС (SS-Oberführer)			
штандартен- фюрер СС (SS-Standarten- führer)	полковник (Oberst)	имперский криминальный директор (Reichs- kriminal- direktor)	полковник (Oberst)

* Таблица составлена К. Залесским.

с 19.05.1933 — оберштурмбанн- фюрер СС (SS- Obersturmbann- führer)	подполковник (Oberstleut- nant)	старший правитель- ственный и криминаль- ный советник (Oberregie- rungs- und Kriminalrat)	подполковник (Oberstleut- nant)
штурмбаннфю- рер СС (SS- Sturm- bannführer)	майор (Major)	правитель- ственный и криминальный советник (Regie- rungs- und Kriminal- rat)	майор (Major)
19.05.1933— 15.10.1934 — штурмгауптфю- рер СС (SS-Sturmhaupt- führer); с 15.10.1934 — гауптштурм- фюрер СС (SS-Hauptsturm- führer)	капитан (Hauptmann)	криминальный советник (Kriminalrat)	капитан (Hauptmann)
с 19.05.1933 — оберштурмфю- рер СС (SS- Ober- sturmführer)	обер-лейтенант (Oberleutnant)	криминаль- ный комиссар, криминальный инспектор (Kriminal- kommissar, Kriminal- inspektor)	обер-лейте- нант (Oberleut- nant)
штурмфюрер СС (SS- Sturmführer); с 15.10.1934 — унтерштурм- фюрер СС (SS-Untersturm- führer)	лейтенант (Leutnant)	криминальный секретарь (Kriminal- sekretär)	лейтенант (Leutnant)

штурмшарфюрер СС (SS-Sturmscharführer)			старший штабс-фельдфебель (Stabsoberfeldwebel)
			старший прапорщик Oberfähnrich
19.05.1933—15.10.1934 — оберtrupпшарфюрер СС (SS-Obertruppführer); 15.10.1934—01.1938 — штабс-шарфюрер СС (SS-Stabsscharführer); с 01.1938 — гауптшарфюрер СС (SS-Hauptscharführer)			старший фельдфебель (Oberfeldwebel)
trupпшарфюрер СС (SS-Truppführer); с 15.10.1934 — обершарфюрер СС (SS-Oberscharführer)	мастер (Meister)		фельдфебель (Feldwebel)
			прапорщик (Fähnrich)
19.5.1933—15.10.1934 — обершарфюрер СС (SS-Oberscharführer); с 15.10.1934 —	главный вахмистр (Hauptwachmeister)		младший фельдфебель (Unterfeldwebel)

шарфюрер СС (SS-Scharführer) (Hauptwachmeister)			
шарфюрер СС (SS-Scharführer); с 15.10.1934 — унтершарфюрер СС (SS-Unterscharführer)	взводный вахмистр (Zugwachmeister)		унтер-офицер (Unteroffizier)
			штабс-ефрейтор, главный ефрейтор (Stabsgefreiter, Hauptgefreiter)
	старший вахмистр (Oberwachmeister)		старший ефрейтор (Obergefreiter)
с 19.05.1933 — ротенфюрер СС (SS-Rottenführer)	вахмистр (Wachmeister)		ефрейтор (Gefreiter)
с 19.05.1933 — штурмманн СС (SS-Sturmmann)	отделенный вахмистр (Rottwachmeister)		
эсэсовец (SS-Mann; с 15.10.1934 — SS-Staffelmann)	младший вахмистр (Unterwachmeister)		старший солдат (Obersoldat)
кандидат СС (15.10.1934— 31.05.1936 — SS-Anwärter; с 31.05.1936 — SS-Staffelanwärter)			солдат (Soldat)

кандидат СС (15.10.1934— 31.05.1936 — . SS-Bewerber; с 31.05.1936 — SS-Staffelbewer- ber)			
---	--	--	--

БИБЛИОГРАФИЯ

Аристов С. В. Жизнь вопреки: Стратегии выживания нацистского женского концентрационного лагеря Равенсбрюк (1939—1945 гг.). М.: Ваш домЪ, 2012.

Боровский Т. Прощание с Марией. М.: Художественная литература, 1989.

Визель Э. Ночь. Рассвет. День: Трилогия. М.: ОЛИМП—ППП, 1993.

Женщины Равенсбрюка / Под ред. Э. Бухман. М.: Иностранная литература, 1960.

Живульская К. Я пережила Освенцим. М.: Иностранная литература, 1960.

Кертес И. Без судьбы. М.: Текст, 2007.

Котек Ж., Ригуло П. Век лагерей: лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний. М.: Текст, 2003.

Лагерь смерти Тростенец: Документы и материалы. Минск: НАРБ, 2003.

Леви П. Канувшие и спасенные. М.: Новое издательство, 2010.

Леви П. Человек ли это? М.: Текст, 2001.

Маяк Г. Клехи в лагерях смерти. М., 2007.

Неизвестная «Черная книга»: Материалы к «Черной книге» / Под ред. В. Гроссмана и И. Эренбурга; сост. И. А. Альтман. М.: Corpus, АСТ, 2015.

Освенцим в глазах СС. Освенцим: Издательство государственного музея в Освенциме, 1979.

Полян П. М. Свитки из пепла. М.: АСТ, 2015.

Рольникайте М. Я должна рассказать. М.: Советский писатель, 1988.

Семпрун Х. Долгий путь. М.: Известия, 1989.

Сруога Б. Лес богов. Каунас: Швиеса, 1989.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

Фриш М., Юрза Г. Да здравствует жизнь. М.: Политиздат, 1988.

Экхаут Л. Это было в Дахау. М.: Прогресс, 1976.

Ворота концлагеря Бухенвальд с девизом «Каждому свое».
Апрель 1945 г.

Комендант
Бухенвальда
Карл Кох у своей
виллы. 1940 г.

Комендант
Аушвица Рудольф
Хёсс (в центре)
на открытии
госпиталя СС
в подчиненном ему
лагере. 1944 г.

Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер пожимает руку коменданту Яновского лагеря Фридриху Варцоку. 1942 г.

Эсэсовцы празднуют Рождество в концлагере Дахау. 1939 г.

Хоровое пение. 1944 г.

Беззаботный отдых персонала Аушвица на даче СС в Солахютте. 1944 г.

Вилла коменданта концлагеря Плашов Амона Гёта. 1943—1944 гг.

Вилла Карла Коха в Бухенвальде. 1938 г.

Интерьеры виллы Коха. 1938 г.

Новый комендант Аушвица Рихард Байер в охотничьем домике, 1944 г.

Рихард Байер с «ангелом смерти» доктором Йозефом Менгеле и своим предшественником на посту коменданта Аушвица Рудольфом Хёссом. 1944 г.

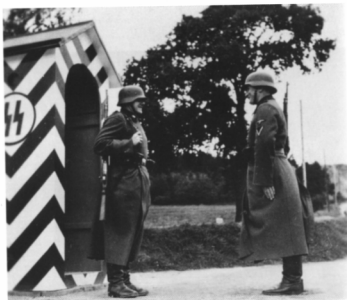
Врачи Аушвица на отдыхе. 1944 г.

Охрана Аушвица на стрельбище. 1944 г.

Караул в концлагере Гросс-Розен. Между 1941 и 1944 гг.

Вахманны Бухенвальда в своем бараке. 1940 г.

Надзирательница Ирма Гресе, арестованная после освобождения Берген-Бельзена. 1945 г.

Рудольф Хёсс (в центре) перед отправкой на суд в Польшу. 1946 г.

Бывший комендант филиала Дахау Иоганн Айхельсдорфер среди убитых узников. 1945 г.

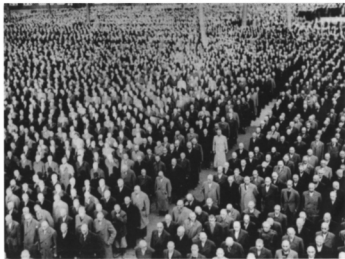

Узники на строительстве «русского лагеря» в Маутхаузене. 1942 г.

Сортировка узников по прибытии в Аушвиц-Биркенау. 1944 г.

Аппель в Бухенвальде. Ноябрь 1938 г.

Баракы концлагеря Дахау. 1945 г.

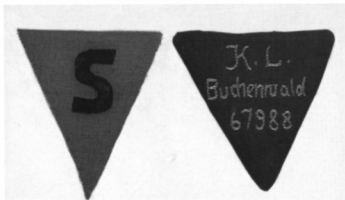
Женский барак в концлагере Аушвиц-Биркенау. 1945 г.

Роба узницы
концлагеря

Нашивки-винкеля
«политического»
и «криминального»
заключенных

Лагерные деньги концлагерей Ораниенбург (вверху)
и Дора-Миттельбау

Узники на строительстве Бухенвальда. 1938 г.

В каменоломне Маутхаузена. 1942 г.

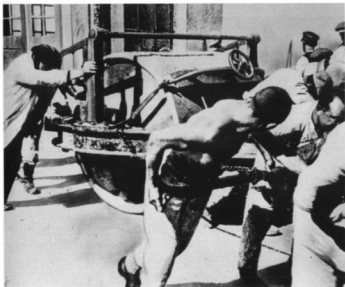

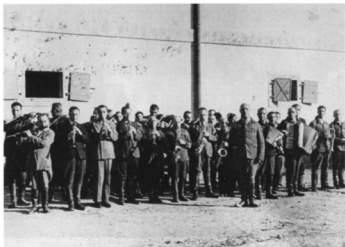

Заклученные, работающие на кухне Бухенвальда. *Апрель—май 1945 г.*

Узники-евреи, впряженные в дорожный каток в Дахау. 1933 г.

Лагерный оркестр Яновского концлагеря. *Между 1941 и 1943 гг.*

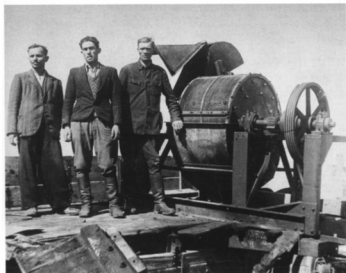
Одно из помещений борделя в Бухенвальде

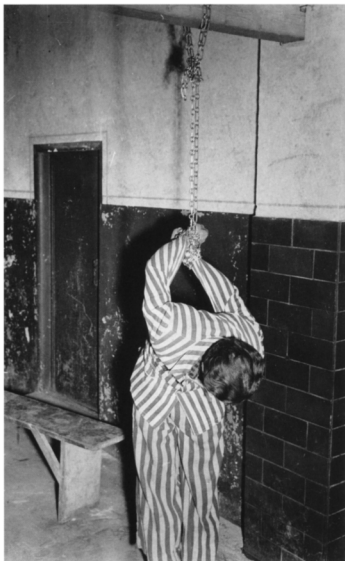

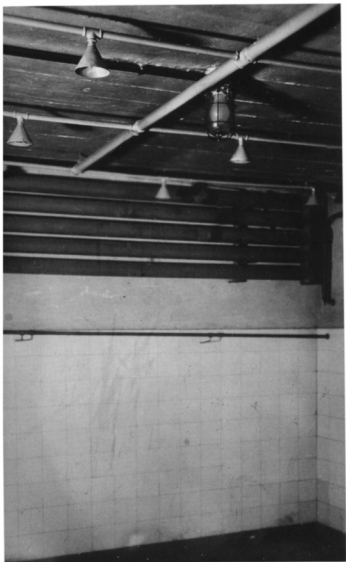
Узники Аушвица сортируют обувь уничтоженных венгерских евреев. 1944 г.

Заклученные Яновского лагеря рядом с машиной для дробления человеческих костей. 1943 г.

После освобождения концлагеря Дахау узник демонстрирует следователям один из способов пыток, применявшихся эсэсовцами. 1945 г.

Газовая камера Маутхаузена. 1945 г.

Банка газа
«Циклон Б»

Оставшийся
в живых узник тушит
печь крематория
с останками людей.
1945 г.

Узница Берген-Бельзена после освобождения. 1945 г.

Пепел из крематория Бухенвальда. 1945 г.

Марш смерти. Рисунок Д. Фридмана. 1947 г.

Выживший узник спит рядом с телами погибших в Берген-Бельзене. 1945 г.

Освобожденные заключенные у ворот Аушвица. 1945 г.

Узник Маутхаузена проходит мимо тела лагерного охранника. 1945 г.

«Газация». Рисунок Д. Олера. Вторая половина 1940-х гг.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	6
<i>Глава первая. СИСТЕМА НАЦИСТСКИХ КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЕЙ: ОТ ЗАРОЖДЕНИЯ ДО КРАХА.</i>	12
Концентрационные лагеря до Второй мировой войны (1933—1938).....	12
Концентрационные лагеря во время войны (1939—1945).....	22
<i>Глава вторая. ОРГАНИЗАЦИИ И РУКОВОДИТЕЛИ «ИМПЕРИИ СМЕРТИ»</i>	32
Теодор Эйке, Рихард Глюкс и Инспекция концентрационных лагерей	32
Освальд Поль и Главное административно- хозяйственное управление СС	43
Рейнгардт Гейдрих и Главное управление имперской безопасности	52
<i>Глава третья. МИР СС И ИХ СООБЩНИКОВ.</i>	62
Структура управления концентрационным лагерем	62
Быт офицеров	68
Лагерные коменданты	79
Надзирательницы	97
Охранные отряды и коллаборационисты	107
<i>Глава четвертая. МИР УЗНИКОВ</i>	126
Категории заключенных	126
Пространство	136
Быт заключенных	143
«Самоуправление»	170
Рабский труд	176
Бордели	185
Больница	193
<i>Глава пятая. НАСИЛИЕ И УНИЧТОЖЕНИЕ</i>	204
Повседневный террор	204
Псевдомедицинские эксперименты	212
Программа «14f13»	228
Убийства «политических комиссаров»	234
Уничтожение по расовым мотивам	239
<i>Глава шестая. БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ И СОПРОТИВЛЕНИЕ</i>	248
Выживание вопреки	248
Культура в концлагере	254
Открытая борьба с системой	271

<i>Глава седьмая. ДОРОГА ДОМОЙ</i>	281
Эвакуация.....	281
Освобождение	285
<i>Послесловие</i>	294
Примечания	297
Приложение	312
Библиография.....	317

- Аристов С. В.**
А 81 Повседневная жизнь нацистских концентрационных лагерей / Станислав Аристов. — М.: Молодая гвардия, 2017. — 319[1] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 978-5-235-03936-0

«Лагерю пришел конец, но нет конца их мукам, и смерти тоже нет конца. Глядя на исхудалые тела мертвецов с торчащими ребрами и впалой грудью, на груды трупов во дворе крематория высотой в добрых четыре метра, я думал: вот они, мои братья. И еще я думал: надо было узнать их муки, как узнали их мы, оставшиеся в живых, чтобы теперь по-братски поклониться им...»

Автор книги историк-исследователь Станислав Аристов впервые в отечественной и зарубежной историографии обратился к рассмотрению повседневности нацистских концентрационных лагерей Третьего рейха и оккупированной территории Советского Союза. Наряду с повседневным миром узников в издании представлен мир лагерной администрации и охраны, а также те институты и персоны, которые руководили всей системой.

**УДК 94(4)“1939/1945”
ББК 63.3(0)532,7**